

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Ливонская война и опричнина

*Как принималось решение
о войне с Речью Посполитой в середине XVII в.*

Присоединение Северной Монголии к России

*Российская власть и дагестанские князья
накануне Каспийского похода Петра I*

*Ревизия сенатора Ф.П. Ключарёва
и проекты преобразования местного управления*

Губернатор-правовед в Сибири

Столыпинская реформа в Калужской губернии

Власти империи и население Туркестана

Мусульмане в советском Петрограде

*Советский Союз, Лига Наций
и международный терроризм в 1930-е гг.*

*Товары в рассрочку:
потребительское кредитование советского времени*

Кооперативы в годы перестройки

МОСКВА
НАУКА

1

январь
февраль
2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.А. Христофоров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**В.В. Алексеев, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, В.Н. Плешков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции:

117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики

Константин Ерусалимский

**Moscow-Lithuanian War of 1562–1566 and the establishment of *oprichnina*:
problems of demography and land policy**

Konstantin Erusalimskiy (Russian State University for the Humanities, Moscow)

Демографическое измерение опричной политики в Российском государстве в историографии обыкновенно ограничивается подсчётом жертв репрессий, убытков в освоении земель и картографированием опричной территории¹. Исследователи неоднократно обращались к смежной проблеме военных потерь, плена и эмиграции в 1560-е гг., однако подсчёты и концептуальные построения в этой области носят гипотетический характер. В дискуссиях об опричнине Ливонская война и один из её «фронтов» – противостояние между Россией и Великим княжеством Литовским, а позднее Речью Посполитой, служит, как правило, фоном для интерпретации. В данной работе я попытаюсь рассмотреть события Ливонской войны и прежде всего военные катастрофы предопричных лет и их последствия – как фактор в репрессивной политике начала 1560-х гг. и в первые годы опричнины. Подобный взгляд уже неоднократно намечался в исследованиях. В частности, А.Л. Хорошкевич отмечала, что мобилизационная политика повлияла на обе воюющие стороны, но если Сигизмунду II Августу приходилось оправдываться перед литовским канцлером Миколаем Радзивиллом-Чёрным и шляхтой за свою медлительность и пассивность, обернувшуюся потерей Полоцка и Озерища, то «царь видел причины поражений и неэффективности военных усилий в “изменах” бояр, действительно не желавших воевать»².

Московские по происхождению источники не противоречат такой точке зрения, хотя крайне бедно представляют круг обвиняемых в крамоле, служебном саботаже, дезертирстве и эмиграции в первой половине 1560-х гг. Так

2017 г. К.Ю. Ерусалимский

Работа закончена при поддержке фондов Międzynarodowe centrum kultury (программа «Thesaurus Poloniae») и Alexander von Humboldt Stiftung (руководитель с германской стороны – проф. М. Ниндорф). За ценные ремарки к популярной сетевой версии ряда представленных в данной статье положений благодарю И. Гралю, О.А. Курбатова, А.Н. Лобина, В.В. Пенского, С.Ю. Шокарева.

¹Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 238–265; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 149–217; Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 192–220; Назаров В.Д. Приложение // Там же. С. 413–431; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2009. С. 211–220; Курукин И.В., Булычёв А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 55–88.

²Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 416.

называемый указ о введении опричнины, занесённый в официальную летопись под 3 января 1565 г., обличает «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей», а в качестве одного из важнейших преступлений в переписке названо нежелание «от недругов его от крымского и от литовского и от немец... крестьянства обороняти» и то, что воеводы и служилые люди «сами от службы учали удалятися и за православных крестьян кровопролитие против безсермен и против латын и немец стояти не похотели»³. Опричнина должна была, следуя этой логике, остановить разграбление казны и заставить служилых людей исполнять свой государственный долг. Нельзя не отметить нотки паранойи в летописном тексте, который как будто вслед за Первым посланием Ивана Грозного Андрею Курбскому обвиняет правящий класс в государственной измене, грабежах и бесконтрольном стяжательстве.

Первое послание Грозного кн. Курбскому, отвечающее на его обвинения в незаконных преследованиях, казнях и тайных убийствах советников и воевод, ещё за полгода до «подъёма» царя и выезда из Москвы говорило о том же: с детских лет великого князя поучали и наставляли, не позволяя самовластно править, воеводы «повсегда» воевали из рук вон плохо, а ныне такие холопы, как Курбский, вместо «прямой и доброхотной службы» принялись ещё и «поношати и укаряти»⁴. Царь обратился к «изменнику»-эмигранту, адресуя своё послание также «во все городы» или «во все его Великия России государство на крестопреступников». Обратная дорога на царскую службу для таких, как Курбский, была закрыта⁵.

Какое-то распространение послание Ивана Грозного в России, возможно на первых порах неширокое, должно было происходить, тем более что во владениях Сигизмунда II Августа его сочинения встречали в то же время публичный отпор в окружении короля, придворных и шляхты⁶. Изменники, находившиеся как за границей, так и в пределах страны, лишались, согласно эпистоле царя Ивана, не только государевой милости, но и спасения души, семьи, имущества, прошлого. Складывался своеобразный пантеон «изменников», в котором начальные страницы открывали бесноватые кн. С.Ф. Бельский и И.В. Ляцкой, продолжили их разрушительное дело «злые советники» А.Ф. Адашев и Сильвестр и такие одиночки, как «изменник старый» кн. С.В. Звяга-Ростовский, а завершали сам Курбский и расстрига Т.И. Тетерин⁷.

Неустойчивое равновесие при дворе в момент составления Первого послания царя характеризуется тем, что, к примеру, Владимир Старицкий фигурировал в замыслах «злых советников», но сам лично в послании царя в измене не обвинялся. Избирательны и ссылки на других предателей. Например, не упомянуты кн. И.Д. Губка-Шуйский, выехавший на службу Сигизмунда I Старого вскоре после Бельского и Ляцкого или одновременно с ними, В.С. Заболоцкий и другие эмигранты 1550-х гг., сыновья Василия Сарыхозина,

³ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 392.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 16, 37.

⁵ Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 221–222; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 194–196; Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 365–382.

⁶ Janicki M.A. Tłumaczenie listu Iwana Groźnego do Zygmunta Augusta i jego rola w agitacji przed sejmem warszawskim 1563 r. // Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych między władzą a społeczeństwem. Materiały konferencji naukowej. Kraków, 14 kwietnia 2004. Kraków, 2006. Cz. 2. S. 73–86.

⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 17, 27, 32.

бежавшие, видимо, одновременно с Тетериным. В письме нет ни слова об «измене» И.В. Большого-Шереметева и И.М. Висковатого.

Традиционно скупо свидетельствуют о росте подозрительности, репрессий и эмиграции при московском дворе в начале 1560-х гг. публичные источники — летописи, разрядные книги, родословцы и синодики. Они позволяют поднять вопрос о периодизации репрессивной политики. Ещё один ценный источник — поручные записи по придворным 1560-х — начала 1570-х гг. — отразили динамичную картину вспыхнувших в начале 1560-х гг. и стремительно нараставших запретов «отъезда» и заграничных контактов⁸. В крестоцеловальных грамотах того времени важнейшее обязательство придворного — «не отъехать» «в Литву или в Крым, или в ыные в которые государства, или в уделы, или инде где ни буди». В отношении будущих опричников кн. И.П. Охлябинина и З.И. Очина-Плещеева, возможно, при их вступлении в опричнину, использовалась санкция «ни в чернцы не постричися». Бежать от царя нельзя было никуда, служилый человек обязан служить и ждать милости или казни. Впрочем, бояре начала 1560-х гг. и земские лидеры в годы опричнины известных ныне крестоцеловальных обязательств не уходить из мира на себя не брали. После нашествия войска Девлет-Гирея на Москву в мае 1571 г. поручительства расширились санкциями, карающими «наведение» иноземных войск и тайную переписку («ссылку») с «государя с которыми ни буди»⁹.

Впрочем, московские источники (включая и «записки иностранцев»), на которых в основном строились выводы о причинах репрессивной политики царя Ивана, неполны, а в ряде вопросов тенденциозны. Источники польско-литовского происхождения, на которые, главным образом, опирается эта работа, открывают «другую войну» и иное её восприятие, молчаливо подавленное и почти не отразившееся в официальных дискурсах Российского государства, актовых источниках и записках иностранцев на русской службе. Сосредоточим внимание на записях о пожаловании шляхтичей из Литовской метрики, реестрах выплат Королевской казны, реляциях о боевых действиях и пленении московитов, переписке магнатов Великого княжества Литовского. Отдельные сведения о воинах-москвитях содержатся в актовых книгах региональных шляхетских судов. Эти источники не складываются в целостную и непротиворечивую картину, однако позволяют полнее представить масштабы постигшей Российское государство демографической катастрофы в канун и в первые годы опричнины. Попытаемся ответить и на ключевой вопрос — какова связь между введением опричнины и военными событиями 1561–1564 гг.

Начало войны за Ливонию привело к эскалации антипольских и антилитовских настроений в России. О масштабе этих событий говорят лишь часто неясные упоминания в источниках. Кажется уже вполне обоснованной гипотеза о противостоянии антикрымской и антиливонской «концепций» внешней политики в конце 1550-х гг. Падение Избранной рады было вызвано победой, в первую очередь, ксенофобии в отношении Короны и Литвы, которые всё больше ассоциировались с религиозной толерантностью, а иначе

⁸ Dewey Y.W. *Political poruka in Muscovite Rus'* // *Russian Review*. 1987. Vol. 46. № 1. P. 117–133; Rustemeyer A. *Dissens und Ehre: Majestätsverbrechen in Russland (1600–1800)*. Wiesbaden, 2006. S. 122–169.

⁹ Антонов А.В. Поручные записи 1527–1571 годов // *Русский дипломатический архив* (далее — РДА). Вып. 10. М., 2004. С. 15, 18, 22, 25, 30, 33, 38, 43, 50, 54, 56, 57, 60, 65, 69.

говоря — вероотступничеством¹⁰. Страх уступить власть сторонникам польского короля, оказаться под его властью или уступить ему спорные земли был присущ и царю, и его ближайшему окружению. Уже во время Ливонской войны польско-литовская сторона использовала подозрительность царя для дестабилизации высшего управления и пограничных администраций, рассылая письма с призывами перейти на сторону Сигизмунда II¹¹. В синодиках времён Ливонских войн XVI в. отношение к «литвинам» было выражено безапелляционными формулами «с нечестивою литвою», «в нахождение безбожного Стефана короля литовского»¹² и т.п.

С 1561—1562 гг. в российском политическом дискурсе появилось нечто новое: в официальной летописи и посольских речах встречаются прямые обвинения ближайших советников царя в государственной измене. Ещё за год до того подобной «чести» не удостоились А.Ф. Адашев и его сторонники, попавшие в опалу тайно и, согласно «Истории» кн. А.М. Курбского, осуждённые заочно на закрытом совещании. Прямые обвинения в предательстве прозвучали в адрес главы Боярской думы кн. И.Д. Бельского, кн. А.И. Воротынского, кн. В.М. Глинского. Кн. Бельскому, а возможно, кому-то ещё из высших советников царя была прислана грамота от короля Сигизмунда II Августа с приглашением перейти к нему на службу. Летопись объявила, что в январе 1562 г. боярина уличили в измене: он преступил крестное целование «и клятвенную свою грамоту» и «хотел бежати в Литву и опасную грамоту у короля взял». С князем будто бы хотели бежать дети боярские Б.П. Губин, И.Я. Измайлов и стрелецкий голова Митька Елсуфьев. О Елсуфьеве добавлено: «тот ему и дорогу на Белую выписывал». Бельский был посажен под стражу на Угрешском дворе, а его имущество временно опечатали. Елсуфьева лишили языка «за то, что князя Ивана подговаривал в Литву бежати»¹³.

Измайлова и Посникова казнили торговой казнью и сослали в Галич. Основным виновником был объявлен стрелецкий голова. Речь идёт, видимо, о бежецком вотчиннике Д.И. Поздыкове-Олсуфьеве¹⁴. Неясна связь между этими событиями и появлением Губиных и Измайловых в Короне и Литве. Измайловы, как и Олсуфьевы, добились при царе Иване немалых успехов на военном поприще. Отец Ивана Яков Никитич был сослуживцем кн. А.М. Курбского в августе 1550 г., а незадолго до следствия по делу кн. И.Д. Бельского служил на Рязани осадным головой вместе с Г.П. Денисьевым¹⁵. О. Бахтияр-Измайлов, родич Ивана Яковлевича, упомянутый на королевской службе впервые в 1569 г., занимал вплоть до последних лет правления короля Стефана Батория

¹⁰ Bogatyrev S. Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450—1917. Leiden et al., 2002. P. 325—363; *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 15—234.

¹¹ Факты ненависти к выходцам из Короны и Литвы в первые годы Ливонской войны отмечены Курбским: *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 136, 138.

¹² Памятники истории русского служилого сословия (далее — ПИРСС). М., 2011. С. 191, 203.

¹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 339—340.

¹⁴ Его сын Владимир продал деревню отца Медведево в Антоновском стане Бежецкого Верха своему дяде И.С. Олсуфьеву в 1573/74 г. К тому времени Д. Олсуфьева, т.е. Митьки Елсуфьева, уже не было, видимо, в живых. См.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). Т. 2. М., 1998. С. 293. По неясным причинам Р.Г. Скрынников называет «Митьку Елсуфьева» Н.В. Елсуфьевым (*Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 149).

¹⁵ АСЗ. Т. 1. М., 1997. С. 74—75. О Денисьевых-Булгаковых см.: *Курбский А.М.* Указ. соч. С. 762—763.

высокое положение среди московитов-эмигрантов. Если Б.П. Губин идентичен суздальскому помещику Б.О. Губину, то выходит, он пережил опричнину и в июне 1581 г. был пожалован деревнями и пустошами в Суздальском уезде¹⁶. Один из Губиных, Иван, оказался в польско-литовском плену после битвы на р. Уле 26 января 1564 г.

Царь ограничился клятвами в верности и крестоцеловальной поручной грамотой по кн. И.Д. Бельскому (20 марта 1562 г.). В Москве готовились к Литовской войне, и демонстративное устрашение Боярской думы и верхушки командования накануне истечения перемирия (25 марта 1562 г.) создавало атмосферу «чрезвычайщины», в которой преследовались любые отклонения от планов царя. Его враги находились при этом чаще среди бояр «литовского» происхождения — вся тяжесть клятвенных обязательств легла на князей Бельских, Воротынских, Глинских, Мстиславских.

Ливонская война открыла всем сторонам конфликта обильные источники плена, который быстро эволюционировал в плен-зачинничество, меняя характер самой войны. Российскому обществу пришлось впервые за многие годы столкнуться с разоружённым и обезвреженным врагом у себя дома. Положение пленных поляков и литвинов в России было предметом забот царя и государственного аппарата. Уже в 1558 г. в Москву начали поступать пленные из Ливонии. Размещать их с 1561 г. было всё труднее: воеводы «полону привели много множество»¹⁷. Многих продавали в рабство или отдавали в собственность захватчиков, так же начали поступать с подданными короля Сигизмунда II Августа. В апреле 1562 г. царь писал королю об отправлении на окраины России посольных с целью найти захваченных татарами королевских подданных из Брацлавского воеводства. Иван IV будто бы собирался казнить виновных, но ждал от короля списка пострадавших и их убытков¹⁸. В годы войны с Литвой и Короной пленные рассылались в тюрьмы по городам, а наиболее высокопоставленные содержались в Москве. Сохранившиеся сведения о переписке пленных с родичами и знакомыми на родине говорят о том, что царь относился к пленным как к заложникам и заботился о своём имидже милостивого государя. Образ этот разрушили дипломатические коллизии и убийства пленных конца 1560-х и 1570 гг.

Большинство эмигрантов, которых московская дипломатия считала в годы Ливонской войны наиболее опасными изменниками, бежали из Москвы вскоре после начала боевых действий между Россией и Польско-Литовским государством. Иван Грозный с 1560-х гг. уделял много внимания своим «изменникам» в окружении польско-литовских монархов, обвинял их во лжи на себя и Россию, в разжигании войны, плетении заговоров, желании подчинить Российское государство Речи Посполитой. В то же время Сигизмунд II Август, улучшив религиозно-правовую атмосферу в своём государстве, предпринимал усилия «правами» и «свободами» переманить как можно больше московитов на королевскую службу¹⁹. В 1561–1562 гг. литовская шляхта добилась

¹⁶ АСЗ. Т. 1. С. 62–63. Впрочем, Р.Г. Скрынников отождествляет Губина из дела кн. И.Д. Бельского с думным дьяком Б.Ф. Постником Губиным-Маклаковым (*Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 149).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 333.

¹⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 71. СПб., 1892. С. 61.

¹⁹ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — нач. XVII в. М., 1978. С. 43–45.

прав и свобод, уравнивающих православных с католиками и допускающих представителей других христианских конфессий к высшим должностям Великого княжества Литовского. По соседству с Российским государством возник опасный политический конкурент, открывший привлекательные условия службы и культурной интеграции для шляхты московского происхождения.

1561 г. отмечен переходом на польско-литовскую службу кн. Д.И. Вишневецкого и пятигорских князей. Князья получили право свободно служить королю, «а кгда они усхочуть, вольно им будеть зась с паньства нашего ехати без жадного гамованья»²⁰. Посредником в переговорах пятигорских князей с королём служил слуга Девлет-Гирея Кутуш-мурза, которому разрешили поступить на королевскую службу²¹. Переговоры, таким образом, проходили с ведома крымского хана; пятигорские князья, стремившиеся на королевскую службу, были противниками Москвы и сторонниками Крыма, а их поступление на службу к Сигизмунду II служило знаком дружбы между Девлетом и Сигизмундом. В самой же Москве под титулом кн. Черкасских закрепились кабардинские мурзы, на представительнице которых Кученей-Марии Темрюковне женился в августе 1561 г. царь Иван. Её брат Михаил Темрюкович позднее стал видным опричным лидером. В опричнину вошло ещё минимум четверо князей Черкасских²². Племянником царицы Марии был касимовский царь, будущий великий князь московский, а затем тверской Симеон Бекбулатович²³.

Уже в августе 1561 г. литовское войско во главе с воеводой троцким М.Ю. Радзивиллом Рыжим осуществило нападение на ливонский Тарваст, где стоял московский гарнизон кн. Т.А. Кропоткина. Это было первое столкновение между литовскими и московскими войсками, произошедшее ещё до истечения русско-литовского перемирия. В Москве по этому поводу велось следствие, воевод обвиняли в сговоре с литвинами, а в посольские книги в декабре 1563 г. занесли текст письма-ультиматума литовских воевод кн. Кропоткину²⁴. По некоторым данным, воеводы пошли на сговор с литовским командованием²⁵. Впрочем, по мнению М. Ференца, крепость взяли штурмом, а пленных ограбили и отпустили²⁶. Заметим, что подозрения царя Ивана в отношении боярского руководства предшествуют падению Тарваста, и, если послание Кропоткину не фальсифицировано, можно предположить, что опасения царя ещё летом 1561 г. вызвали перехваченные «листы завартые» литовского руководства к московской знати.

Приблизительно в то же время в Литве был раскрыт заговор зажиточного шляхтича державцы скидельского и мостовского Я. Викторина и его тайная

²⁰ РГАДА, ф. 389, оп. 1, № 37, л. 571; *Dziadulewicz S.* Herbarz rodzin tatarskich w Polsce. Wilno, 1929. S. 431 (указан номер листа по старой фолиации).

²¹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 37, л. 571–571 об.

²² *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 92–95; *Martin R.E.* A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early-Modern Russia. DeKalb, Ill., 2012. P. 121–129.

²³ *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 62–63, 84–85, 110–111, 257–258.

²⁴ Сборник ИРИО. Т. 71. С. 235–236; «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. М.; Варшава, 1997. С. 241.

²⁵ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 156–157; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 251–254; *Янушкевич А.Н.* Ливонская война: Вильно против Москвы, 1558–1570. М., 2015. С. 54.

²⁶ *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków, 2008. S. 224–225.

переписка с Иваном IV²⁷. Один из свидетелей, подстаростей слонимский Л. Здитовский, привёл на суде слух, согласно которому подозреваемый обсуждал свою службу царю с неким Михаилом Москвитиним, «который от короля его милости на лежи в него был»²⁸. Вряд ли такой разговор мог состояться с малозаметным и совсем незнатным человеком. Речь идёт о сыне боярском, и имя Михаил могло принадлежать одному из перебежчиков, например, М.И. Жохову, который как раз находился тогда в районе Слонима, а в 1563 г. был переведён в Шерешов. После казни Викторина одно из его имений в Вилкомирском повете получил московит-эмигрант Кропотка, который позднее и сам был «каран» за какое-то преступление²⁹. Возможно, Кропотка — один из князей Кропоткиных, родич тарвастского воеводы³⁰. В то же время следствие в Москве приобрело характер массовых репрессий — вёлся сыск «детей боярских родства», причастных к падению крепости, виновные в «измене» на год угодили в тюрьму, а их поместья и вотчины конфисковали и раздали другим служилым людям.

25 марта 1562 г. закончилось перемирие, и началась полномасштабная война. Её следствием и составляющей был плен. Захватывались с обеих сторон в первую очередь высокопоставленные воины, их слуги и холопы. Именно за них можно было получить выкуп. В отношении местного населения действовал принцип, много лет спустя, уже после войн за Ливонию, сформулированный Стефаном Баторием в переговорах с Иваном Грозным: «убогих людей — мужиков, жонок и робат, яко невинных, пушати»³¹. Староста остерский Ф.С. Кмита разбил небольшие московские отряды на подступах к Остеру и совершил ответные выпады против Чернигова и Путивля. Вскоре к Кмите присоединились староста гомельский К.В. Тышкевич и воевода киевский кн. К.К. Острожский³². Московские воеводы расплачивались той же монетой: 28 мая кн. А.М. Курбский напал на Витебск и пожёг посады Сурожа, а 22 июля кн. П.С. Серебряный спалил посады Мстиславля и прислал к царю в Можайск 50 пленников³³. Подданные Чечерского замка в 1565 г. жаловались королю, что уже три года не занимаются хозяйством из-за военной тревоги, а у многих из них враги «маетьность, жоны, братью, дети в полон побрали»³⁴.

В первые месяцы войны пленные и беглые москвиты распределялись в города Великого княжества Литовского. Среди них — кн. С. Белозерский-Ноздроватый, В.В. Плещеев, дети боярские московские, новгородские, псковские, рязанские. Имена приславших их ротмистров фиксировались. Причём, как правило, чем значительнее был пленник или перебежчик, тем значительнее был статус приславшего его ротмистра. Эта практика была важна для шляхтичей.

²⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 256, л. 156–157 об.

²⁸ Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Archiwum Radziwiłłów. Dz. II. № 3311. S. 7–8; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 256, л. 156–157 об.

²⁹ Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie. № 747a/1. К. 1–lv. Указано мне Й. Друнгиласом, за что выражаю коллеге благодарность.

³⁰ Некоторые князья Кропоткины, годы жизни которых могли приходиться на середину — вторую половину XVI в., в родословных книгах отмечены как бездетные. Впрочем, в родословцах никто из Кропоткиных не показан как бежавший «в Литву». См.: ПИРСС. С. 45, 158–159.

³¹ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 14, л. 746 об.

³² *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский как лидер «русского народа» Речи Посполитой. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 95–96.

³³ ПСРЛ. Т. 13. С. 343.

³⁴ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 538–539 (цит. л. 538 об.).

поскольку в число боевых достижений в пожалованиях неизменно входил захват пленных. В универсалах панов рад к шляхте в дни осады Полоцка добыча пленными признавалась одним из средств обогащения шляхтичей³⁵. Вопросы разведки и расселения пленными находились в ведении литовского главнокомандующего — гетмана великого М.Ю. Радзивилла³⁶.

В захвате «полона» особенно отличился полоцкий шляхтич Г. Мелешкович Оскерка, который, «мешкаючи на украине», «входечи в землю неприятеля нашего князя московского, великие шкоды чинивал, людеи значных сынов боярских по колькокроть имаючи, до гетманов наших великих и дворных Великого князства Литовского воживал и часто о справах того неприятеля нашего з земли до нас господара и до гетманов наших ведати давал»³⁷. Как видно из этого панегирика, в первые месяцы войны литовское командование нуждалось в «языках» и информации о планах московитов. Эта задача успешно решалась ротмистрами в связке со старостами приграничных крепостей и гетманами. Пленным московитам предоставлялись средства на пропитание, обычно в размере 7–20 грошей в неделю. Им, видимо, предлагали переходить на королевскую службу. Не принявшие предложения оставались пленными и пребывали под стражей. Впрочем, из числа первых пленными Ливонской войны лишь предположительно можно идентифицировать псковича Ивана Филиппова с одноименным сыном боярским, который входил в отряд «господарских московитов», схлестнувшийся с людьми Г.А. Ходкевича в селе Спасово в начале февраля 1564 г.³⁸

Статус пленными московитов виден по их содержанию. Наиболее знатных пленников ждали высокие выплаты и особые условия заключения. Так, в июне 1562 г. четверых московских пленными в Кобрине содержали на 15 грошей в неделю, в Городно — на 7 грошей. В августе в городенской тюрьме 6 детей боярских и 14 «простых» московитов получили по 7 грошей в неделю³⁹. В Тыкотин в августе 1561 г. было направлено не менее пяти московитов. В тыкотинской пуще на границе с Пруссией и Мазовией уже в сентябре 1558 г. получили земли на «хлебокормленье» дети боярские Л. Зверев, М. Зверев, Т. Цвилленев и В. Чаплинка, в апреле 1559 г. — Б.И. Шишкин. О них глухо говорится в акте Литовской Метрики за декабрь 1564 г. Награждая своего слугу за возвращение из московского плена, король обращается к старосте тыкотинскому Я. Шимковичу, чтобы он наградил его именем в лесу «в Тыкотине над рекою Нарвою на врочищу Березыне, там, где твоя милость з росказанья нашего москве подавал, ему даем»⁴⁰. Следовательно, тыкотинские московиты на декабрь 1564 г.

³⁵ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 564, л. 166–166 об., публ.: Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 564. Viešųjų reikalų knyga 7. 1553–1567. Vilnius, 1996 (далее — ЛМ, кн. 564). Р. 140.

³⁶ Ferenc M. Przyczynek do działalności wywiadu litewskiego podczas konfliktu z Rosją w drugiej połowie XVI wieku // Inter maiestatem ac libertatem: Studia z dziejów nowożytnych dedykowane Profesorowi Kazimierzowi Przybosiowi. Kraków, 2010. S. 9.

³⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 50, л. 282 об.—284.

³⁸ ЛМ, кн. 564. С. 57; Центральний державний історичний архів України у м. Києві, ф. 25 (Луцький гродський суд), оп. 1, спр. 6 (далее — ЦДАК України), публ.: Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные Временною Комиссиею, Высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волыньском Генерал-Губернаторе. Т. 2. Киев, 1849. С. 270.

³⁹ ЛМ, кн. 564. С. 140.

⁴⁰ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 521 об.—522.

уже лишились своего лесного надела (Л. Зверев до того и позднее владел землями на Воляни, М. Зверев позднее — урядник В.С. Заболотского в Ляховичах).

Вскоре после Невельской битвы 1562 г. Сигизмунд II направил выехавших «на имя господарское» детей боярских К. Некрашова и Б. Лавринова к старосте брянскому и саражскому К. Оленскому в Сараж. Один из них, Некрашов, под именем Некрашевич вошёл в подразделение «московитов» и принял участие в боевых действиях 1563–1564 гг. С. Шарапов (Шарапович), упомянутый следующим в списке «москвы», перешедшей «на имя» короля в 1562–1563 гг., был отослан в Мельник и вскоре вошёл в ряды кременецкой шляхты. В Мельнике вместе с ним оказался и сын боярский С. Лавринов, видимо, не бывший братом Б. Лавринова, которому был определен Сураж. Сразу четверо московитов отправились в 1562 г. в Бронск. Из них по меньшей мере один, Верешака Иванов, был в числе московитов, попавших в засаду в Спасово в начале 1564 г. Два сына боярских были направлены королём «на лежу» в Ожу. Братья Сергей и Степан Кучицкие, возможно выходцы из западных регионов России, в 1562 г. были отправлены в Гродно, и в феврале 1564 г. жаловались на ущерб, нанесенный им спасовцами, а из пожалования Сергею «живности» в гродненском имении Куницы в 1566 г. ясно, что он ещё не был наделён землёй⁴¹.

В походе литовского войска под Стародуб в 1562 г. попали в плен сначала более 10 детей боярских, а затем, уже когда литвины возвращались из похода и в 6 милях от Стародуба столкнулись с московитами, был ранен воевода кн. В.В. Волк-Приимков-Ростовский⁴², а другой воевода, кн. В.И. Темкин-Ростовский, а также более 210 детей боярских и около 2500 прочих московитов оказались в плену⁴³. Темкина-Ростовского и других пленников привезли к кн. К.К. Острожскому в Киев «для розведыванья» обстановки в Москве. В письме, отправленном М.Ю. Радзивиллу 10 ноября 1562 г., воевода киевский сообщил, что узнал от Темкина-Ростовского и других пленных о намерении Ивана IV напасть на Киев той же зимой. В.И. Темкин-Ростовский оставался у Острожского ещё в январе 1563 г.⁴⁴ Не позднее весны — лета 1562 г. на сторону короля перешли многие московиты, получившие землю в окрестностях Кременецкого замка. Среди них О. Ушак (Ушakov), С. Шарапов, кн. Г.Ф. Подгорский⁴⁵. Впрочем, возможно, они выехали из России вместе с кн. Д.И. Вишневецким ещё летом 1561 г.

Уже во время Полоцкого похода Ивана IV на сторону ВКЛ перешёл С. Кутузов: 19 января 1563 г. он сообщил полочанам о численности московского войска⁴⁶. Это не спасло крепость. Воевода полоцкий С.С. Довойно капитулировал 15 февраля 1563 г.⁴⁷ Захватив город, Иван IV велел расправиться с местными неправославными. Многие литвины отказались принять московское

⁴¹ ГМ, кн. 564. Р. 37, 37–38; Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 268–272; РГАДА, ф. 389, ои. 1, кн. 47, л. 94 об.–95 об.

⁴² Сведения о его смерти в этой битве неверны. Ср.: *Соболев Л.В.* Указ. соч. С. 96.

⁴³ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 4. Вильна, 1867. С. 7–8.

⁴⁴ *Соболев Л.В.* Указ. соч. С. 96–97.

⁴⁵ *Собчук В.* Від коріння до крони: Дослідження з історії князівських і шляхетських родів Волині XV – першої половини XVII ст. Кременець, 2014. С. 375–386.

⁴⁶ *Grala H.* Zródła do dziejów stosunków polsko-moskiewskich w XVI w. (Nowe znaleziska w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów) // *Miscellanea Historico-Archivistica*. Т. 7. 1997. S. 148–149.

⁴⁷ *Даўгяла З.* Polocіае тоеніа: Гістарычна-тапаграфічны нарыс полацкіх умацаванняў // *Arche*. 2009. 7(82). С. 683.

подданство и в разное время бежали в Литву. Сигизмунд II Август велел поставить для бывших полочан новый замок — Дисну⁴⁸. Нашествие московитов вызвало панику и в соседнем с Полоцким Браславским повете, откуда многие шляхтичи, «оторвавшись, до сумежных, а меновите до Ошменьского и до Волькомирского поветов причинились»⁴⁹.

Сдавшихся 9 февраля 1563 г. 11 160 полочан раздали в собственность царёвым людям, высокопоставленных пленников 22 февраля отвезли в Москву, ещё часть — в Великие Луки и Новгород⁵⁰. Архиепископа полоцкого и витебского Арсения (Г.И. Корсака) отправили в Спасо-Каменный монастырь. Его родичи шляхтичи Корсаки находились в московском Кремле, возможно на дворе кн. М.И. Воротынского (его слуга влюбился в Любку Корсак, переехал на королевскую службу, женился на ней, а в 1567 г. его посадили в Москве на кол по обвинению в шпионаже)⁵¹. В плену оказались воевода полоцкий С.С. Довойно, воеводич виленский Я.Я. Глебович, высокопоставленные господарские дворяне Гарабурды. М. Стрыйковский называет также шляхтичей Есманов и Немировичей⁵². Согласно М. Стрыйковскому, отпущены были четыре польских ротмистра вместе с их ротами. По данным московских посольских книг, около 700 польских шляхтичей, принявших участие в обороне Полоцка, были возвращены королю. На литвинов царская милость не распространялась. В Короне и Литве этот поступок царя был воспринят как нарушение обещаний: царь дал слово «выпустить добровольне» всех пленных, а на деле освободил «только драбов польского народу»⁵³. Коронные подданные других сословий испытали тяготы неволи вместе с другими жителями и защитниками Полоцка⁵⁴. Часть полочан оказалась под надзором в кремлевских палатах боярина И.П. Фёдорова. Среди них — те же Довойно, Глебович, господарский писарь Л.Б. Гарабурда и его семья. В канун приезда в Москву литовских послов, 26 апреля 1566 г., знатных пленников перевели в тюрьму без права посещения. Лишь во время одной из аудиенций посольству Ю.А. Ходкевича было разрешено встретиться с тремя важнейшими пленниками «наперед у боярина у Ивана Петровича у Федорова с товарищи», а потом «в Набережной полате».

Обмен Гарабурды на кн. В. Темкина-Ростовского или на других детей боярских с доплатой так и не состоялся, и Лукаш Гарабурда вернулся на родину лишь в 1569 г.⁵⁵, а его семья оставалась в Москве. 10 августа он выступил на Люблинском сейме перед шляхтой в «посольской избе» с яркой речью.

⁴⁸ РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 56, л. 78 об.—85; д. 62, л. 46—51 об.

⁴⁹ Там же, д. 286, л. 70 об.—71 об. и сл., 78—81.

⁵⁰ *Straszewicz M.* Testament Anny z Korsaków Rahoziny z 1563 roku. Przyczynek do dziejów jeńców połockich // *Przegląd historyczny*. T. 96. 2005. Zesz. 3. S. 450—451; *Дзярновіч А.* Источники XV—начала XVIII в. о бедствиях гражданского населения во время войн: между фактами, политическими инвективами и стилистическими клише // *Lietuvos Didžioios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius, 2007. P. 348—349.

⁵¹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 596 об.—597 об.; кн. 50, л. 237—237 об.; *Bielski M.* Kronika Polska. Sanok, 1856. S. 1165; *Paprocki B.* Herby gycerstwa polskiego. Kraków, 1858. S. 844.

⁵² *Strzykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi / wyd. przez M. Malmowskiego oraz rozprawą o latopiscach ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strzykowskiego według pierwotnych wydań. T. 2. Warszawa, 1846. S. 413—414.

⁵³ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 76 об.

⁵⁴ *Mienicki R.* Egzualanci Połoccy (1563—1580 r.): (Karta z dziejów ziemi połockiej) // *Ateneum Wileńskie*. 1933—1934. R. 9. S. 50.

⁵⁵ *Радман А.* Арганізацыя і склад полацкага земскага суда ў другой палове XVI — першай трэці XVII ст. // *Герольд Litherland*. 2011. № 18. С. 27—28.

в которой сравнил королевских разбогатевших москвитов-«изменников» с беззащитными и забытыми пленными соотечественниками. Вскоре после возвращения из плена умер племянник Лукаша Александр, завещавший дядям свои захваченные москвитами полоцкие имения⁵⁶. С.С. Довойно был обменян на кн. В. Темкина-Ростовского с доплатой в 10 тыс. злотых⁵⁷. 23 июля 1567 г. последний и другие пленные москвиты вернулись на родину. Вернувшись в Великое княжество Литовское полоцкий воевода вступил в безуспешную судебную борьбу за такую же сумму против жены витебского воеводы С.П. Кишки, Г.Я. Радзивилл, родной сестры его умершей в неволе жены Петронелы. Затем ему пришлось продать своё имение в Городенском повете⁵⁸.

Ценным источником по истории полоцкого плена служат воспоминания Я.Я. Глебовича, вошедшие в гербовник Б. Папроцкого. Глебович был помещён под домашний арест, ему удавалось даже вести тайную переписку с литовской радой. Вскоре он был уличён, вызван к царю, и Иван на его глазах отчитал своих бояр, ставя им в пример верность пленника своему господарю. Впрочем, Глебович получил свободу не так, как он рассказывал геральдисту пятнадцать лет спустя. Царь завербовал его и принял его клятву на Библии, пригласив на церемонию митрополита⁵⁹. Возвращение воеводича виленского на родину было обставлено как обмен — за него были выданы в Москву пленники Ульской битвы — З. Плещеев и кн. И. Охлябинин. Кроме того, Глебович вёз с собой грамоту, в которой предлагалось поменять шляхтича М. Ежовского на Ф. Лопату-Баскакова, Ф. Кублицкого на Я. Болтина, а за жену и детей Кублицкого назначалась выплата в 300 угорских злотых⁶⁰. Многие годы в Москве считали Глебовича верным слугой царя, и, хотя он покаялся в содеянном перед Сигизмундом II Августом, подозрение в государственной измене вновь стало предметом расследования после смерти Сигизмунда II.

Имена многих шляхтичей, попавших в московский плен, уже известны⁶¹. Ряд имён с отдельными подробностями жизни в плену и после плена можно восстановить по актам Литовской Метрики. Вернувшиеся из плена получали от короля щедрые пожалования в компенсацию выкупа, за ущерб здоровью и благосостоянию. Как правило, имения и «юргельты» предоставлялись шляхтичам пожизненно или до возвращения полоцких имений. Нобилитация детей пленных происходила своим чередом, а жёны и родители получали поддержку из казны временными имениями, натуральными и денежными выплатами⁶². Примерами для подражания могли служить видные полоцкие шляхтичи

⁵⁶ *Mienicki R.* Op. cit. S. 100–101; Тастаненты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст.: (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск, 2012. С. 379–381.

⁵⁷ По словам кн. А.М. Курбского, ливонский дворянин В. Таубе добивался обмена своего сына И. Таубе на Темкина, но король Сигизмунд II не согласился. См.: *Попов В.Е., Филлюшкин А.И.* Бегство князя А.М. Курбского: документ из Рижского архива // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2(8). С. 120–121.

⁵⁸ *Mienicki R.* Op. cit. S. 45; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 267, л. 154 об.—163 об.; кн. 268, л. 329 об.—330, 330; см. также: кн. 261, л. 41 об.—42; кн. 58, л. 154 об.—157, то же: кн. 63, л. 111 об.—114 об., цит. кн. 58, л. 155. См. также: кн. 48, л. 364 об.—371 об.

⁵⁹ *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 33–34. Обстоятельства вербовки Я.Я. Глебовича см.: РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 12, л. 291; кн. 14, л. 342 об.

⁶⁰ *Филлюшкин А.И.* Изобретая... С. 726–727.

⁶¹ *Mienicki R.* Op. cit. S. 49–50.

⁶² РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 47, л. 110 об.—111; кн. 48, л. 336–337 об. (то же: кн. 50, л. 339–340); кн. 49, л. 21–21 об. (то же: кн. 50, л. 248 об.—249 об.); кн. 50, л. 87–87 об., 313–313 об., 374 об.—375; кн. 54, л. 3–4 об. (ср. акт: кн. 48, л. 415 об.—416); кн. 63, л. 120–121, 130–131, 217 об.—218 об.; кн. 77,

Корсаки. Прославился ротмистр Г. Корсак-Голубицкий, вместе со своей ротой «через час немалый» сдерживавший неприятеля и убитый пушечным ядром. Его жена и дети выкупились из плена и получили от короля обширные владения в Великом княжестве Литовском, а другие родичи, вернувшись из плена, были щедро награждены и уже к концу 1560-х гг. заняли почётные полоцкие уряды⁶³.

Королевские подданные из других приграничных регионов также получали компенсацию за «полон». Выкупившиеся дисненские мещане, например, били челом о праве на беспошлинную торговлю и были освобождены от «мытов» на три года. Витебские мещане Паньковичи, вернувшись из плена, отсудили назад имение предков. Тем же, у кого не было средств на выкуп, было суждено многие годы томиться в тюрьмах⁶⁴.

Юридический статус литовских имений полоцких пленников был шатким, и предотвратить имущественные споры некоторые из них старались в Москве. П.И. Дубицкий и А.И. Гостомский говорили, что в Москве они давали показания перед чрезвычайной судебной комиссией, составленной из пленников. Показания шляхтичей и постановления («листы») комиссии затем, после возвращения обоих шляхтичей на родину, были утверждены и записаны в книги поветовых судов и в господарские канцелярские книги⁶⁵. Тестамент пленницы А.В. Рагозы служит наглядным примером того, как шляхтичи отдавали распоряжения, невзирая на своё тюремное заключение. По мнению М. Страшевича, завещание составлено не ранее марта и не позднее августа 1563 г. при участии московского приказного служащего и с расчётом на отправление в Великое княжество Литовское. Со всем основанием А.В. Рагоза полагала, что её последняя воля будет признана законным распоряжением⁶⁶.

После освобождения из плена неизбежно возникали правовые коллизии. Одна из них была обозначена в ходе упомянутой судебной дуэли С.С. Довойно с Г.Я. Радзивилл, занявшей владения своей умершей сестры, жены Довойно. Витебская воеводина указывала на бесправие пленника и на положение Литовского Статута, согласно которому «невольницы властью именьями своими шафовати не могут», в итоге была оправдана и освобождена от обвинений⁶⁷.

Король оказал поддержку и семьям полоцких пленников, сняв в привилегии 13 августа 1563 г. примерно с трети полоцких шляхтичей налоговое бремя и наделив их временными феодами в Могилевской, Мозырской, Рогачевской, Свислочьской и Сумилишской волостях, а также в Витебском повете и Троцком

л. 125 об.—126, 335—335 об.; кн. 255, л. 484 об.—485; кн. 255, л. 501 об.—502; кн. 268, л. 199—199 об.; кн. 287, л. 45 об.—46 об.

⁶³ *Mienicki R.* Op. cit. S. 49, 60—61, 88, 91, 94—95, 99—100; *Радаман А.* Указ. соч. С. 27—28, 30—34. О Б. Корсаке см. также: Сборник ИРИО. Т. 71. С. 46 и сл.; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 541 об.—543 об., 618 об.—619, 630 об.—632 об.; кн. 77, л. 381—383 об., 403—403 об., 541—542, 547—551 об., 551 об.—557; кн. 267, л. 269 об.—271, 310 об.—311, 312—312 об.; кн. 48, л. 392—394; кн. 284, л. 62 об.—64.

⁶⁴ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 63, л. 167—170; кн. 56, л. 69—71; кн. 262, л. 66—66 об. (второй фолиации).

⁶⁵ Там же, кн. 268, л. 114—116, 129—130. П. Дубицкий называет в составе комиссии С.С. Довойно, Я.Б. Быстрейского, Л. Гарабурду, М. Шита. Шире список шляхтичей, рассматривавших 28 марта 1563 г. дело А. Гостомского. После тех же четверых названы Г.Г., Е.Я., К.С., М.Ф. и Д.В. Корсаки, И. Кмита и Я. Селявы, Б. и А.М. Ревуты, В. Миткович и «все рышерство», пленённое в Полоцке. Дело П.И. Дубицкого рассматривалось в Оршанском и Клецком судах и затем на господарском, дело А.И. Гостомского — на господарском.

⁶⁶ *Straszewicz M.* Op. cit. S. 454—455.

⁶⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 267, л. 161—163 об., цит. с л. 162 об.

тиунстве. Виленский вальный сейм 1563 г. утвердил «вызволенье от воины» жёнам, «которих мужове в поимани и в руках неприятельских ест с Полоцка»⁶⁸. При этом, согласно воинским артикулам 1563 г., жёны пленных шляхтичей получали «листы господарские от воины вызволенные» и до возвращения мужей не несли с их земель воинской повинности⁶⁹. Вошла в обычай практика передачи землевладельческих прав пленных их близким родственникам на условии, что они будут «о высвобоженю тух приятелей своих з рук неприятельских старатися». Полоцким боярам разрешалось вступать во владение пленных «до воли и ласки господарьское и до того часу», пока пленный не вернётся на своё имяне⁷⁰.

Социальная память Речи Посполитой отбирала для хранения и трансляции современникам и потомкам наиболее трагичные сюжеты полоцкого плена. В Литовской Метрике плен определяется не иначе, как «окрутный», т.е. жестокий, безжалостный, невыносимый. Из латинской версии записок А. Шлихтинга известно, что пленники в Москве страдали от принудительных работ. Полоцкий шляхтич Р.С. Невельский провёл в плену восемь лет и «великие небезъпечности на себе поносил, а потом и муку терпел и немалую образу на теле и на здоровю своем принял»⁷¹.

У царя Ивана IV и его окружения до 1566 г. теплилась надежда, что полоцкая шляхта договорится с ним и послужит укреплению царской власти в Полоцком повете. Первые массовые раздачи захваченных земель начались не ранее сентября 1566 г., т.е. уже после посольства Ю. Ходкевича в Москву⁷². Шляхтичи вели переписку со своими родными и знакомыми на родине, сообщали о событиях в Москве и, среди прочего, могли рассказать о введении опричнины, которая вызывала симпатию своими аналогиями с «экзекуцией» королевских имений и сеймовой борьбой за шляхетскую демократию⁷³. Впрочем, никаких следов смирения перед новой полоцкой властью пленные в массе не проявили.

На фоне военных успехов царя Ивана переход его «холопов» на королевскую службу почти незаметен. В 1563 г. паны-рада направили с эмиссаром Я. Гудянским в Шерешов пятерых детей боярских, видимо, выехавших в том году – Т. Андреева, Ф. Андреева, И. Третьякова, С. Иванова, и М. Жохова.

⁶⁸ *Mienicki R.* Op. cit. S. 85–86; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 527, л. 103 об.

⁶⁹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 24. Лукомльские имения пленённого царём кн. Б.А. Лукомского были разорены в ходе боевых действий (*Mienicki R.* Op. cit. S. 85). Его жена З. Служчанка имела пустошь и «оселую» землю в волости Лидской (РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 571–571 об.). О том, что другой князь Лукомский, Сергей, был надолго задержан в московском плену, сообщал в латинской версии своих записок А. Шлихтинг.

⁷⁰ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 49, л. 34 об.–35; кн. 38, л. 437 об.–438.

⁷¹ *Дубровский И.В.* Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга // Русский сборник: Исследования по истории России. Вып. 18. М., 2015. С. 91; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 56, л. 17 об., 48 об.–49, 49 об.; кн. 58, л. 9 об., 10 об., 11.

⁷² Это следует из самой ранней датировки в Писцовой книге Литовской Метрики № 573–7075 г. Уточняем датировку, предложенную коллегой: *Ермак В.Ю.* Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. – книга Литовской метрики № 573 // Иван Грозный – завоеватель Полоцка (новые документы по истории Ливонской войны). СПб., 2014. С. 25, ср.: там же. С. 422 (л. 388).

⁷³ *Иолосин И.И.* Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569–1582) // Вопросы истории. 1945. № 5–6. С. 142–153; *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt a/M, 1972. S. 32–45; *Kąkolewski I.* Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. S. 252–285.

С. Иванов был затем переведён в Волковыйск. В следующем году, вероятно, он же (С.И. Нащокин) пострадал в столкновении в Спасово и вскоре, как и М. Жохов, был награждён небольшой суммой на Варшавском сейме⁷⁴. Все московиты получили содержание с имений и доходов короля в Великом княжестве Литовском. Первым перебежчикам Лавринову и Некрашову было назначено содержание на каждый квартал – рожь, солод, крупы, горох, свинина, соль и 1 копа грошей Великого княжества Литовского⁷⁵.

В январе и июле 1564 г. московские войска во главе с кн. П.С. Серебряным, а затем В.А. Бутурлиным вторглись в мстиславские земли – «людей побивали и языки имали и в полон многих людей и з живота поимали», «взяли воинских людей шляхтыч и з жонами и з детми, и чорных людей всяких 4787 душ»⁷⁶.

Битва на р. Уле 26 января 1564 г. обернулась разгромом московского войска под командованием кн. П.И. Шуйского и спешным отступлением полков кн. В.С. и П.С. Серебряных⁷⁷. Успех операции был предрешён информированностью литвинов. Р.Г. Скрынников предположил, что манёвр московитов был раскрыт кн. А.М. Курбским, после чего он сам вынужден был бежать в Литву. Эта точка зрения не находит подтверждения в источниках⁷⁸. Уже М. Стрыйковский в поэме «Битва под Улой» отмечал, что на Радзивилла работали шпионы в Московском государстве, а при нём самом состоял некий поп, который бывал в Полоцке и хитростью получал ценные сведения. От информаторов Радзивилл узнал о продвижении кн. Шуйского с 30-тысячным войском на крепость Улу.

Немецкое издание послания М.Ю. Радзивилла королю свидетельствует, что литовское командование было информировано о выходе войска Шуйского из Полоцка 23 января и плане объединиться с полками кн. Серебряного для совместного похода на Вильну⁷⁹. Шпионы сообщили и место, и время появления московского войска. Литовскому командованию оставалось лишь умело воспользоваться слабостями противника. Помог также «язык», приведённый из московского сторожевого полка ротмистрами Г. Бакой и Б. Корсаком, отправленными навстречу врагу Г.А. Ходкевичем. Московитов сбил с толку также шляхтич Цапля (Czapla), сообщивший им, что московская сторожа столкнулась с главными силами литвинов⁸⁰.

Версия о раскрытии замыслов московитов «шпионами» была принята польско-литовскими хронистами. Она подкрепляется похвалой в адрес героев в актах Литовской Метрики. Не называя имён, «Лист о новинах писанный» говорит о литовских «сторожах», которые столкнулись «з сторожою московскою» и принесли гетманам весть о приближении московского войска⁸¹.

⁷⁴ LM, кн. 564. С. 37, 37–38; Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 268–272; AGAD. Archiwum Skarbu Koronnego (далее – ASK). Dz. II. Rach. Sejm. № 22. К. 36, 37–37v, 38.

⁷⁵ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 44, л. 55–55 об., публ.: Метрыка Вялкага княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559–1566). Мінск, 2001. С. 66 (29 августа 1562 г.).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 377; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 403–404; *Мяцельскі А.А.* Мсціслаўскае княства і вывадства ў XII–XVIII стст. Мінск, 2010. С. 175.

⁷⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 65, л. 114.

⁷⁸ *Ерусалимский К.Ю.* 30 апреля 1564 года // Между Москвой, Варшавой и Киевом. К 50-летию проф. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 125–193; см. также материалы допросов Курбского после побега: *Филошкин А.И.* Изобретая... С. 718–723.

⁷⁹ *Wojtkowiak Z.* Odnaleziony tekst Macieja Strykowskiego o bitwie z Moskwą 1564 roku i inne rewelacje w zbiorach rosyjskich i nie tylko. Poznań, 2010. S. 79–80.

⁸⁰ Ibid. С. 57–59; *Дзярновіч О.* Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.): образный ряд и событийная конкретика // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2010. № 2(8). С. 133.

⁸¹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 60.

Были и воины, получившие особые награды за шпионскую информацию. Герой диверсий против российских окраин полоцкий ротмистр Г.М. Оскерка тайно информировал Г.А. Ходкевича и М.Ю. Радзивилла о передвижении царского войска, и упредительный удар разрушил планы противника. Награждён был также шпион Фёдор Белавицкий — он получил село Балавичи в волости Борисовского замка с правом наследования по мужской линии за то, что тайно передавал сведения из московского войска⁸². Уже после битвы на Уле о приближении 60-тысячного московского войска к Орше сообщал Г.А. Ходкевичу из Дубровны Ф.С. Кмита⁸³.

Последствия Ульской битвы были для Москвы тяжёлыми. Анонимный регистратор пленных и убитых москвитов сослался на перебежчиков из России, которые говорили, что под Улой московских воинов погибло больше, чем в Оршанской битве 1514 г.⁸⁴ Согласно этому реестру, составленному в окружении гетмана великого М.Ю. Радзивилла-Рыжего, русские потеряли 16 тыс. человек, много раненых укрылось в Полоцке. Стрыйковский и Бельский увеличили эту цифру, говоря о 20 тыс. убитых во время битвы и «в разных местах», в том числе от «хлопства». Позднее близкую цифру — 18 тыс. человек — называл Л. Гурницкий. Папский нунций Дж.-Ф. Коммендоне привёл гораздо менее внушительные, хотя и противоречивые данные — в распоряжении Шуйского было около 8 тыс. человек, погибло москвитов около 9–10 тыс.⁸⁵ В письме герцогу Альбрехту Бранденбургскому от 1 февраля О.Б. Волович сообщает, что погибло около 10 тыс. человек противника и несколько тысяч предметов амуниции было захвачено на возах. Московские воины были застигнуты врасплох⁸⁶.

Возглавлявший рать воевода большого полка полоцкий воевода князь П. Шуйский был убит. По версии, принятой в Москве и отразившейся в Пискаревском летописце, сбитый с коня князь забрёл в «литовскую деревню», где «мужики, его ограбя, и в воду посадили». Смерть настигла воеводу в селе Иванковичи. Слух о его утоплении в колодце передал Т. Бреденбах. В польских хрониках появляется рассказ о смерти воеводы от секиры простого селянина, которого князь попросил довести его до Полоцка. Это, по всей видимости, сконструированный образ событий, призванный вытеснить из памяти факт превышения полномочий литовскими шляхтичами, сожалевшими, что не смогли взять князя в плен.

Возможно, достоверным является факт казни «хлопа», на котором нашли золотую цепь Шуйского. «Лист о новинах писанный» говорит об обстоятельствах задержания слуги Шуйского и проясняет, как именно было обнаружено тело воеводы. Его «подскарбий» искал в реке тело своего господина и так был

⁸² РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 50, л. 283; кн. 77, л. 50–51.

⁸³ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (далее — GStA PKB). XX. HA. HBA. Kasten 427. B2a. № 258. F. 6.

⁸⁴ ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 40 карандашной фолиации (л. 42 чернильной фолиации). Благодарю Г. Лесмайтиса, обратившего моё внимание на данный реестр, введённый в научный оборот Р. Рагаускене.

⁸⁵ ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 39а (л. 41); *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 61–63, 80–83; *Bielski M.* Op. cit. S. 1153; *Strykowski M.* Op. cit. T. 2. S. 414–415; *Górnicki Ł.* Dzieje w Koronie Polskiej Warszawa, 2003. S. 160–161; *Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta obejmujące listy Jana Franciszka Commendonni do Karola Boromeusza.* T. 1. Wilno, 1847. S. 45–50.

⁸⁶ GStA PKB. XX. HA. HBA. Kasten 395. B2. № 1909. F. 1–1v. К письму приложен особый список плененных московских воевод. См. также: HHStA Wien. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. Karton 1. Konv. C. F. 78–85v.

пойман литвинами⁸⁷. Более вероятной кажется версия Пискаревского летописца и «Листа», искаженная Бреденбахом: тело Шуйского было найдено в реке благодаря его слуге. По-видимому, пойманный литвинами слуга Шуйского – Вислой Булгаков. Он был отпущен и приехал вновь в Литву вместе со С.С. Довойно, чтобы договориться с панами-радой об обмене тела Петронелы Радзивилл на тело кн. Шуйского (обмен так и не состоялся)⁸⁸.

В первый же момент битвы, когда Ходкевич и Радзивилл тайно подошли к противнику, было убито несколько десятков москвитов «и вязнеи кольконадцать поимано». Пленены были, по М. Стрыйковскому, «воеводы, князья и первые бояре» (под «боярами» подразумеваются также дети боярские). Согласно реестру Дубровского, среди убитых и пленных москвитов были представители высшей знати, первые дворяне великого князя. Убиты или пленены были полковые воеводы и головы: князья С.Д. и Ф.Д. Палецкие, Ф. и Н. Чулковы, удививший противников своим ростом И.Ф. Быков, князья Ф. и С. Гундоровы, Д., С. и В. Колычевы, А. Чихачёв. Помимо «ротмистров» в числе убитых названы также «первейшие дворяне» царя («naczelniejszy dworzanie Kniazia Wielkiego Moskiewskiego») Д. и И. Заборовские, И. Коробов-Суздалец, В. и И. Молвяниновы⁸⁹. Польско-литовские источники сообщали об участии в битве, бегстве и гибели от ран в Полоцке Шереметева⁹⁰.

Из других источников известно, что были пленены третий воевода большого полка З.И. Очин-Плещеев (по реляции гетманов, воевода первого передового полка), второй воевода передового полка князь И.П. Залуца-Охлябинин (по литовской реляции, воевода шестого полка или старший воевода полка правой руки)⁹¹. Поимка З. Плещеева была отнесена на счёт шляхтича А. Голуба⁹².

В плен попали дети боярские: новгородец И. Норовитый (Норова-тый) и «дворане князя великого» В. Истомирин, А.В. Федьцов, Б. Кутузов,

⁸⁷ *Bielski M.* Op. cit. S. 1151–1152; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 62; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190. По материалам российских источников написана работа: *Солодкин Я.Г.* Князь П.И. Шуйский – герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. М., 2010. С. 269–274; *Янушкевич А.Н.* Указ. соч. С. 93; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 62; *Дзярнович О.* Указ. соч. С. 133–134. С этим согласуется предположение Р. Рагаускене о том, что Шуйский был убит шляхтичем К. Швейковским. См.: *Ragauskiene R.* 1564 m. Ulos Kautynės: įvykio tikimybės // *Istorijos akiračiai: straipsnių rinkinys.* Vilnius, 2004. P. 174; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 64–65.

⁸⁸ Сохранилась кольчуга кн. П.И. Шуйского (Государственная Оружейная палата, ОР-19). Её медная запона гласит: «Князя Петровъ Ивановича Шускгова». Диграф «кг» в фамильном прозвище полководца свидетельствует о возникновении запоны в Польско-Литовском государстве. Возможно, эта кольчуга была снята с Шуйского 26 января 1564 г. См. также: *Игина Ю.Ф.* Мемогія Лжедмитрия I как способ легитимации и манифестации его власти // *Одиссей: человек в истории.* М., 2012. С. 318; *Grala H.* Raport Bułgakowa o sytuacji w Rzeczypospolitej // *Mówią Wieki.* 1996. № 11–12 (450–451). S. 40–44; Сборник ИРИО. Т. 71. С. 599–602, 625.

⁸⁹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 60; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 62–63; ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 39а (41)–40 (42).

⁹⁰ Во время бегства он потерял палаш и колчан, которые были доставлены Сигизмунду II в Варшаву. Речь, по всей видимости, шла о вещах воеводы сторожевого полка И.В. Меньшого-Шереметева. См.: *Янушкевич А.Н.* Указ. соч. С. 85.

⁹¹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 59 об.–62; ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 39а (41); Письмо гетмана литовского Радивила о победе при Уле // *ЧОИДР.* 1847. Кн. 3, отд.3. С. 1–18, здесь с. 2–3.

⁹² РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 539–540, 546–547 об., цит. на л. 539 об. С разночтениями и указанием имён гетманов (М.Ю. Радзивилла и Г.А. Ходкевича) та же похвала см.: там же, д.58, л. 114–116, то же: д.63, л. 92–94 об. См. о З.И. Плещееве: «и гетмана надъворного воиска московского» (цит. по: там же, д.58, л. 114).

А.В. Муха-Чихачёв, И.А. Арцыбашев, Д. Кашкаров, К.Ф. Филипович, Василий Алексеевич, Бошман Якушкин, С.И. Дементьев, стрелецкий голова («тысечник») Семён Фёдорович, С.Ф. Хохолин. Реестр Дубровского называет ещё Я. Плихина, И. Погожего, И. Губина⁹³. Вместе с детьми боярскими в руках поляков и литвинов оказалось несколько десятков их слуг «кром иных вязней, которых много по войску», в том числе «очень много» знатных и черни. Папский нунций Дж.-Ф. Коммендоне перечислил пленных: особый любимец Ивана IV З. Плещеев, князь Палецкий, Война (Воин) Ржевский и некоторые дворяне великого князя⁹⁴.

Поражение на р. Уле послужило основой для особого поминания в Московском государстве. В синодике Софийского Новгородского собора после казанских и выборгских записей значились имена погибших «во взятие града Полоцка». На самом деле подразумевались погибшие год спустя на Уле: кн. П.И. Шуйский (в битве «с нечестивою литвою в селе в Ыванковичах»), кн. С.Д. и Ф.Д. Палецкие, Н.И. Чулков, Д.В. и Ф.В. Невежины, И. Быков «и их дружине»⁹⁵. Поражение прикрито победой, из сотен имён погибших отобрано всего несколько человек. Родового поминания это, конечно, не отменяло. К примеру, имя кн. П.И. Шуйского встречается в помяннике кн. А.И. Шуйского с пометой «убит в Литве»⁹⁶. В целом Ульская трагедия была окутана в Московском государстве своеобразной конвенцией молчания. В польско-литовских и римских источниках, наоборот, эта битва представлена как блестящая победа и воспета в эпосе, поэзии и хрониках. Шляхтичам вносили в акты о королевских пожалованиях похвалу за подвиги. М. Стрыйковский, проезжая в 1573 г. мимо Чашницких полей, по его словам, видел «большой стог московских костей»⁹⁷.

В пылу сражения жертвами шляхтичей и казаков, возможно, стали не только враги, но и королевские воины. В битве на стороне литвинов принимали участие около пятидесяти москвитов. Согласно сообщению Дж.-Ф. Коммендоне, по ошибке «также пали от меча из-за плохой видимости в ночной тьме некоторые из наших москвитов, которые в прошлом году под командованием Пропосина к нам перебежали, — причина в том, что они сражались в московском одеянии. Было их 50 конников»⁹⁸. Возможно, под именем «Пропосин» выступает в послании нунция кто-то из братьев Сарыхозиных — Умар или Агиш. Цифра 50 подтверждается многочисленными источниками, свидетельствующими о том, что в королевских войсках москвиты и позднее, во время Ливонской войны, как правило, были организованы в особую роту около 50 человек под командованием авторитетного ротмистра.

Об этом событии никаких иных сведений нет. Однако нам известно о происшествии, случившемся через десять дней после Ульской битвы. 9 февраля подстаростий луцкий А.И. Русин занёс в гродские книги своего уряда жалобу Б. Жука, служившего урядником у Г.А. Ходкевича. По его словам, 5 февраля боярин княгини Б. Острожской Б. Шашко Конюский, его сын Василий и «многие люди» напали на село Спасово, убили одного из тамошних

⁹³ Янушкевич А.Н. Указ. соч. С. 94–95.

⁹⁴ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 45, л. 61; ОР РНБ, ф. 971, оп. 2, авт. 152, № 16, л. 40(42); *Pamiętniki o dawnej Polsce...* Т. 1. S. 45–50; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 82.

⁹⁵ ПИРСС. С. 191 (л. 10 об.).

⁹⁶ *Steindorff L.* Memoria in Altrußland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994. S. 231. Anm. 440. S. 235.

⁹⁷ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 266, л. 247 об.; *Strykowski M.* Op. cit. Т. 2. S. 455.

⁹⁸ *Pamiętniki o dawnej Polsce...* Т. 1. S. 45–50; *Wojtkowiak Z.* Op. cit. S. 82, 87.

жителей и нескольких ранили, забрали вещи убитого «и починили много других шкод»⁹⁹. Видимо, Шашковичи (или Шашкевичи) – волынские клиенты кн. К.-В. Острожского¹⁰⁰. Согласно показаниям В.Б. Шашковича, подъезжая к Спасову, «еще здалека перед селом» московитов встретили вооружённые местные жители. Затем в схватке многих московитов ранили, двоих тяжело, у них были захвачены оружие, одежда и имущество. Шашкович немедленно подал жалобу уряднику Ходкевича, но тот её не принял и сам подавать жалоб не собирался. Это и заставило ротмистра обратиться в Луцкий суд¹⁰¹.

Московиты и пятигорцы, попавшие в плен или перешедшие на сторону короля к весне 1564 г., получили из королевской казны вознаграждение, данные о котором сохранились в счетах Варшавского сейма. Счета открываются выплатами за победу над московитами. В Петркове после сейма награждения продолжились¹⁰². Данные Королевской казны содержат сведения о 47 московитах, поступивших на службу и награждённых в марте–апреле 1564 г. (см. табл.).

Среди имён Варшавского реестра встречаются фамильные прозвища служилых людей, которые могут быть отождествлены по московским источникам. «Лутовины» – это, по всей видимости, Лутовинины. Захарий Васильевич Вепрев – потомок кн. Фёдора Святославича Вяземского и Дорогобужского, сын Василя Борисовича Вепря. Никифор Семёнович Нелидов – родич однофамильцев из Галичского уезда. Гаврило Перфильевич Лодыгин – сын боярский из рода Кобылиных, потомок Григория Семёновича Лодыги-Жеребцова. Его родича С.Г. Лодыгина в октябре 1572 г. опричник В.Г. Грязной «выдавил» из имения в новгородской Шелонской пятине в опричный Козельск. Петру Васильевичу Остафьеву (Астафьеву) предстояла в новом отечестве долгая и насыщенная бурными событиями жизнь в качестве волынского шляхтича, однако точно установить его родство не удаётся. В синодиках Московского государства нередко встречается эта фамилия, и нельзя исключать, что новгородцы «Елена Остафьева да дети ее Фома да Игнатий», невинно казнённые в 1570 г. и внесённые в синодик опальных, – ближние родичи воинов-эмигрантов¹⁰³.

Кто такой Семён Иванович Нашёкин (Нашокин)? В середине XVI в. источники упоминают четырёх Нашокиных, служивших при дворе по Белоозеру, Вязме и Новгороду. По предположению С.Б. Веселовского и А.А. Зимины, перебежчиком был новгородский сын боярский Мотякин-Нашёкин. Пять или шесть его возможных родичей попали в синодик опальных – казнены, согласно Веселовскому, в новгородский погром 1570 г., а по Зимину – в связи с побегом Семёна Нашёкина в Литву¹⁰⁴.

⁹⁹ ЦДАК України, ф. 25, оп. 1, спр. 6, арк. 15–16 зв.

¹⁰⁰ Ульяновський В. Князь Василь-Константин Острозький: історичний портрет у галереї предків та нащадків. Київ, 2012. С. 423.

¹⁰¹ Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 271–272. Е.Л. Немировский говорит о «буйном нраве» жителей Спасово, однако это, на наш взгляд, преувеличение, вызванное тем, что исследователь стремится показать преемственность между их нападением на московитов в 1564 г. и конфликтами с жителями соседнего села Кунино, принадлежавшего Дерманскому монастырю в 1575 г. Ср.: *Немировский Е.Л.* Начало книгопечатания на Украине. Иван Фёдоров. М., 1974. С. 93–94.

¹⁰² AGAD. ASK. Dz. II. № 22. К. 35–38, 68v–70v; *Konopczyński W.* Chronologia sejmów polskich 1493–1793. Kraków, 1948. S. 14.

¹⁰³ ПИРСС. С. 109, 123, 172, 194, 223; АСЗ. Т. 1. С. 100; Т. 2. С. 274–275; Т. 3. М., 2002. С. 375, 376, 506; Т. 4. М., 2008. С. 88; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 472.

¹⁰⁴ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 314–315; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 533, 535, 539, 543; *Зимин А.А.* Опричнина. С. 83, 316. Прим. 150.

**Награды, полученные в марте–апреле 1564 г. москвитями,
поступившими на службу к польскому королю**

Имена	Форма выплат		
	За выезд (злотые)	л – лундыш, и – итальянское сукно, д – дамаская ткань (локти)	Путевые (злотые)
Лутовин В.А.	18	15л	–
Лутовин О.А.	10	10л	–
Вепрев З.В.	10	10л	–
Нелидов Н.С.	18	15л	–
Лодыгин Г.П.	10	10л	–
Остафьев П.В.	22	10л	3
Игнат Лаврентьевич	18	10л	4
Булат Иванович	8	5л	–
Моневский Т.О.	18	15л	–
Колычев Б.Н.	28	5л + 5и	12
Александр Бесчастный	8	5л	–
Кодрицкий И.	6	5л	–
Сединцович С.	10	5л	–
Нащекин С.И.	14	10л	–
Вельяминов А.И.	14	10л	–
Ушаков С.В.	4	–	–
Бибиков И.Н.	4	–	–
Муратов П.Е.	4	–	–
Воейков Н.Г.	4	–	–
Шилин Т.Ф.	4	–	–
Василий Остафьев	2	5л	–
Григорий Петров	2	5л	–
Фёдор Саковков	2	5л	–
Григорий Семёнов	2	5л	–
Михайло Жохов	2	–	–
Семён (черкас)	4	5л	–
Иван (черкас)	4	5л	–
Лаврентий (черкас)	4	5л	–
кн. Григорий Подгорский	15	5и	4
Булгаков Н.Д.	10	5л	2
Самарин Семёнович	10	5л	2
Фёдор Павлович	10	5л	2
Олизар Иванович	10	5л	2
Третьяк Иванович	10	5л	2
Фёдор Иванович	10	5л	2
Василий Савельевич	10	5л	4
Остафий Ихватович	10	5л + 5и	4
Степан Исакович	10	5л	4
Солтан Ушакович	10	5л	2
Макарий Григорьевич	10	5л	2
Григорий Ахматович	10	5л	4
Петро Ушакович	10	5л	3
Иван Иевлевич	6	5л	3
Иван Мамкевич	10	5л	3
Фёдор Степанович	10	5л	3
Лев Зверь	10	5л	3
В.С. Заболоцкий	157	15д	–

Богдан Колычев – родовитый придворный, упоминаемый в московской официальной летописи перебежчик Богдан Никитич Хлызнев-Колычев, сообщивший полочанам о наступлении царя на рубеже 1562–1563 гг. Он был принят при королевском дворе с почётом и награждён из казны весной 1563 г., а осенью получил на «хлебокормленье» небольшой, но стабильный доход с Каменецкого замка¹⁰⁵.

Ещё один родовитый бенефициант короля – Андрей Иванович Вельяминов, потомок Дмитрия Дмитриевича Зерна. Родичи Ивана Никифоровича Бибикова держали владения в Тверском уезде и в Новгородской земле. Пётр Ефимьевич Муратов – вероятно, из рода рязанских детей боярских. В знатном роду Невгаса Григорьевича Воейкова известен опричник Матвей Семёнович Воейков – в этом качестве он выступает в источниках не ранее 1566 г.¹⁰⁶ Если Иван Иевлевич происходил из рода Иевлевых, то перед нами представитель детей боярских, чьи владения обнаруживаются в XVI в. в Тульском и Можайском уездах¹⁰⁷. Никифор Дмитриевич Булгаков – возможно, сын казнённого в опричнину рязанского сына боярского Дмитрия (возможно – Фёдоровича) Денисьева-Булгакова, чьё имя в конце правления царя Ивана внесено в синодик опальных¹⁰⁸. Василий и Михаил Жоховы – родословные дети боярские, выведившие своего предка, Родиона Нестеровича, из Литвы. Некоторые представители рода к моменту введения опричнины владели поместьями в Новгородской земле. Младшим сыном Андрея Невежина Жохова был Василий, о котором в родословцах говорится: «казнил ево царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси»¹⁰⁹. Казни В.А. Невежина и Д. Булгакова могут быть связаны с королевской службой их родичей.

Нет данных о том, с кем в родстве был А. Бесчастный. В родословцах встречается только один человек с таким прозвищем – кн. Пётр Безчасный Дмитриевич Ростовский¹¹⁰. Однако возможный сын Александра Мокей Бесчастный-Немиринский – хорошо известный источникам кременецкий шляхтич, и с княжеским титулом он никогда не писался. Остаётся лишь догадываться, кто такой Тимофей Фёдорович Шилин – может быть, представитель рязанского рода Шиловских или детей боярских Шиловых¹¹¹. Литвинами, вероятно, были Иосиф Кодрицкий, Семашко Сединцович. Трудно что-то

¹⁰⁵ Очевидно, речь идёт о сыне Никиты Борисовича Хлызнева-Колычева. Помет о его побеге в родословцах нет: ПИРСС. С. 110 (л. 190 об.); ПСРЛ. Т. 13. С. 350; AGAD. ASK. Dz. I. № 192. К. 6, бв; РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 38, л. 439–440; кн. 39, л. 597–597 об.

¹⁰⁶ ПИРСС. С. 79–80; АСЗ. Т. 2. С. 264; Т. 4. С. 36; Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов. СПб., 2001. С. 95; Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // РД. Вып. 8. М., 2002. С. 45, 77; Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 31; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 222, 472.

¹⁰⁷ Антонов А.В. Частные архивы... С. 141–142. Возможность принадлежности Иевлевича к роду Иевлевых весьма велика, учитывая, что в польско-литовской практике форманты *-ski* (*-ский*) и *-wicz* (*-вич*) нередко использовались в фамильных прозвищах шляхты восточнорусского происхождения.

¹⁰⁸ ПИРСС. С. 223. См. также: Курбский А.М. Указ. соч. С. 762–763. Примеч. 100 об.–2.

¹⁰⁹ ПИРСС. С. 103–104. Дети Фёдора Невежина в родословцах не показаны, но в родословной книге кн. М.А. Оболенского для их имён оставлено место. Какой-то Данила Жохов вместе с Семейкой Болдыревым составлял рязанские отписные книги 1579/80 г. См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1848. С. 98–99 (№ 114).

¹¹⁰ ПИРСС. С. 42.

¹¹¹ АСЗ. Т. 4. С. 361–383.

определенное сказать об Игнате Лаврентьевиче и Булате Ивановиче. Лишь с именными прозвищами выступают в списке черкасы Семён, Иван и Лаврентий. Черкасский князь — Григорий Подгорский и ещё один в списке, вероятно, нетитулованный татарин или черкес Григорий Ахматович.

Наши сведения об этих москвитях позволяют нам ответить на ряд дискуссионных вопросов, возникающих в связи с реестром сеймовых пожалований, прежде всего, когда они выехали в Польско-Литовское государство. Это не выплаты за единовременный выезд. Колычев и Булгаков, к примеру, выехали уже к началу 1563 г. Ещё раньше на службу Сигизмунда II перебрались Вепрев, Зверев, Цвилленев. Заболоцкий служил в Короне, Литве и Венгрии с середины 1550-х гг., хотя только в мае 1563 г. был приглашён королём из Трансильвании на Московскую войну. Трудно сказать, воевал ли он уже в Венгрии вместе с кем-то из москвитов, получивших жалование весной 1564 г., однако такой возможности исключать нельзя. Поскольку он упомянут в одном ряду с ними, но с явным превосходством в размере пожалования, можно предположить, что именно он и был ротмистром. Рота москвитов состояла, как ясно из приведённых имён, не только из русских, но и из представителей других народов, вероятно поступивших на московскую службу и после пленения или побега перешедших на службу к королю. В пользу данного предположения укажем, что ряд награждённых в 1564 г. получил от короля земли незадолго до выплат в одном месте — Кременецком старостве (З.В. Пятый Вепрев, Л. Зверев, П.В. Остафьев, кн. Г.Ф. Подгорский, О.О. Ушак, возможно — А. Бесчастный). Вблизи Кременца получали имения и другие эмигранты — москвиты и пятигорцы. Среди них — в Вороновцах Д.Д. Водопьян, в Осниках братья Б.И., В.И. и И.И. Бунаковы, А. Чухнов, а также О. Бахтияр Измайлов, который появляется в числе брацлавских и винницких шляхтичей, принёсших присягу Короне Польской в 1569 г., а затем в 1579 г. с тремя конниками в венгерской гвардии Стефана Батория и в одном ряду с В.С. Заболоцким и Аг.В. Сарыхозиным¹¹².

Прежде чем обобщить сведения о пленных и погибших на Уле и эмигрантах, награждённых в 1563 и 1564 гг. на коронных сеймах и наделённых землями в Великом княжестве Литовском, остановимся на событиях, нагнетающих мобилизационные настроения в России.

После битвы на Уле произошли драматичные, многократно и в подробностях описанные современниками убийства князей М.П. Репнина, Ю.И. Кашина и, вероятно, Д.Ф. Овчинина-Телепнёва-Оболенского¹¹³. Нет единства между исследователями в отношении причин опалы, наложенной в 1564 г. на Шереметевых¹¹⁴. Смерть Никиты Васильевича и опала его брата Ивана Большого может быть в прямой связи с участием Ивана Меньшого в губительной военной кампании. Крестоцеловальная запись по И.В. Большому-Шереметеву от 8 марта 1564 г. связывала круговой порукой значительный круг элиты и впервые в таком масштабе фокусировала подозрительный взгляд царя на нетитулованной боярской знати. В целом в 1564 г. приостановилась раздача традиционных

¹¹² *Собчук В.* Указ. соч. С. 375–386.

¹¹³ *Курбский А.М.* Указ. соч. С. 663–664. Примеч. 81–4.

¹¹⁴ Показательна с этой точки зрения дискуссия о причинах опалы и казни Н.В. Шереметева. А.А. Зимин связывал её с поражением войска на р. Уле в январе 1564 г. В ответе на критику исследователя отмечал, что Шереметев понёс наказание как смоленский воевода, т.е. по косвенной вине (*Зимин А.А.* *Опричнина.* С. 79–80). Р.Г. Скрынников оспаривал эту концепцию и считал, что поскольку Н. Шереметев в Ульской битве участия не принимал, выводы Зимина ни на чём не основаны (*Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 176).

высших чинов — бояр и окольных, из Думы выбыли девять бояр и двое или трое окольных; тогда же в её составе значительное место заняли новые выдвиженцы царя — думные дворяне¹¹⁵.

30 апреля 1564 г. на сторону Сигизмунда II Августа перешёл юрьевский наместник кн. А.М. Курбский во главе 12 спутников. По нашему предположению, князь подготовил письма в Москву и в Псково-Печерский монастырь накануне побега, хотя ещё один экземпляр своего Первого послания Ивану Грозному он отправил уже из Вольмара или с территории Великого княжества Литовского. Послание, как и переписка с Вассианом Муромцевым, получило хождение в России вскоре после побега Курбского. Сходные настроения, возможно, с опорой на письмо Курбского или его изложение в ответном письме Ивана Грозного, выразил в своих посланиях «Жалоба» и «Плач» другой заточник Московского царства — подозреваемый в шпионаже Исая Каменецкий. Примерно в одно время с Курбским в Великом княжестве Литовском нашли убежище Т.И. Тетерин и четверо братьев Сарыхозиных. В том же году, когда на смену Курбскому в Юрьев приехал на наместничество М.Я. Морозов, будущие соседи по упитским именам в Литве князь Андрей Курбский, Тимофей Тетерин и Умар Сарыхозин обращались к нему с письмом (только от лица Тетерина и Сарыхозина), с призывом последовать их примеру. Около того же времени, возможно во время работы над печатными «Апостолом» и «Часословцем» (до 29 октября 1565 г.), попали под обвинение в ереси и, очевидно, государственной измене печатники Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец. Им пришлось покинуть страну. Всех названных книжников объединяют цитатные совпадения в их сочинениях, свидетельствующие о единстве интеллектуального круга. Послания Курбского и Тетерина-Сарыхозина были первыми случаями открытой агитации в пользу эмиграции со стороны московских перебежчиков. И они имели последствия, о которых можно судить по масштабам литературной работы, проделанной Иваном IV и его окружением с целью ответить «изменникам». Опричный террор был ещё одним «ответом» на измены воевод и служилых людей.

Битвой на Уле череда неудач и потерь для Российского царства не была исчерпана. Осада крепости Озерище воеводой Юрием Токмаковым закончилась 22 июня 1564 г. ударом двухтысячного отряда витебских наёмников, шляхтичей и казаков, отправленного на помощь крепости витебским старостой Станиславом Миколаевичем Пацем. Исход битвы был плачевным для москвитов — согласно М. Стрыйковскому, 5 тыс. человек погибло, «других разгромили, связали и взяли артиллерию с обозом и многочисленными трофеями»¹¹⁶. Впрочем, 6 ноября того же года Токмакову удалось захватить Озерище.

В том же 1564 г. в Винницу были направлены слуги господарские — дети боярские из России. Далеко не всем удалось прижиться в Брацлавском повете. В числе винницких и брацлавских шляхтичей, принесших присягу Короне Польской в Брацлавском замке в 1569 г., были москвиты. Одни из них упомянуты как женатые на местных вдовах, другим приходилось искать счастья в других поветах. И. Дьяков, к примеру, что-то не поделил с местной шляхтой и вынужден был продать имение.

¹¹⁵ *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 72, 79; *Богатырёв С.Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть вторая (1560–1570) // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 98–101; *Филошкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 194–201.

¹¹⁶ *Strykowski M.* Op. cit. T. 2. S. 415–416.

В приход войска М.Ю. Радзивилла под Полоцк в сентябре–октябре 1564 г. на литовскую сторону перебежал Осьмой Михайлов Непейцын, вскоре после этого награждённый на Петрковском сейме¹¹⁷. Родичи Непейцына пережили опричнину и сохранили поместья в Бежецком Верхе и Владимирском уезде¹¹⁸.

В польско-литовской Руси король продолжал наделять новых слуг, показывая милость к своим новым подданным. Черкес кн. Гаврила Камбулатович Пятигорский получил в 1565 г. в Каменецкой волости двор Ельную с сёлами «на вечность» за военную службу «против люду непрятельскому з нелитованьем горъла и розлитьем крови». В правление Сигизмунда II и Стефана Батория он неоднократно выступал во главе своей роты «против князю великому московскому»¹¹⁹.

Опричнина и религиозные преследования в Москве вытолкнули около 1566 г. в Речь Посполитую первопечатника Ивана Фёдорова с сыном Иваном и Петра Мстиславца. В том же году Архив Королевской казны зафиксировал небольшие денежные раздачи москвитам Солтану, Павлу, Семёну, Ивану и Иванку. Е.Л. Немировский предположил, что Иван и Иванко – это И. Фёдоров и его сын¹²⁰. Однако если Солтан – это Солтан Ушакович, выехавший двумя годами раньше, то нельзя исключать, что и все остальные получатели вознаграждения могли приехать на королевскую службу в 1563–1564 гг., что лишает почвы предположение о том, что Иван и Иванко – это Фёдоровы. Есть и другие странности. Во-первых, 2 золотых – сравнительно малая сумма, а Фёдоров, по его словам, был представлен литовской раде. Во-вторых, неясно, почему Фёдоровы получили вознаграждение, а Пётр Мстиславец – нет. Ранее я высказывал предположение о тождестве И. Фёдорова с И.С. Пересветовым¹²¹. Переезд Фёдорова на королевскую службу в таком случае должен был восприниматься как возвращение после долгих лет работы в Москве. Фёдоров до самой смерти пишет себя «москвитинном». Это не противоречит гипотезе о его предыдущем знакомстве с европейскими «странами незнаемыми», однако делает маловероятным получение им и его сыном средств из Казны наравне с обычными детьми боярскими.

Около 1565–1566 гг., но не позднее августа 1566 г. в Литве оказался сын боярский Ф.Ф. Бедрынский и его жена Василиса Григорьевна. Московское происхождение Василисы может быть установлено предположительно на основе её неустойчивого положения после смерти мужа. Чтобы сохранить часть его имений, вдове пришлось искать защиту у других москвитов – и вряд ли случайно её выбор пал на сына Б.И. Бунака, Фёдора, которого она усыновила и сделала наследником имения мужа¹²².

В Великом княжестве Литовском перебежчиков и уже освоившихся выходцев из Московского царства ждали весьма выгодные условия интеграции. Литовский статут 1566 г. разрешал королю наделять иноземцев землёй как во временное пользование, так и на «вечность». По сути, он благоприятно сказывался на формировании в подвластных королю русских землях шляхты московского

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 390; AGAD. ASK. Dz. I. № 203. К. 71. Указание в реестре выплат на постановление Петрковского сейма заставляет отнести дату награждения ко времени не ранее 18 января 1565 г., когда сейм открыл работу: *Konopczyński W. Chronologia...* S. 14.

¹¹⁸ АСЗ. Т. 2. С. 371; Т. 3. С. 232–233; Т. 4. С. 178.

¹¹⁹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 83, л. 75 об.–77, цит. с л. 75 об. и 76.

¹²⁰ *Немировский Е.Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 118.*

¹²¹ *Ерусалимский К.Ю. Греческая «вера», турецкая «правда», русское «царство»...: ещё раз об Иване Пересветове и его проекте реформ // Вестник РГГУ. 2011. № 7(69). С. 87–104.*

¹²² РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 83, л. 91 об.–92.

происхождения. Однако в том же году Бельский вальный сейм принял ограничение, согласно которому наделение землёй должно было происходить только с его согласия¹²³. Этот конфликт так и не был разрешён, обозначив одну из болевых точек в противостоянии короля и шляхты.

Сдвинулся с места и вопрос о пленных. В августе 1566 г. Сигизмунд II Август одобрил размен одного на одного. В Москву после пятилетнего заключения должен был вернуться кн. С. Белозерский-Нороватый. Взамен литовский стольник, державца виленский М. Кухмистрович-Дорогостайский добился освобождения своего брата Петра. Обмен должен был состояться на московско-литовской границе, и специальным «листом» король оповещал о предстоящем обмене старосту пограничного Бельского староства Ю.А. Ходкевича. Однако в Москве было решено отдать за Нороватого не П. Кухмистровича, а кн. Б. Лукомского. Король принял предложение¹²⁴.

Подводя итоги, отметим, как именно Литовская война 1562–1566 гг. отразилась на внутренней политике Российского государства. Первые внесудебные расправы, суды над воеводами и смена ближайшего окружения царя Ивана в 1560–1562 гг. показали, что в русском обществе существовало недовольство курсом на войну против Великого княжества Литовского. Круг официально обвинённых представителей Боярской думы состоит, главным образом, из «литовской» элиты, которую Иван IV шантажировал обвинениями в заговоре, временными опалами и крестоцеловальными обязательствами. На этом фоне антипольские и антилитовские настроения подогревались непосредственно в окружении царя, закладывая основы для мобилизационной ксенофобии. Плен открыл её особую грань: шляхтичей разослали по тюрьмам, элиту держали под присмотром в боярских дворах, заставляя работать, но допуская вплоть до 1566 г. переписку с родными за границей, свидания, проведение легитимных правовых собраний и оформление сделок. Заседания московской комиссии полоцкой шляхты под присмотром царской администрации и даже при участии московских чиновников, по всей видимости, отвечали проекту частичной реконструкции полоцких шляхетских учреждений в случае компромисса между царём и пленными.

Массовые раздачи полоцких земель московским детям боярским начались уже после московских переговоров с литовским посольством, где полоцкие заложники предстали перед литвинами только как тюремные заключенные. В то же время косвенно общение будущих земских руководителей с пленными могло наращивать в царе подозрительность и приводить к бурным сценам между ним и боярами — свидетелем одной из них стал Я. Глебович. Пленники воспринимались как возможные агенты, и царь не оставлял надежды, что сможет вербовать из их рядов своих тайных сторонников в Великом княжестве Литовском. Это не могло не сказаться на восприятии пленных московитов, численность которых после Ульской битвы выросла, а родичи многих из них занимали в Москве видные позиции.

Первые поражения московских войск и всё громче звучащие при дворе Ивана Грозного обвинения воевод в измене требуют особого внимания в связи с введением опричнины. Как уже отмечалось, само значение этого слова тесно связано с представлениями о вдовстве и сиротстве. Сегодня, когда известны многие

¹²³ Dąbkowski P. Stanowisko cudzoziemców w prawie litewskim w drugiej połowie XV i w XVI w. (1447–1588). Lwów, 1912. S. 52–61.

¹²⁴ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 47, л. 49 об.–50, 92–92 об.; кн. 267, л. 70.

имена представителей государева двора и детей боярских, погибших и эмигрировавших в 1561–1564 гг., причины введения опричнины невозможно обсуждать в отрыве от земельной и финансовой политики, направленной на сглаживание последствий удара войны по московскому служилому классу. С её началом именно высшее боярство попало под волну подозрений. На них — двор удельного князя Владимира, брата царя Ивана, и боярскую верхушку из рода князей Гедиминовичей — пришлось подозрения в неверности и крестоцеловальные церемонии, связавшие государев двор круговой порукой. Важнейшим обязательством для всех названных лиц стало несодействие врагу. Нормы 61-й статьи Судебника, санкционирующей смертную казнь для «градских здавцев» и «крамольников», было отныне недостаточно. Царь возвращался к давно забытой политике прямых личных обязательств, получившей позднее развитие в клятве опричников и вызвавшей осуждение в сочинениях Курбского. На смену истинным друзьям царя, по его мнению, пришли «презлые ласкатели... паче же шурья его и другие с ними нечестивые губители всего тамошнего царства»¹²⁵.

Высшее военное командование — бояре, окольниковичие и небоярская военная элита — подпало под особый контроль со стороны царя и его нового окружения. Именно в этих слоях московского общества следует искать злополучных «сильных во Израили», воевод-страдальцев от гнева и ненависти царя. Князь Андрей хорошо понимал, что они в Москве ниже по статусу, чем цари, великие князья, удельные князья и верхушка боярства, к которой он сам себя ни в коей мере не относил. Расположение рассказа о смерти князя Владимира Старицкого и его родичей в одном ряду с прочими князьями в «Истории», завершённой как целое Курбским уже в Речи Посполитой, отражает самосознание автора в польско-литовском социуме. Возмущение князя, выразившееся в намёках Первого послания, вызвали бессудные убийства воевод из того класса, к которому он сам себя относил, — в первую очередь таких, как князья М.П. Репнин, Ю.И. Кашин, Д.Ф. Овчинин. Они были убиты без очного суда, но, как мог быть уверен Курбский, по указу или с тайного согласия царя. Первые же опричные казни после возвращения царя Ивана в январе 1565 г. из Александровской слободы были демонстративной расправой, жертвами пали, в частности, клан князей Горбатых-Шуйских — Головиных-Третьяковых, ближние родичи тайно убитых за год до того князей Ю. Кашина и Д. Овчинина — князья И.И. Сухово-Кашин и Д.Ф. Шевырёв. Их родичей князей Д.И. Немого и И.А. Куракина постригли в монахи.

Если обратиться к первым опричникам 1565–1566 гг., то в их рядах не обнаруживается ни одного представителя из родов высшего разрядного командования первых лет Литовской войны. Как показывают поныне не утратившие научного значения наблюдения В.Б. Кобрин, впервые в опричнине фамилии воевод-«изменников» упомянуты: Ф.М. Денисьев-Булгаков — не ранее июля 1566 г., П.И. Кашкаров — в сентябре 1567 г., В.И. Умного-Колычев — в сентябре 1567 г., кн. И.П. Охлябинин — в сентябре 1567 г., З.И. Очин-Плещеев — не ранее июля 1566 г., кн. В.И. Темкин-Ростовский — не ранее июня 1567 г.¹²⁶

¹²⁵ Курбский А.М. Указ. соч. С. 118.

¹²⁶ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 39, 44, 46, 57, 82; Зимин А.А. Опричнина. С. 98. Басмановы-Плещеевы, видимо, не пострадали от опал и подозрений в адрес Очиных-Плещеевых, а наоборот, могли усилиться за счёт близости к царю. А.А. Зимин отмечал, что Очин-Плещеев и кн. Охлябинин могли войти в опричнину сразу после Земского собора 1566 г.

Эмигранты, выехавшие из России за годы до опричнины, также не были забыты. После суда над Избранной радой, падения Тарваста и Стародубского «дела» поиск родичей «изменников» не мог провести наветчиков мимо грозной ремарки «бежал в Литву». В.С. Заболоцкий, свободно выехавший из страны в середине 1550-х гг., в эпоху опричнины начал упоминаться как видный «государев изменник», а ряд его родичей значился в синодике опальных. Испомещённые во владениях короля в 1558 г. Б.И. Шишкин и Т.Т. Цвилленев – по-видимому, близкие родичи репрессированных Шишкиных-Ольговых и подследственного по «господарьскому делу» Прокоши Цвилленева. Сохранившиеся источники не позволяют сказать, как именно отразились королевские службы С. Шарапова и О. Ушакова на их московских родичах, однако показательно, что ещё один представитель рода Ушаковых (Никон) бежал во время опричнины в Швецию¹²⁷.

Террор уничтожил «всеродне» родственников «стрелецких голов»-эмигрантов Тетериных и Сарыхозиных. Полностью истреблены были князья Горбатые, Курбские и Горенские. В опричнину никогда, очевидно, не входили воеводы, обвинённые в неудачах 1561–1564 гг., – Морозовы и Шереметевы, кн. Воротынские и Оболенские (Горенские, Кашины, Овчинины, Репнины, Серебряные), а также Палецкие и Гундоровы. Наоборот, все видные «изменные воеводы» кануна опричнины и их ближние родичи оказались в земщине и земской думе (кн. И.Д. Бельский, кн. М.И. Воротынский, до побега и казни – кн. П.И. Горенский, кн. А.Д. и В.Д. Палецкие, кн. В.С. и П.С. Серебряные, возможные участники Ульской битвы Василий и Семён Колычевы). В рядах служилой «мелкоты» и выходцев из известных, но захудалых родов список Дубровского и реестры Королевской казны открывают также ряд имён, мелькнувших в опричнине. Однако все известные ныне опричные назначения из данных фамилий также более поздние: Р.В. Алферьев-Нашокин – в сентябре 1567 г., М.С. Воейков – не ранее 1566 г., А.Д. Гвоздев-Заборовский впервые в опричнине упомянут не ранее июля 1566 г.

При этом возможный участник Ульской битвы кн. С.Г. Гундоров и его родич кн. Д.В. Гундоров, родич Ивана Коробова В.В. Коробов, ещё один воин Улы Василий Молвянинов, родич Чулковых И.И. Чулков и родич Фетения Чихачёва М. Чихачёв – все они вошли в 1565–1566 гг. в земскую элиту¹²⁸. Никто из ближних родственников воинов Чашницкой битвы в опричнине не отмечен. Тот же вывод уместен применительно к именам московитов Варшавского и Петрковских реестров марта–апреля 1564 г. и начала 1565 г. Ни один представитель родов воинов, перешедших на королевскую службу, не вошёл в опричнину (по крайней мере, в 1565 г.). В то же время в их рядах видные выходцы из тех родов, которые оказались в земщине и от опричнины пострадали (Булгаковы, Вельяминовы, Заболоцкие, Колычевы, Лодыгины, Нашокины, Остафьевы). Расположение их основных родовых владений накладывается на карту первых же опричных конфискаций – это Великий Новгород, Костромской, Можайский, Тверской уезды.

Опричнина была связана с потрясениями Русско-Литовской войны и первыми тяжёлыми поражениями царских войск. Это была репрессивная мера, направленная в момент её проведения против родов служилых людей, запятанных поражениями в войне, ошибками командования, медлительностью в военной службе, нежеланием воевать. По самому смыслу наименования

¹²⁷ *Зимин А.А.* Опричнина. С. 84.

¹²⁸ *Кобрин В.В.* Указ. соч. С. 31, 40, 54, 121–126.

опричина была призвана обеспечить землёй и средствами к существованию дворянских вдов и недорослей, осиротевших из-за гибели кормильца. На практике, в отличие от Великого княжества Литовского, ответственность за такие вдовьи наделы детей боярских перехватила высшая государственная власть. Одним из важнейших требований служилых людей после Казанской войны 1552 г. было обеспечение вдов погибших воинов. Максим Грек, по словам кн. А.М. Курбского, призывал тогда Ивана IV не ездить по монастырям, исполняя неразумные молитвенные обеты: «Егда доставал еси так прегордаго и силнаго бусурманского царства, тогда и воинства христианского храбраго тамо немало от поганов падоша, яже брашася с ними крепче по Бозе за православию. И тех избивенных жены и дети осиротели и матери обещадеши, во слезах многих и в скорбех пребывают»¹²⁹. По свидетельству Курбского, царь Иван не прислушался ни к советникам, ни к учёному старцу. В отличие от событий осени 1552 – весны 1553 г. в 1564 г. погибшие «христианские воины» не заслужили общецерковного поминания, а об их жёнах и детях известно крайне мало.

Общая для современных европейских государств правовая модель лишала жену и других домочадцев дворянина права распоряжения имуществом, однако наделяла вдову правами на мужнюю собственность, почти равными мужским¹³⁰. «Вдовья доля» (по-русски – опричина) попадала под контроль хозяйки. Эта доля ограничивалась «веном» (брачным даром со стороны мужа), когда владение умершего мужа переходило в собственность законных наследников, или одной третьей имения, если «вено» не было выделено, а сын вдовы вступал в права. В широком смысле «вдовым стольцом» считался весь надел шляхтича, если после его смерти вдова не постриглась в монахини, не вышла снова замуж, не отдала имения под опеку, и если не вступил в права законный наследник. В последнем случае Литовский Статут 1529 г. устанавливал право на опеку в последовательности: совершеннолетний сын, вдова, затем – братья мужа (дядья по «мечу»), братья жены (дядья «по кудели»), все остальные родственники или посторонний «добрый человек» – в последнем случае по решению господаря или панов-рады¹³¹. С небольшими уточнениями эта норма сохранилась ко времени принятия Статута 1566 г. Опекуны гарантировали сохранность надела к моменту поступления мужских наследников на военную службу и выдачи дочерей вдовы замуж. Литовский статут минимизировал роль высшей власти в распределении имущества погибшего шляхтича, ограничивая её условиями возвращения выморочного надела в казну и правом господаря конфисковать имущество установленных по суду соучастников государственной измены.

Казня «изменников», царь Иван создавал фонд земель и имущества («животы... имал на себя»), с которых должны были кормиться верные слуги, и навёл ужас на приказных, детей боярских и воевод, чьи владения за военные и административные проступки отныне неумолимо подлежали конфискации. Репрессивная составляющая чрезвычайной земельной реформы в Литве не столь заметна, поскольку исчерпывалась нормами Литовского Статута. Случаи

¹²⁹ Курбский А.М. Указ. соч. С. 66.

¹³⁰ Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002. С. 74–75; см. также: Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–XIX в.). М., 1997; Старченко Н. Шлюбна стратегія вдов і кілька проблем навколо неї (шляхетська Волинь кінця XVI ст.) // Київська старовина. 2000. № 6(336). С. 58–74; 2001. № 1(337). С. 42–62; № 4. С. 20–42.

¹³¹ Первый Литовский Статут. Тексты на старобелорусском, латинском и старопольском языках. Т. 2. Ч. 1. Вильнюс, 1991. С. 122–157.

конфискации имущества постановлением господарских и сеймовых судов по обвинению в государственной измене и передачи недвижимости новому собственнику распространялись и на новоприбывших эмигрантов – «сынов боярских», в том числе в тех случаях, когда они совершали побег, чтобы вернуться в Московское государство. Однако сами возможности обвинения в государственной измене были в литовском праве прописаны. В московском праве они были по Судебнику 1550 г. оставлены на волю господара, поэтому и само понятие «измены» могло толковаться расширительно и действовать в чрезвычайном режиме сколь угодно широко. Его ограничивало право обвиняемого на церковное «печалование», упразднённое или минимизированное по воле царя после смерти митрополита Макария в конце 1563 г.

Как известно, на Петровском сейме в ноябре 1562 – марте 1563 г. шляхта выступила с категоричным требованием «экзекуции прав», т.е. прежде всего люстрации королевских имений. Её лидер М. Сеницкий доказывал, что необходимо лишить магнатов права владеть королевскими имениями и требовал передать их под контроль «всего шляхетского народа». Польскому дворянству удалось добиться ограничения доходов сенаторов с королевских имений одной пятой. Основные доходы поступали в казну, и из них король обязан был содержать несколько тысяч экстраординарного войска («wojsko kwarciane»). Таким образом, в Короне в первый год Московской войны было создано профессиональное войско, которое содержалось благодаря оттеснению магнатории от доходов с королевских владений. Впрочем, делегация от Великого княжества Литовского на Варшавском сейме ноября 1563 – марта 1564 г. отказалась принимать условия унии с Коронай и не приняла программу экзекуционистов, поддерживая образ литовской магнатской тирании в противостоянии польской шляхетской демократии. Однако в смягченной форме перемены коснулись и Литвы. Пример чрезвычайной земельной политики, также в тесной связи с Московской войной, подал Виленский сейм 1563 г. Постановления, облегчающие полоцким шляхтичам несение военных повинностей, перекладывали на литовское руководство и на боеспособную шляхту тяготы хозяйства пострадавших шляхетских семей.

Была ли опричная реформа в Российском царстве в 1564–1565 гг. аналогом польской и литовской? Сохранившиеся данные о земельной политике в годы опричнины говорят о резком повышении числа чрезвычайных распоряжений – продаж недвижимости, монастырских вкладов, пожизненных и позволяющих наследникам вкладчика впоследствии выкупить надел. Вдовам удавалось укрыть вотчины мужей от поместной раздачи, даже когда эти владения входили в опричнину или двор государя. Только прямое обвинение в измене, опала и полная конфискация имущества, включая документы на имения и деньги, полученные от перепродажи, позволяли государству нарушить права наследников. Хорошо изучены примеры распоряжений вдов из родов, пострадавших от Ульской битвы. Несомненно, среди них были те, кто стремился спасти имение кормильца, заложив его монастырю с правом выкупа (вдова И.И. Вельяминова – в костромской Ипатьев монастырь, вдова кн. С. Гундорова – в суздальский Спасо-Евфимьев)¹³². Последующие расследования, иногда

¹³² Зимин А.А. Опричнина. С. 203; Юрганов А.Л. О стародубском «уделе» М.И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 67–68.

много лет спустя после формальной отмены опричнины в 1572 г., показывали, что юридические основания этих распоряжений были шаткими.

Принцип рекрутирования и содержания опричников типологически не отличается от польского регулярного наёмного войска. В Российском царстве акцент в мобилизационной земельной политике был сделан на репрессивном перераспределении земель внутренних «изменников» и других опальных, а также вдов и жён пленных государевых холопов и эмигрантов. Перераспределение позволяло подавить антивоенные настроения, дезертирство и всё, что могло быть воспринято как симпатии к внешнему врагу или уклонение от службы, внеправовым и внесловным контролем — крестоцеловальными грамотами, доносами, конфискациями по подозрениям в попытке государственного переворота, родовой и коллективной ответственностью, индивидуальными обменами вотчин на поместья и массовыми депортациями. Опричники выполняли функции тайной полиции, получив особые полномочия по выявлению государственных преступлений и расследованию «слова и дела государевых». Возможно, устрашающие реформы в Москве возымели действие, и некоторое время чрезвычайный режим контроля исправно работал на сдерживание саботажа, дезертирства и эмиграционных настроений. Однако он дал сбой уже в первый год существования опричнины, потребовал новых компромиссов трона с земскими служилыми людьми и верхушкой посада, значительным числом гололов выступавших против войны в ходе Земского собора в июне—июле 1566 г., а также после него.

Подозрения царя и его нового окружения в адрес Боярской думы углубились после поражения войска кн. П.И. Шуйского на р. Уле. Литовский «фактор» вырос из мобилизационной ксенофобии в инструмент политических манипуляций, которым царь распоряжался по своему усмотрению. В этом смысле опричнина не была институтом политической централизации и не несла с собой никаких новых социально-экономических отношений. У истоков опричнины, как я пытался показать выше, было недовольство царя военными неудачами и поиск ответственных за гибель, пленение и эмиграцию сотен служилых людей после первых столкновений с Великим княжеством Литовским. Гонения против знати после Земского собора, расследование «ссылки» бояр с панами-радой и «дело» И.П. Козлова, «дело» И.П. Фёдорова, казни Владимира Старицкого, его матери, жены, двора и окружения, поход в Новгород и Псков, конфискации имущества королевских купцов, убийства пленных поляков, литвинов и немцев, казни на Поганой Луже в Москве объединяет, помимо всего прочего, то, что они были направлены против Литвы и литовских симпатий. Причём независимо от того, насколько и в каких целях литовский «фактор» был сфабрикован, обвинения в измене в пользу польского короля, убийства поляков и литвинов, казни лиц, причастных к дипломатии, говорят о том, что в Москве накалялись страсти против западного соседа. На всём протяжении существования опричнины в посольских наказах представителям царя в Короне Польской и Великом княжестве Литовском предписывалось отговариваться и заявлять о том, что никакой опричнины царь не вводил, а ложные слухи, распространяемые эмигрантами, сеют вражду между государями. Опричнина была, таким образом, секретной мобилизационной политикой, выражением и формой нетерпимости по отношению к внешнему врагу, к его подозреваемым сообщникам внутри Российского государства и реакцией российской власти на первые крупные поражения.

**«За царскую честь война весть»:
время и причины принятия решения
о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в.**

Вячеслав Козляков

**«To make war for the Tsar's honor»:
time and reason of decision
to start the war with Polish-Lithuanian Commonwealth in the mid 17th century**
Viacheslav Kozliakov (Esenin Ryazan State University, Russia)

Идея реванша Московского государства за поражения Смуты вызревала много лет, пока обстоятельства не привели к новой, надолго определившей развитие дальнейшей русской истории, войне с «Литвой» в 1654–1667 гг.¹ В последние годы правления царя Михаила Фёдоровича и в начале царствования Алексея Михайловича Московское царство и Речь Посполитая были на пути к общему миру, готовя союзные действия в противостоянии с Крымским ханством и Османской империей вплоть до смерти короля Владислава IV в 1648 г.² Однако вскоре произошёл поворот от мира к войне, во многом обусловленный борьбой гетмана Богдана Хмельницкого за независимость территории Запорожского Войска от Речи Посполитой.

В.О. Ключевский давно писал о «двусмысленных отношениях», установившихся между Москвой и Малороссией «с самого начала восстания Хмельницкого» из-за того, что «успехи Богдана превзошли его помышления». Стоит перечитать слова Ключевского: «Не понимая друг друга, и не доверяя одна другой, обе стороны во взаимных отношениях говорили не то, что думали, и делали то, чего не желали. Богдан ждал от Москвы открытого разрыва с Польшей и военного удара на неё с востока, чтобы освободить Малороссию и взять её под свою руку, а московская дипломатия, не разрывая с Польшей, с тонким расчётом поджидала, пока казаки своими победами доконают ляхов и заставят их отступить от мятежного края, чтобы тогда легально, не нарушая вечного мира с Польшей, присоединить Малую Русь к Великой»³. Как известно, в 1653 г. был созван Земский собор о «литовском деле», принявший решение о разрыве дипломатических отношений с Речью Посполитой и открывший процесс «воссоединения Украины с Россией».

© 2017 г. В.Н. Козляков

¹ См.: *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974; *Малов А.В.* Русско-польская война 1654–1667 годов. М., 2006.

² *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х – 40-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 165–171; *Kozljakov V.N.* Zar Michail Fedorovič Romanov und König Władysław IV: der Weg vom Krieg zum Frieden // *Frühneuzeit Info* (Wien). Jahrgang 19 (2008). № 1. P. 21–26.

³ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // *Ключевский В.О.* Собрание сочинений в 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 109–112.

Последний термин советской историографии «по привычке», без какого-либо политического подтекста и теперь используется в отечественной науке. В 1990-е гг. украинские историки отказались от этой «юбилейной» терминологии 1954 г. и в дальнейшем разошлись в оценках событий середины XVII в. с российскими⁴. Обращения «черкас» о принятии их под высокую руку московского царя в 1648–1654 гг. историки Украины связывают с необходимостью поиска «протектората» в ходе «национальной революции» (В.А. Смолий, Н.А. Степанков), делая акцент на формировании украинской государственности (В.Н. Горобец, Л.Д. Гвоздик-Прицак). Переяславская рада 1654 г. стала трактоваться как ошибка Богдана Хмельницкого и даже трагедия, лишившая Украину «европейского» цивилизационного выбора⁵. Несколько особняком стоят труды Т.Г. Таировой-Яковлевой, стремящейся уйти от искусственного деления на украинский и российский подходы к истории середины XVII в.⁶ Значение Переяславской рады в контексте взаимоотношений России и Гетманства в 1650-х гг. рассмотрено Б.Н. Флорей. Исследователь показал, что взгляды историков варьируются в зависимости от того, как они трактуют Переяславскую раду: «произошла инкорпорация гетманства» или был заключён «обычный военно-политический союз». Проведённый анализ привёл автора к выводу о том, что «вмешательство России в тянувшуюся уже ряд лет войну между Речью Посполитой и Гетманством» было обусловлено собственными планами «русского руководства», расхившимися с

⁴ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 319–337; Россия–Украина: История взаимоотношений. М., 1997; История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках: К 350-летию Переяславской рады // Научный Совет РАН «История международных отношений и внешней политики России». Бюллетень. Вып. 2. М., 2006; Рогожин Н.М., Санин Г.А. Россия и Украина в XVI–XVIII вв. // История и историки. Историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 336–337; Санин Г.А. Положение Украины в составе России во 2-й половине XVII в. и внешняя политика России. Смоленск и Белоруссия в годы русско-польской войны (1654–1657) // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 160–206; Викторюк Ю.Г. Украинская историография о взаимоотношениях Московского государства и Запорожского Войска в 1648–1654 годах и её источниковая база: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Беззев Д.А. Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в. М., 2012; Лазарев Я.А. «Ласковый телок двух маток сосёт»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (в порядке дискуссии с Т. Чухлибом) // Исторический вестник. 2013. Т. 4(151). С. 206–219.

⁵ Брехуненко В.А. Московська експансія і Переяславська Рада 1654 року. Київ, 2004; Гвоздик-Прицак Л.Д. Економічна і політична візія Богдана Хмельницького та її реалізація в державі Військо Запорозьке. Київ, 1999; она же. Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького 1648–1657 рр. Харків, 2003; Горобець В. «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007; Доба Богдана Хмельницького: До 400-річчя від дня народження великого гетьмана: Збірник наукових праць. Київ, 1995; Переяславська Рада: очима істориків, мовою документів. Київ, 2003; Сергіїчук В.І. Переяславська рада – трагедія України і програв Європи. Київ, 2003; Смолий В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997; они же. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, 1999. Подробнее об изменившихся украинских подходах к истории Переяславской рады, см.: Plokhy S. The Ghosts of Pereyaslav: Russo-Ukrainian Historical Debates in the Post-Soviet Era // Europe-Asia Studies. Vol. 53. № 3 (May, 2001). P. 489–505.

⁶ Яковлева Т.Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1998; она же. Социально-политическая борьба на Украине в 60-е годы XVII века. Внутренние и внешние факторы Руины. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.

планами казацкой верхушки, стоявшей во главе Гетманства»⁷. Замечу, что в статьях сборника «Белоруссия и Украина», целый раздел которого посвящён заметной юбилейной дате — «К 350-летию Переяславской рады», термин «воссоединение» не используется⁸.

Обычно подробный разбор причин русско-польской войны середины XVII в. начинается с того времени, когда Земский собор 1 октября 1653 г. одобрил вступление Московского государства в войну с Речью Посполитой⁹. Но называются и другие даты принятия решения о начале войны. Ещё С.М. Соловьёв обращал внимание на то, что «Москва не трогалась» в ответ ни на какие обращения Хмельницкого до начала 1653 г.¹⁰ М.С. Грушевский датировал твёрдую постановку в «московских кругах» вопроса о решительном вмешательстве в украинские дела весной 1653 г., сожалея, что весь процесс принятия такого решения остался неизвестным¹¹. По мнению Л.В. Заборовского, стратегическое решение было принято уже в 1651 г., но «вплоть до августа 1653 г. (неудача посольства во главе с Б.А. Репниным-Оболенским в Речь Посполитую), при колебаниях общей линии, московский двор стремился выступить скорее как посредник в достижении мира на Украине, конечно, не забывая и о собственных выгодах»¹². Современный биограф царя Алексея Михайловича И.Л. Андреев раскрыл сложность принятия решения о войне, связав его, помимо реакции московского правительства на дела в «стране казаков», с военными приготовлениями 1651–1653 гг. и борьбой придворных партий¹³. В книге американского профессора Брайана Дэвиса о южной политике Русского государства в качестве отправной даты «решения о вмешательстве» в дела между Гетманством и Речью Посполитой назван февраль 1653 г.¹⁴ Профессор Пол Бушкович считает, что царя Алексея Михайловича «убедили» вступить в войну и изменить свою осторожную политику в отношении Гетманства летом 1653 г.¹⁵

⁷ *Флоря Б.Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 6, 35–36.

⁸ Более того, по замечанию американского профессора Пола Бушковича концепции «воссоединения» русского народа, или противоположные им — «экспансия», «централизация» — «не находят и не могут найти подтверждения в источниках, так как это идеи более поздних поколений». Справедлива и его исходная посылка: «Важно понять, что мы не знаем, почему Россия присоединила Украину в 1653–1654 гг.». См.: *Бушкович П.* Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 годах // Белоруссия и Украина... С. 70.

⁹ *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 71–72.

¹⁰ *Соловьёв С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времён. М., 1990. С. 554, 564–565.

¹¹ *Грушевский М.* История Украины—Руси. Том IX. Кн. 1. Ч. 2. Нью-Йорк, 1957. С. 610.

¹² *Заборовский Л.В.* Переяславская рада и московские соглашения 1654 года // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 39–50; *он же.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; *он же.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). Документы. Исследование. М., 1994; *он же.* Католики, православные, униаты: Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. М., 1998. См. также: *Флоря Б.Н.* 50-е гг. XVII в. в истории международных отношений в Центральной части Евразии и задачи публикации материалов о деятельности русской и украинской дипломатии в эти годы // Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 9–23.

¹³ *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 216–232, 246–253.

¹⁴ *Davies B.* Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. L., 2007. P. 106.

¹⁵ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 70–71.

Итак, вопрос о времени вынесения решения о начале русско-польской войны остаётся дискуссионным, хотя обычно он связывается с обращениями «черкас» и гетмана Войска Запорожского о принятии их под «высокую руку» московского царя¹⁶. Безусловно, такие просьбы повлияли на изменение подходов московской дипломатии в отношениях с Речью Посполитой, но стали ли они единственным основанием для начала войны? В первом документе, написанном Богданом Хмельницким для передачи царю Алексею Михайловичу 6 июня 1648 г., говорилось о желании казаков иметь у себя *такого же* царя, как московский самодержец: «Зичили бихмо собі самодержца господаря такого в своей землі, яко ваша царская велможност православний хрестиянский цар»¹⁷. Подчеркнём, что эта грамота была написана после смерти короля Владислава IV, во времена польского «бескоролья»¹⁸. В период первых военных побед гетмана в 1648 г. Алексей Михайлович не стал нарушать мирный договор с Речью Посполитой, и Хмельницкому ответили отказом.

Казаки также предлагали царю пойти походом на Смоленск, обещая свою поддержку. Автор фундаментального труда о Хмельницком Н.И. Костомаров не случайно писал ещё в XIX в.: «гетман составил план затянуть Московское государство в войну с Польшею»¹⁹. Другой вопрос, удалось ли ему осуществить этот план, как он того хотел. Обращения казаков Запорожского Войска совпали по времени со сложными внутривнутриполитическими проблемами, бунтом в Москве, принятием Соборного уложения, следовавшими затем восстаниями в Новгороде и Пскове.

Проблема «подданства» казаков решилась после Зборовского договора с королём Яном Казимиром в 1649 г., когда Хмельницкий получил булаву и знамя из рук королевских представителей и составил новый реестр Запорожского Войска. Но когда в 1650–1651 гг. польская шляхта стала теснить казачью старшину, политика гетмана в поиске союзников изменилась, и он снова обратился к Алексею Михайловичу. В Посольском приказе имели достаточно ясное представление о намерениях Хмельницкого продолжать борьбу против «ляхов» в союзе с крымскими татарами и по-прежнему, как и во время выборов нового польского короля в 1648 г., не стремились в неё ввязываться.

В январе 1651 г. из Москвы отправили в Чигирин с жалованьем дьяка Лариона Лопухина²⁰. В выданном ему наказе подробно определялось, что говорить в случае поворота разговора к упрекам в неказании военной помощи «черкасам». В Войске Запорожском стало известно, что прежние обращения казаков в Москву попали к королю в «Оршаву»²¹. Поэтому Лопухин должен был дезавуировать обвинения в «московской неправде» тем, что привёз с собой подлинники этих обращений. Ему нужно было любой ценой добиваться прежней лояльности казаков и напоминать, что даже «в смутное время» 1648 г. в Москве отказались

¹⁶ См. подробный разбор формулы «высокая рука», имевшей, по мнению Л.Д. Припак, религиозный смысл и отсылавшей к сравнению Богдана Хмельницкого с библейским пророком Моисеем (*Гвоздик-Припак Л.Д. Основні міжнародні договори... С. 198–200*).

¹⁷ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трёх томах (далее – ВУР). Т. 2. М., 1953. С. 33.

¹⁸ См. подробнее: *Брехуненко В.А.* Указ. соч. С. 222–226.

¹⁹ *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий // Собрание сочинений Н.И. Костомарова. Кн. 4. Т. 9–11. СПб., 1903. С. 354.

²⁰ «Посольство» Лариона Лопухина отправилось не ранее 18 января 1651 г. (ВУР. Т. 2. С. 487–490).

²¹ Там же. С. 475–476.

помогать польской стороне, поддержали «черкас», разрешив им торговать хлебом и солью. От имени Алексея Михайловича казаков уверяли, что в Московском государстве не стремятся помогать их «неприятелям». Гонец Лопухин прежде всего говорил о готовности известить «окрестные государства» о «неправдах» польского короля, если он нарушит прежний договор, требовавший наказания виновных в умалении государственной чести. В случае обострения дипломатических отношений с Речью Посполитой к казакам собирались прислать «для подлинного договору» не обычных дворян, а царских «думных людей». Это был новый поворот в контактах с Запорожским Войском, уже допускаявший войну с враждебной «Литвой». Однако решение вопроса о поддержке казаков ставилось в зависимость от действий Речи Посполитой в более важном для московской стороны вопросе — о защите царской чести. Вскоре такое новое направление политики было подтверждено ещё и авторитетом Земского собора²².

28 февраля 1651 г. в Столовой избе в присутствии царя Алексея Михайловича состоялось заседание собора, на котором было рассмотрено «письмо» о «литовском деле». Выборным на соборе предлагалось рассмотреть и обсудить два главных вопроса: во-первых, «о неправдах» со стороны польского короля и панов-рад, нарушении ими «вечного докончания» и, во-вторых, об обращении Богдана Хмельницкого. Впервые не только в Думе, но и во всём Московском государстве официально должны были узнать о «просылках» гетмана Войска Запорожского, «что они бьют челом под государеву высокую руку в подданство»²³. Зачем всё-таки опять был поднят старый вопрос о нарушении Поляновского мирного договора, неисполнении данных послу Григорию Гавриловичу Пушкину в 1650 г. обещаний наказать виновных в умалении государственной чести? Ведь не ради же одних интересов «черкас» и Хмельницкого созывались в Москву представители всех сословий?

Чрезвычайное обращение к собору понадобилось по другой причине. Главное, что могло пугать царя Алексея Михайловича — действия польского короля Яна Казимира на «крымском» направлении дипломатии. Как сказано в «письме» собору, царю «ведомо учинилось», что король «ссылаетца с крымским царем почасту и всякими вымыслы умышляют, чтоб им сопча Московское государство воевать и разорить». Дело дошло до того, что «через Польшу и Литву» был пропущен «крымский посол» к шведской королеве Христине, как были уверены в Московском государстве, «для ссоры ж». Характеризуя союзные действия между непримиримыми врагами, в Москве закономерно удивлялись: «а преж сего того николи не бывало». Поэтому и вспомнили снова о просьбе гетмана Богдана Хмельницкого о принятии «под высокую руку». На соборе приводили даже сетования «черкас», связанные с последствиями отказа Алексея Михайловича разрывать мир с Речью Посполитой. Казаки открыто говорили, что они «поневоле учинятца в подданстве у турецкого салтана с крымским ханом вместе»²⁴. Следовательно, именно угроза новых крымских набегов и отказ от прежнего, складывавшегося при короле Владиславе IV, русско-польского союза против Турции, заставляли действовать царя Алексея Михайловича и прибегнуть к созыву собора²⁵.

²² Самые ранние грамоты о созыве выборных на собор датированы 27 января 1651 г. См.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 320.

²³ ВУР. Т. 3. М., 1953. С. 7.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Как заметил В. Н. Латкин, многие исследователи истории Богдана Хмельницкого не замечали этого собора и «пропускали» его освещение в своих трудах (*Латкин В. Н.* Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619–20, 1648–49 и 1651 годов). СПб., 1884. С. 77–78).

Новые контакты с «черкасами», как можно видеть из наказа Лопухину и решения Земского собора 28 февраля 1651 г., были по-прежнему далеки от безоговорочного одобрения идеи подданства казаков Запорожского Войска царю Алексею Михайловичу. Главной целью оставалось противодействие опасному для Московского царства союзу Речи Посполитой или казаков с крымскими татарами и османами. «На счастье или на несчастье Украины», задавался риторическим вопросом М.С. Грушевский, характеризуя обеспокоенность московского правительства возможностью польско-татарского наступления или превращения его в «татарско-казацкую» угрозу владениям московского царя²⁶. Дипломаты стремились лучше узнать о том, «что ныне у поляков с черкасами делаетца», о контактах крымского хана с польским королём Яном Казимиром и Богданом Хмельницким²⁷.

Гетман тоже был осторожен в переговорах с Лопухиным и действовал необычно, выбрав для достижения своих целей беспроигрышный ход — обращение к первому советнику Алексея Михайловича — «ближнему великому боярину» Б.И. Морозову. Тем более, что предложение о посылке «думных людей» было сделано из Москвы, и гетман Хмельницкий за него ухватился. 11 марта 1651 г. он отправил личное послание к боярину Морозову, подтверждая своё прежнее намерение служить царю Алексею Михайловичу: «желаем того, чтоб он, яко православный христианский царь, на все земли государствовал»²⁸. За этим могло стоять возвращение к читавшейся в первых обращениях «черкас» в Москву программе перехода в подданство к Алексею Михайловичу при условии его воцарения в других «землях» (т.е. в Речи Посполитой). В 1648–1649 гг. такая идея оказалась преждевременной, и в Москве не оспаривали права Яна Казимира, но спустя несколько лет, после «государевых походов» 1654–1656 гг., мечта о короне Речи Посполитой для Алексея Михайловича или его наследников стала основой внешней политики Московского царства²⁹.

Контакты с Богданом Хмельницким продолжились и после поражения казаков, зафиксированного Белоцерковским договором в сентябре 1651 г., отменившим многие завоевания, достигнутые в ходе прежних казачьих войн. Московской стороне приходилось действовать осторожно, дабы избежать упреков в прямой поддержке Запорожского Войска. В октябре 1651 г. в Чигирин с жалованной грамотой и соболями к гетману, полковникам и писарю был отправлен Василий Васильевич Унковский. Грамоту следовало отдать в руки Хмельницкому, а говорить с ним про «тайной царской наказ» только «наодине». Общий план действий, принятый на Земском соборе 1651 г., оставался прежним и был продиктован интересами московской политики. Царь Алексей Михайлович, как извещали гетмана, «ныне посылает» к королю Яну Казимиру «своих государевых великих и полномочных послов». В состав великого посольства планировали включить бояр кн. Ю.А. Долгорукого, кн. Ф.Ф. Волконского и кого-то из дьяков³⁰. Им снова предстояло вести

²⁶ Грушевский М. Указ. соч. Т. IX. Кн. 1. Ч. 2. С. 610.

²⁷ ВУР. Т. 3. С. 15–16.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М., 2010; *он же.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки её осуществления. М., 2013.

³⁰ Этим планам мог помешать местнический спор, возникший между прежним главой «великого посольства» боярином Г.Г. Пушкиным и кн. Ю.А. Долгоруким в конце 1651 — на-

переговоры с королём и панами-радой о выполнении обещаний «казнить смертью» виновных в написании «з бесчестьем» царского титула.

Впрочем, создавалось впечатление, что в Москве заранее были уверены, что посольство в Варшаве не достигнет цели: «И по тому договору с королевские стороны по ся места исправленья не бывало и вперед не чаять, потому что они николи в правде своей не стоят». Хмельницкий должен был понять, что для Алексея Михайловича договор о мире с Речью Посполитой оставался святым делом, и нарушить его он не мог: «Да и ему, гетману, мочно то разсудить, пригожее ли то дело, что великому государю царскому величеству, помазаннику божию, вечное докончанье без причины розорвать, и в неправде и бог не поможет». Оставалось убеждать гетмана Богдана Хмельницкого, чтобы он помнил к себе «царского величества милость и жалованье», и удерживать его от враждебных действий по отношению к Московскому государству совместно с крымской «ордой»: «И ты б, гетман, и все Войско Запорожское царскому величеству служили, и крымского царя от всякого дурна унимали, и на Московское государство войною не пушали». Конечно, возникал вопрос, что будет, если король Ян Казимир всё-таки согласится на требования царя Алексея Михайловича и накажет виновных в умалении государственной чести? В наказе Василию Унковскому предусмотрели такой поворот разговора, но смогли только в самом общем виде пообещать способствовать дальнейшему примирению гетмана Богдана Хмельницкого с королём, если казаки сами того пожелают. Интересно упоминание в наказе о прежних посольствах Речи Посполитой в Москву, извещавших, «что Войско Запорожское от них *ис подданства отложились* (выделено мною. — В.К.), и войну против их всчали, и многое разоренье починили». Объясняя причины отказа в помощи королю Яну Казимиру в борьбе с казаками ссылались на то, что это было сделано «для православные христианские веры»³¹.

Московские посланники Афанасий Осипович Прончищев и дьяк Посольского приказа Алмаз Иванов отправились на сейм, чтобы узнать, как продвигается дело о наказании виновных в оскорблении царской чести в начале 1652 г.³² Паны-рада обратились к ним с встречными претензиями: «есть де с царского величества стороны зделано к нарушенью вечного доконченья и не одна статья». Царя Алексея Михайловича обвиняли в поддержке казаков Запорожского Войска: обмене посольствами, хранении «неприятельских животов» (имущества), и даже упрекали его в том, что «двор Хмельницкому зделан». Московские посланники в ответ говорили о миротворческих целях поездок гонцов к гетману («для успокоения христианского... чтоб они, запорожские черкасы, тое ссору и межусобье, сослався с ними, паны рады, усмирили и успокоили») и опровергали слухи о строительстве двора для Хмельницкого. Король Ян Казимир 18 февраля 1652 г. написал Алексею Михайловичу подробное письмо, где также говорил о нарушении царём «вечного докончанья» посредством установления контактов с гетманом Хмельницким. Впрочем, польской стороне особенно нечего было предъявить царю Алексею Михайловичу, напрямую не нарушавшему мира. Единственный упрёк, высказанный в письме короля Яна Казимира, касался частного случая оказания

чале 1652 г. См.: *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. № 1525. С. 191.

³¹ ВУР. Т. 3. С. 145–150. В текст наказа Унковскому сначала вставили, а потом вычеркнули упоминание о грамоте панам-рады Речи Посполитой: «чтоб они, паны рада, тое ссору, сослався с вами, усмирились и жили б с вами в соединенье и в покое по-прежнему».

³² Там же. С. 164–182.

помощи казакам гетмана Богдана Хмельницкого во время их похода к Рославлю через земли Московского царства, но его легко дезавуировали ссылкой на проведённый «розыск» по этому делу. Само же письмо утверждало уверенность Яна Казимира в победе над врагами — крымскими татарами и королевскими подданными — «бунтовниками»³³. Правда, вскоре, 22–23 мая (по старому стилю) 1652 г., произошла битва под Батогом, ставшая одним из главных успехов объединённой рати крымских татар и гетмана Хмельницкого в борьбе с польскими войсками на территории Войска Запорожского.

Обзор непростой истории контактов Богдана Хмельницкого и дипломатов Алексея Михайловича показывает, что чем меньше гетман нуждался в помощи Москвы, тем больше в Посольском приказе были готовы пойти ему навстречу, и наоборот. Важно было только не пропустить грань, за которой «черкасы» могли стать союзниками крымских татар и турецкого султана, угрожавших Московскому царству. А она была уже близка. Греческий митрополит Гавриил сообщал в письме царю Алексею Михайловичу 27 октября 1652 г., что Богдан Хмельницкий жаловался ему на игнорирование в Москве его призывов: «писал де я многажды, и они мне сказывают — ныне да завтра, а николи в совершенье не приведут»³⁴.

В тот момент от самого Хмельницкого пришло известие о том, что в Москву с «тайным разговором» собирается константинопольский патриарх Афанасий. Лучшего союзника для продвижения своих интересов у Запорожского Войска, конечно, быть не могло. Уже в первых контактах гетмана Богдана Хмельницкого с московским двором участвовал иерусалимский патриарх Паисий. В переговорах о мирном урегулировании с брацлавским воеводой Адамом Киселем в конце февраля 1649 г. Богдан Хмельницкий ссылался на авторитет иерарха одной из вселенских церквей, указывая: «Меня святой патриарх в Киеве на ту войну благословил..., и прикончить ляхов приказал. Как же мне его не слушаться»³⁵. В свою очередь, Адам Кисель сообщал о встречах Хмельницкого с иерусалимским патриархом Паисием Яну Казимиру: «А дела в Москве налаживает патриарх, с которым Хмельницкий по несколько дней [беседовал]»³⁶.

Действительно, посланник гетмана полковник Силуян Мужилковский 4 февраля 1649 г. в присутствии самого патриарха Паисия впервые подробно объявил царю Алексею Михайловичу «мову» о военных действиях Запорожского Войска. Несколько дней спустя, во время обедни в Чудове монастыре в Кремле, проводимой патриархом Паисием, Алексей Михайлович пожаловал запорожского полковника и казаков, велел думному дьяку спросить их «о здоровье»³⁷. Посредническая миссия вселенских патриархов между Богданом Хмельницким и царём означала и изменение повестки дня в сторону защиты вселенского православия³⁸. Со временем это стало одной из главных причин вступления Алексея Михайловича в войну с Речью Посполитой.

Очередной попыткой повлиять на решение царя об оказании прямой помощи казакам стала присылка в Москву посольства генерального войскового судьи

³³ Там же. С. 189–195.

³⁴ Там же. С. 238.

³⁵ Цит. по: *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты... С. 32.

³⁶ Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1965. С. 202.

³⁷ ВУР. Т. 2. С. 127–131, 133–134.

³⁸ Идея религиозной войны в защиту конфессионального единства православных лежала и в основании действий гетмана Богдана Хмельницкого. См. подробнее: *Паохій С.М.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2006. С. 388–396.

Самуила Богдановича Зарудного с товарищами в ноябре—декабре 1652 г. На этот раз в Москве показали всю серьёзность своих намерений в долгосрочной поддержке казачьей войны. Посланников Запорожского Войска, в отличие от прежнего времени, впервые принимали близко к посольскому чину на Казённом дворе. После приёма привезённого листа гетмана Хмельницкого царь распорядился «выслушать» представителей Запорожского Войска боярину и оружничему, «наместнику Нижнева Новагорода» Г.Г. Пушкину, ездившему за несколько лет до того в посольстве к королю Яну Казимиру. Это косвенно свидетельствует о свершившемся выборе в пользу более активного ведения дел с казаками Запорожского Войска³⁹. Посланники Войска Запорожского должны были прямо просить о принятии их «в подданство» и обещать без царского одобрения не начинать других дел: «то де их делу начало и конец... чтоб царское величество для православные христианские веры над ними умилосердился, велел их принять под свою государеву высокую руку». Одновременно казаки отказывались от подданства польскому королю и поиска союзов «с ыными иноверцами», то есть крымским ханом⁴⁰.

С конца 1652 г. при подготовке нового «великого посольства» к королю Яну Казимиру уже должны были учитывать новые обращения гетмана Войска Запорожского о приёме в подданство. Шведский резидент Иоганн де Родес, постоянно сообщавший в донесениях королеве Христине о ходе дел в Москве, заметил, что московское посольство надолго задержалось с отправкой, ожидая решений сейма в Речи Посполитой. Де Родес объяснял это промедление общим нежеланием Алексея Михайловича вмешиваться в дела соседней страны, ведшей войну со своими подданными — казаками: «Кажется, что, хотя эти народы, по большей части, и русской веры, но их не особенно хотят иметь близко»⁴¹. Но затем последовали необычные изменения, свидетельствовавшие о повороте в делах. Внимательный наблюдатель де Родес многое понял, основываясь только на казусах, имевших место в Москве. Царь, по своему обычаю, в конце января — начале февраля 1653 г. уезжал из Москвы охотиться. Но когда он возвратился с охоты, был обнародован малопонятный патриарший указ: «всем знатным господам» приказали «уничтожить их охотничьих собак». После стало ясно, что развлечения закончились, и пришло время войны. Но тогда распоряжение, идущее от патриарха Никона, выглядело неоправданным вмешательством в частную жизнь царедворцев. Дошли до иноземного резидента и слухи о приезде патриарха на двор к боярину Н.И. Романову. Между ними состоялся примечательный разговор о том, почему боярин не являлся к делам, говорили и о вступлении боярина в брак, сославшегося на то, что это могло создать династическую проблему. Новое призвание боярина Никиты Романова для совета во дворец де Родес связал

³⁹ Детали этикета приёма посланников гетмана Хмельницкого обычно пропускались исследователями, описывавшими ход переговоров в Москве. Между тем показательно, что переговоры происходили не в Посольском, а в Казённом приказе, где первым судьёй с 1652/53 г. был боярин И.Д. Милославский. Ср., например: *Голубуцкий В.А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962. С. 321; *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века // *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. М., 2006. С. 84.

⁴⁰ ВУР. Т. 3. С. 239—240, 244—247. Кстати, именно Самуил Богданович получил в марте 1654 г. знаменитые «Мартовские статьи», где, как известно, впервые были зафиксированы условия принятия казаков Войска Запорожского в подданство царю Алексею Михайловичу.

⁴¹ Сборник Новгородского общества любителей древности (далее — Сборник НОЛД). Вып. 8. Новгород Великий, 1919. С. 4.

с подготовкой к чему-то «особенному», не без оснований считая, что от двоюродного брата царя после событий 1648 г. в Москве зависел «весь простой народ».

И действительно, царь Алексей Михайлович для себя уже всё решил и сделал выбор именно в Великий пост 1653 г. В архиве Тайного приказа сохранилась малопримечательная тетрадка «в восьмушку», где, как сказано авторами архивного описания, государь записывал «мысли о войне». Именно на неё ссылался С.М. Соловьёв, когда написал в «Истории» о событиях начала 1653 г.: «В это время принятие в подданство Малороссии и война польская были уже решены в Москве: первая дума об этом у государя была 22 февраля 1653 г., в понедельник первой недели Великого поста, а “совершился государская мысль в сем деле” в понедельник третьей недели Великого поста, марта 14»⁴².

До сих пор этот источник труда Соловьёва считался потерянным и почти не привлекал внимания⁴³, хотя именно там написано о самом важном выборе за время царствования Алексея Михайловича. Если внимательно разбираться в черновых записях с зачёркиваниями текста и заменами слов, можно увидеть, что у них действительно есть точная дата — 161 (1653) год. Алексей Михайлович писал «о ратном деле», имея в виду «как оберегать истинную и православную христианскую и непорочную (последнее слово вписано позже над строкой. — В.К.) веру и святую соборную и апостольскую церковь и всех православных христиан и недругу бы быть страшну». Для этого он решил «объявить» (Алексей Михайлович поменял смысл записи, усилив свою решительность, когда вместо «изволил видеть» написал — «объявить». — В.К.) о готовности своих людей быть «во ополчении ратном храбрствено и мужествено».

Царю было важно зафиксировать время принятия решения, когда он начал «сие благое дело мыслити». Он отступил от первоначального общего указания на март 161-го года, добавляя, что начал думать о таком решении в понедельник на первой неделе Великого поста 22 февраля. Такое совпадение с «плачем» по своей душе во время одной из самых строгих и трагичных служб Великого поста, когда читается покаянный канон Андрея Критского, конечно, для царя было очень символично, как и указание на точный день принятия решения: окончательно «совершился его государская мысль в сем деле» в понедельник третьей недели того же поста, приходившийся на 14 марта — день празднования Фёдоровской иконы Богоматери⁴⁴. Следовательно, прошло ровно сорок лет, день в день, от призвания на царство Михаила Романова до того, как созрела идея войны за церковь и «всех православных», объявленной его сыном царём Алексеем Михайловичем.

Конечно, мы никогда не узнаем, о чём шла речь на царском столе в честь «государева ангела» 17 марта 1653 г., куда был приглашён патриарх Никон. Царь принимал ещё боярина Б.И. Морозова и глав двух «великих посольств» (одно из них уже состоялось, другое только предстояло) в Речь Посполитую — бояр кн. Б.А. Репнина и оружничего Г.Г. Пушкина. Но, сопоставляя известную нам теперь дату внутреннего «рубикона», определившего настрой Алексея Михайловича на войну за веру, можно думать, что тогда же было выбрано и практическое

⁴² Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. V. Т. 10. С. 564–565.

⁴³ Там же. С. 665. Исключением была работа А.И. Заозерского, подробно процитировавшего мысли царя «о ратном деле» из этой тетрадки: *Заозерский А.И.* Царь Алексей Михайлович в своём хозяйстве. Пг., 1917. С. 270–271. Недавно документ был опубликован К.А. Писаренко в приложении к научно-популярной работе о патриархе Никоне с заголовком «Записка царя Алексея Михайловича о решении воевать с Польшей» (*Писаренко К.А.* Тайны раскола. Взлёт и падение патриарха Никона. М., 2012. С. 311–312).

⁴⁴ РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 85, л. 3–3 об.

направление действий. Новым свидетельством назревавших перемен стало сделанное уже 19 марта 1653 г. распоряжение о вызове на службу ратных людей. Оно было необычным и содержало дату общего смотра служивых людей — 20 мая. «А на тот срок изволит их государь смотреть на Москве на конех»⁴⁵. Почти никто ещё не знал точно о целях задуманного смотра, но, традиционно, так бывало только перед вступлением Московского государства в войну.

Следовательно, когда 23 марта 1653 г. из Чигирина отправлялись посланники Запорожского Войска Кондрат Бурляй и Силуян Мужилковский, везя с собою личные послания гетмана Богдана Хмельницкого боярам Б.И. Морозову, И.Д. Милославскому и Г.Г. Пушкину, решение о войне уже было принято. Знал об этом и патриарх Никон, принимая «у благословенья» посланников Запорожского Войска 23 апреля 1653 г.⁴⁶ Слова приехавшего в Москву 16 апреля 1653 г. константинопольского патриарха Афанасия II Пателара о том, что он знает, кто будет освящать вырванный из рук агарян храм Святой Софии в Константинополе, тоже пали на более чем подготовленную почву. Афанасий II дважды избирался на константинопольский трон — последний раз в 1652 г., но всего на несколько дней, после чего его свели с престола. В Москву он официально приехал для «милостыни» и остался там до конца 1653 г., пока не было принято историческое решение о «воссоединении». Предположения историков о посреднической миссии патриарха Афанасия, представлявшего также интересы Богдана Хмельницкого, имеют под собой серьёзное основание и подтверждаются личным посланием гетмана путивльскому воеводе окольникему (Хмельницкий называл его боярином) кн. Ф.А. Хилкову о пропуске константинопольского патриарха в Москву⁴⁷. К тому же поощрение московских царей к защите интересов вселенского православия укладывалось в политику константинопольских патриархов, сформировавшуюся ещё в 1630-е гг. при патриархе Кирилле Лукарисе, чья промосковская позиция стоила ему жизни. А на рубеже 1640–1650 гг. эта политика была подкреплена дарами великих христианских реликвий с Востока⁴⁸.

Патриарха Афанасия приняли одновременно с посланцами гетмана Хмельницкого К. Бурляем и С. Мужилковским 22 апреля 1653 г. Представителей «черкас» снова называли «посланниками» и встречали по дипломатическому

⁴⁵ Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной его императорского величества канцелярии (далее — ДР). Т. 3. СПб., 1852. Стб. 342–343.

⁴⁶ В.А. Голобуцкий, ссылаясь на известие С.М. Соловьёва, писал, что решение «о принятии Украины» было принято «царской думой» до приезда послов от гетмана. П. Бушкович высказывал предположение, что царя Алексея Михайловича удалось «убедить» оказать военную поддержку Хмельницкому после этих писем, но, как видим, последовательность событий была другой. См.: ВУР. Т. 3. С. 258–260, 267; *Бушкович П.* Указ. соч. С. 71; *Голобуцкий В.А.* Указ. соч. С. 324–325.

⁴⁷ ВУР. Т. 3. С. 253.

⁴⁸ *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 8–42; *Ченцова В.Г.* Источники фонда «Сношения России с Грецией» Российского государственного архива древних актов по истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе в 50-е гг. XVII в. // Русская и украинская дипломатия в Европе: 50-е годы XVII века. С. 151–178; *Фонкич Б.Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии Христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 70–97.

протоколу⁴⁹. На следующий день, как говорилось, посланцы Запорожского Войска также были приняты патриархом Никоном, тоже обещавшим поддержку казакам. 23 апреля был не обычный день, а память Георгия Победоносца, когда начиналась весенняя служба русского войска. Патриарх Никон тоже постарался наполнить приём посланников Запорожского Войска важными церемониальными деталями. Ко двору патриарха посланники ехали на «государевых лошадях», их встречала стрелецкая охрана «в цветном платье», а объявлял патриарший дьяк.

24 апреля 1653 г. из Москвы отправилось давно ожидавшееся «великое посольство» кн. Б.А. Репнина, Б.М. Хитрово и дьяка А. Иванова к королю Яну Казимиру. У них были полномочия продолжать переговоры о наказании виновных в оскорблении царской чести. Посольство в Речь Посполитую претендовало также на посредническую миссию и должно было договориться о мире, или по крайней мере, «где съезду быть о миру» между королём Яном Казимиром и «черкасами». Выглядело это с точки зрения соседней страны странно, как вмешательство в её дела. Шведскому резиденту де Родесу даже казалось, что посольство Репнина отправлялось «для проформы»⁵⁰. Конечно, царь Алексей Михайлович находился в сложном положении: сделав выбор в пользу войны, он продолжал соблюдать определённые дипломатические правила и, как считается, до последнего надеялся на благоприятный исход переговоров с королём⁵¹. Защита Алексеем Михайловичем интересов Запорожского Войска не должна была выглядеть как односторонний разрыв мира. Косвенным образом об этом говорит и отказ на просьбу К. Бурия и С. Мужиловского о проезде в Швецию⁵².

Существовало и ещё одно важное условие, без выполнения которого царь не мог начать войну. Он должен был достигнуть согласия в «государевых» и «земских» делах с помощью собора. Уже объявленный заранее вызов служилых людей на смотр 20 мая мог быть связан с идеей созыва такого Земского собора, так как в дальнейшем не представляло труда выбрать представителей на собор из членов Государева двора и служилых «городов», собравшихся в Москве. Грамоты о выборе на собор «добрых» людей для «совета» ушли поздно — 4 мая, только после отправки «великого посольства» из Москвы в Речь Посполитую⁵³. 25 мая 1653 г. на Земском соборе с участием выборных дворян и посадских людей из городов был впервые рассмотрен вопрос, «принимать ли черкас». Как извещали московских послов боярина кн. Б.А. Репнина с товарищами, «и о том все единодушно говорили, чтоб черкас принять» (при этом ссылались даже, как когда-то при выборах царя Михаила Романова, на расспросы «площадных людей»). Однако окончательное решение всё равно было отложено до тех пор, «как вы с посольства приедете»⁵⁴.

Политика по отношению к приёму в подданство Запорожского Войска оставалась неопределённой всё лето 1653 г. Практически одновременно в Москве

⁴⁹ У казаков была своя «дипломатическая» служба, но она держалась на казачьих обычаях, и всеми делами ведал гетман и Войсковая канцелярия во главе с писарем. См.: Шевченко Ф.П. Дипломатична служба на Україні під час визвольної війни 1648–1654 рр. // Історичні джерела та їх використання. Вип. 1. Київ, 1964. С. 86–90.

⁵⁰ Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 14.

⁵¹ Заборовский Л.В. Последний шанс умиротворения: переговоры Б.А. Репнина во Львове 1653 г. // Русская и украинская дипломатия... С. 24–30.

⁵² ВУР. Т. 3. С. 261–262, 284.

⁵³ «...Чтоб есми вовеки вси едино были» / Публ. А.В. Маштафарова // Советские архивы. 1979. № 3. С. 20–22.

⁵⁴ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 327–332.

проводили общий смотр войска, обсуждали на Земском соборе решение о приёме «черкас», вели тайные переговоры с гетманом Хмельницким и ждали результатов «великого посольства» к королю Яну Казимиру. Боярин И.Д. Милославский, отпуская 13–14 мая из Москвы посланников К. Бурляя и С. Мужиловского, называл гетмана Запорожского Войска всё ещё подданным короля. А патриарх Никон, отсылая письмо гетману, напротив, был категоричен в поддержке казаков и употреблял то обращение к адресату, к которому тот уже привык (без всякого упоминания о польском подданстве). Вместе с посланцами гетмана из Москвы уезжали голова московских стрельцов Артамон Сергеевич Матвеев и подьячий Иван Фомин, которые везли письмо Никона, подтверждавшее отсылку к Хмельницкому доверенных людей царя и наказ о «тайных переговорах». Когда писарь Иван Выговский в предварительном разговоре пытался выведать их отношение к якобы полученным известиям о вступлении Алексея Михайловича в войну за Смоленск, Матвеев прямо отвечал: «несбыточное то дело» – воевать Смоленск. Тайные переговоры с гетманом были блестяще проведены Матвеевым. Судя по его отчёту, гетман выразил согласие на переход «в вечное холопство» московским царям и готовность дожидаться результатов «великого посольства» к королю Яну Казимиру. Попутно московские посланники установили, что в подчинении у гетмана находилось 17 полков, в которых насчитывалось примерно 100 тыс. казаков⁵⁵.

В Москве во время успешного дебюта Артамона Матвеева на дипломатическом поприще⁵⁶ чрезвычайно усилилась позиция сторонников безоговорочного принятия казаков в вечное подданство и начала войны с Речью Посполитой. Общий смотр войска, проведённый Алексеем Михайловичем 13–28 июня на Девичьем поле в Москве убедительно свидетельствовал о готовности к войне. Продолжавшие приезжать на Земский собор выборные, знакомясь с соборным приговором, поддерживали его на новых заседаниях собора, одно из которых, видимо, можно датировать 20 июня⁵⁷. Так появилась на свет грамота царя от 22 июня 1653 г., впервые прямо и определённо подтверждавшая намерение принять в подданство Запорожское войско: «изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку, *яко да не будете врагом креста христова в притчю и в поношение* (выделено мною. – В.К.). А ратные люди по нашему царского величества указу збираютца и ко ополчению строятца». Появление этой грамоты не может ещё рассматриваться как кульминация «освободительного процесса», она была выдана в связи с отсылкой посольства стольника Фёдора Абросимовича Лодыженского под воздействием какого-то порыва ввиду распространившихся слухов о возможной присяге Богдана Хмельницкого турецкому султану:

⁵⁵ ВУР. Т. 3. С. 308–313.

⁵⁶ Шведский резидент де Родес оставил уникальное свидетельство о том, что Артамон Матвеев был пасынком главы Посольского приказа дьяка Алмаза Иванова. В этом было самое очевидное объяснение начала дипломатической карьеры Артамона Матвеева, хотя успех его миссии, несомненно, основывался ещё и на службе, замеченной царём Алексеем Михайловичем (Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 49; *Козляков В.Н.* Генеалогические основания службы и карьеры Артамона Матвеева // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции.* Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 281–285. См. также: *Писаренко К.А.* Указ. соч. С. 156).

⁵⁷ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 334.

«А будет де совершенье нашии государские милости не будет, и вы де слуги и холопы турецкому»⁵⁸.

Гетман Хмельницкий праздновал победу, он хорошо знал, кого надо благодарить, и адресовал свою признательность патриарху Никону в двух грамотах, от 9 и 12 августа 1653 г. Войсковой писарь и глава казачьей «дипломатии» Иван Выговский подробно информировал в тайном послании думного дьяка Л. Лопухина (а через него просил «обвестить» царя Алексея Михайловича) о задержке послов турецкого султана, желании гетмана служить только московскому царю и об отказе от союза с крымскими татарами: «Татарам уже не верим, потому что только утробу свою насытити ищут и мехи пенезми наполнити, а православных пленяти убивают». Но, главное, что он уже и после грамоты 22 июня подтверждал стремление дожидаться результатов «великого посольства», несмотря на возобновление войны: «Ляхи теперь наступают, но миру с ними не будет до вести от царского величества»⁵⁹.

Переговоры послов кн. Б.А. Репнина с панами-радой начались в Варшаве 24–27 июля и продолжились во Львове, где находился Ян Казимир, в августе 1653 г.⁶⁰ Великое посольство обсуждало два тесно связанных друг с другом вопроса «о титулах» — об искажении и умалении царского титула и о «черкасском деле». Послы также пытались выступить посредниками в делах войны Речи Посполитой с гетманом Хмельницким. Они отстаивали права теснимой униатами православной церкви и пытались убедить польскую сторону помириться с казаками на условиях Зборовского договора 1649 г. На все предложенные к обсуждению темы был получен надменный отказ. Требование наказать виновных в оскорблении царской чести польская сторона по-прежнему считала лишь предложением к нарушению мира и, паны-рада, «смеяся», называли это «малым делом». И напрасно — смех над аргументами противоположной стороны — не лучшее оружие дипломатов. В черновике посольского наказа даже стояла фраза (вычеркнутая впоследствии): «А не соверша того большого дела, о иных с паны рады не говорить»⁶¹. Впрочем, иногда паны-рада на переговорах, напротив, говорили «гораздо сердито». Это касалось упоминаний о Зборовском договоре, которого, как уже считали в Речи Посполитой, «и на свете нет». Как записали послы в статейном списке, «а Зборовского де договору они и слышать не хотят, тот, де, договор за неправдами Хмельницкого снесен саблею»⁶². Ничего не изменилось и при переносе переговоров во Львов, кроме ужесточения позиции Яна Казимира, отрицавшего какое-либо значение прежних договоров с черкасами, которые они «стратили» (потеряли) в битвах с королевским войском: «под Берестечком ласку Зборовскую, а под Батогом — ласку Белоцерковскую»⁶³.

Посольство кн. Б.А. Репнина пыталось донести до польской стороны ещё и сведения об опасности, шедшей от возможного союза Хмельницкого с турецким

⁵⁸ ВУР. Т. 3. С. 322–323. Там же приведено фототипическое воспроизведение грамоты, отправленной гетману Богдану Хмельницкому с Ф.А. Лодыженским (Ладьженским). См. также: *Кривякевич И.* Турецкая политика Богдана Хмельницкого // *Український археографічний щорічник*. Вип. 10/11. Київ, 2006. С. 161–179. *Гвоздик-Прицак Л.Д.* Основні міжнародні договори... С. 127–141.

⁵⁹ ВУР. Т. 3. С. 364–367.

⁶⁰ Там же. С. 333–349; *Грушевський М.* Указ. соч. Т. IX. Кн. 2. Нью-Йорк, 1957. С. 1527–1536.

⁶¹ Цит. по: *Заборовский Л.В.* Последний шанс... С. 27.

⁶² ВУР. Т. 3. С. 347.

⁶³ *Грушевський М.* Указ. соч. Т. IX. Кн. 2. С. 1533.

султаном. Но в Польше уже получили известия из Константинополя о посылке гетманом своего «меркурия» (посланника) в Турцию и рассмотрении предложений казаков на «диване» — в совете у турецкого султана. Польская сторона не имела веры Хмельницкому — этому «ребелизанту» (повстанцу), считая, что он начал бунт «для своей корысти» и изменил христианству, приняв «бусурманскую веру»: «учинился в подданстве у турецкого салтана и с турецким салтаном ссыла-етца безпрестанно»⁶⁴. «Средниство» московских послов оказалось излишним, а в чём-то, как в попытке требовать от короля выполнять условие возвращения православных церквей от униатов, встретило прямой отпор и обвинения в покушении на устои Речи Посполитой. Закончилось московское посольство совсем не дипломатическим демаршем, когда послы, уже садясь в карету, продолжали спорить, адресуя свои аргументы собравшейся толпе. Так программа обсуждения главных вопросов между Московским царством и Речью Посполитой перешла из дипломатической повестки на усмотрение царя и Земского собора. Это был последний шанс избежать большой войны, но он не был использован⁶⁵.

Окончательное решение о принятии в российское подданство Запорожско-го Войска было провозглашено Земским собором 1 октября 1653 г., на праздник Покрова. Снова, как и на предшествующем соборе 1651 г., оба вопроса о царской чести и о принятии «черкас» в подданство оказались увязаны между собой. Даже аргументы повторялись практически дословно, но с важным дополнением о неудаче посольства кн. Репнина и отказе Яна Казимира от обязательств защищать права православных. Говорилось также о безвыходном положении «черкас», которых звал на свою сторону турецкий султан. В итоге Земский собор 1653 г. принял историческое решение «за честь» царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича «стояти и против польского короля война весть»⁶⁶. В записи «Дворцовых разрядов» о соборном заседании 1 октября 1653 г. подчёркивалась и другая идея, связанная с общими представлениями о царе как защитнике вселенского православия, — ведение войны «за истинную веру», чем обосновывалось принятие гетмана и Запорожского Войска «под высокую руку» московского царя⁶⁷.

На соборе было принято решение об отправлении к казакам обещанных ранее «думных» людей — боярина Василия Васильевича Бутурлина, стольника Ивана Васильевича Алферьева (через несколько дней его пожаловали чином окольничего) и думного дьяка Лариона Дмитриевича Лопухина. Охранять посольство должны были стрельцы под командованием Артамона Сергеевича Матвеева, тоже участника прежних «отсылок» к Запорожскому войску. Тогда же в Грановитой палате им было «сказано» об указе царя «ехать принимать гетмана Богдана Хмельницкого, и полковников, и писаря и все войско Запорожское, и привести к вере». Присяга распространялась также на «мещан и всяких жилецких людей» из Киева и других городов, которыми владели «Богдан Хмельницкой и все войско Запорожское». 5 октября были сделаны и первые военные назначения:

⁶⁴ ВУР. Т. 3. С. 345–346.

⁶⁵ По наказу стольнику Р.М. Стрешневу и дьяку М. Бредихину от 12 сентября 1653 г., они должны были ещё говорить Богдану Хмельницкому, что царь Алексей Михайлович ожидает «ведомости» от посольства кн. Б.А. Репнина. С тем оно и уехало, но было задержано в Чигирине. 25 сентября посольство кн. Репнина было у царя Алексея Михайловича в Троице-Сергиевом монастыре. До созыва нового заседания Земского собора оставалось несколько дней (ВУР. Т. 3. С. 377; ДР. Т. 3. Стб. 368).

⁶⁶ Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М., 1909. С. 74.

⁶⁷ ДР. Т. 3. Стб. 372.

в Новгород Великий для сбора ратных людей послали боярина В.П. Шереметева, окольничего С.Л. Стрешнева и думного дворянина Ж.В. Кондырева⁶⁸.

23 октября в Москве было торжественно объявлено о решении Алексея Михайловича «идти на недруга» — короля Яна Казимира. Дипломатические разговоры о «братской любви» между двумя монархами закончились. Царь пожелал «закрепить рукою» (собственноручно подписать) указ о военном походе и запрете на это время местнических споров⁶⁹. Как писал шведский резидент де Родес, решение объявить войну далось Алексею Михайловичу не просто. Он встретился с сопротивлением «некоторых знатных господ» — своих советников, предупреждавших царя, «что легко зажечь пожар, но нельзя также скоро его потушить». Но у идеи «религиозной войны» были очень серьезные сторонники: де Родес нашёл для характеристики союза царя и патриарха в данном деле образное сравнение: царь «держит патриарху древко, а он сам навязывает на него знамя»⁷⁰. Внимательный представитель иноземного двора, видимо, даже не подозревал, насколько был близок к истине. Сохранилось описание знамён Государева полка, правленное рукою царя⁷¹. «Перед государем» в походе должны были нести «знамя тафты розные на стороне Воскресение Христово на другой стороне против того Успения Богородицы». «В кругах» были помещены «по Спасову образу благословиению рукою поясные или стоящие», и образы смоленских святых Меркурия и Авраамия. Символика знамени будущего Смоленского похода была усилена: дописано, что «на другой стороне» следует добавить «в верхнем кругу Борис, а внизу Глеб мученики». Появление этих святых, соимённых первым святым династии Рюриковичей, случайным не назовёшь. В центре знамени располагался крест, архангелы Гавриил и Михаил, на одной его стороне был «ангел Господен с крестом», на другом — «с саблею». Были и другие знамёна «с Спасовым образом», на одном из них на лицевой стороне изображался «царь Костянтин на лошади с войском», а на оборотной — «великий князь Владимир на лошади с войском же, как побил и крестил царствы»⁷². Словом, цель «крестового похода» — войны в защиту вселенского православия и, одновременно, возвращения к династическим истокам, — была выражена в символике царских знамён достаточно убедительно.

Формальная «нота» об объявлении войны была приурочена к значимой для царя Алексея Михайловича и патриарха Никона памяти митрополита Филиппа 30 декабря. Обсудив в тот день ответ находившемуся в Москве «литовскому» посланнику, отослали грамоту королю Яну Казимиру о разрыве отношений и начале войны (одновременно были отосланы гонцы с таким же извещением в другие государства). Посланника — королевского секретаря ошмянского подстолия Андрея Казимира Млоцкого заставили пройти через унижение, сделав его свидетелем страшной казни четвертованием самозванца Тимошки Анкудинова,

⁶⁸ Новосельский А.А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 117–118.

⁶⁹ ДР. Т. 3. Стб. 377–378.

⁷⁰ Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 24–33.

⁷¹ Первое распоряжение боярина Б.И. Морозова о подготовке знамени с образом Спасителя Нерукотворного датируется в документах Оружейной палаты 2 мая 1653 г., а решение «шить знамя большое» было принято не позднее 28 августа 1653 г. См. подробнее: Голованова М.П. Знамя царя Алексея Михайловича: задачи изучения // «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. 20. М., 2010. С. 98–111.

⁷² РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 86, л. 35–36.

выдававшего себя за родственника царя Василия Шуйского⁷³. В определённой мере его «дело» несколько лет сдерживало манёвры московской дипломатии и заставляло искать подходы к гетману Хмельницкому, у которого самозванец на время нашёл укрытие⁷⁴. Представителю Яна Казимира торжествующе указывали, что раньше не могли добиться выдачи скрывавшегося в Польше Анкудинова, поэтому угрозу самозванства больше не удастся использовать⁷⁵. После неудачи всех «великих» посольств царь получил право включить в грамоту, отправленную королю 30 декабря 1653 г., многозначительную фразу, осуждавшую «неправедные дела» королевской стороны и открывавшую целую историческую полосу тринадцатилетней войны с Речью Посполитой: «Бог свыше зрит и мститель будет»⁷⁶.

Таким образом, решение о войне с Речью Посполитой в середине XVII в. принималось на фоне событий, начавшихся в Запорожском войске. Разрыв с королём Яном Казимиром привёл казаков к поиску защиты у московского царя. Дипломаты Алексея Михайловича осторожно вели дело с гетманом Хмельницким; в отличие от казаков, они по-прежнему были связаны Поляновским мирным договором с Речью Посполитой и не могли допустить его разрыва по вине царя. Опасными для московской стороны оставались попытки гетмана использовать для достижения своих целей союз с крымцами и османами. Принимая решение о начале русско-польской войны, царь Алексей Михайлович не мог не учитывать постоянные просьбы «черкас» о принятии их «под высокую руку».

Однако мотивы действий московской стороны не сводились к «приёму черкас», трактовавшемся как «вечное подданство». Царь использовал союз с Запорожским Войском для начала войны за веру. Поэтому такими значимыми оказались посреднические миссии приезжавших в Москву иерусалимского патриарха Паисия и константинопольского патриарха Афанасия. Символично, что принятие окончательного решения о войне совпало с памятью Фёдоровской иконы Богородицы 14 марта 1653 г. Алексей Михайлович решил вернуться к повестке дня прежних русских царей, прерванной историческими обстоятельствами Смуты, и возобновить войну с Литвой. Московское царство вступало в новую историческую полосу, не только претендуя на возвращение Смоленска, но и ставя, как показали первые «государевы походы» 1654–1656 гг., более значительные цели. Вскоре среди ближайших задач Московского царства оказались завоевание польской короны для Алексея Михайловича, возвращение на Балтику и утверждение главенствующей роли в православном мире от Москвы до Иерусалима.

⁷³ О перипетиях его дела см.: *Лисейцев Д. В.* Тимофей Анкудинов: «одиссея» русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии. Budapest, 2011.

⁷⁴ *Брехуненко В. А.* Указ. соч. С. 279–280; *Горобец В.* Указ. соч. С. 30.

⁷⁵ Сборник НОЛД. Вып. 8. С. 46.

⁷⁶ По мнению М. С. Грушевского, опубликовавшего материалы посольства А. Млоцкого, именно эти слова о нарушении «вечного докончания» означали объявление войны Польше с одновременным «формальным переходом Украины» под «верховенство» царя. *Грушевский М.* Указ. соч. Т. IX. Кн. 1. С. 726; Кн. 2. С. 1536–1538.

Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв.

Борис Базаров

Annexation of the Northern Mongolia to Russia: geopolitical partition of the Mongolian world in the XVII–XVIII centuries

*Boris Bazarov (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude)*

Значительная часть монгольского мира (свыше полумиллиона квадратных километров), носившая название Ара-Монгол, во второй половине XVII – первых десятилетиях XVIII в. оказалась в составе российского государства. К этому привела логика крушения мир-системных связей этого региона, сопровождавшаяся формированием множества разрозненных объединений. Деградация политического устройства кочевого мира привела к формированию нового регионального порядка. Различные территориальные объединения складывались в несопоставимой исторической обстановке, а существование трансграничных конгломератов только рельефнее подчёркивало центробежные характеристики этого сложного геополитического процесса.

Формирование монгольских территорий в Центральной и Восточной Азии явилось результатом сложных процессов эволюции основных мировых центров¹. Доминирование кочевых сообществ, продолжавшееся почти полтора тысячелетия, завершилось распадом Монгольской империи. Огромный ареал монгольских народов стал объектом передела, оказался в сфере интересов новых государств и сообществ, а инерция распада обладала такой тектонической мощностью, что не позволила сложиться новому созидательному политическому центру кочевой цивилизации. Эта децентрализация и деградация монгольской мировой системы стала лейтмотивом глобального геополитического разделения мира Евразии.

Период «малых ханств» XVI–XVII вв. характеризовался появлением множества государственных и полугосударственных объединений, ханы которых находились в ситуации сложнейшего выбора между консолидацией в единое государство и собственными групповыми и региональными интересами². Эта сложная амальгама идей и интересов не имела ничего общего с прежней историей Монгольской империи. Возможно, что и сам дух империи стал слишком тяжёлой политической ношей для политических элит. Деградация сделала

© 2017 г. Б.В. Базаров

¹ Холл Т. Монголы в мир-системной истории // Холл Т. Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 153–157.

² Хишигжаргал Г. О судьбах монгольского мира: по указам императоров династии Цин (1640–1728 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. Улан-Удэ, 2012. С. 236.

невозможным объединение страны, тем более что, как бы повторяя ошибки своих прежних исторических жертв, даже в условиях враждебных отношений между территориями каждый из местных лидеров стремился выжить и развиваться самостоятельно.

Южная территория монгольской ойкумены, при видимом доминировании Чахарского ханства, делилась на несколько полузависимых ханств. В Северной Монголии находились Тушету-ханство, Сэцэн-ханство, Дзасаку-ханство, в конце XVII в. Сайн-нойон-ханство, в Западной утвердилось государство Алтан-ханов. В самом начале XVII в. здесь возникло крупное Ойрато-Джунгарское ханство. Мир и дружеские соглашения покинули распавшиеся территории монгольского ядра прежней кочевой империи. Реальностью стала напряжённая борьба разных внутригосударственных объединений за лидирующее положение в Великой степи, окончательно истощившая остатки её былого могущества.

Молодое и мощное маньчжурское государство, используя эти противоречия, сумело утвердить своё положение в монгольском мире и, употребив древнее правило «разделяй и властвуй», использовало противоречия между конкурентами³. Распад монгольского сообщества приобрёл необратимый характер, значительная часть территорий, даже не заявляя о собственной автономии, стала самостоятельно распоряжаться ресурсами бывшего государства.

Следует отметить, что земли, ныне входящие в восточно-сибирскую окраину Российской Федерации, в тот период считались периферией политического мира Восточной Азии, придатком настолько естественным, что никто в империи традиционно не считал необходимым обращать большое внимание на происходящие в этих «диких» лесостепных зонах процессы. Не случайно в тот момент, когда территории северных окраин монгольского мира вслед за усилением ойратских политических объединений стали тяготеть к самоопределению, обратная связь между ними и политической элитой бывшей империи не сработала. Появление молодых и самостоятельных халхасских и бурятских этнических образований довершило картину внутривосточного размежевания монгольских народов и государств.

В отечественной историографии выделяется несколько этапов маньчжурского завоевания монгольского пространства – Южной Монголии, Халха-Монголии и Западной Монголии⁴. На этой основе делался вывод о соответствующих периодах освободительной антиманьчжурской борьбы монголов⁵. Соглашаясь в целом с таким подходом, отметим, что любое движение в столь сложном историческом процессе нельзя трактовать однозначно, тем более что речь идёт об истории кочевников. Каждый шаг маньчжурского завоевания был поступателен, безошибочен с точки зрения стратегии, опирался на глубокое понимание завоевателями проблем монгольского трайбализма и разобщённости степных народов. Маньчжуры рекрутировали всё больше новых союзников из покорённых народов, противопоставляя друг другу бывших друзей

³ Горихова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). М., 1980. С. 7; Lattimore O. The Social history of Mongol nomadism. L., 1957. P. 431.

⁴ Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. С. 25, 69, 177.

⁵ Чимитдоржиев Ш.Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 2007. С. 138.

и единомышленников. Одновременно они осуществили покорение Китая, двигаясь исторической тропой, проложенной Чингисханом и Хубилаем, создав таким образом, новую маньчжурскую парадигму монголо-китайского государства в Восточной Азии. Падение маньчжуров, казалось, было предопределено демографическим дисбалансом на управляемой ими территории (немногочисленностью завоевателей), но их политическая воля и управленческие умения сыграли решающую роль в подавлении региональных этнических групп.

Необходимо правильно оценить тот факт, что каждый из этапов маньчжурского продвижения характеризовался усилением его тылов, и практически в течение полутора веков этот почерк мало менялся, обнаруживая удивительную стратегическую последовательность, тактическую подвижность, а главное – высокую эффективность. Нужно ещё раз отметить не только знаменитую челночную политику маньчжуров, но и правильно синхронизировать деятельность различных территорий монгольского мира в период завоеваний. Можно обратить внимание на то, как складывалась ситуация с чахарскими территориями Южной Монголии. С 1616 по 1636 г. продолжалась затяжная схватка маньчжуров и южных монголов во главе с чахарским Лигдэн-ханом. Фактически не только за счёт умелых военных действий, но и за счёт знания тонкостей наследования в среде кочевников и особенностей внутриплеменного расклада эта борьба завершилась в пользу маньчжуров⁶. Затем в союзе с южными монголами они захватили прилегающие китайские территории. Южная Монголия фактически признала маньчжурское государство и в дальнейшем выступала как её составная часть. Затем, с 1637 по 1691 г., в результате полной драматизма борьбы маньчжуры покорили внешнюю Монголию, а на обратном ходу – территорию Китая времён Хубилая⁷. Шедшая с конца XVII в. до середины XVIII в. затяжная война в Западной Монголии также завершилась их успехом. Войны в Джунгарии и Халхе недостаточно рассматривать как национально-освободительные – это было завоевание независимых государств в рамках маньчжурской доктрины нового китайского государства.

Усиление маньчжурского давления на территорию монгольских ханств, аннексия маньчжурами значительного пространства и небывалое продвижение в Центральную Азию – всё это вызвало стремление к освободительному движению, серию драматичных столкновений, битв и сражений, ещё плохо описанных в российской историографии. Затянувшийся ойрато-халхасский конфликт конца XVI – начала XVII в., то разгораясь, то затихая, привёл к стремительному ослаблению монгольских государств, а калейдоскопическая смена политических лидеров – к окончательному падению авторитета власти, что только усилило позиции маньчжурского государства.

В этих условиях окраинные этносы были вынуждены искать выходы из сложившегося тупика. В сложной политической ситуации неожиданно проявились новые пути, которым было суждено стать магистральной перспективой, определившей судьбы народов монгольского мира. И в этом плане показательна судьба Северной Монголии, более известной в современном мире как Бурятия.

Продвижение казаков в Сибирь, в начальный период спонтанное и стихийное, быстро приобрело характер продуманной политики освоения Российским государством громадной территории. Не останавливаясь на её оценке

⁶ Горохова Г.С. Указ. соч. С. 7–9.

⁷ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 108–117.

и деталях, отметим, что этот государствообразующий процесс, включавший присоединение обширных земель «братских народов», как называли бурят русские первопроходцы, был весьма сложным и неоднозначным, но при этом непрерывным и поступательным.

Созданные на территории Забайкалья Удинский, Селенгинский, Баргузинский, Нерчинский, Иркутский и другие остроги образовали сеть военных укреплений, обеспечивших контроль над территорией края. Но уже в скором времени они стали административно-политическими и торгово-экономическими центрами⁸. Построение острогов, появление вокруг них заимок служилых людей и пашенных крестьян способствовали оживлению торгово-меновых и бытовых отношений между бурятами и русскими. Мирный диалог с бурятским населением, взаимное проникновение культур фактически определили волю народов, завершив процесс присоединения Бурятии к Российскому государству. В развивавшемся геополитическом противостоянии в Восточной Азии опора на складывавшиеся мирные отношения с местными этническими объединениями сыграли для России решающую роль.

Присоединение территории этнической Бурятии к России продолжалось целое столетие. В отечественной историографии сложились различные, подчас противоположные оценки характера и последствий этого процесса. В дореволюционной литературе доминировала концепция «завоевания» новых земель, а интеграция новых территорий в состав Российской империи отождествлялась с колонизацией, проводимой Европой в отношении Азиатского и Африканского континентов. В советской историографии 1920–1930-х гг. освоение Сибири трактовалось как колонизация, продиктованная классовой политикой царизма. В 1940-е гг. при позиционировании царской России как огромной тюрьмы народов, самодержавная власть противопоставлялась «России народной» — многомиллионному крестьянству, установившему прочный дружеский союз с бурятским народом. В 1960–1970-е гг. стал утверждаться тезис о добровольном присоединении Бурятии к России⁹. Современные исследователи приходят к выводу о том, что буряты не были завоёванным народом¹⁰: в сложных геополитических условиях они сделали самостоятельный исторический выбор, определив своё развитие в рамках Российского государства. Разные этнополитические группы и союзы могли на разных этапах ориентироваться на Джунгарское государство, покоряться нарастающей мощи маньчжур, настаивать на халхасском союзе или стоять на позициях «самостийности». Но в целом именно Россия стала консолидирующим фактором в истории региона.

Это положение не противоречит главному тезису российской историографии о покорении, завоевании и колонизации Сибири, а лишь подчёркивает пестроту и сложность процесса. Заметим, что на освоение сибирского пространства двинулись не государственные структуры, не оснащённые царским доверием дипломаты и чиновники, не регулярная армия, а подвижные купеческо-казацкие группы, придерживавшиеся тактики стихийного присоединения земель. Подавляющее большинство из них не знали ни Родины, ни флага. Настроения таких групп были сродни знаменитому в последующем «духу Клондайка». Они не шли за «землёй обетованной», не искали «землю и волю», не хотели создавать новых государств. Надо понять состояние души многих из

⁸ Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 33.

⁹ Там же. С. 5, 20, 114.

¹⁰ Бураева О. В. Проблема присоединения Бурятии к России // Власть. 2012. № 12. С. 83.

этих удивительных каперов-подвижников, которым не стоило большого труда сходить в разбойничий набег за «зипунами» куда-нибудь в Персию, пожить-ся на «большой дороге» за счёт неосторожных купцов, вступить в бой за свой небогатый скарб. Дух казачьей вольницы был скреплён десятилетиями воинского братства. Пример Ермака Тимофеевича, сложившего голову в таких походах, как будто прорвал уральскую плотину: десятки и сотни отрядов отправились искать счастья на огромных сибирских просторах. Стихийный поток постепенно начал регулироваться купеческим сословием, которое размечало пути следования лихих людей. И только затем резко усилилась регулирующая роль государства.

Приход русских в Приангарье и на Верхнюю Лену, непосильные поборы ясака, погромы казачьими отрядами улусов, произвол и притеснения со стороны администрации острогов дали мощный дополнительный импульс к сплочению всего населения Предбайкалья. Особенно остро чувство единства проявилось в середине 1640-х и начале 1650-х гг., когда буряты сообща стали подниматься на крупные вооружённые восстания. Одновременное участие в верхоленском восстании булагатов, эхиритов, батулинцев, ашебагатов, хонгодоров, других племён и родов, формирование ими объединённых отрядов численностью до 2 тыс. человек, несомненно, свидетельствуют о существовании западнее Байкала коалиции племён. Об этом же убедительно говорят и ангарские события. В то же время актуальным остаётся мнение Е.М. Залкинда и Л.Р. Павлинской о том, что дополнительным фактором укрепления чувства национальной общности явилось объединённое сопротивление монгольским вторжениям и охрана границ¹¹. Обещание, а затем исполнение угрозы побить русских на реках Белой и Голоустной показывает, что предбайкальцы в понятие «родина» включали всё Предбайкалье, а не только территории отдельных родов и племён.

Здесь будет уместно подчеркнуть, что существовавшее некогда мнение о неразвитости бурятских племён и объединений перед присоединением к России¹² не выдержало проверки на научную состоятельность. Оно отражало недооценку степени распада и деградации монгольской мир-системы. Социально и политически угнетённое и депрессивное состояние монгольских (в том числе и бурятских) этнических сообществ, их постоянная и разрушительная конкурентная борьба привели к дезинтеграции, когда за выживание сообщества могли отвечать только дисперсно расположенные и замкнутые группы бывших кочевников. Вместе с тем вооружение бурят того периода соответствовало высокому уровню феодализации общества и воинской идеологии. Но вся эта энергия затрачивалась на преодоление внешних угроз и межплеменных распрей.

Если учесть, что всё русское население Северной Азии в конце XVII в. не превышало 20 тыс. человек (что сопоставимо с численностью одного только крупного сибирского народа – бурят), то становится понятной сложность задачи русской администрации – привести в подданство и «объяснить» бурятские

¹¹ Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 164; Павлинская Л.Р. О роли и значении младоэтносов в формировании пограничной политики Российского государства в Байкальском регионе в конце XVII – начале XVIII веков // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций. Сборник научных статей. Улан-Удэ, 2001. С. 28.

¹² Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 17–18; Егунов Н.П. Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ, 1990. С. 69.

роды и племена. В социально-экономическом отношении буряты были одним из наиболее развитых сибирских этносов, часто оказывали серьёзное военное сопротивление, выставляя сотни хорошо вооружённых, но почти не имевших огнестрельного оружия всадников. Бурятская аристократия сама получала ясак со своих южносибирских данников и вовсе не была готова при первом появлении русских отрядов отказаться от него, да ещё и начать покорно отдавать «мягкую валюту» пришельцам. Для этого требовались очень веские причины.

События XVII в. застали бурят в состоянии раздробленности. У них отсутствовала не только государственная организация, но и федеративное объединение племён и родов. Их сопротивление русским экспедициям иногда было успешным, но в итоге они вынуждены были мириться со строительством острогов, утратой данников и «объясачиванием». Сами буряты до присоединения к России были данниками халха-монгольских правителей и жертвой постоянных набегов монголов и джунгар. Принимая русское подданство, они получали военную защиту от беспокойных южных соседей. К тому же, поскольку ещё в течение многих десятилетий российско-монгольская граница была нестабильной и проницаемой, отдельные бурятские племена или роды в случае обострения отношений с властями могли полностью или частично мигрировать и, действительно, часто перекочёвывали за российские пределы, но по прошествии какого-то времени, вновь взвесив «за» и «против», возвращались на север.

Ещё одна веская причина, обусловившая относительно мирное вхождение бурят в состав России, – выгоды российско-бурятской торговли, постепенное включение в общероссийский рынок, предоставлявший в обмен на пушнину и продукты животноводства достаточно разнообразную и дешёвую промышленную продукцию, во многом превосходившую товары из Монголии и Китая. К тому же буряты в тот исторический период оказались фактически отдалены от Восточной Азии огромным пространством Монголии. Важную роль сыграла и неупорядоченность торговли в Центральной Азии¹³.

Дополнительное изучение проблемы присоединения Бурятии к России показало справедливость сложившегося в российской историографии положения о добровольном характере присоединения бурят. Несмотря на то, что этот процесс занял долгий период, в его рамках заметен резкий перелом в настроениях бурятских родов и племён Предбайкалья, самостоятельно определивших их с выбором. Фактическое их присоединение позволило Российскому государству нарастить активность на рубежах Дальнего Востока и Восточной Азии.

После заключения Нерчинского договора (1689 г.) российско-китайская граница фактически отсутствовала по крайней мере около 30 лет. Буряты, ставшие российскими поданными, не будучи стеснёнными в миграциях и контактах, значительно расширили свои кочевья. Положение изменилось, когда российский посланник С. Владиславич-Рагузинский заключил с представителями Китая в августе 1727 г. Буринское соглашение, а в июне 1728 г. – Кяхтинский договор. Эти акты чётко определили русско-китайскую границу от Аргуни до истоков Енисея. Крупные миграции бурят и монголов с того времени прекратились¹⁴, и этническая картина в Забайкалье стала заметно более

¹³ Базаров Б.В. К 350-летию присоединения Бурятии к России: исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв. // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций. Сборник научных статей. Улан-Удэ, 2011. С. 9.

¹⁴ Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 113.

стабильной. Стоит подчеркнуть, что бурятское население не только не сопротивлялось этим мерам российского правительства, но проявило полную лояльность, о чём Владиславич-Рагузинский дал без преувеличения восторженный отзыв¹⁵.

Так завершился растянувшийся на столетие процесс присоединения Байкальской Сибири к Российскому государству, ставший переломным событием в истории Бурятии и её коренных народов. Все культурные, экономические и политические связи Бурятии с этого момента в значительной степени были переориентированы с юга, Монголии и Китая, на север и запад.

Буряты приобщились к новому уровню экономического развития, земледельческому и промышленному труду, успешно развивали животноводство и промыслы. Они постепенно переходили от кочевого образа жизни к полуседлому и оседлому. Бурятская культура оформилась на стыке выдающихся цивилизаций мира. Войдя с багажом буддийской религии и культуры в состав Российского государства, буряты освоили письменность, образование, науку, медицину, литературу и искусство. В этом отношении непреходящее значение имела русская культура. В свою очередь, кочевая культура не только наложила печать на общее развитие бурятского народа, но и повлияла на активизацию диалога культур Запада и Востока¹⁶.

Итак, центробежные силы привели к разрушению сначала Монгольской империи, а затем и отдельных монгольских государств. Процессы деления продолжались даже тогда, когда государственность была полностью утрачена, а племена и народы в течение длительного времени находились в составе других государств. Истощённые в междоусобной войне монголоязычные племена и народы вставали под знамёна соседних государств. Бывшие завоеватели-кочевники перестали быть реальной угрозой и превращались в мощную заставу на оголённых рубежах новых государств, образуя воинственный заслон на их границах.

В составе Российского и Китайского государств монгольским народам удалось преодолеть инерцию распада, приобрести новую способность к консолидации, восстановить и увеличить свою численность. Эти территории сохраняли особый статус, самобытность и традиционную культуру. Развернувшаяся к концу XIX – началу XX в. борьба за влияние в Центральной и Восточной Азии, нарастающая волна революционных процессов, наряду с ослаблением и Российской империи, и Китая значительно изменили положение монгольских народов и выдвинули на первый план вопрос об образовании суверенного государства. Начался процесс автономизации монгольских народов в СССР и Китае.

Монголоязычные народы, волею исторических судеб расположившиеся на огромных степных просторах, в XX в. совершили громадный цивилизационный рывок, приобрели устойчивую способность к саморазвитию, конкурентоспособность в рамках развитых государств. Всё это ещё раз подчёркивает необходимость и актуальность дальнейшего изучения их истории.

¹⁵ Павлинская Л.Р. Указ. соч. С. 29.

¹⁶ Базаров Б.В. Указ. соч.

Российско-дагестанские дипломатические отношения накануне Каспийского похода Петра I

Шарафетдин Магарамов

Russian-Dagestani diplomatic relations on the eve of the Caspian campaign of Peter I

*Sharafetdin Magaramov (Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala)*

Как известно, успехи русской армии и флота в Северной войне позволили Петру I снова заняться укреплением российского влияния на Каспии. Ещё в 1714 г. под руководством кн. А. Бековича-Черкасского была организована экспедиция для поиска торгового пути в Индию. Перед Бековичем была также поставлена задача установить прочные контакты с Кабардой и Дагестаном и разузнать о природных богатствах Северного Кавказа¹. В том же году князь сообщал царю о планах турецкого правительства подчинить своей власти кабардинцев и дагестанцев, «дабы всех тех народов соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привести и подданными учинить»². Тогда, оказавшись в подчинении Турции, они «могут не малую силу показать, понеже оный народ лучше в войне кроме регулярного войска». Если же в интересах России «оный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под власть свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться, а когда уже турки их под себя утвердят, тогда уже будет поздно и весьма невозможно». Пока же, полагал Бекович, принять население Дагестана в российское подданство можно без больших затруднений, поскольку «тот народ вольный и никому иному не присутствует (не подчиняется. — *Ш.М.*)», а шамхалы и другие кумыкские правители ранее неоднократно приносили шерсть русскому царю и отдавали своих детей в аманаты-заложники³. Кроме того, для закрепления позиций России на западном берегу Каспийского моря следовало «в удобном месте учинить крепость»⁴. Уже в мае 1714 г. Пётр I подписал указ Сенату, повелевая принять меры для привлечения дагестанских владетелей на сторону России⁵.

Отправленный в 1715 г. послом в Персию А.П. Волынский, готовя Каспийский поход и утверждая, что «малым корпусом великую часть России присвокупить без труда можно», советовал царю принять в подданство «кумыцкий народ», поскольку к тому времени шамхал тарковский Адиль-Гирей и владетель Султан-Мут уже «показали верности»⁶.

© 2017 г. Ш.А. Магарамов

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 103.

² Лыццов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М., 1951. С. 109.

³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 224.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Там же. С. 223–225.

⁶ История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. С. 410.

Правильно оценив соотношение сил в регионе, Адиль-Гирей последовательно шёл на сближение с царским двором, не считаясь с угрозами шахских властей лишиться его титула шамхала⁷. По словам И.И. Голикова, Адиль-Гирей, «видя со стороны шахской худые распоряжения и слабость, обратился к российскому монарху, отдавая себя в подданство... его величества»⁸.

В 1717 г. Адиль-Гирей Будаиханов отправил к Петру I своего посла Айдара Айдарбекова с письмом, в котором, напоминая о том, что «многие люди через ваши щедроты нужды свои управляли и в радостях бывали», и «прежде всего отцы и прародители наши служили вам в верности и во всяких службах ваших вседушно радели, будучи в службе», выражал готовность как «покорный раб ваш» «всегда с придержением во услугах ваших пребывать и с союзными и друзьями вашими в дружбе и в союзе быть, а с неприятелями вашими противится». «Ныне, – сообщал шамхал, – все в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаки, и казикумуки, и их сильные князи, и начальники, и старшины здесь суть согласившись вашу службу приняв поддались... При всем вашему великому указу всепослушными остаемся»⁹. В марте 1718 г. царь отвечал: «Оное твое прошение милостиво усмотрели и тебя, Адиль-Гирея, под оборону нашу и подданство принимаем. И во знак тоя наша царской милости повелели из нашей царского величества казны жалованья соболей и протчего с ним твоим посланцом послать повелели, которой по тебе верно вручить, и протчее от министров наших наказанное изустное сообщить указ имеет, тако ж мы, великий государь, наше царское величество указали о хранении тебя от твоих неприятелей к губернатору казанскому и астраханскому коменданту надлежащие указы послать»¹⁰. В качестве почётного караула Адиль-Гирею было выделено 12 солдат под командой унтер-офицера и две пушки¹¹.

В 1719 г. шамхал направил в Россию представительное посольство¹² во главе со своим двоюродным братом Мамет-беком Алыпкачевым, прося, чтобы его сын Хасбулат, посылаемый в качестве аманата, «имел команду в Терках над народом, нарицаемых ахухом-черкесы, над которыми был начальником и беом Адиль-Гирей терский»¹³. 20 апреля, устно изложив эту просьбу в Коллегии иностранных дел, посол также ходатайствовал о том, чтобы «когда его, Адиль-Гирея, люди приезжают в Москву или в другие российские города для покупки за свои деньги потребное число порох, свинец и ружие», их «на заставах, не задерживая», пропускали¹⁴.

Заверяя, что «как изволение от е[го] ц[арского] в[еличества] будет ему, Адиль-Гирею, на персияны воевать сухим путем или морем, то он, Адиль-Гирей, может их вскоре покорить и привести под сильную державу е[го] ц[арского]

⁷ *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 51.

⁸ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М., 1789. С. 218. О деятельности А.П. Волинского в Астрахани см.: *Курукин И.В.* Артемий Волинский. М., 2011. С. 57–104; *Кулаков В.О.* Астрахань в персидской политике России в первой половине XVIII в. Астрахань, 2012.

⁹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 225–226.

¹⁰ Там же. С. 226–227.

¹¹ *Сотавов Н.А.* Указ. соч. С. 50.

¹² РГАДА, ф. 77, оп. 6, д. 5, л. 2–3. Первоначально в его состав входило 15 узденей и служилых людей, но из-за слабой оснащённости подводками пятеро из них вернулись обратно в Тарки из Астрахани, а ещё шестеро (вероятно, торговцы) были оставлены в Москве.

¹³ Там же.

¹⁴ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 27.

в[еличества]»¹⁵, шамхал не скрывал от российских властей свои сложные отношения с другими кумыкскими владетелями. По словам посла, «он, Адиль-Гирей, выгнал из Тарков Молата-шавхала, из Андреева деревни кн. Чопан-шавхала и брата своего родного большого Муртазалея, которые держали партии персидского шаха; того ради оной Адиль-Гирей с братом своим Муртазалеем и с шавхалом имеет великие ссоры; а племянника своего, Муртазалеева сына Элдарбека, когда он, Адиль-Гирей, поддался под протекцию ц[арского] в[еличества] отдал в аманаты в гор. Терки»¹⁶.

Желая с помощью царских войск справиться со своими соперниками – утмышским Султаном Махмудом, Умалатом Казанищенским и Муртазали Буйнакским, чьи сыновья участвовали в нападении на отряд А.И. Лопухина (следовавшего по поручению Волынского по дагестанскому побережью из Шемахи в Астрахань с поручением доставить подарок шаха Персии Петру I – живого слона и вести по дороге подробный дневник), шамхал указывал, как легче поймать и наказать грабителей и каким путём отправить для этого войска¹⁷.

В тот же день, 20 апреля 1719 г., в Коллегии иностранных дел рассматривалось донесение астраханского губернатора А.П. Волынского, который писал о кумыках и Адиль-Гирее: «Для склонности того народа и для иных фракций оной бы был не безпотребен. Ежели изволите его удовольствовать и дать ему для охранения Тарков одну роту солдат, о чем он сам просит, также и жалованья ему денежного и хлебного прибавить»¹⁸. 21 января на заседании Коллегии государственный канцлер граф Головкин, вице-канцлер барон П.П. Шафиров, сенатор П.А. Толстой и А.П. Волынский сочли, что астраханскому губернатору следует встретиться в Терках с шамхалом и затем доложить обо всех обстоятельствах переговоров. 11 марта Пётр I предписал Волынскому принять Адиль-Гирея в Терках для того, чтобы выработать условия его вступления в российское подданство. Провожая в обратный путь Мамет-бека Алыпкачева, решили в качестве подарков шамхалу Тарковскому «денег дать рублей 500, да соболей и камок рублей на 500 же, дабы они были на милость е[го] в[еличества] благонадежны»¹⁹. Кроме того, исполняя волю царя Коллегия иностранных дел предписала казанскому губернатору П.С. Салтыкову дать указание терскому коменданту, чтобы тот в случае необходимости оказывал шамхалу военную помощь²⁰.

В апреле 1720 г. в Астрахани получили письмо родного брата Адиль-Гирея – Муртазали Буйнакского, сообщавшего, что он отправил в Москву послов с письменным обещанием верно служить царю, а сам лично явился в Терки для «учинения холопства», оставив своего сына в качестве аманата²¹. Одновременно Муртазали Буйнакский пытался очернить шамхала, утверждая: «Мой брат отложился от великого государя и послал человека своего в Персию [с сообщением], что великому государю служить не хочет и отдался шахову величеству аманаты свои и за то его пожаловал в шамхальство»²².

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 27–28.

¹⁷ Там же. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 233.

²⁰ Там же. С. 232.

²¹ *Магарамов Ш.А.* Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции изучения проблемы // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2013. № 4. С. 6.

²² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 235. О своей вражде с Адиль-Гиреем Муртазали и ранее говорил Лопухину: *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через

Возможно, что через посланцев Муртазали Буйнакского своё прошение царю отправили Чопан-шамхал Эндиреевский и другие засулакские владельцы. Во всяком случае, оба послания датированы 24 апреля. Подписавшие их правители готовы были отказаться от ориентации на персидского шаха ради получения от царя привилегий и защиты от неприятелей (требовавшей, по их расчётам, 10–20 тыс. солдат). В случае же отказа они угрожали «пойти к туркам и им поддаться и им служить». При этом Чопан-шамхал также утверждал, что Адиль-Гирей «от персиян получил некоторую сумму жалованья» и даже «пожалование в шамхалы»²³. 26 июля Пётр I направил Чопану Эндиреевскому и другим засулакским владельцам грамоту о принятии их в российское подданство²⁴. Условия перехода им следовало обговорить с Волынским.

Через месяц, 26 августа, Головкин и Шафиров распорядились, чтобы Волинский, хорошо осведомлённый об обстановке и происшествиях в Дагестане, «о том Муртазалее подлинно разведал и рассмотрел, какого он состояния и сколько при нем подданных людей, и можно ли уповать на подданства оно, ежели его принять под протекцию его царского величества, интересам его величества какой пользы». В Петербурге буйнакскому властелину, видимо, не доверяли и не спешили принимать его в подданство. В то же время астраханскому губернатору предписывалось обходиться с ним ласково, «дабы его от страны его царского величества не отогнать»²⁵.

В январе 1721 г. Адиль-Гирей снарядил новое посольство к царю. На этот раз некий Айдара-Агу и секретарь шамхала Имам-Бердей доставили Петру I послания, в которых говорилось: «Прошу Вас, великого государя, дабы таким моим противникам и их доношениям без подлинного изъяснения не верить. А об моей верности извольте осведомиться от терского князя и от присланного Вашего толмача, которые... могут всю правду донести, а я истинно желаю Вам служить непоколебимо и показать верность свою... В прежних моих прошениях и через брата моего Мамет-бега мне объявлено, чтоб ожидать Артемья Петровича Волинского, которому приказано обо всем. И мы ожидаем его, но... он не прибыл и никакого подлинного решения по прошениям моим не имею... Еще ж прошу Вас, понеже мы имеем здесь нужды в кречетах и в других птицах, которых по указу не велено к нам пропускать, того ради прошу, дабы дать соизволение моим людям, чтоб им как в покупке тех птиц, так и в пропуске оных им запрещено не было. Понеже имеем мы немалую нужду в водяных суднах для всяких случаев и для дел Ваших, государевых, того ради прошу, дабы повелено было к нам прислать три судна из пристани Вашего»²⁶. Корабли шамхал обещал использовать исключительно для торговли и в интересах царя. На обороте письма сохранилась запись о том, что посланцы привезли с собой несколько камней, предлагая изучить их состав и происхождение, а если они окажутся ценными и в них будет потребность, сообщили об этом шамхалу.

Адиль-Гирей, видимо, был обеспокоен как посланиями Муртазали Буйнакского и Чопана Эндиреевского, которые вели с ним междоусобную борьбу, так и неторопливостью Волинского. 28 февраля 1721 г. Коллегия иностранных

Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958. С. 11.

²³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 236.

²⁴ Там же. С. 236–237.

²⁵ Там же. С. 237.

²⁶ Там же. С. 239–240.

дел в соответствии с указом Петра I решила отправить шамхалу с его посланцами Айдаром и Имам-Бердеем жалованье за верную службу²⁷.

Накануне Каспийского похода всё больше дагестанских владельцев склонялось к тому, что находиться в российском подданстве выгоднее, чем служить Персии или оставаться нейтральными. Так, владевшие Эндиреевским княжеством Муртазали, Кебек и Айдемир 24 февраля 1721 г. писали царю: «Все мы между собою совет имея, вознамерились, дабы нам не быть в службе другого, кроме Вас, великого государя нашего, и желаем Вам служить верно и быть в послушании, и какие будут указы и повеления от Вашего величества и касающиеся до нас службы, то мы оные исправлять вседушно готовы»²⁸.

Установить связь с российскими властями пытался тогда и Хаджи-Дауд Мюшкюрский, больше известный своими выступлениями против России. 22 апреля 1721 г. он отправил к астраханскому воеводе И.В. Кикину два письма, уверяя: «Я ныне для дружелюбия пресветлейшему и державнейшему великому под руку идти, также и юрты свои отдать ему государю, верно служить готов, и как придет ваше войско и что понадобится строить город или иное, что я и буду со всеми своими людьми великому государю служить верностью». Хаджи-Дауд также обещал неприкосновенность русским купцам, а в случае постоянной доставки ему свинца и железа, соглашался предоставить им монополию на скупку и вывоз шёлка из Ширвана. В конце первого же его письма без каких-либо пояснений делалось предостережение: «И усмий, горский владелец, писал письмо, хочет от себя посланника послать, и тому письму верить нельзя и он недостоин»²⁹.

Волынский счёл условия, выдвинутые Хаджи-Даудом, неприемлемыми. Но, не дав его посланцам никакого официального ответа, астраханский губернатор тайно передавал ему сведения о позиции русского царя, которому «не противно то, что он с персиянами воюет и чтоб он не мирился с ними». При этом Петру I Волынский сообщал 15 августа 1721 г., ещё не зная о шемахинском погроме, учинённом Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом: «Дауд-бек ни к чему не потребен, он отвечает мне, что, конечно, желает служить Вашему величеству, однако ж чтоб Вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он отберет города у персиян и которые ему удобны, то себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а прочие уступает Вашему величеству, кои по той стороне Куры реки до самой Испагани, чего в руках его никогда не будет»³⁰. В то время через кабардинских князей в Астрахани ему уже было известно, что одновременно «Дауд-бек и Сурхай ребелизаны персидские послали к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи»³¹. Не сомневаясь в неискренности заявлений Хаджи-Дауда, Волынский без особого труда убедил Петра I не принимать его в своё подданство, что ещё больше усилило враждебное отношение владельца к России.

В сближении с российскими властями накануне Каспийского похода был заинтересован и усмий Кайтагский Ахмет-хан, ранее державшийся нейтрально. «Объявляю вашему высокоблагородию, – писал он в апреле 1722 г.

²⁷ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. ... С. 30.

²⁸ Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, ф. I, оп. I, д. 59, л. 149. Письмо доставили Аразако Мурзуда и Эзкей.

²⁹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 240–241; *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Ч. 2. Махачкала, 1999. С. 59.

³⁰ Цит.: *Сотавов Н.А.* Указ. соч. С. 57.

³¹ Цит.: *Гаджиев В.Г.* Указ. соч. С. 109.

Волынскому, – которой у нас между собой был разговор и в том я вашему высокоблагородию верил, послал я в Терской гарнизон в аманаты брата своего Асан-бека, сына его Темирхан-бека с дяткою своим Кочекаем при Петре Васильеве, понеже я слову вашему высокоблагородию верю и не чаю от вас двум словам быть для дружелюбия, и надобно наши дела между приятели и неприятели без остановки отправлять, какие дела будут, тако ж ежели от его императорского величества приказ какой будет и я служить верно буду, токмо прошу пожалуй о верности нашей его императорскому величеству донеси, а от меня до жизни своей к его императорскому величеству и живых слов и противности в делах никакой не будет»³². Возможно, именно после личной встречи с Волинским в 1721 г., получив от него какие-то обещания, уцмий склонился на сторону России. Как бы то ни было, ещё в октябре 1721 г. за аманатами прибыл посланец командира гарнизона Терской крепости П.В. Сафонов, по непонятной причине задержавшийся в Кайтаге до апреля 1722 г.³³ Лояльность уцмий, являвшегося одним из наиболее влиятельных правителей Дагестана и владевшего стратегически важным участком побережья между Дербентом и Тарковским шамхальством, имела накануне похода немалое значение.

9 сентября 1721 г., получив донесение о захвате Шемахи, убийстве русских купцов и разграблении их товаров, Волинский, готовивший поход, писал царю, что, поскольку Хаджи-Дауд и Сурхай-хан теперь, «конечно, будут искать протекции турецкой... того ради, государь, можно начать и на предбудущее лето»³⁴. Спустя некоторое время астраханский губернатор узнал и об обращении Хаджи-Дауда и Сурхай-хана за покровительством к турецкому султану, и о планах Турции захватить Дербент, что существенно осложнило бы положение России на Каспийском море.

Перед началом военных действий, 15 июля 1722 г., Пётр I обратился ко всем правителям и народам Восточного Кавказа и прикаспийских областей Персии с манифестом, в котором напоминал о прошлогоднем «шемахинском побоище», о долгой и бесплодной переписке с его зачинщиками – «бунтовщиками» Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом, отказавшимися возмещать нанесённый русским купцам ущерб, и об отсутствии у персидского шаха возможности наказать виновных. Чтобы оказать помощь в этом деле союзной Персии, царь решил ввести свои войска на территории, находившиеся под её юрисдикцией³⁵.

Однако впоследствии для поиска и преследования Хаджи-Дауда и Сурхай-хана российские отряды не предпринимали ни малейших усилий, и даже ни разу не вступали с ними в бой. Истинные цели Каспийского похода были совсем другими: Пётр I стремился взять под контроль водные пути, порты и гавани региона, и прежде всего уже обжитого западного и южного побережья Каспия (восточный берег оставался тогда ещё пустынным, безводным и диким). Дагестан и особенно крупный торговый город Дербент с его рейдовой стоянкой были для этого совершенно необходимы. Всё это оправдывало многолетние старания русских властей по привлечению на свою сторону местных владельцев, контролировавших отдельные участки прикаспийского караванного пути. В результате большая часть дагестанской правящей элиты и населения благожелательно отнеслась к появлению российской армии в Прикаспии.

³² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 242–243.

³³ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 62.

³⁴ Цит.: Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. IX. Т. 18. М., 1963. С. 373–374.

³⁵ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. ... С. 244–246.

«Международный терроризм», Лига Наций и позиция СССР в 1934–1938 гг.

Ирина Хормач

«International terrorism», the League of Nations, and the position of the USSR in 1934–1938

*Irina Khormach (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Общепризнанное определение одной из важнейших проблем современного мира – международного терроризма – пока не выработано, хотя, согласно российскому праву, оно является тяжким преступлением мирового характера, путём насильственных действий отдельных лиц и организаций направленное на достижение политических и других целей. Прежде всего, это такие действия, как дезорганизация государственного управления, нанесение экономического и политического ущерба, нарушение устоев общественного устройства, которые должны вынудить правительство к изменению политики¹.

По мнению ряда специалистов, подобная форма терроризма, зародившаяся в конце 60-х гг. XX в., получила значительное развитие к началу XXI в.² Между тем само явление имеет длительную историю, а политико-правовое взаимодействие государств в борьбе с ним прошло определённые этапы. Международные связи террористов сложились во время распространения «анархотерроризма», т.е. во второй половине XIX в. Первая мировая война дала новый импульс этому явлению, а в межвоенный период изменилась его география, возросло число его приверженцев. В современном виде он стал проявляться в 20-е гг. XX в., когда возникли политические движения, активно использовавшие террор. Впервые такой метод борьбы был поддержан на государственном международном уровне. В 1920–1930-х гг. терроризм превратился в заметный фактор политической жизни и межгосударственного противостояния, в связи с чем на мировом уровне предпринимались попытки разработать и принять конвенцию по борьбе с этим злом³.

Проблемам международного терроризма посвятили исследования многие отечественные и зарубежные специалисты, прежде всего правоведы и политологи. Историки же изучали в основном его «раннюю эпоху» (Средневековье, период XVIII – начала XX в.) и «современное» состояние (с 60-х гг.

© 2017 г. И.А. Хормач

¹ Куликов А. Современный международный терроризм – ответные меры // Глобальный терроризм и международная преступность. Материалы 4-го Всемирного антикриминального и антитеррористического форума. Герцлия, 2008. С. 39.

² Возженков А.В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М., 2005. С. 56.

³ Феофанов К.А. Цивилизационные истоки международного терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 5. С. 39–53.

XX в.)⁴, практически не рассматривая проблем, касающихся предпринятых уже в 1920-х гг. попыток покончить с ним. А соответствующие меры, принятые Лигой Наций в 1938 г., как правило, лишь упоминались в их работах. Между тем борьба с политическим терроризмом являлась важнейшим направлением внешней политики СССР на протяжении всего периода его членства в Лиге Наций, но эта страница истории осталась забытой.

Цель данной статьи – показать первые шаги Лиги Наций в борьбе с международным терроризмом и отношение к ним советского правительства, а также роль СССР в разработке всех необходимых в этом направлении правовых актов и эффективность предпринятых им действий.

На I Международной конференции по унификации уголовного законодательства (далее – Конференция) впервые как его часть в рамках координации был поднят вопрос о борьбе с терроризмом (Варшава, 1927 г.). В принятом тогда документе определялось понятие международного преступления, давалась его уголовно-правовая оценка и подчёркивалась необходимость уголовного преследования и наказания лиц, совершивших наиболее общественно опасные деяния, но конкретных шагов не предусматривалось.

В резолюции III Конференции (Брюссель, 1930 г.) терроризм впервые был обозначен в качестве основного международного преступления, но вновь без определения реакции на него мирового сообщества. Более того, как писал крупный юрист-международник А.Н. Трайнин, участвовавший в обсуждении приемлемости для СССР актов Лиги Наций и международных договоров, принятие данного документа имело основной задачей борьбу не с индивидуальным политическим террором, а с массовыми революционными выступлениями⁵. IV Конференция (Париж, 1931 г.) доработала эту резолюцию. Об индивидуальном политическом терроре в ней специально не упоминалось: в качестве основной его цели выдвигалась «терроризация населения». Однако в документе было зафиксировано пожелание заключения международной конвенции «для обеспечения всеобщей борьбы с террористическими посягательствами».

На V Конференции (Мадрид, 1933 г.) приняли окончательный вариант резолюции о терроризме. В качестве мотива террористических действий была уточнена общая формула их «политической цели» – «разрушение политического строя»⁶. Но всерьёз Лига Наций занялась решением этой проблемы только после произошедшего в Марселе 9 октября 1934 г. убийства министра иностранных дел Франции Луи Барту и короля Югославии Александра I.

⁴ *Авдеев Ю.И.* Особенности современного международного терроризма и некоторые правовые проблемы борьбы с ним. М., 2008; *Виктюк В.В., Эсфирев С.А.* «Левый» терроризм на Западе. История и современность. М., 1987; *Культюков А.А.* Международный терроризм – угроза глобальной и региональной безопасности: особенности проявления и пути противодействия // *Право и безопасность.* 2007. № 4; *Приходько О.В.* Борьба с международным терроризмом: Россия, США, Европа // *США – Канада: экономика, политика, культура.* 2003. № 5. С. 117–132; *Феофанов К.А.* Указ. соч.; *Крайнев А.* Терроризм – глобальная проблема современности // *Зарубежное военное обозрение.* 1997. № 6; *Дершовиц А.М.* Почему терроризм действует. М., 2005; *World Terrorism: An Encyclopedia of Political Violence from Ancient Times to the post 9/11 Era* / Ed. J. Climent. Vol. 3. N.Y., 2011; *Edward E. Micolus and Susan I. Simmons.* The Terrorist List. Vol. 5. Santa Barbara, 2011; *Newmen P.R.* Old & New Terrorism / Ed. M.A. Madlen. N.Y., 2009; *Crenshaw M.* Explaining Terrorism Causes, Processes and Consequences. N.Y., 2011; *Terrorism, Identity and Legitimacy: the Four Waves Theory and Political Violence* / Ed. J.E. Rosenfeld. N.Y., 2011; *Schlagneck D.M.* International Terrorism: Introduction to Concepts and Actors. Lexington; Mass. 1988; и др.

⁵ *Трайнин А.Н.* Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 40–45.

⁶ Там же. С. 51, 55–57.

Одно из самых громких преступлений XX в. совершил македонский террорист Владо Черноземский (Величко Георгиев), а подготовили усташаи — члены хорватской фашистской ультраправой организации. Инцидент стал основанием для подготовки конвенции о борьбе с терроризмом: были убиты министр иностранных дел страны — места преступления, глава другого государства; убийцы являлись членами террористической организации; преступление подготовили в третьем государстве; инцидент грозил нарушить согласие между народами, от которого зависел мир. При таких условиях не могло быть препятствий для принятия мер по предотвращению аналогичных преступлений. Первоочередным становилось введение наказания за политический терроризм международного значения, тем более что во многих странах законы оставляли его безнаказанным. Следовало принять и некоторые дополнительные меры, касавшиеся экстрадиции, обмена сведениями, фальшивых паспортов, ношения оружия и др.

С инициативой о заключении международной конвенции по борьбе с терроризмом выступили французы на сессии Совета Лиги Наций в декабре 1934 г. (во время разбирательства жалобы Венгрии на Югославию в связи с марсельским убийством). Они предложили определить круг наказуемых действий, форму наказания, страну, где оно будет осуществляться, установить обмен информацией, арбитраж и другие юридические моменты, касающиеся борьбы с терроризмом. 8 декабря на заседании Совета представитель СССР нарком иностранных дел М.М. Литвинов поддержал инициативу французов и назвал индивидуальный терроризм «порочным методом» политической борьбы.

Члены Совета Лиги единодушно осудили это преступление и решили выработать особую международную конвенцию о мерах борьбы с политическим терроризмом⁷. 10 декабря для изучения проблемы и разработки международно-правовой основы сотрудничества государств был создан специальный орган — Комитет по выработке конвенции по борьбе с терроризмом (далее — Комитет), куда вошли эксперты от 11 стран (включая СССР). Тогда же понятие «терроризм» было определено как «применение какого-либо средства, способного терроризировать население в целях уничтожения всякой социальной организации». К таким действиям приравнивались преднамеренное изготовление, хранение, использование или перевозка веществ и предметов, предназначенных для совершения данного правонарушения. Ставился вопрос о создании специального органа для решения спорных вопросов — Международного уголовного суда (МУС). За основу взяли французский проект, а члены Лиги Наций должны были сообщить свои предложения до 31 марта 1935 г. Одновременно Лига рекомендовала всем государствам не поощрять на своей территории террористической деятельности, преследующей политические цели, и оказывать помощь тем правительствам, которые за ней обратятся⁸.

Советский Союз поддержал эту инициативу, вкладывая в неё несколько иной — «уточняющий» — смысл, на котором настаивали в своём заключении по французскому предложению НКВД и прокуратура СССР. В документе, направленном 9 января 1935 г. Литвинову за подписью главы НКВД СССР и Главного управления государственной безопасности Г.Г. Ягоды, предлагалось включить в проект тезис, обязывающий страны, подписавшие эту конвенцию, «ликвидировать на своих территориях все существовавшие там организации, созданные

⁷ АВП РФ, ф. 0415, оп. 5, д. 18, л. 35.

⁸ Там же, л. 36–37.

русскими (подчёркнуто заместителем наркома иностранных дел Н.Н. Крестинским. — *И.Х.*) эмигрантами, занимавшимися систематической организацией и подготовкой террористических актов или пропагандировавшими индивидуальный террор против представителей советской власти». Такие организации, как Российский общевоинский союз, Национальный союз нового поколения, Братство русской правды и ещё 13 объединений, предлагалось немедленно распустить, а их руководителей арестовать и предать суду. Преследованию и суду подлежали также аналогичные организации в случае их возникновения на территории договаривающихся государств⁹.

НКВД принял эту позицию, и 11 февраля Литвинов сообщил прокурору СССР И.А. Акулову, что для Советского Союза «конвенция представляла бы интерес, как основание к требованию применения репрессивных мер к белогвардейским террористическим организациям». Этот вопрос предлагалось изучить с учётом действовавших договоров с другими странами и срочно дать заключение¹⁰. 13 марта 1935 г. ответил уже новый прокурор СССР — А.Я. Вышинский. Французские предложения о международном соглашении по борьбе с преступлениями, совершаемыми в целях политического терроризма, он дополнил статьями, распространявшими соглашение на «посягательство на здоровье граждан, на государственные и общественные здания», но возражал против создания МУС, поскольку не были ясны форма его организации и порядок работы. Вышинский предложил заменить раздел об этом органе следующими обязательствами: 1) лицо, совершившее предусмотренное конвенцией преступление, подлежало выдаче стране, по требованию которой возбуждено преследование; 2) участники организаций, в задачи которых входило совершение запрещённых конвенцией актов, подлежали суду страны, где было совершено преступление; 3) члены конвенции обязывались предусмотреть в своём законодательстве наказание за совершение перечисленных в ней преступлений; 4) государство, выдавшее преступника, имело право получать информацию о ходе следствия и вносить свои предложения; 5) если в конвенцию войдёт раздел о МУС, предлагалось внести в него изменения, исключавшие безнаказанность преступников в случае их бегства в другую страну¹¹. В принципе в таком виде проект мог удовлетворить многие государства.

На основе полученных материалов ответственный консультант по Лиге Наций договорно-правового отдела НКВД Г.Н. Лашкевич 9 апреля 1935 г. подготовил аналитическую справку о конвенции по борьбе с терроризмом. Он подчеркнул, что соглашение могло бы иметь для СССР особое значение при создании юридического основания для принятия превентивных и карательных мер к участникам зарубежных белогвардейских организаций, в программе которых значились террористические и диверсионные акты на советской территории или покушение на представителей советской власти за рубежом. Однако это не должно было привести к «сужению» права участников конвенции предоставлять убежище лицам, участвовавшим в массовых революционных выступлениях за границей. Под таким углом предлагалось рассматривать все предложения, положенные в основу работы над документом, чтобы сохранить действие принципа невыдачи преследуемых за политические преступления.

⁹ Там же, оп. 12, д.15, л. 1–2.

¹⁰ Там же, л. 3.

¹¹ Там же, л. 6.

Два указанных момента должны были определить в конвенции понятие «террористический акт».

Лашкевич считал французский проект приемлемым, но требующим дополнения — об участниках организаций, в задачу которых входило совершение терактов, а также об ограничении обсуждаемого понятия «отрицательным признаком», исключая «акты насилия», совершённые в ходе массовых выступлений, восстаний или гражданской войны. Причём речь в конвенции могла идти не о терактах вообще, а лишь о направленных против безопасности одного из договаривающихся государств.

Советский эксперт не поддержал идею создания особого Международного суда. Но, по его мнению, сохраняя за участниками право невыдачи собственных граждан, конвенция должна была обязать к их преследованию на родине, а бежавших в третью страну преступников — судебной властью страны бегства. Для этого следовало разработать законы на случай преступлений, совершённых за границей и направленных против безопасности другого государства. Одновременно Лашкевич рекомендовал не проявлять инициативы в ходе обсуждения проекта, а поддерживать предложения, соответствующие позициям СССР. Кроме того, по его мнению, требовалось зарезервировать за Москвой право на «свободу отношения» к результатам работы по подготовке конвенции¹².

Иными словами, в справке предлагалось несколько переставить акценты во французском проекте, чтобы максимально обезопасить СССР от возможных терактов белой эмиграции и не навредить революционному движению. Вся же концепция борьбы с терроризмом подвёрстывалась под цели советской международной политики, связанные с поддержкой мирового революционного движения и борьбой с контрреволюцией.

Предложения Лашкевича были приняты. С 30 апреля по 8 мая 1935 г. в Женеве заседал «Террористический» комитет Совета Лиги, в котором СССР представлял Е.В. Гиршфельд¹³. В общей дискуссии большинство представителей высказалось в пользу заключения международной конвенции о борьбе с терроризмом. Правда, швейцарский делегат заявил, что не видит особой пользы в таком акте, поскольку в его стране всё обстояло благополучно, а председательствующий бельгиец поставил вопрос о целесообразности подобной конвенции вообще. В связи с этим Гиршфельд напомнил экспертам, что поручения Совета Лиги надо выполнять. В качестве базы для обсуждения он предложил французский проект (единственный), достаточно полно охватывавший общие направления конвенции и точно определивший факты терроризма в качестве её объекта. Он подчеркнул значение согласованных мер по предупреждению терактов, а также высказал сомнения юридического и практического характера в целесообразности МУС.

После общей дискуссии, в которой наиболее активными оказались румынский, английский, итальянский, польский, французский и испанский делегаты, за основу был принят дополненный их предложениями французский текст. Выявились две новые тенденции: принятие «широких» формулировок с целью придать конвенции большую силу в смысле предупредительных и карательных мероприятий, «интернационализировать» их, создав МУС (предложено Румынией, поддержано Францией, Бельгией, Испанией), и сохранение автономных

¹² Там же, л. 5–7.

¹³ Там же, ф. 415, оп. 7, д. 5, л. 4–6.

прав отдельных государств, отказ от расширения рамок конвенции, воздержание от создания МУС (близко позиции СССР и одобрено Швейцарией, Италией и Польшей). Англия склонялась к второй группе государств, но предложила ввести «для расширения целей конвенции» термины «социальный строй», «угроза общей системе всех (подчёркнуто в документе. — *И.Х.*) стран». Против выступили и Гиршфельд, и делегаты Италии, Швейцарии, Польши, Бельгии, посчитавшие, что это приведёт к спорам и путанице.

Советский представитель настаивал на более точных формулировках, соответствующих актам террора, на сохранении терминологии «политического терроризма». Однако его не поддержало большинство участников заседания — в противном случае их страны (согласно законодательству) могли быть лишены возможности судить и выдавать виновных в подобных преступлениях, поскольку сама конвенция квалифицировала данные деяния как «политические». От этой терминологии решили отказаться вопреки возражениям Гиршфельда, а также французского и польского экспертов. Провести важный для Москвы термин не удалось.

Как и ожидалось, прения по вопросам характера и рамок конвенции были политически насыщены и касались «деликатных» моментов. Гиршфельд препятствовал принятию неопределённых формулировок, требовал их уточнения с точки зрения опасности терактов. Его поддержали многие делегаты, и в текст внесли соответствующие изменения. Большая дискуссия разгорелась по вопросу об эмиграции. Румыны предложили обязать правительства наблюдать за деятельностью находящихся на территории их государств эмигрантов, но большинство оказалось против. Тогда Гиршфельд пояснил, что в конвенции шла речь не об уничтожении права убежища, а только о борьбе со злоупотреблениями в этой области. То есть правительства обязаны были бороться с разными военно-террористическими организациями эмигрантов для предупреждения терактов. Это устроило всех.

Горячо обсуждались политический и юридический аспекты вопроса об экстрадиции, но эксперты не смогли прийти к согласию и признали статью «неабсолютной». Непросто решалась и судьба Международного уголовного суда. Франция, Испания и Бельгия оказались его активными поборниками. Но твёрдо высказались против СССР, Италия и Швейцария: две последних — с точки зрения «умаления суверенных прав» государств, а Гиршфельд из-за сомнений в практической целесообразности МУС для СССР.

В результате работы первой сессии Комитета был принят предварительный проект конвенции, определявший действия, подпадавшие под её юрисдикцию; их наказуемость; вопросы экстрадиции, прав на ношение оружия, борьбы с фальшивыми паспортами, обмена сведениями, арбитража. Вопрос о создании МУС резервировали как предложение делегаций Франции, Бельгии, Румынии и Испании.

По предложению Гиршфельда проект конвенции передали для изучения компетентным органам Лиги Наций и стран-участниц. В отчётном докладе Комитета сентябрьскому 1935 г. Совету Лиги указывалось, что проделана лишь часть работы и требовалась доработка проекта на следующей сессии¹⁴, после чего его обсуждение должна завершить конференция представителей

¹⁴ Там же, ф. 0136, оп. 19, д. 817, л. 61–64.

заинтересованных стран. Но к тому времени советский представитель уже добился введения в проект наиболее важных для Кремля статей.

23 июня 1935 г. Лашкевич, анализируя результаты работы Комитета, отмечал, что к моменту продолжения обсуждения надо конкретизировать позиции Москвы по всем вопросам, кроме создания МУС, против которого уже решили протестовать. В остальном СССР пока не был связан ничем, кроме заявления, что в интересах мира необходимы репрессии и особенно превентивная борьба против индивидуального политического терроризма, не переходящая в подавление массовых движений.

Лашкевич выдвинул конкретные предложения: статью об экстрадиции считать приемлемой, как и о наказуемости (основное условие эффективности конвенции), так как она предусматривала все акты, направленные против интересов одной из договаривающихся сторон и подпадавшие под определение «терроризм». Вместе с тем отмечалось, что её действие ограничивали содержащиеся в ней исключения: государство могло не наказывать своего гражданина, совершившего преступление за границей и вернувшегося на родину, если в аналогичном случае не выдало бы иностранца (совершившего политическое преступление, дающее право убежища). Кроме того, оно могло не карать и гражданина другой страны, преступившего закон за границей, если пострадавшее государство (или то, где находился преступник) не допускало наказания за подобное противоправное деяние, совершённое за рубежом.

Дефиниция преступления, по мнению Лашкевича, также допускалась, хотя понятие «терроризм» фигурировало только в конвенции и не расшифровывалось. Суды каждого государства должны были сами решать, подходит ли данное деяние под действие конвенции, что могло вызвать спор об её применении. Он разрешался арбитражными судами, что являлось неприемлемым для СССР. Указание на «политический» терроризм содержалось в резолюции Совета Лиги от 10 декабря 1934 г., но только чтобы облегчить прохождение вопроса в парламентах. В конвенции использовалась громоздкая формула, извращавшая определение терроризма путаницей понятий¹⁵.

На основе этих материалов 8 августа 1935 г. заведующий правовым отделом НКВД А.В. Сабанин дал свою, более жёсткую, оценку проекта конвенции по подавлению террористической деятельности. Он отметил, что документ опасно расширил рамки вопроса по сравнению с первоначальным французским предложением. В случае его принятия без изменений, он мог быть «направлен на подавление всякого революционного движения, даже и не прибегающего к террористическим методам». Поэтому Сабанин предложил внести следующие поправки, согласовав их с французской делегацией: отказаться от формулировки «об общей опасности», мотивируя тем, что проект комитета выходил за пределы поручения Совета Лиги; исключить недостаточно конкретные для уголовного преследования фразы; сделать оговорку, что СССР не разделяет идею о создании Международной уголовной палаты¹⁶.

13 декабря 1935 г. предложения НКВД были направлены на согласование прокурору СССР, а 29 декабря Вышинский и заместитель наркома юстиции Е.Б. Пашуканис дали заключение на проект конвенции в связи с предстоящей второй сессией Комитета. Формулировки значительно смягчили, чтобы легче достичь компромисса. Во вводной части документа они рекомендовали

¹⁵ Там же, ф. 415, оп. 12, д.15, л. 19.

¹⁶ Там же, л. 20.

подчеркнуть, что речь шла о терроризме и диверсионных актах, создававших угрозу миру, а в некоторых случаях прямо направленных на провокацию войны. Против выражения «общественная опасность» Вышинский и Пашуканис не возражали, но предложили уточнить в конвенции: акты насилия, направленные против человеческой жизни, здоровья или имущества, совершённые во время массовой борьбы (восстания, гражданской войны, стачек, аграрных движений), не должны рассматриваться как терроризм. Следовало, по их мнению, также указать, что Москва рассматривает проект конвенции как средство борьбы с определёнными течениями и организациями, поставившими целью спровоцировать войну, для чего применить методы индивидуального террора и диверсионных актов¹⁷. Эти предложения были приняты.

Вторая сессия Комитета проходила 7–15 января 1936 г. Первоначальный текст конвенции подвергся значительным изменениям, но советскому эксперту в Комитете В. Броуну (сменившему Гиршфельда) не удалось провести предложенные НКВД формулировки, поскольку против них выступил почти весь состав Комитета. Так, Броун подчёркивал, что «расплывчатость» ст. 1 затруднила бы работу юридических органов участвовавших государств. Однако члены Комитета возражали против включения предложенного СССР уточняющего термина «политический терроризм», которое мешало ратификации конвенции государствами, чьи конституции не допускали выдачи политических преступников, и могло спровоцировать «провал» конвенции. Но Комитет всё же согласился на термин «терроризм». Кроме того, советская формулировка не предусматривала случаев, когда теракт совершался в одной стране, а преступник скрывался в другой. Хотя после добавления Броуном соответствующего абзаца к предложенной им редакции она стала более ясной и логичной, с советским экспертом всё равно не согласились.

Не удалось ему отстоять и предложение посвятить вступительную часть мотивам конвенции, а ст. 1 – её целям. Однако Броун считал, что большой опасности в расширительном толковании формулировок ст. 1, 2 нет. Его только смущало, что в документе отсутствовала статья, предусматривавшая наказания при актах терроризма немеждународного характера, и был изъят термин «политический терроризм».

Что касается остального текста, то в ст. 3 – о подстрекательстве, сообщничестве и т.п. – Броун предложил ввести пункт о пропаганде терактов, но его не поддержали, а публичное и частное подстрекательство объединили, хотя против введения последнего термина эксперт и возражал. В ст. 4 по требованию итальянцев и англичан (чьи короли пользовались специальной уголовной протекцией) ввели ссылки на особые национальные законодательные положения, чтобы изменить квалификацию преступления и наказания, если жертвой является глава государства. На это Броун возразил, так как различия в наказании могли ослабить эффективность подавления терроризма. Он был против упоминания о фальшивомонетчиках в ст. 7 и принципа территориальности – в ст. 8. Однако англичане потребовали зафиксировать наказания за пределами государств, где существует принцип территориальности, и их поддержали.

Ст. 9 немного изменили, чтобы уравнивать права договаривающихся сторон – тех, кто подчинял экстрадицию условию взаимности и не имел таких положений в законах, чтобы избавить последних от выдачи преступников во всех

¹⁷ Там же, л. 22–24.

случаях. Броун воспротивился этому, но не был уверен, что новая формула хуже. И вообще он, по собственному признанию, подчас выступал против поправок недостаточно обоснованно. Так было по поводу ст. 10 – о праве заключать группой государств отдельную конвенцию в международном уголовном суде и ст. 11 и 13 – о запрещении и ликвидации вооружённых банд.

Комитет составил проект конвенции, не приняв поправок СССР относительно случаев международного терроризма, но они были зафиксированы в соответствующем докладе экспертов. Вместе с тем некоторые статьи конвенции изменили («чтобы дать удовлетворение» советским позициям) и уточнили многие формулировки. Броун «тщательно резервировал» все пункты проекта, где редакция расходилась с предложениями СССР. Эксперт добился внесения части своих оговорок в доклад Комитета, хотя другие этого не делали. Так Броун выполнял требование обезопасить Москву от всех возможных проблем в случае ратификации конвенции.

Особые заседания были посвящены созданию Международного уголовного суда. При его обсуждении голоса разделились. За создание МУС выступили французы, румыны, бельгийцы и испанцы, против – итальянцы, венгры, поляки и швейцарцы – по идейным соображениям, а также Броун и англичане – по практическим. В прениях предложили «облечь» положение об этом органе в форму факультативного протокола, приложенного к конвенции. Итальянский представитель П. Алоизи, наиболее рьяный противник МУС, не разобрался в сути вопроса и согласился. Он дезориентировал остальных противников, и предложение чуть было не одобрили. Тогда выступил Броун с «практическими возражениями» и показал, что такое решение приведёт к недоразумениям и спорам участников. Его возражения приняли и решили, что положение о МУС станет предметом отдельной конвенции.

Броун писал руководству, что в числе сторонников Международного уголовного суда оказались страны, заинтересованные в подавлении терроризма, в лагере его противников – те, против кого была направлена конвенция, и СССР. Дело в том, что документ имел «бреши», которые в ряде случаев могли сделать его недейственным и избавить участников от его реализации. Но во многих странах в отношении преступников выносили приговоры суды присяжных, вердикты которых не могли инспирироваться международными соображениями, и Броун считал, что договор о МУС не ослабит, а усилит действие конвенции о терроризме. Он подчёркивал также, что данный договор не обязывал участников передавать дела в МУС – право карать преступников оставалось за судами их стран¹⁸.

23 января 1936 г. Совет Лиги Наций постановил разослать на отзыв правительствам подготовленные комитетом экспертов проекты конвенций – о борьбе с терроризмом и о создании МУС, включив вопрос об их заключении в повестку дня XVII Ассамблеи Лиги.

На следующий день Броун доложил генеральному секретарю НКИД Э.Е. Гершельману об итогах совещаний и о характере подготовленного проекта, а 15 февраля эксперт по делам Лиги Наций В.В. Егорьев и Сабанин направили Литвинову записку о проекте конвенции по борьбе с терроризмом. По их мнению, документ был слишком усложнён, запутан и имел недостатки для СССР – изъятия, лишаящие конвенцию практической ценности, отсутствие чёткого понятия терроризма

¹⁸ Там же, ф. 54, оп. 5, д. 5, л. 31–39.

как определённого метода политической борьбы и употребление формулировки, создающей впечатление, что конвенция может распространяться на другие политические выступления с проявлениями насилия. Правовой отдел НКВД вновь рекомендовал в первую очередь добиться исключения громоздкой формулировки терроризма, ввести в отношении него определение «политический» и изменить предисловие в духе советского понимания этого явления. Если не удастся, попытаться включить случаи политической мести и т.д. Предлагалось обратить внимание конференции на то, что в перечень охраняемых лиц вошли правительственные чиновники и военные, против которых теракты совершались редко, но не были упомянуты видные общественные фигуры. Однако и эти пункты оказывались приемлемыми при условии сохранения советского определения термина «терроризм» в качестве метода политической борьбы, состоящего в убийствах отдельных лиц как таковых или в разрушениях, совершённых исключительно с демонстративно политической целью. Остальные статьи (исключение — об арбитраже) НКВД считал в общем удовлетворительными, хотя поправки о деталях следовало сделать после согласования вопроса о некотором изменении советского законодательства (чтобы не поставить СССР в менее выгодное положение по сравнению с другими странами).

Советский Союз оказывался заинтересованным в том, чтобы количество государств, от ратификации которых зависело введение конвенции в силу, было достаточно велико, без чего она не имела бы большого практического значения. Любопытно, что договорно-правовой отдел НКВД неожиданно поставил вопрос о заключении «достаточно эффективной» конвенции между *несколькими* (выделено мной. — *И.Х.*) государствами, чтобы остальные могли участвовать в ней с оговорками, т.е., предлагая заключение альтернативного соглашения.

Проект конвенции о МУС, которому государства могли бы передавать лиц, находившихся на их территории, юристы сочли приемлемым, но Советскому Союзу ненужным. Его рекомендовалось не отвергать, чтобы только поддержать инициаторов — Францию, Румынию, Бельгию и Испанию¹⁹.

К апрелю 1936 г. были подготовлены письмо секретарю Лиги Наций с замечаниями СССР по проекту конвенции о терроризме и устное заявление на XVII Ассамблее Лиги или на конференции. В них отмечалось, что проект экспертов: 1) не фиксировал, что речь идёт о терроризме именно политического характера и о недопустимости применения к этому способу борьбы права убежища; 2) оставлял безнаказанными случаи убийства, совершённые не по политическим мотивам; 3) неоправданно расширял по формальному признаку круг государственных служащих, посягательство против которых считалось актом терроризма, не учитывая, что теракты обычно направлены против политических деятелей, а также исключил общественных деятелей в качестве потенциальных жертв; 4) допускал возможность амнистии террористов и признавал неподсудными собственных граждан, совершивших теракты за границей и укрывшихся на родине; 5) из-за сложности и расплывчивости формулировок учитывал насильственные акты, не имевшие террористического характера и не затрагивавшие интересы другого государства; 6) недостаточно определённо предусматривал наказание в случае вторжения на территорию государства вооружённых банд или отдельных лиц с целью совершения диверсий, а также

¹⁹ Там же, ф. 415, оп. 13, д.7, л. 1—4.

недопущения существования организаций, открыто проповедовавших политический терроризм²⁰.

Поправки были в общем уже известны, но облечены в достаточно деликатную форму, подчас со ссылками на опасность создания международных трений и трудностей при применении конвенции. Москва подчёркивала свою солидарность с идеей международного значения заключения конвенции по борьбе с политическим терроризмом. Кроме того, теперь уже говорилось и о желании поддержать дополнительные меры, включая создание международного трибунала, а также достижения соглашения о наказуемости исполнителей терактов всеми участниками конвенции. Если на Конференции не удалось бы достичь всеобщего соглашения по этому вопросу, то предлагалось заключить конвенцию между более ограниченным кругом государств, чтобы оставшиеся могли участвовать в ней с оговорками, и осуществилось хотя бы частичное сотрудничество в этой области охраны согласия между народами, от которого зависел мир.

Только через полгода, в начале октября 1936 г., первый (политический) Комитет Лиги Наций обсудил замечания, содержащиеся в полученных от правительств ответах, и сформулировал свои поправки. 10 октября 1936 г. XVII Ассамблея Лиги одобрила эти документы и приняла резолюцию о проведении последней сессии Комитета для завершения работы²¹. 13 января 1937 г. в нём состоялась генеральная дискуссия по проблеме терроризма, в ходе которой были доработаны проекты обеих конвенций. В тексте первой – о предупреждении и пресечении терроризма – уточнили ситуации, когда акты терроризма начинали носить международный характер, и возможности их предупреждения. Была внесена статья, обязывающая государства самостоятельно квалифицировать любой акт, поддерживавший активность террористов против безопасности и общественного порядка любой другой страны, для чего уточнялась дефиниция «акты терроризма». По настоянию СССР Комитет обратил внимание на вопрос о гражданской войне. Таким образом, некоторая часть замечаний Москвы была прямо или косвенно учтена.

По проекту конвенции о создании Международной уголовной палаты предлагалось следующее. Палата имела постоянный характер, но должна была собираться только для обсуждения дел, входивших в её компетенцию. Каждая страна, участвовавшая в конвенции, могла не судить обвиняемого самостоятельно, а передать его палате или стране-участнице, потребовавшей выдачи такового. Палата обязывалась применить уголовный закон страны, на территории которой совершилось преступление. В случае вынесения смертного приговора приводящее его в исполнение государство могло избрать более мягкое наказание в соответствии со своим законодательством. Дипломатические споры подлежали третейскому или судебному разбирательству. Конвенция подлежала ратификации и с 1 июня 1938 г. была открыта для присоединения членов Лиги Наций и не входивших в неё стран. Советские эксперты поддержали проект, однако настаивая на том, что в случае помилования государство, исполнявшее наказание, запрашивало бы мнение председателя палаты²².

²⁰ Там же, л. 5–6.

²¹ League of Nations (далее – LN). Minutes of the First Committee on the 17 Ordinary Session of the Assembly (1936). Geneva, 1936. P. 84–85.

²² Ibid. Records of the XVII-th Assembly. Geneva, 1936. Doc. A.72. 1936. V.; АВП РФ, ф. 54, оп. 6, л. 92, л. 171–182.

Третья (завершающая) сессия Комитета проходила 20–24 апреля 1937 г. с участием представителей Бельгии, Великобритании, Чили, Испании, Франции, Венгрии, Польши, Румынии, Швейцарии, СССР (НКВД назначил экспертами Броуна и советского представителя секции печати Лиги В.А. Соколина). Обращало на себя внимание демонстративное отсутствие итальянцев.

Поскольку к тому времени международная обстановка обострилась, советское руководство решило не идти на конфронтацию с другими делегациями, но вновь ужесточило свои требования. Экспертов обязали не проявлять активности и просто поддержать предложения, способные придать выработаемому проекту «более реальное содержание». Москва требовала, чтобы они настояли на новом определении теракта (включить в него посягательства, не обладавшие признаком общей опасности); уточнили постановления, которые участники конвенции должны были включить в своё внутреннее законодательство, и определить понятие преступлений, подлежащих применению конвенции; попытались вновь ввести в перечень охраняемых конвенцией политических деятелей лиц, не являвшихся членами правительства или парламента²³.

Кое-что из запланированного удалось сделать, однако Комитет внёс ряд изменений в проекты обеих конвенций («О борьбе с терроризмом» и «Об учреждении Международного суда»), ухудшив, по мнению советских экспертов, первоначальный текст. Главные дебаты развернулись вокруг статей, определявших их цели, и вопроса об экстрадиции и преследовании террористов, укрывавшихся на чужих территориях. Сразу выявилась тенденция сузить сферу приложения конвенций. Бельгийский представитель настаивал на определении терроризма как акта, направленного к созданию «состояния террора» и общей опасности. Противник этой формулировки – представитель Англии – доказывал, что марсельское преступление, явившееся отправной точкой обсуждения вопроса, не подпадает под это определение. «Для выхода из затруднения» предложили приравнять подобные покушения к терроризму. Комитет не согласился, опасаясь изменить цель конвенции, направленной главным образом против покушений марсельского типа.

Затем представитель Франции предложил сократить конвенцию до минимума, убрав статьи о борьбе с терактами, совершёнными против лиц и учреждений другого государства, находившихся на территории страны покушения, поскольку в каждой стране имелись преследовавшие такие акты законы. Террористы должны были подпадать под действие конвенции при совершении преступлений за границей. Одновременно француз предложил убрать перечисление актов и статью о паспортах. Вопрос об экстрадиции в случае теракта, совершённого против какого-либо государства на его территории, предлагалось решать в соответствии с местным законодательством. Если же акт был направлен против другой страны, то преступник должен был выдаваться государству, на территории которого это произошло (однако это предложение отвергли).

Для определения целей конвенции выбрали эклектическую формулу: «политический» терроризм определили как «акты, направленные против государства»; термин «общая опасность» заменили фразой «акты, способные вызвать ужас у индивидуумов, групп лиц и в публике». Уточнение Броуна – конвенция специально направлена против международного терроризма – встретили

²³ Société des Nations (далее – SdN). Comité pour la repression internationale du terrorisme. Troisième session. C.R.T. 3-ème session. P.V. Genève, 1937. P. 1–3; АВП РФ, ф. 04, оп. 17, д.15, л. 36; ф. 415, оп. 14, д. 4, л. 18–20.

холодно и приняли только после обращения советского эксперта к формулировке резолюции Ассамблеи Лиги от 10 октября 1936 г. Но оказалось трудно точно и всеобъемлюще определить признаки международного характера этого акта, и было решено обойтись без них.

Комитет также отразил в проекте часть резолюции Ассамблеи, где говорилось о долге каждого государства воздерживаться от вмешательства в политическую жизнь других стран, но, по мнению советской делегации, в крайне неудовлетворительной форме — «выпало» важное определение терроризма, направленного на осложнение международных отношений. В результате участники подтвердили обязанность держав не предпринимать действий, «благоприятствующих» террористической деятельности против другого государства, предупреждать и пресекать такие акты. Следуя инструкциям НКВД, Броун не стал проявлять в этом вопросе большой активности, но считал, что на «дипломатической» конференции это упущение необходимо было исправить.

Новую формулу определения терроризма дополнили весьма неполным перечнем актов содействия. Кое-что Броуну удалось сделать: статью об экстрадиции отредактировали, о фальшивых паспортах — сохранили и т.д. Однако в целом изменения не носили принципиального характера. Под действие проекта соглашения попадали как покушения на представителей государств, так и акты вредительства, разные виды подготовительной деятельности, соучастие и посредничество.

Не удалось изменить что-либо в отношении непреложности наказаний. Целью проекта было обязать участников карать преступников, организовавших на территории своих стран теракты, направленные против другого государства, а также обеспечить судебное преследование лиц, совершивших подобное в одном государстве и бежавших в другое, предав их местному суду или выдав другой стороне. Но проект содержал ряд условий, благодаря которым и выдача, и судебное преследование в таких случаях ставились в зависимость от внутреннего законодательства отдельных государств. То же касалось и регламентации продажи оружия отдельным лицам, борьбы с подделкой паспортов, обмена сведениями между государственными органами по борьбе с терроризмом.

Важной составляющей соглашения стала и конвенция о создании МУС. На обсуждении она подверглась лишь редакционным изменениям. Броун присутствовал на этом пленарном заседании, но только сделал оговорку, что СССР не считает себя обязанным обращаться к арбитражу в случае разногласий по толкованию и исполнению конвенции²⁴.

Проекты конвенций — о предупреждении и пресечении терроризма (28 статей) и о создании МУС (53 статьи) — были приняты экспертами 24 апреля 1937 г.²⁵ Ход обсуждения показал, что их отношение к первой конвенции при всём понимании важности вопроса было в целом скептическим. Наиболее рьяными сторонниками придания ей эффективности оказались Англия, Польша и Бельгия, со стороны Франции интерес угасал. Венгрия и Италия саботировали обсуждение, а многие эксперты открыто говорили, что документ будет иметь не столько юридическое, сколько моральное значение и это было не так уж плохо.

²⁴ АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 65, л. 2–7; SdN. Comité pour la repression internationale du terrorisme. C.R.T. 3-ème session. P.V. 1. P. 11; P.V. 2. P. 9, 13; P.V. 3. P. 1–19; P.V. 4. P. 1–14; P.V. 5. P. 1–12; P.V. 6. P. 1–15; P.V. 7. P. 1–12; P.V. 8. P. 1–12; P.V. 9. P. 1–12; P.V. 10. P. 1–14; P.V. 11. P. 1–4.

²⁵ SdN. C.R.T. / 28(1) Genève. le 24 avril 1937. P. 1–14; C.R.T. / 29(1); C.R.T. / 30(1).

Международную конференцию для подписания соглашения по борьбе с терроризмом Лига Наций решила созвать в ноябре 1937 г. Москва была недовольна ходом событий, опасаясь формализации вопроса. Так, Литвинов считал, что за три года работа по составлению соглашения приобрела сугубо юридические черты, вытеснившие политическую сторону дела, а проект, носивший «технический характер», мог подвергнуться на конференции ряду аналогичных изменений. Нарком учитывал малую вероятность того, что будут приняты реальные меры по борьбе с терроризмом. Однако 23 октября 1937 г. в письме Сталину он указал, что считает полезным принять участие в конференции, не предпринимая вопроса о подписании соглашения до подробного рассмотрения его советским правительством²⁶.

24 октября постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) представителем на Женевскую конференцию по борьбе с терроризмом был назначен советник парижского полпредства Гиршфельд. А 29 октября состоялось совещание представителей НКВД, НКЮ и прокуратуры СССР, на котором постатейно были обсуждены проекты конвенций – о предупреждении и пресечении терроризма и создании Международной уголовной палаты²⁷. В результате они сочли целесообразным внести ряд поправок к текстам в процессе их обсуждения в Женеве. Вопрос о подписании этих конвенций они предлагали обсудить после того, как выяснится, какие тексты будут приняты. В основном поправки носили редакционный и уточняющий характер, подчёркивающий позицию СССР и ужесточавший преследование и наказание террористов. В ходе обсуждения ставился вопрос о возможности сделать общую оговорку о непризнании Советским Союзом «третейской клаузулы (статья о передаче спора на рассмотрение в третейский суд. – *И.Х.*) и международных трибуналов», но от этого отказались. Напротив, было предложено настаивать на введении статьи о передаче дела в трибунал по требованию потерпевшей стороны²⁸.

Международная конференция по борьбе с терроризмом открылась 1 ноября 1937 г., и сразу начались дебаты. Советский представитель выступил 2 и 3 ноября в генеральной дискуссии, а затем в постатейном обсуждении конвенций²⁹. К тому моменту Москва так окончательно и не решила, стоит ли их подписывать. 12 ноября советской делегации была направлена радиограмма, что в случае подписания или присоединения к актам, заключённым на конференции, необходимо сделать оговорку о том, что в плане разрешения споров по их толкованию или применению правительство СССР не принимает на себя обязательств «иных, кроме лежащих на нём, как на члене Лиги Наций»³⁰. Гиршфельд заявил об этом 16 ноября перед подписанием документа, когда представители всех стран-участниц высказывали мнения своих правительств. В тот же день были приняты обе конвенции. Первую подписали 20 стран, вторую – десять, но СССР среди них не было. С 1 июня 1938 г. к государствам,

²⁶ РГАСПИ, ф. 3, оп. 63, д.194, л. 176–177; АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д.65, л. 8–9.

²⁷ LN. Committee for the International Repression of Terrorism. off. N.C. 222 M. 162. 1937. V. Geneva. 26.04.1937. Series of League of Nations Publications. 1937. Vol. 1. P. 1–14.

²⁸ РГАСПИ, ф. 3, оп. 63, д.194, л. 175; АВП РФ, ф. 54, оп. 6, д.92, л. 217.

²⁹ LN. № С.94.М.47. 1938. V. Actes de la Conference internationale pour la repression du terrorisme. Genève, du 1 au 16 novembre 1937. Genève, le 1 juin. 1938. P. 5–33. 61, 69–81, 81–91, 108–116.

³⁰ АВП РФ, ф. 54, оп. 6, л. 92, л. 208.

решившимся на реализацию этих соглашений, могли присоединиться (к обеим конвенциям или к одной) другие члены Лиги Наций³¹.

Конвенция о предупреждении и пресечении терроризма состояла из преамбулы и 29 статей, довольно полно и широко определявших объект действия её положений. Целью соглашения провозглашалось обеспечение сотрудничества высоких договаривающихся сторон для предупреждения и пресечения актов терроризма международного характера.

В ст. 1, 2 международный террористический акт определялся как преступные действия, направленные против государства и имеющие целью или способные терроризировать определённых лиц, групп лиц или публику. Такими преступлениями считались: 1) преднамеренные действия, угрожавшие жизни, неприкосновенности, здоровью, свободе глав государств и лиц, пользующихся их прерогативами, их наследных или назначенных преемников; их супругов; лиц, облечённых общественными функциями или обязанностями в связи с их исполнением; 2) умышленные разрушения или повреждения принадлежавшего иностранному государству публичного имущества; 3) акции, совершённые с намерением подвергнуть опасности человеческие жизни путём дестабилизации общественной жизни; 4) попытки совершить нарушения, предусмотренные ниже; 5) изготовление, приобретение, хранение или передача оружия, боеприпасов, снаряжения, взрывных устройств или веществ в целях совершения теракта.

Договаривавшиеся стороны должны были предусмотреть в своём уголовном законодательстве недопущение следующих действий: объединения в целях совершения терактов; подстрекательства, когда оно имеет результаты; непосредственного публичного подстрекательства к терактам, предусмотренным конвенцией, независимо от их результативности; преднамеренного участия в теракте; всякой сознательно оказанной помощи такому действию.

Подробно рассматривалось юридическое обеспечение этих условий. Пресечение указанных преступлений объявлялось обязательным и одинаковым для всех договаривающихся сторон, независимо от того, против кого подобные действия направлены. Иностранцы гражданские истцы должны были иметь возможность осуществления всех прав, признанных за местными гражданами. Предусматривалась экстрадиция преступника, совершившего теракт международного характера, на условиях взаимности. Если сторона не признавала экстрадиции своих подданных, её граждане должны были подвергаться наказанию после возвращения на родину. В тех случаях, когда экстрадиция оказывалась невозможной, конвенция требовала осуждения преступника национальным судом государства, на территории которого произошло задержание. Для эффективного предупреждения всякой деятельности, противоречащей цели конвенции, участники обязывались принять на своей территории соответствующее законодательство.

Особо оговаривались правила ношения, владения и передачи огнестрельного оружия и боеприпасов. Требовалось запретить в законодательном порядке бесконтрольное ношение, владение и «отчуждение» оружия неохотничьего,

³¹ LN. Actes de la Conference internationale pour la repression du terrorisme. Genève, du 1 au 16 novembre 1937. Genève, le 1 juin. 1938. P. 5–33; LN. № C. 547. M. 384. 1937. V. Convention for the Creation of an International Criminal Court. Geneve le 16 Novembre. 1937; № C. 548. M. 385. 1937. V. International Conference on the Repression of Terrorism. Geneve. Novembre. 1 sit to 16-th 1937. Final act.

с гладким стволом, и боеприпасов, которые могли использовать террористы. Производители огнестрельного оружия (кроме охотничьего) должны были отмечать каждое изделие порядковым номером и вести учёт его покупателей. Предусматривалось наказание за мошеннические действия по подделке паспортов или равноценных документов; за ввоз их в другие страны, приобретение и хранение; за сознательное их использование. Должны были пресекаться действия должностных лиц по выдаче паспортов или виз с целью «благоприятствовать деятельности, направленной против задачи, преследуемой конвенцией». В соглашении был зафиксирован принцип неотвратимости наказания преступника.

Ряд статей конвенции предусматривал создание на территории каждой страны-участницы национального механизма по решению вопросов предупреждения терроризма и борьбы с ним, а также их участия в межгосударственных акциях такого рода. Определялся порядок и способы разрешения споров и разногласий, которые могли возникнуть между странами в процессе реализации соглашения. Несомненно, оно имело целью обеспечить мировое сотрудничество в деле предупреждения и наказания терроризма, но, по мнению НКИД, его формулировки не соответствовали намерениям – международный контроль над следствием, выдача преступников высшему трибуналу, его состав и т.п. не обеспечивали действительной борьбы с этим злом.

Вместе с тем конвенция содержала положения, присущие внутреннему уголовному законодательству каждого цивилизованного государства (обязательство бороться на своей территории с терроризмом и подстрекательством к нему, с недозволенным хранением оружия, взрывчатых веществ, выдачей поддельных паспортов и др.), а также технические постановления о порядке соответствующих направлений и судебных поручений, об обмене информацией и др. Поэтому руководство советского дипломатического ведомства полагало, что подписание данного соглашения могло иметь большое международное значение³².

СССР, как и многие другие члены Лиги, резервировал право присоединиться к конвенции до 31 мая 1938 г., и НКИД, учитывая, что документ не налагал на участников обязательств, несовместимых с внутренним законодательством, настойчиво рекомендовал подписать её. На этот случай Броун сделал все предусмотренные при подписании международных соглашений Лиги Наций оговорки для решения разногласий по исполнению и толкованию.

25 ноября 1937 г. правовой отдел НКИД направил советскому эксперту Плоткину новые поправки к конвенции о терроризме. Это была очередная попытка при её технической доработке внести в текст случаи, подпадающие под статью «террористические акты», нападения на общественных деятелей, даже если они не состояли на государственной службе, а теракт совершался «вследствие политического убеждения лица, против которого он направлен»³³. 22 декабря Литвинов передал наркому внутренних дел Н.И. Ежову, прокурору СССР А.Я. Вышинскому и наркому юстиции Н.В. Крыленко тексты обеих конвенций для заключения о возможности присоединения к ним СССР, подчеркнув, что они значительно отличались от первоначальных и давали государствам большие возможности в плане выбора решений, в частности, по

³² АВП РФ, ф. 415, оп. 14, д. 6, л. 12–14.

³³ Там же, ф. 54, оп. 6, д. 92, л. 200–201.

вопросу о преследовании и выдаче террористов и т.д.³⁴ НКВД, НКЮСТ и прокуратура СССР оперативно дали заключения о приемлемости для страны данных актов.

28 апреля 1938 г. Литвинов сообщил Сталину о положительной оценке конвенции, данной всеми ознакомленными с ней руководителями комиссариатов. По его мнению, у Москвы не было оснований уклоняться от присоединения к конвенции. В крайнем случае, отмечал нарком, если не все крупные государства подпишут этот договор, можно воздержаться от его ратификации. На следующий день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение уполномочить Литвинова подписать конвенцию о международной борьбе с терроризмом³⁵.

Необходимо отметить: в аналитической записке НКВД справедливо указывалось, что конференции по подготовке документов о предупреждении актов политического терроризма, установлении наказаний за них, о создании МУС содействовали нормотворчеству по борьбе с терроризмом, в том числе международным. Лига Наций, подчёркивалось в записке, определила возможные пути регулирования споров по дипломатическим каналам на основе соглашений между ними, арбитражного или судебного разбирательства, вынесения спора на рассмотрение Совета или Ассоциации Лиги.

13 мая 1938 г. СССР подписал конвенцию с оговоркой: «В отношении разрешения споров, касающихся толкования и применения этой конвенции, советское правительство не примет на себя никаких иных обязательств, чем те, которые падают на него как на члена Лиги Наций» (то же касалось и соглашения о создании МУС)³⁶.

Конвенция была подписана 24 государствами, но ратифицирована лишь Индией, вследствие чего не вступила в силу. Западные страны опасались неизбежного ухудшения отношений с государствами фашистского блока в случае попыток действенной борьбы с их террористическими актами. Иными словами, на первый план, как обычно, выступило намерение умиротворить агрессию в надежде, что он обойдёт их своим «вниманием» и повернёт на Восток.

Тем не менее конвенция сыграла положительную роль в договорно-правовом сотрудничестве государств-участников и стала одним из первых международных документов, касавшихся сложной политико-правовой проблемы, а страны с различным общественно-политическим строем объединились для борьбы с угрозой всеобщему миру. Кроме того, в ходе обсуждения статей соглашения удалось дать определение преступлению международного характера, решить некоторые вопросы юридической практики, экстрадиции, механизмов борьбы с акциями террора и др.

Для Советского Союза огромное значение имел сам факт участия в подготовке очень интересовавшей его конвенции. Это было принятое в муках решение переступить через страх спровоцировать новую волну антисоветской кампании, основанной на неприятии Западом советского законодательства, а также через опасения связать себя неприемлемыми условиями и вообще слишком активно сотрудничать в деликатной сфере, которая касалась революционных движений.

³⁴ Там же, л. 1.

³⁵ РГАСПИ, ф. 3, оп. 63, д. 194, л. 178.

³⁶ АВП РФ, ф. 415, оп. 8, д. 65, л. 24–38, 39.

Разработка советских проектов в той области международного права, которая ранее рассматривалась исключительно как враждебная, переоценка взглядов на коллективное решение неоднозначных проблем терроризма и борьбы за смену власти в стране – всё это способствовало лучшему пониманию руководством СССР сложившейся в мире ситуации, упрочению авторитета Советского государства в области международного права, а также корректировке взглядов на проблему международного терроризма. Разностороннее сотрудничество с другими государствами в области международного права привело Москву к решению не только войти в образованные Лигой Наций органы высшего международного арбитража, но и смело ставить там проблемы, имевшие существенное значение для безопасности страны и советского строя.

Сенатор Ф.П. Ключарёв и его записка «О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления»

Юрий Тот

Senator F.P. Kljuchariov and his report «Concerning the better order of civil government in the provinces»

Jurij Tot (Saint Petersburg State University, Russia)

Проекты реорганизации системы государственного управления, составлявшие в окружении Александра I после наполеоновских войн, по-прежнему привлекают внимание исследователей¹. Однако в силу разных причин не всегда возможно установить обстоятельства появления данных документов и мотивы их авторов. Поэтому историки нередко ограничивались предположениями и изложением содержания той или иной записки. Так рассматривалась и записка сенатора Ф.П. Ключарёва (1751 или 1754–1822) «О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления», поданная императору в апреле 1817 г. Она была опубликована с купюрами в конце XIX в.² и затем неоднократно анализировалась исследователями³. Но при этом использовался неполный текст записки, к тому же ошибочно датированный 1818 г. Между тем сохранившийся её подлинник⁴ и материалы ревизии, проводившейся Ключарёвым в 1817 г. в Тверской губ., позволяють уточнить суть его предложений, в которых учёные видели и признаки «излишнего либерализма», и «непоследовательность»⁵.

7 марта 1816 г. в Тверское губернское правление поступила жалоба от шести крестьян Алабузинской казённой волости Бежецкого уезда, уличавших волостного голову Петрова в незаконных поборах во время рекрутского набора. По распоряжению гражданского губернатора П.И. Озерова для проверки обвинений в казённые волости Бежецкого уезда был командирован советник гражданской палаты Я.С. Денисов, а в другие уезды – дворянский заседатель

© 2017 г. Ю.В. Тот

¹ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в. Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 256–382.

² О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления (всеподданнейшая записка сенатора Ключарёва 1818 г.) // Сборник материалов, извлечённых из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 7. СПб., 1895. С. 257–265. Изъяты были предложения, касавшиеся увеличения штата палаты уголовного суда и широкого привлечения в местные административные и судебные учреждения отставных офицеров, имевших боевые ранения.

³ См., в частности: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. Л., 1957. С. 373; Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Учёные записки Горьковского государственного университета. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. Горький, 1964. С. 205–206; [Раскин Д.И.] Институт генерал-губернаторства и становление системы министерского управления // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2003. С. 94; Писарькова Л.Ф. Указ. соч.

⁴ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1931, л. 1–21.

⁵ Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 373; Парусов А.И. Указ. соч. С. 205–206.

совестного суда П.Г. Лутковский. Они не только вскрыли факты «противозаконных с крестьян сборов», но и установили, что часть полученной таким образом суммы была передана вице-губернатору – коллежскому советнику А.И. Толстому, губернскому прокурору – надворному советнику А.Ф. фон Дребушу, а также чиновникам военного ведомства, земской полиции и «другого звания людям в виде взяток»⁶. В июне 1816 г. Озеров направил в Сенат донесение, в котором сообщалось, что дела о злоупотреблениях должностных лиц (кроме тех, кто подлежал суду Сената) расследованы и переданы в палату уголовного суда и в земские суды. Практически одновременно в Сенат поступило и донесение прокурора фон Дребуша, поставившего под сомнение полноту и объективность проведённого губернатором следствия. При этом в реестрах волостных правлений, представленных губернским прокурором в Сенат, среди получателей взятки значился и сам П.И. Озеров⁷.

17 октября 1816 г. Сенат признал, что осуществлённые на месте следственные действия о «незаконных поборах, производимых с казённых крестьян волостными головами» в Тверской губ., и взяточничестве чиновников местной администрации не прояснили ситуацию. В связи с этим сенаторы обращались к министру юстиции Д.П. Трошинскому с просьбой ходатайствовать перед императором о назначении ревизии. 29 ноября и 14 декабря последовали указы Александра I Сенату, согласно которым проведение ревизии и расследование преступлений должностных лиц в Тверской губ. возлагалось на сенатора Ф.П. Ключарёва⁸.

Фёдор Петрович Ключарёв начинал свою карьеру в 1766 г. копиистом в конторе Берг-коллегии в Москве. В 1776 г. его произвели в канцеляристы и вскоре направили в Могилёвскую губ. в распоряжение губернатора генерал-поручика М.В. Каховского и генерал-губернатора генерал-фельдмаршала гр. З.Г. Чернышёва (правителем канцелярии наместника Полоцкой и Могилёвской губерний был тогда С.И. Гамалея). В 1780 г. он уже титулярный советник, а с мая 1781 г. – прокурор московского губернского магистрата. В Москве Ключарёв сблизился с Н.И. Новиковым (впоследствии их связывала личная дружба), занял видное положение в масонской среде, стал членом Дружеского учёного общества и Вольного российского собрания при Московском университете (где в 1782–1783 гг. обучался на «собственном иждивении»). В декабре 1783 г. его направили прокурором в Вятский верхний земский суд, но в апреле 1784 г. он вышел в отставку с чином коллежского асессора, а в январе 1785 г. вновь поступил на службу секретарём вице-президента Адмиралтейств-коллегии гр. И.Г. Чернышёва. В мае 1792 г. Ключарёва увольняют (уже надворным советником), однако в июне 1796 г. ему удаётся получить должность почтмейстера в Астраханской губернской почтовой конторе. С этого времени он надолго связывает свою судьбу с почтовым ведомством: в 1799–1801 гг. он состоит тамбовским, а с 26 марта 1801 г. до августа 1812 г. – московским почт-директором. Ещё в июне 1802 г. Ключарёв получает чин действительного статского советника (коллежским советником он стал в апреле 1797 г., а статским советником – весной 1799 г., при переводе в Тамбов)⁹.

⁶ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 124, л. 597–598.

⁷ Там же, л. 504, 593–594.

⁸ Там же, л. 594–595; ф. 1341, оп. 17, д. 658, л. 1–2, 23, 35–36, 43, 46, 49–50 об.

⁹ Русский биографический словарь. Ибак–Ключарёв. СПб., 1897. С. 755–756; *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 397.

В ночь на 12 августа 1812 г. Фёдора Петровича без объяснения причин арестовали и выслали по распоряжению главнокомандующего в Москве гр. Ф.В. Ростопчина в Воронежскую губернию. 13 августа служивший при Ростопчине А.Я. Булгаков писал своему брату Константину о Ключарёве: «Это большой негодяй, и город радуется удалению сего фантазёра»¹⁰. Сам Ростопчин уверял в августе 1812 г. министра полиции А.Д. Балашова в том, что Ключарёв — «злой мартинист», не подчиняющийся требованиям полиции, распространяющий нежелательные сведения о ходе боевых действий, публично рассуждающий о непобедимости Наполеона, устраивающий смущающие горожан ночные масонские собрания и присваивающий казённые деньги¹¹. В обществе внезапная ссылка породила слухи о связях почт-директора с французами. Однако в 1816 г., благодаря участию Д.П. Рунича (в 1805–1812 гг. являвшегося помощником московского почт-директора и разбиравшего бумаги своего высланного начальника), он был полностью оправдан и 28 июня «в вознаграждение за потерпенное удаление от должности... пожалован в тайные советники и облечён званием сенатора»¹².

Таким образом, ревизия стала для Ключарёва первым ответственным поручением на новом посту после унижительного изгнания со службы. Продолжалась она почти полгода. 31 декабря 1816 г. сенатор прибыл в Тверь, а 24 июня 1817 г. представил в Сенат рапорт «об окончании Высочайше порученных исследований о злоупотреблениях и лихоимстве по Тверской губернии» и проведение 17 следствий по различным делам¹³.

О ходе ревизии Ф.П. Ключарёв докладывал А.А. Аракчееву. 28 февраля он сообщал, что нашёл губернию в состоянии «подобном параличному». При этом волостные головы, рекрутские отдатчики и земские писари, пользуясь бездействием губернского начальства, грабили сельский мир (общину) совместно с земской полицией¹⁴. Связывая низкую эффективность всех губернских и уездных учреждений с общей организацией местного управления, сенатор пространно характеризовал деятельность П.И. Озерова и его секретаря титулярного советника В.М. Глазова (к тому времени уже отстранённого от должности по «особому повелению» Аракчеева). «Общий глас» приписывал Глазову «необыкновенное расположение гражданского губернатора». Пользуясь своим положением, секретарь мог «безобразно и нагло устрашать всех и питать своё ненасытное корыстолюбие», а «грабительства и притеснения сего развратнейшего человека подлинно выходили из всех пределов». «Действуя как сенатор, должен я основывать всё на просьбах, на документах и на истинных доводах, — доносил Ключарёв Аракчееву, — а потому ожидал я в Твери разных на Глазова прошений и познал, что страх от соучастников его, везде действующих, в том положил преграды. Говорят, сенатор уедет и всё пойдёт по-прежнему». Именно Глазов, по мнению Ключарёва, был причастен к получению взяток с казённых крестьян при проведении рекрутских наборов, а Денисов и Лутковский, проводившие расследование по поручению Озерова, не только покрывали Глазова,

¹⁰ Братья Булгаковы: письма. Т. 1. М., 2010. С. 300.

¹¹ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 80–81, 90, 94–95.

¹² Русский биографический словарь. Ибак–Ключарёв. С. 755–756; Серков А.И. Русское ма-
сонство... С. 397.

¹³ РГИА, ф. 1341, оп. 17, д. 658, л. 46, 49.

¹⁴ Там же, ф. 1409, оп. 1, д. 2142, л. 1–2 об.

но обвинили во взяточничестве не причастных к нему чиновников и фальсифицировали материалы дела¹⁵.

О губернаторе сенатор не услышал «ничего худого» даже от его недоброжелателей, хотя «употребил всевозможное старание», чтобы установить степень его причастности к махинациям Глазова. «Следовательно, — заключал Фёдор Петрович, — он обольщён искусным обманщиком, который был его идол». «В губернаторе Озерове, — писал Ключарёв, — по делам видны скорые действия, но без силы далее их продолжить и оканчивать. И истинно не знаю, кому приписать беспорядки, ему или секретарю его бывшему. Хотя образ мыслей его честен, много ревности к службе с довольною при том устремлённостью в донесениях на лица ему неприятные от справедливости их и несоответствия его намерениям»¹⁶.

Основные положения не дошедших до нас рапортов сенатора Ключарёва Александру I и Сенату об итогах ревизии отражены в журналах заседаний Комитета министров 19 июня и 18 августа 1817 г. и 16 февраля 1818 г.¹⁷, а также в журнале заседания I департамента Сената 4 октября 1817 г.¹⁸ Во всеподданнейшем рапорте Ключарёв обвинял Глазова в незаконной, за своей подписью, минуя рекрутское присутствие, выдаче представителям казённых волостей квитанций о принятых рекрутах. Это принесло секретарю 1650 руб.¹⁹ Сведения же о получении взяток вице-губернатором и губернатором в ходе допросов волостных голов, старост и писарей казённых волостей Бежецкого уезда не подтвердились. Как установил Ключарёв, с крестьян Алабузинской волости Бежецкого уезда при наборе рекрутов было собрано больше средств, чем предусматривал закон, и волостное начальство, желая скрыть эти средства от мира, внесло их в реестры израсходованных на общественные нужды, в том числе и на «подарки» чиновникам губернской администрации. Виновных в подлоге сенатор отдал под суд²⁰.

При изучении материалов следствий, произведённых в 11 уездах и 22 волостях Тверской губ. Лутковским, выяснилось, что только в 5 уездах в реестрах волостных правлений указывались суммы на «подарки» вице-губернатору и губернскому прокурору, но допросы и очные ставки волостных старост и земских писарей не подтвердили факт дачи взяток чиновникам, а из показаний земского писаря Данилова следовало, что Лутковский совершил подлог, сделал в реестре запись о получении губернским прокурором «подарка»: «Слово “прокурору” принесено к слову “поднесено” по чищенному». При этом выяснилось, что Лутковский «понуждал крестьян подавать ему таковы реестры побоями и заключением в тюрьму»²¹.

Ключарёв усомнился даже в подлинности жалобы алабузинских крестьян, давшей повод к расследованию Денисова и Лутковского. Сенатор считал, что, назначая следствие, губернатор стремился не пресечь злоупотребления, а «сим способом достигнуть только до изветов на вице-губернатора и губернского

¹⁵ Там же, л. 2–3 об.

¹⁶ Там же, л. 3 об.—4 об.

¹⁷ Там же, ф. 1263, оп. 1, д.124, л. 593–608; д.126, л. 503–506; д.143, л. 514–522.

¹⁸ Там же, ф. 1341, оп. 17, д.658, л. 55–68 об. Сокращённый текст Журнала заседания I департамента Сената 4 октября 1817 г. см.: *Блинов И.А.* Исторические материалы, извлечённые из Сенатского Архива. Сенаторские ревизии // Журнал министерства юстиции. 1913. № 4. С. 288–296.

¹⁹ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д.126, л. 505 об.; ф. 1341, оп. 17, д.658, л. 64 об.

²⁰ Там же, ф. 1263, оп. 1, д.124, л. 599, 600, 600 об., 601 об.

²¹ Там же, л. 602–604.

прокурора о лихоимстве»²², дабы затем избавиться от неугодных ему чиновников. В реестрах казённых волостей Ключарёв выявил: «подарков вице-губернатору 2060 рублей, прокурору – 400 рублей, губернатору – 120 рублей, воинским начальникам – 770 рублей». Однако столь малые суммы, по его мнению, не могли составлять «значительного вида корысти» для данных чиновников, которые были «напрасно оклеветаны». Злоупотребления же в ходе рекрутских наборов осуществлялись волостной администрацией²³. Чтобы исключить совершение подобных преступлений, сенатор предлагал прекратить взимание сборов с крестьян на основании устных постановлений. Приговоры крестьянских сходов о предметах и суммах сборов следовало вносить в специальные книги, подлежащие ежегодной ревизии в казённой палате, и финансовые отчёты волостных властей должны были опираться на эти записи, а не на черновые пометы в тетрадах и устные решения сходов²⁴.

Сообщая членам Комитета министров об утверждении журнала заседания 19 июня 1817 г. Александром I, Аракчеев изложил и пожелания императора: «Министру юстиции обратить особое на сие дело внимание. Заключая, что мнение сенатора Ключарёва не может ещё служить совершенным оправданием, особенно для прокурора, о коем его императорское величество извещён не весьма с одобрительной стороны»²⁵. Царь явно остался недоволен тем, что в 1816 г. фон Дребуш фактически обвинил губернатора во взяточничестве.

Между тем Озеров имел влиятельных друзей и покровителей при Дворе и в высшем обществе. По свидетельству А.П. Бутенёва, это был «любимый адъютант великого князя Константина Павловича, бывший с ним в Итальянском походе 1799 г.»²⁶. После кампаний 1805–1807 гг. он, будучи полковником лейб-гвардии Конного полка, вышел в отставку, сохранив мундир, и в 1807–1813 гг. являлся гофмейстером двора цесаревича. «В 1812 г., – писал Бутенёв, – в Смоленской губернии он один из первых составил местное крестьянское ополчение. Именья его были опустошены проходом войск и потерпели от пожаров»²⁷. Озеров также был видным масоном, но принадлежал к ложам «реформационного» толка («Общество людей нового Израиля (Народ Божий)» графа Т. Лещица-Грабянки, проводившее в его доме свои собрания, знаменитая ложа «Полярная звезда», созданная И.А. Фесслером для М.М. Сперанского, задумавшего преобразование масонства). Подполковник и сектант А.П. Дубовицкий, женатый на сестре Озерова, отмечал доверительные отношения свояка с кн. А.Н. Голицыным²⁸. Между тем Ключарёв с 1811 г. и особенно в 1817–1818 гг. сблизился с консервативным масоном И.А. Поздеевым, активно борющимся и с Фесслером, и с Грабянкой²⁹. Характерно, что, нелестно отозвавшись о фон Дребуше, Александр I косвенно ставил под сомнение и объективность выводов Ключарёва.

²² Там же, л. 605 об.

²³ Там же, л. 605–606 об.; д.126, л. 503 об.

²⁴ Там же, д.126, л. 504.

²⁵ Там же, д.124, л. 607 об.–608.

²⁶ Бутенёв А.П. Воспоминания о моём времени // Русский архив. 1890. № 1. С. 84.

²⁷ Там же.

²⁸ Из писем А.П. Дубовицкого к Н.И. Буличу // Русский архив. 1897. Кн. 2. № 7. С. 445.

²⁹ Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 58–61, 70–76, 80–81, 91

Летом 1817 г. рапорты Ключарёва были переданы в Сенат. Заключение сенаторов об итогах ревизии министр юстиции должен был вновь представить в Комитет министров³⁰.

4 октября 1817 г. I департамент Сената рассмотрел «Дело об обревизовании г. сенатором Ключарёвым по Высочайшему повелению Тверской губернии». При этом сразу же обнаружилось, что Ключарёву, более 30 лет не занимавшемуся судебной практикой, явно не хватало опыта и профессионализма. Губернатор Озеров им опрошен не был. Обвинение Лутковского в фальсификации документов основывалось только на показаниях представителей волостей, сам же Лутковский не допрашивался, очные ставки не проводились. В итоге сенаторы постановили направить материалы ревизии в Тверскую палату уголовного суда на следствие. Затем вместе с показаниями Лутковского они должны были поступить в VI департамент Сената, в ведении которого находилось производство уголовных дел по Тверской губ.³¹ Вместе с тем было предписано Тверскому губернскому правлению отдать под суд Глазова «по всей строгости законов» за противозаконную «выдачу казённым волостям квитанций на принятых рекрутов»³².

На том же заседании сенаторы обсуждали выявленное ревизией неудовлетворительное состояние Тверской губ. Делопроизводство в губернском правлении Ключарёв нашёл «недеятельным и запущенным», журналы и реестры заполнялись нерегулярно. Так, в специальных ведомостях не значилось 2 800 служебных бумаг, поступивших в правление в 1816 г. В результате ревизоры не смогли установить даже приблизительно число нерешённых дел. В свою очередь, и подчинённые губернскому правлению учреждения не спешили выполнять его распоряжения, а отсутствие контроля за ними «довело» уездную администрацию «до такой беспечности», что её чиновники «не обращали внимания на происходившие в уездах тиранские поступки»³³.

В рапортах Ключарёва приводилось немало ярких примеров беззакония и волокиты при рассмотрении дел должностными лицами, включая самого губернатора. Среди них – оставленное губернским правлением без последствий жестокое обращение помещика Свечина с дорожным смотрителем Нейманом, незаконная раздача подрядов на дорожные работы, «истязания» весьегонским исправником И.С. Батюшковым беременной «солдатской жёнки», которая родила, будучи закована в кандалы, и ребёнок, «упав на оные, вышиб себе глаза» (исправник был отдан под суд, но «ни губернатор, ни губернское правление не выслало его по требованию к суду») ³⁴. Кашинского уездного предводителя дворянства О.Н. Кожина, представленного губернатором к ордену за успешное подавление крестьянских беспорядков, вызванных затянувшимся процессом установления наследников имений помещиков Вишневецких, Ключарёв передал суду уголовной палаты, полагая, что для применения военной силы не было оснований, поскольку крестьяне не бунтовали, а всего лишь пытались выяснить, кто именно ими владеет ³⁵.

³⁰ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д.124, л. 607; д.126, л. 506.

³¹ Там же, ф. 1341, оп. 17, д.658, л. 58–59.

³² Там же, л. 64 об., 67 об.

³³ Там же, л. 59 об.–60; ф. 1263, оп. 1, д.126, л. 504–504 об.

³⁴ Там же, ф. 1341, оп. 17, д.658, л. 59 об.–60; ф. 1263, оп. 1, д.126, л. 504–504 об.

³⁵ Там же, ф. 1341, оп. 17, д.658, л. 61 об.–62 об.; ф. 1263, оп. 1, д.126, л. 505.

Недоимки по сбору государственных податей к 1 января 1817 г. составляли в Тверской губ. 2 102 528 руб. 33³/₄ коп. За время ревизии было взыскано 262 050 руб. 70³/₄ коп. Ещё в начале 1816 г. губернское правление пыталось привлечь к суду за недоимки городничих, городских голов и земских исправников, однако большинство их в палату уголовного суда не явилось. Ключарёв предписал принять строгие и действенные меры для наказания не явившихся, но губернское правление оказалось не в состоянии что-либо предпринять. «В совершенное ослабление силы закона и защиту виновных» оно само извещало палату уголовного суда о том, что часть недостающих средств покрыта некоторыми должностными лицами, а остальным «строжайшее» указано возместить недоимки³⁶. Признаком бездействия губернской администрации сенатор считал и то, что избранные в 1815 г. дворянские заседатели палаты гражданского суда так и не приступили к исполнению своих обязанностей³⁷.

Рассмотрев итоги ревизии, сенаторы I департамента постановили передать материалы об «упущениях и беспорядках» в Тверской губ. в VI департамент Сената для дальнейшего изучения. Поскольку Озеров ещё 7 июня 1817 г. оставил губернаторский пост и был назначен директором дворцовых конских заводов (а 1 июля получил звание шталмейстера), новому губернатору и губернскому правлению предписывалось «непременно» исправить недостатки, выявленные в деятельности местной администрации, при сборе и расходовании сумм, взимаемых с казённых крестьян. Особо указывалось на необходимость в кратчайшие сроки навести порядок в делопроизводстве, рассмотреть нерешённые дела, дворянским заседателям — приступить к исполнению своих обязанностей в палате гражданского суда, а губернскому правлению — принять решительные меры к взысканию недоимок³⁸.

16 февраля 1818 г. Комитет министров признал постановление Сената «основательным». 24 апреля Александр I утвердил журнал заседания, а 22 мая дела о ревизии и злоупотреблениях в Тверской губ. поступили в VI департамент Сената³⁹.

На заседании Комитета министров 16 февраля обсуждались и новые обстоятельства, связанные с обвинениями, выдвинутыми Ключарёвым против Глазова. К тому времени Озеров представил председателю Государственного совета и Комитета министров кн. П.В. Лопухину записку, в которой утверждал, что Глазов никогда не выдавал рекрутских квитанций. Этот документ о расходах на проведение набора рекрутов выдавала городским и волостным головам губернская канцелярия в присутствии Озерова. Такой порядок был установлен для предотвращения злоупотреблений и необоснованных расходов на основании совместного распоряжения губернатора и рекрутского присутствия, согласованного с министром юстиции. В итоге экономия средств, по данным Озерова, составила 87 тыс. руб. Сам Глазов также подал прошение, настаивая на своей невинности и оспаривая выводы Ключарёва. Ознакомившись с объяснениями Озерова и Глазова, члены Комитета министров также направили их в VI департамент Сената для дальнейшего разбирательства⁴⁰.

³⁶ Там же, ф. 1341, оп. 17, д. 658, л. 59 об.—60 об.

³⁷ Там же, л. 60 об.—61.

³⁸ Там же, л. 67—68.

³⁹ Там же, л. 658; ф. 1263, оп. 1, д. 143, л. 521 об.

⁴⁰ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 143, л. 519—520 об.

О каких-либо судебных решениях по делам о злоупотреблениях, выявленных ревизией Ключарёва в Тверской губ., исследователям на данный момент не известно. Отдание под суд в начале XIX в. вовсе не предполагало скорого вынесения обвинительного или оправдательного приговора. Такие дела обычно разрастались и тянулись не только годами, но и десятилетиями. Возможно, в данном случае всё и ограничилось отстранением от должности Глазова и других подчинённых Озерова, карьера которого отнюдь не пострадала: уже в апреле 1819 г. он был награждён орденом св. Анны 1-й степени, в 1823 г. назначен сенатором, а в 1837 г. — членом Государственного совета.

Между тем 27 июня 1818 г. Александр I подписал указ Сенату «О правилах для пресечения злоупотреблений в денежных сборах по казённым волостям»⁴¹. В преамбуле указа со ссылкой на ревизию Ключарёва констатировалось, что действующие законы не ограждают государственных крестьян от «разорительных денежных сборов», в том числе и на «мирские надобности», служащие благодатной почвой для злоупотреблений. Для их искоренения отныне запрещалось назначать денежные сборы на основе устного решения схода. В мирских приговорах следовало фиксировать не только общую сумму сбора, но и размер отчислений с каждой души, а также предполагаемые статьи расходов. Всё это требовалось в тот же день вносить в специальную книгу, выданную и ежегодно проверяемую казённой палатой, чтобы не сокрыть «какого-либо приговора для утайки, вместе с тем и собранных по нему общественных денег». Именно этими, а не черновыми записями, крестьяне должны были теперь руководствоваться при утверждении отчётов волостной администрации об использовании полученных средств⁴². Таким образом, указ практически дословно воспроизводил предложения сенатора, направленные «к пресечению беспорядков по волостям в сборе и расходе мирских сумм», и повелевал, чтобы они были «впредь исполняемы... непременно» во всех губерниях⁴³.

Другим следствием ревизии стала записка Ключарёва «О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления». На титульном листе подлинника записки стоит дата «16 апреля 1817 г.» и сохранилась помета Аракчеева: «повелено убрать до востребования». Следовательно, документ был представлен более чем за два месяца до официального завершения ревизии Тверской губ. и обсуждения её итогов в Комитете министров, и если не о содержании, то о его наличии докладывалось Александру I, по указанию которого он и составлялся⁴⁴. «Исполняя с благоговением Высочайшую волю Вашего императорского величества, — писал Ключарёв, — представляю записку мою в простоте должного чистосердечия и сочту себя благополучным, ежели из неё хотя одна строка годится в план перемен, полезных Отечеству»⁴⁵. Работа над текстом велась, видимо, с конца марта.

Получив донесение о ходе ревизии, отправленное Ключарёвым 28 февраля 1817 г., Аракчеев отметил на нём: «Государь император изволил читать

⁴¹ ПСЗ-1. Т. 35. № 27395.

⁴² Там же. С. 333–334.

⁴³ Там же. С. 334.

⁴⁴ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1931, л. 1–21. В опубликованном варианте ошибочно указано «16 апреля 1818 г.» (О лучшем устройстве... С. 257).

⁴⁵ О лучшем устройстве... С. 257.

18 марта»⁴⁶. Скорее всего, после этого царь и заинтересовался мнением Ключарёва о том, какие преобразования желательны и необходимы в местном управлении.

В записке сенатор утверждал, что губернаторы «вышли из пределов почтения к законам, оставляя без исполнения как оные, так и указы Правительствующего Сената», не давали ход «неполезным им» распоряжениям министров, раздавали незаконные подряды, растрачивали казённые суммы, «покрывая мраком действия свои». Характерными чертами деятельности губернаторов, по мнению Ключарёва, являлись «самовластие», преследование тех, «кто держится правил и порядка», с помощью доносов и возбуждения «через своих угодников» уголовных дел, получение «тайных, а часто и явных взяток», «неблагопристойные празднества»⁴⁷.

Добиваясь выгодных для себя решений, начальники губерний оказывали влияние на членов палат уголовного суда, приводили в состояние «онемения» прокуроров, доносивших Сенату об их злоупотреблениях, тогда как «приобщившиеся к губернаторам» и покрывающие их неблагоприятные поступки получали «пользу обогащения». Губернское правление оказывалось «бесполезным», поскольку его советники, обязанные сообщать в Сенат о незаконных распоряжениях губернаторов, в большей части соглашались с ними, «удовлетворяя корыстные свои приобретения»⁴⁸.

Одновременно губернское начальство покрывало беззаконие и взяточничество уездных исправников, которые платили «ежегодно подати секретарям, советникам правления и губернаторам, присвоив через то право обирать, где можно и где случай дозволит». В результате занимать должности соглашались лишь «люди алчные, бесстыдные и не имеющие никакого понятия о достоинстве и чести». Характер и общий тон переписки губернского правления с предводителями дворянства казался Ключарёву «неприличным и неучтывым», оскорбляющим и унижающим их достоинство. Привлечение уездных предводителей к исполнению различных поручений без согласования с губернскими, а также командировку их для проведения следствия в волостях казённых крестьян сенатор считал слишком обременительной и явно не подобающей им обязанностью, поскольку этим они как бы приравнялись к исправникам⁴⁹.

Очевидно, что, используя понятие «губернаторы», Ключарёв фактически писал здесь об Озерове, а под «прокурорами», «советниками губернских правлений», «земскими исправниками» подразумевал служащих Тверской губернии. Удручающая картина местного управления, тотальной коррупции и полной бесконтрольности начальства разного уровня писалась с натуры в условиях конфликта между ревизующим сенатором и тверскими чиновниками. Поэтому не удивительно, что центральным сюжетом в записке оказалось взимание денежных сборов с казённых крестьян и пресечение злоупотреблений со стороны избираемой «через хитрости и происки не из добрых крестьян» администрации волостей. Основной их причиной признавалось предоставление волостному голове широких полномочий при отсутствии контроля со стороны мира. Это позволяло, скрывая хищения, входить в сговор с земской полицией и указывать в расходных книгах суммы, якобы переданные должностным

⁴⁶ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2142, л. 1–1 об.

⁴⁷ О лучшем устройстве... С. 257–258.

⁴⁸ Там же. С. 258–260.

⁴⁹ Там же. С. 260–262.

лицам в виде «подарков» (на деле – взятки). Данный приём «корыстолюбцы» рассматривали как гарантию того, что губернские чиновники не захотят инициировать проведение расследования, если до них дойдут «жалобы народа». При этом сенатор не исключал, что некоторые служащие могли попасть под суд безвинно. Со знанием дела Ключарёв критиковал качество доставки почты ямщиками (т.е. крестьянами ямов, на которых возлагалось исполнение этой повинности) и низкий уровень контроля за ними⁵⁰.

Какие же предложения «дерзал представить» императору сенатор? Улучшить ситуацию, по мнению Ключарёва, должно было восстановление должности генерал-губернатора, который мог бы оказывать покровительство «сырым и вдовицам», освобождая правительство от рассмотрения многочисленных просьб и обращений. Предполагалось также объединить губернское правление с палатами гражданского и уголовного суда, по примеру прежних губернских канцелярий, с тем, чтобы это вновь воссозданное учреждение, во главе с президентом – губернатором, действовало в соответствии с генеральным регламентом⁵¹. Губернатору при этом запрещалось бы направлять чиновников палаты для проведения следственных действий.

Для укрепления законности Ключарёв советовал сохранить палату гражданского суда только в «самых отдалённых губерниях», а дела других рассматривать в Москве в особой коллегии, дабы сократить делопроизводство и время, уходившее на подачу апелляций в Сенат⁵². Ссылаясь на материалы ревизий других губерний, сенатор указывал также на загруженность делами палат уголовного суда и признавал необходимым увеличить их штат, дополнительно включив в него двух советников, двух секретарей, протоколиста, 15 канцелярских служащих и «несколько солдат и унтер-офицеров». Впрочем, потребность в подобном усилении отпала бы после объединения губернского правления с палатами гражданского и уголовного суда⁵³.

Уездные суды Ключарёв призывал упразднить, поскольку их чиновники в силу своей некомпетентности находились под влиянием секретарей и нередко умышленно замедляли движение дел, а принимаемые ими решения часто опротестовывались палатами уголовного и гражданского суда и Сенатом. Сенатор не сомневался в том, что «правосудие сим уничтожением уездных судов много приобретёт пользы и удовлетворит общее желание»⁵⁴.

Не ограничиваясь этим, Ключарёв предлагал изменить сам принцип формирования уездной администрации, переименовать земский суд в уездную полицию и отказаться от дворянских выборов исправников и заседателей земских судов, назначая их из числа «заслуженных и раненых штаб- и обер-офицеров». Будучи сугубо штатским человеком, Фёдор Петрович утверждал, что условия военной службы приучают довольствоваться малым, а также точно и своевременно исполнять приказы начальников. К тому же ему казалось, что отставные офицеры, не имея прочных связей в уезде, не вызывали бы у местных жителей чувства страха, которое возникало при мысли о возможной в будущем мести переизбранного исправника, если его решения обжаловались

⁵⁰ Там же. С. 263–265.

⁵¹ Там же. С. 260.

⁵² Там же. С. 261.

⁵³ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1931, л. 9–9 об. В опубликованном тексте записки данный фрагмент отсутствует.

⁵⁴ О лучшем устройстве... С. 261.

в высших инстанциях⁵⁵. «Военные чины» из имевших боевые ранения обер-офицеров Ключарёв желал видеть на посту заседателей палаты уголовного суда, управляющих ямами (контролирующих почтовые перевозки⁵⁶) и казёнными волостями (наблюдающих за денежными сборами и волостной администрацией⁵⁷), инспекторов или обер-полицмейстеров, возглавляющих земскую и городскую полицию, а также её штатных служащих⁵⁸.

В то же время сенатор, разумеется, не думал «отдалять лучшее дворянство от службы Отечеству». Более того, он заботился о том, чтобы установить «нужное равновесие» между благородным сословием и губернской администрацией, рекомендуя, в частности, предоставить губернским и уездным предводителям право контролировать расходование средств, пожертвованных дворянами⁵⁹.

В записке Ключарёва содержалась квинтэссенция наблюдений, сделанных им в ходе ревизии Тверской губ. Вместе с тем она представляла собой не отвлечённо-теоретический проект улучшения местного управления, а сугубо практический документ, косвенно обосновывавший справедливость обвинений, выдвигавшихся тогда сенатором против Озерова и его чиновников. Решая вполне прагматические задачи, едва ли Фёдор Петрович задумывался о том, что иные его предложения означают «отказ от разделения властей, введённого реформой Екатерины II»⁶⁰. Некоторые же из его идей и вовсе предвосхищали основные положения реформы уездной полиции, осуществлённой лишь в 1862 г.

Размышления Ф.П. Ключарёва о целесообразности повсеместного восстановления генерал-губернаторов в какой-то мере перекликались с тем, о чём говорилось в известных записках гр. В.П. Кочубея 1806 г. и 1814 г.⁶¹ Возможно, сенатор знал, какие планы вынашивались и обсуждались тогда в окружении императора. Как отмечал в 1821 г. М.М. Сперанский, «вместе с учреждением министерств помышлено было и о лучшем образовании губернского устройства, но ни в 1802 г., ни в 1809 г. не было составлено полного на сию часть проекта»⁶². А.Д. Балашов свидетельствовал в 1827 г. о том, что Александр I «с 1815 г. предполагал уже вводить перемены во внутреннем управлении государства»⁶³. А если правы исследователи, датирующие проект «Учреждения наместничеств» не 1816 г., как считалось ранее, а 1817–1818 гг.⁶⁴, то нельзя исключить, что именно ревизия сенатора Ф.П. Ключарёва и его записка, отложенная «до востребования», и привлекли во второй половине 1810-х гг. внимание царя к проблемам местного управления.

⁵⁵ Там же. С. 261–262.

⁵⁶ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1931, л. 19 об. В опубликованном тексте записки это предложение пропущено.

⁵⁷ Там же, л. 18–19; О лучшем устройстве... С. 264.

⁵⁸ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1931, л. 11 об.—12.

⁵⁹ О лучшем устройстве... С. 261.

⁶⁰ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 293.

⁶¹ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 5–26, 199–211. Подробнее см.: Раскин Д.И. Указ. соч. С. 94.

⁶² Материалы, собранные для Высочайше учреждённой комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел полицейский. Ч. I. Отд. I. СПб., 1870. С. 73.

⁶³ Там же. 230.

⁶⁴ Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства при Александре I. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 17.

В.А. Арцимович в Сибири

Евгений Крестьянников

V. A. Artsimovich in Siberia

Evgeniy Krestyannikov (Tyumen State University, Russia)

Принадлежа ко второму выпуску воспитанников Императорского Училища правоведения, В.А. Арцимович, впоследствии ставший активным деятелем Великих реформ Александра II, по словам А.Ф. Кони, начинал «трудовую жизнь в те тяжёлые времена, когда отправление правосудия обращалось, в большинстве случаев, в трагикомедию бессудья, когда “вино власти”, бросавшееся то тут, то там в голову местных властей, вызывало крайнюю необходимость суровых сенаторских ревизий»¹. Участвуя в них, молодой чиновник, окончивший курс в 1841 г., овладевал необходимым служебным и юридическим опытом. Так, в 1843 г. он помогал М.Н. Жемчужникову ревизовать Таганрогское градоначальство и Керченский карантин. При этом, по словам своего начальника, Виктор Антонович «оказал основательное знание законов, отличные способности, благородные правила и постоянную деятельность»².

19 декабря 1850 г. камер-юнкер Арцимович был назначен старшим чиновником³ при члене Государственного совета генерал-адъютанте Н.Н. Анненкове, которому незадолго до того император повелел в Западной Сибири «осмотреть главнейшие части военно-сухопутного ведомства, и по гражданскому ведомству те части, кои он признает нужным»⁴. «Под влиянием местных обстоятельств и с осознанием необходимости переосмыслить общие подходы к формированию правительственной политики по отношению к Сибири» ревизия «превратилась в мероприятие, приведшее к значительным последствиям»⁵. Анненков и его сотрудники внимательно изучали состояние управления краем на основании «Сибирского учреждения», разработанного в 1822 г. М.М. Сперанским, и резко критиковали деятельность как губернской, так и окружной администрации⁶. Вследствие этой критики «для предварительного рассмотрения всех вообще дел по управлению Сибирью» и «в видах водворения в Сибири прочного устройства, вполне соответствующего местным и политическим обстоятельствам сего края, признавая необходимым дать более единства и быстроты всем мерам, предпринимаемым по управлению оным в порядке законодательном и исполнительном», 17 апреля 1852 г. был воссоздан Сибирский

© 2017 г. Е.А. Крестьянников

¹ Кони А.Ф. Виктор Антонович Арцимович // Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных уставов). СПб., 1914. С. 174.

² Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГАТ), ф. 152, оп. 31, д.1294, л. 4–4 об.

³ Там же, л. 9 об.

⁴ Там же, ф. 154, оп. 20, д.2036, л. 1 об., 29. См. также: Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 191.

⁵ Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 191.

⁶ Государственный архив Омской области (далее – ГА ОО), ф. 3, оп. 2, д.3316, л. 4–16.

комитет, действовавший уже после ревизии Сперанского в 1821–1838 гг.⁷ Возглавлял его председатель Государственного совета и Комитета министров кн. А.И. Чернышёв, а среди членов, наряду с министрами и великими князьями Александром и Константином Николаевичами, оказался и Анненков.

Арцимовичу Анненков поручил «заведование своей канцелярией по судебным и административным делам»⁸, наделив его немалыми полномочиями. Так, 18 апреля 1851 г. генерал-адъютант предписал Тобольской казённой палате, «чтобы г. Арцимовичу доставляемы были без всякого замедления за подписью советников нужные для доклада» сведения и справки⁹. Не ограничиваясь осмотром делопроизводства, Виктор Антонович стремился вникнуть в существо рассматриваемых в нём проблем и по возможности исправить обнаруженные недостатки. Критикуя в своём докладе устройство и практику органов власти в крае, он отмечал: «Относительно применения тех частей [Сибирского] Учреждения, которые по неуразумению оных исполняемы не были и кои, по моему мнению, могут быть осуществлены без затруднений, я во всё продолжение произведённой мною ревизии обращал на них внимание главного местного начальства с тем, чтобы о предметах, требующих разъяснения, вошли с представлением узаконенным порядком»¹⁰.

При этом, если для Сперанского или назначенного в январе 1851 г. западносибирским генерал-губернатором Г.Х. Гасфорда регион оставался «в общем смысле, огромным острогом»¹¹, то молодой правовед размышлял совершенно иначе: «Сибирь не есть страна для нас чуждая и предназначенная, как думают многие, исключительно для ссылки и наказания преступников. Сибирь есть часть России и одна из важнейших её частей». «Близкое познание Сибири ныне необходимо, — утверждал Арцимович, — не только в видах устройства края, облегчения и улучшения участи тамошних жителей, но и в видах извлечения из Сибири возможной для государства пользы и усиления политического значения нашего в Азии»¹². По его мнению, огромные природные ресурсы этой окраины империи обеспечивали «великую будущность» её промышленности и торговли¹³.

В 1852 г., учреждая Сибирский комитет, Николай I предписал его членам сосредоточиться прежде всего на «собрании сведений о Сибири вообще

⁷ См.: *Ремнёв А.В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2010. С. 256; ПСЗ-П. Т. 27. Отд. I. СПб., 1853. № 26178.

⁸ Z. За лето (Юридическая хроника) // Журнал гражданского и уголовного права. 1891. № 7. С. 144.

⁹ ГАТ, ф. 154, оп. 20, д. 2036, л. 29.

¹⁰ «Близкое познание Сибири ныне необходимо». Доклад В.А. Арцимовича. 1852 г. / Публ. Н.Н. Александровой // Исторический архив. 1996. № 5/6. С. 201.

¹¹ ГА ОО, ф. 3, оп. 3, д. 3410, л. 101 об.; *Уманец Ф.М.* Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб., 1910. С. 152. Сибиряки, в свою очередь, говорили: «Михайло Сперанский, сын не дворянский, сын попов, из больших плутов» (*Черепанов С.* Орывки из воспоминаний сибирского казака // Древняя и новая Россия. 1876. № 6. С. 191).

¹² «Близкое познание Сибири ныне необходимо»... С. 195. Г.Н. Потанин тогда же обращал внимание на то, что «девственность Сибири служит причиной двух ложных мнений о ней, совершенно противоположных»: «Одни, принимая девственность за богатство, преувеличивают её политическое значение; другие, поражённые недоступностью её лесов и рек и первобытным состоянием путей сообщения, считают её страной совершенно враждебной возникновению в ней гражданской жизни» (*Потанин Г.Н.* Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 189).

¹³ «Близкое познание Сибири ныне необходимо»... С. 195–196.

и с этой целью доставить в комитет из министерств и главных управлений имеющиеся в их делах сведения о Сибири». Для того, чтобы «сведения сии привести в систему и порядок, составив из оных статистическое обозрение Сибири собственно для руководства правительственных мест и лиц», специально привлекли члена совета Министерства государственных имуществ Ю.А. Гагемейстера¹⁴. Подготовленное им внушительное по объёму «Статистическое обозрение Сибири»¹⁵, выгодно отличавшееся своей информативностью от прежних трудов подобного рода¹⁶, посылалось местным учреждениям, наиболее видным администраторам, общественным деятелям и коммерсантам. Так, в Тобольскую губ. поступило 15 экземпляров данного издания, и 9 из них — «лицам коммерческого сословия»¹⁷.

В целом, по словам дочери тогдашнего тобольского губернского прокурора М.Д. Францевой, проверка Анненковым была «сделана очень снисходительно»¹⁸, однако она «открывала полный беспорядок в Сибири и множество злоупотреблений»¹⁹. Одну из частей отчёта Виктора Антоновича Анненков даже назвал «программой замечаний на Сибирские учреждения»²⁰. Главным же затруднением оставался «недостаток благонамеренных и способных чиновников». Ещё Сперанский констатировал, «что места самые необходимые наполнить было некем», и дабы «не остановить течения дел», провинившихся чиновников переводил из одной губернии в другую, «наблюдая то только правило, чтоб причины удаления не были важны, и чтобы перемещение служило вместе и пеней, и способом к исправлению»²¹. Как иронизировал А.И. Герцен, в Сибири Михаил Михайлович «сотнями отрешал старых плутов и сотнями принял новых»²². Но и после ревизии 1851 г. императору сообщалось, что «главное местное начальство вынуждено и ныне действовать столь же снисходительно и часто допускать и терпеть на службе людей малоспособных и ненадёжных». Вместе с тем напоминалось и о неоднократных предложениях открыть в крае высшее учебное заведение, которые «по неизысканию достаточных для сего средств остались без последствий»²³.

Анненков явно остался доволен Арцимовичем, высоко оценил его усердие и засвидетельствовал, что он «много и с истинной пользой содействовал успеху ревизии, быв, сверх многочисленных занятий по канцелярии, в которой

¹⁴ ГАТ, ф. 417, оп. 1, д.491, л. 2–2 об.

¹⁵ Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. В 3 ч. СПб., 1854.

¹⁶ См., например: Статистическое обозрение Сибири, составленное статским советником [М.Н.] Баккаревичем на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810.

¹⁷ ГАТ, ф. 417, оп. 1, д.491, л. 3, 6.

¹⁸ Воспоминания М.Д. Францевой // Исторический вестник. 1888. № 6. С. 632.

¹⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 522.

²⁰ См.: «Близкое познание Сибири ныне необходимо»... С. 192–214; Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. // Прутченко С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. С. 349–532.

²¹ Отчёт тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию её управления // Прутченко С.М. Указ. соч. С. 25–26.

²² Герцен А.И. Былое и думы. Т. 1. Л., 1931. С. 204.

²³ Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. С. 350–351.

сосредоточивались все дела по судной, административной и исполнительной частям, употреблён в особенности при ревизии Главного управления Западной Сибири, тобольского и томского общих учреждений и губернских правлений». 23 декабря 1851 г. Виктор Антонович был произведён в статские советники, получив в 31 год генеральский чин²⁴.

В 1854 г. Арцимович выразил готовность служить под началом Гасфорда²⁵, и уже 16 марта Николай I назначил его исправляющим должность тобольского гражданского губернатора²⁶. Тем самым он стал первым выпускником Императорского училища правоведения, оказавшимся на губернаторском посту (и самым молодым из тех, кто руководил Тобольской губ. до революции)²⁷, и мог начать воплощение замыслов его педагогов, ожидавших, что их питомцы «составят опору нравственного благосостояния» государства²⁸. Между тем в первой половине XIX в. лишь каждый четвёртый тобольский губернатор имел высшее образование, и только с середины столетия отсутствие такового стало исключением (более того, 7 из 15 преемников Арцимовича получили юридическую подготовку).

Сочетание великолепного образования, служебного опыта и успешной карьеры выгодно отличали Арцимовича даже от самых выдающихся его предшественников. Так, исполнявший обязанности тобольского губернатора в 1832–1833 гг. А.Н. Муравьёв был деятелен, окончил Московский университет, но из-за причастности в прошлом к тайным обществам и последующей ссылки считался не вполне благонадёжным. Д.Н. Бантыш-Каменский – выдающийся историк, знакомый А.С. Пушкина и Н.М. Карамзина, получивший в 1823 г. чин статского советника за «Историю Малой России» и управлявший губернией в 1825–1828 гг., несмотря на незаурядные личные качества, заботу о населении и местном благоустройстве, оставался скорее учёным, чем администратором²⁹.

В отличие от большинства своих предшественников, Арцимович ещё до вступления в должность хорошо понимал, куда он назначен, и наверняка сознавал предстоящие трудности и риски. Едва ли он забыл о том, как в 1851 г. умер во время ревизии Анненкова «учёный ломоносовского типа», «великий русский металлург», «основоположник учения о стали» – томский губернатор генерал-майор П.П. Аносов. В начале года он выехал из Томска в Омск встречать высокопоставленного ревизора, но по дороге его экипаж, наехав на сугроб, перевернулся, и ему несколько часов пришлось пролежать на морозе под тяжестью чемоданов и собственного адъютанта. Затем, хворая и превозмогая боль, Павел Петрович, сопроводив ревизующих, выполнил свой служебный долг, но уже не поправился и 13 мая скончался³⁰.

В начале 1860-х гг. Д.И. Завалишин констатировал: «В Сибири же управлять ещё труднее, нежели в России. Люди с весом, с независимостью мнений

²⁴ ГАТ, ф. 152, оп. 31, д.1294, л. 9 об.–11 об.

²⁵ Извлечение из исторической записки А.Н. Лешова об общем управлении Сибирским краем // Арцимович В.А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 101.

²⁶ ГАТ, ф. 152, оп. 31, д.1294, л. 14 об.–15.

²⁷ Гриценко Н.В. Хозяева края. Карьера высшего чиновничества в Тобольской губернии // Родина. Специальный выпуск «Тобольск – живая былина». 2004. С. 57–59.

²⁸ Штекгардт Р.А. Юридическая пропедевтика. СПб., 1843. С. III.

²⁹ См., например: Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские / Сост. С. Пархимович и С. Туров. Тюмень, 2000. С. 233–245, 268–290.

³⁰ Пешкин И. Павел Петрович Аносов. 1799–1851. М., 1954. С. 6, 298, 355.

и действий, с родословным состоянием служить в Сибирь не едут»³¹. Неудивительно, что здесь встречались «дефектные экземпляры», «сжижали на губернаторских местах и подолгу сошедшие с ума генералы»³². Как правило, во главе губерний края находились люди, «мечтавшие только о том, чтобы получить другое назначение» и «стремившиеся вон из Сибири»³³. При этом, хотя пространный (346 статей) «Наказ губернаторам» 1837 г. здесь не действовал³⁴, «как и в других частях России, сибирские губернаторы тонули в “бумажном многоделии”, должны были председательствовать на разного рода заседаниях, ревизовать плохо подчинявшиеся им губернские учреждения, проводить значительное время в разъездах, отвечать на многочисленные запросы из центра, нести ответственность за всё, сознавая, что на это у них не хватает ни средств, ни времени, ни полномочий»³⁵. К этому добавлялась ещё и довольно обременительная обязанность осуществлять надзор за ссыльными.

Реформируя систему управления краем, Сперанский надеялся «преобразить личную власть в установление и, согласив единство её действия с гласностью, охранить её от самовластия и злоупотреблений законными средствами, из самого порядка дел возникающими; учредить действие её так, чтоб было не личным и домашним, но публичным и служебным; усилить надзор, собрав раздробленные и потому бессильные его части в одно установление, и тем, вместо бесплодной переписки, сделать его средством к действительному исправлению, заменив им, с одной стороны, удалённый от Сибири надзор высшего правительства, а с другой, недостаточный надзор общего мнения»³⁶. «Сибирское учреждение», в частности, предусматривало, что «в составе дел сего управления одни зависят непосредственно от гражданского губернатора, другие должны быть предварительно соображены и уважены в губернском совете»³⁷. На практике коллегиальность не только ограничивала единоначалие губернаторов, но и подрывала их авторитет, не улучшая положение населения»³⁸.

³¹ Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 86.

³² Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, её современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 274.

³³ См., например: Непомнящий И. Сибирь и сибирские губернаторы // Сибирские вопросы. 1911. № 45/46. С. 74–75.

³⁴ Его было решено «не распространять на Сибирский и Остзейский край и на области Кавказскую и Бессарабскую, как имеющие свои особые учреждения» (ПСЗ-III. Т. 12. Отд. I. СПб., 1837. № 10303). Этим «наказом» устанавливались столь сложные и запутанные бюрократические процедуры, что их точное исполнение могло парализовать всякую деятельность. По словам чиновника МВД Е. Анучина, «число дел почти удвоилось и делопроизводство запуталось от того ещё более, чем прежде» (Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. С. 54). По подсчётам И.А. Блинова, в 1840-е гг. губернаторам приходилось подписывать до 100 тыс. бумаг в год или до 270 ежедневно; если предположить, что они тратили минуту на просмотр и подписание каждого документа, то это требовало четыре с половиной часа в день. Со временем «бумажное многоделие» всё развивалось, и переписка, которая должна была быть по большей части следствием деятельности губернатора, обратилась для него в цель». Поэтому «мало-мальски принимаясь за дела, губернаторы немедленно же тонули в бумажном море, им оставалось или подчиняться своей судьбе, или, махнув на всё рукой, ничего не делать» (См.: Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 161).

³⁵ Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 116–117.

³⁶ Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 23–24.

³⁷ ПСЗ-I. Т. 38. № 29124. Ст. 32.

³⁸ «Сперанский, — писал А.И. Герцен, — пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввёл всюду коллегиальное начало; как будто дело зависело от того, как кто крадёт: поодиночке или шайками» (Герцен А.И. Указ. соч. С. 204).

Сказывалась и зависимость «хозяев губерний» от генерал-губернаторов и коллегияльных советов, составлявших главные управления Западной и Восточной Сибири.

В результате, как сообщал в середине 1830-х гг. в своём рапорте шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу жандармский полковник Черкасов, в Тобольской губ. «губернатор есть только страдательное лицо, не имеющее и тени власти, определённой Сибирским учреждением»: «Ни один чиновник в губернии не представляет столь разительной противоположности, с одной стороны, по безусловной зависимости, а с другой, по примерной холодности подчинённых мест и лиц, часто переходящей в неповиновение, а посему этот пост сделался столь сомнительным, что в течение последнего двадцатилетия здесь было девять гражданских губернаторов, из коих большая часть сделалась или жертвой интриг, или собственной неосторожности с весьма неприятными для них последствиями»³⁹. Действительно, в 1802–1852 гг. 13 из 16 тобольских губернаторов вынуждены были покинуть свой пост либо по причине несоответствия занимаемой должности, либо из-за невозможности найти общий язык с генерал-губернаторами, либо вследствие конфликтов с подчинёнными⁴⁰.

Некоторые пытались компенсировать уязвимость своего положения, прибегая к напускной важности. Б.В. Струве, тогда ещё молодому чиновнику, «врезались в память» обстоятельства посещения благородного собрания Тюмени, где местное общество дважды в неделю устраивало светские развлечения, тобольским губернатором К.К. Энгельке, впоследствии отстранённым от должности в связи с ревизией Анненкова. «Танцевали кадрили, — писал Струве много лет спустя, — вдруг старшины клуба засуетились, полиция забегала, музыку и танцы остановили: губернатор едет!» Музыканты заиграли торжественный марш. Приехавший «среднего роста седой старик в виц-мундире со звездой» проследовал в гостиную, где его ожидали ломберный стол и несколько избранных игроков. После трёхчасовых карточных состязаний, когда губернатор изволил уезжать, всё «сопровождалось тем же внушительным порядком» с приостановкой танцев и маршем⁴¹.

Однако окунувшись в дела, Арцимович сразу почувствовал, насколько парализована административными ограничениями губернаторская власть в Сибири. «При самом вступлении в управление губернией, — писал он Гасфорду, — я заметил, что власть начальника Тобольской губернии находится далеко не на той степени силы и уважения, которые указаны нашими законами и учреждениями. Я всюду ощущал явный упадок этой власти и бессилие оной к добру и устройству края. Причина сего печального явления, очевидно, в прошедшем и, по преимуществу, в постоянном пренебрежении, с которым Главное управление здесь издавна привыкло обращаться к начальникам губернии»⁴².

На местных чиновников губернатор надеяться не мог. Характеризуя здешних служащих, Гасфорд сообщал министру юстиции гр. В.Н. Панину: «Вредно их влияние на простой народ, с которым они почасту дружатся, пьянствуют,

³⁹ Цит. по: Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 279.

⁴⁰ Грищенко Н.В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 20.

⁴¹ Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 гг. СПб., 1889. С. 12–13.

⁴² Из писем В.А. Арцимовича. I. Генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду // В.А. Арцимович. Воспоминания. Характеристики. С. 799.

подавая пример и наставление в разврате»⁴³. Квалификация и качества руководителей ключевых учреждений оставляли желать лучшего. Так, председатель Тобольского губернского суда И.И. фон Шиллинг (в 1852 г. даже исполнявший обязанности губернатора), по сведениям чинов жандармского управления, был человеком «весьма ограниченного ума, дело своё знал посредственно и от корысти не прочь»⁴⁴. Арцимович, умевший «привлекать к себе людей и выбирать себе добрых и надёжных помощников»⁴⁵, едва ли не впервые в истории края сразу же после назначения стал вызывать из столицы молодых сотрудников. Некоторые из них (например, шурина Виктора Антоновича В.М. Жемчужников⁴⁶ или Я.С. Скропышев⁴⁷) приезжали прямо со студенческой скамьи. «Казанский университет тоже выставил несколько стипендиатов из местных уроженцев» на помощь тобольскому губернатору⁴⁸.

Осмотрев волостное правление в с. Тугулымском – первом крупном населённом пункте при въезде в Тобольскую губ., губернатор «был поражён сложностью писмоводства», которое к тому же вели полуграмотные канцеляристы⁴⁹. Ещё генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич сетовал в своём отчёте за 1823 г.: «Всё знание, какое здешний класс чиновников приносит на службу государственную, заключается в механической привычке к формам делопроизводства, в длинном и перепутанном составлении бумаг, так что высший начальник или судья приписывает себе особенное искусство, если успеет понять сущность дела. После сего при встрече несколько запутанного происшествия редко найти следователя, который бы умел вести дело по истинным вопросам и, не распространяя его далее надлежащих границ, умел ещё представить неутомительное изложение. Редко найти секретаря, который бы при искусстве законоведения имел способность излагать всё в ясном статском слоге, какой приличен степени и важности императорской службы. Редко найти советника, который бы, зная государственные уставы, был благонадёжным помощником своему месту»⁵⁰. «Я был во многих губерниях, – делился Арцимович своими впечатлениями с Гасфордом, – но нигде не встречал столь нелестной и унижительной для власти переписки, какую нашёл здесь в делах прежнего времени. Систематическое и постоянное пренебрежение обессилило законную власть, вывело все подчинённые управления из прямой зависимости и превратило начальника губернии в автомата, подписывающего, но не действующего, ибо предписания его оставались без всякого исполнения. Доказательство сего в горах бумаг во всех местах и учреждениях»⁵¹.

Помня о важности изучения Сибири, Арцимович попытался возобновить регулярный сбор сведений о Тобольской губ. Ещё в 1835 г. по повелению

⁴³ ГА ОО, ф. 3, оп. 3, д. 3410, л. 101.

⁴⁴ См.: Тобольский биографический словарь. Екатеринбург, 2004. С. 557–558.

⁴⁵ *Кони А.Ф.* Указ. соч. С. 174; *А.К. Памяти В.А. Арцимовича* (2-е – 5-е марта 1893 г.) // Вестник Европы. 1893. № 4. С. 808.

⁴⁶ *М. В.М. Жемчужников.* Некролог // Вестник Европы. 1884. № 12. С. 932–935.

⁴⁷ Ему принадлежит наиболее подробный очерк деятельности В.А. Арцимовича в Тобольске. См.: *Ск-ев [Скропышев Я.С.]*. Тобольская губерния в пятидесятых годах. Материалы для биографии Виктора Антоновича Арцимовича за время управления его Тобольской губернией (1854–1858 гг.) // Вестник Европы. 1897. № 11. С. 5–40; № 12. С. 571–592.

⁴⁸ Извлечение из исторической записки А.Н. Лешова об общем управлении Сибирским краем. С. 101–102.

⁴⁹ *Ск-ев [Скропышев Я.С.]* Указ. соч. № 11. С. 7.

⁵⁰ ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 228, л. 7–7 об.

⁵¹ Из писем В.А. Арцимовича. I. Генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду. С. 799.

императора в Тобольске, наряду с другими губернскими городами, был образован статистический комитет, как отмечалось в журнале его заседания 3 августа 1856 г. под председательством Арцимовича, «остававшийся в совершенном бездействии до 1855 г.»⁵². Но и после 1854 г. на учёт имевшегося и происходившего в губернии ежегодно выделялось лишь 700 руб. из средств казённых типографий. В случае, если этих денег окажется недостаточно, местному начальству предписывалось изыскать иные источники финансирования, но они не указывались⁵³. Не хватало и людей, способных выполнять соответствующие задания. В 1855—1857 гг. это делали сначала учитель математики тобольской гимназии А. Худяков, а затем Скропышев, которым Гасфорд выразил свою «искреннюю признательность с припечатанием об этом в “Тобольских губернских ведомостях”»⁵⁴. Тем не менее после отъезда Арцимовича статистические работы вновь остановилась.

Для подробного изучения управляемого края Арцимович, рискуя здоровьем⁵⁵, решил также объехать северную часть Тобольской губ., остававшуюся тогда буквально terra incognita⁵⁶. На север его предшественники отправлялись крайне редко. Перед Арцимовичем там побывал в 1827 г. Бантыш-Каменский, усмирявший волнения остяков и самоедов и посетивший Обдорск и Берёзов, где 6 января осмотрел могилу светлейшего князя А.Д. Меншикова, открытую ранее местным исправником по губернаторскому же указанию⁵⁷. Современники, правда, высказывали сомнения в том, что это было захоронение именно петровского фаворита⁵⁸. Дошедшие же до императора сведения о самовольном вскрытии гроба и обвинения «чуть не в святотатстве», вместе с ревизией, пристрастно проводившейся в 1826—1827 гг. сенаторами Б.А. Куракиным и В.К. Безродным, привели к отрешению чрезмерно пытливого и деятельного губернатора от должности⁵⁹.

К моменту «арктического путешествия», как называл его сам Виктор Антонович, Арцимович уже обследовал остальные части губернии. Природа северного края произвела на него тягостное впечатление. Жалуясь на инертность татарского населения, он отмечал, что «трудно и очень трудно ими

⁵² ГАТ, ф. 417, оп. 1, д.605, л. 41.

⁵³ См.: *Скопа В.А.* Статистические комитеты Западной Сибири как региональные центры статистического учёта в XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8. Ч. 1. С. 187.

⁵⁴ ГАТ, ф. 417, оп. 1, д.605, л. 41 об., 49–50.

⁵⁵ Именно после этой поездки у него начался ревматизм. Впоследствии в письме к министру внутренних дел С.С. Ланскому он вновь вспоминал о своём путешествии: «Ныне домашние обстоятельства, болезненное состояние моей жены, а также весьма неблагоприятное влияние сильных холодов и на моё здоровье, расстроенное во время объезда по северным частям губернии, вынуждают подвергнуть начальническому вниманию [вашего] [высокопревосходительства] всепокорнейшую просьбу о содействии к перемещению меня в другую, не столь отдалённую губернию с более благоприятным климатом» (См.: *Ск-ев [Скропышев Я.С.]* Указ. соч. № 12. С. 578–579).

⁵⁶ Реки, впадающие в Обь справа по течению между Сургутом и местом слияния с Иртышом, были в то время «нанесены на карту топографами единственно по рассказам туземцев». См.: *Потанин Г.Н.* Заметки о Западной Сибири. С. 190.

⁵⁷ Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского // Русская старина. 1873. Т. 7. С. 743–745.

⁵⁸ *Абрамов Н.А.* Описание Берёзовского края // Записки Императорского русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857. С. 369–372.

⁵⁹ Шемякин суд в XIX столетии... С. 735–784.

управлять – и это надолго останется задачей для губернаторов Сибири». В то же время быт, одежда, жилища и верования остяков, судя по путевым заметкам, вызвали у Арцимовича живой интерес. В Берёзове его беспокоила судьба разваливавшейся церкви, возле которой предположительно был погребён Меншиков. Кроме того, ему хотелось изменить устоявшуюся традицию назначения в отдалённые районы губернии самых негодных или провинившихся служащих. «При настоящих условиях, – писал Арцимович, – признаю возможным несколько улучшить управление, посылая в этот край хороших чиновников на определённое время, именно, на три года, чтобы по истечении этого времени непременно предоставлять им право переходить на лучшие места в округи не столь отдалённые»⁶⁰.

Учитывая местные условия, тобольский губернатор пытался приостановить упразднение в городах Сибири выборных сословных судов, хотя ещё в июне 1846 г. Государственный совет счёл «необходимым уничтожить постепенно отдельные городские судебные места и всю судебную часть сосредоточить в уездных судах»⁶¹. Не боясь показаться ретроградом, Арцимович, «всегда ставивший закон выше своего личного мнения и исключительных, сословных интересов»⁶², исходил из того, что собственные суды «удовлетворяют и льстят самолюбию граждан», а в окружных судах Сибири, как и в соответствовавших им уездных судах центральной России, судья, как правило, «искусный взяточник», особенно тот, «который получил некоторое образование и изучил формы общежития», и от этого стал «гораздо опасней и вредней необразованного, но тщеславного и опасяющегося ответственности перед своим обществом, служащего по выборам городского обывателя». Заменив же сословное судопроизводство, «высшему правительству» и «губернским властям» пришлось бы взять «всю ответственность на себя» за неправильные решения общих судов по делам купцов и мещан, что могло вызвать недовольство жителей. Между тем было очевидно, что «передача дел из городских судов в окружные не изменит порядка к лучшему и злоупотребления не уничтожатся, а перейдут только из одного места в другое»⁶³. Однако остановить начавшийся после десятилетнего обсуждения процесс было уже невозможно. После отъезда Арцимовича сословные суды в виде эксперимента упразднили в Омске и Каинске, а через три года совет Главного управления Западной Сибири признал этот «опыт полезным» и предложил распространить его повсеместно⁶⁴. В 1864 г. все городские суды Тобольской губ. закрылись, а их дела передавались в общегражданские окружные инстанции⁶⁵.

Со временем Арцимовичу всё труднее было ладить с местной чиновничьей средой. «Мне невозможно подражать моим предшественникам, – писал он Гасфорду, – и я запятнал бы всю мою будущность, если бы шёл тем же путём и управлял губернией на тех же основаниях, которыми руководствовались

⁶⁰ См.: *Матханова Н.П.* Тобольский губернатор В.А. Арцимович и его записки о поездке на север губернии // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2013. № 3. С. 10–14.

⁶¹ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 1, оп. 2, д.521, л. 118 об.–119.

⁶² *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. Т. 2. М., 2008. С. 300.

⁶³ ГА ОО, ф. 3, оп. 3, д.4400, л. 30–32.

⁶⁴ Там же, л. 154–175.

⁶⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 62, д.4127, л. 7 об.–19 об.; Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 15 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). Тобольск, 1867. С. 159–168.

здесь до меня»⁶⁶. Критикуя сложившиеся порядки, Виктор Антонович неизбежно наживал врагов. «К сожалению, — признавал А.Н. Лещов, — в мире нашем добро вечно борется со злом, и насколько назначением нового губернатора были обрадованы люди честные и жаждавшие введения лучших порядков, настолько же недовольны стали те, кто почувствовал, что почва для их своекорыстных целей ускользает»⁶⁷. По словам Г.Н. Потанина, недруги Арцимовича в основном сосредоточивались в западносибирском Главном управлении: «Окружён Гасфорд также очень дурно. В Тобольске, правда, был губернатором Арцимович, который несколько старался пробудить жизнь в своей губернии, но встреченный обскурантизмом Омска (там находилась резиденция генерал-губернатора. — *Е.К.*), должен был перенести свою деятельность на более благодатную почву»⁶⁸. Впоследствии сенатор Я.А. Соловьёв отмечал: «В.А. Арцимович, по своему направлению, вполне принадлежал партии прогресса. Как губернатор одной из сибирских губерний, он на себе испытал неудобство генерал-губернаторской власти»⁶⁹.

Не случайно в 1858 г. Виктор Антонович принял участие в составлении записки министра внутренних дел, в которой резко доказывалась нецелесообразность намечавшегося тогда царём разделения всей территории империи на генерал-губернаторства⁷⁰. В случае осуществления данной меры С.С. Ланской и его товарищ Н.А. Милютин намеревались покинуть МВД. Да и Арцимович, перемещённый к тому времени в Калугу, «как губернатор, бежавший от генерал-губернаторской власти из Сибири, ужасался при мысли, что он опять встретится с этой властью и притом в виде ещё менее привлекательном»⁷¹. Александр II остался недоволен запиской, содержание которой его «глубоко огорчило», и написал на ней, обращаясь к Ланскому: «Я прочёл всё с большим вниманием и должен сказать Вам откровенно, что эта записка сделала на меня весьма грустное впечатление. Она, верно, составлена не Вами, а кем-нибудь из Ваших директоров департамента или канцелярии, которым предполагаемое новое учреждение крепко не нравится, ибо должно ослабить их власть и то значение, которым они привыкли пользоваться и часто употреблять во зло»⁷². Однако новые генерал-губернаторства император создавать не стал. А в 1882 г. было упразднено и Западносибирское генерал-губернаторство, после чего Тобольскую и Томскую губернии подчинили «общему порядку высшего управления»⁷³.

Служебные отношения Арцимовича с Гасфордом складывались довольно противоречиво. Начальник Западной Сибири ценил Виктора Антоновича и даже препятствовал его переводу из Тобольской губ. Однажды, всячески

⁶⁶ Из писем В.А. Арцимовича. I. Генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду. С. 799—800.

⁶⁷ Извлечение из исторической записки А.Н. Лещова об общем управлении Сибирским краем. С. 101.

⁶⁸ [Потанин Г.Н.] К характеристике Сибири // Колокол. 1860. 1 июня.

⁶⁹ Записки сенатора Я.А. Соловьёва о крестьянском деле // Русская старина. 1882. № 3. С. 578.

⁷⁰ Записка В.А. Арцимовича о предполагаемом учреждении генерал-губернаторств. (1858 год) // Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам с портретами. СПб., 1908. С. 456—467. Подробнее см.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856—1861. М., 1984. С. 112—113.

⁷¹ Записки сенатора Я.А. Соловьёва о крестьянском деле. С. 579.

⁷² Из записок Марии Аггеевны Милютиной // Русская старина. 1899. № 2. С. 280—281.

⁷³ ПСЗ-III. Т. 2. СПб., 1883. № 886.

нахваливая его в разговоре с Ланским, Гасфорд назвал Арцимовича «одним только честным и совершенно способным из всех служащих в Западной Сибири»⁷⁴. Вместе с тем он блокировал инициативы губернатора. По свидетельству Скропышева, Арцимович «в мае месяце 1856 г. всесторонне разработал вопрос о преобразовании тобольского губернского правления, как главного органа, заведующего полицией всей губернии». Но этому представлению «генерал-губернатор не дал дальнейшего движения, и оно так и заглохло в архиве главного управления»⁷⁵. Гасфорд явно нуждался в способном сотруднике, но чрезмерная независимость и неуступчивость подчинённого не могли не задеть самолюбие генерала, который был известен как «заносчивый, не терпящий рядом с собой самостоятельного мнения» человек⁷⁶. Важна была и безупречная репутация Арцимовича, резко контрастировавшая, например, с дурной славой генерал-майора В.А. Бекмана, являвшегося в 1851–1857 гг. томским губернатором и считавшегося «тираном, каких Европа не знала уже со времён инквизиции». Ходили слухи, будто он наслаждался пытками, рассказывали, в частности, про «засовывание несчастному допрашиваемому лицу мокрого платка в рот, пока не начинал человек задыхаться, и кровь не показывалась из горла»⁷⁷.

Несмотря на препятствия, Арцимовичу удалось многое сделать в губернии. За время его управления «вырешено было как в административных, так и в судебных инстанциях весьма значительное количество дел, лежавших без движения по десяти и даже более лет»⁷⁸. Он эффективно организовывал борьбу с последствиями ежегодных наводнений, быстро завершил строительство тюрьмы, открыл в Тобольске Мариинскую женскую школу и изменил облик губернского города, разбив сад у памятника Ермаку и осветив улицы спиртовыми фонарями⁷⁹. При нём начался выпуск «Тобольских губернских ведомостей»⁸⁰. В целом «его губернаторство оказало большое влияние на жизнь всего края, сделалось событием, о котором вспоминали долгие годы»⁸¹. Яркий отзыв оставил П.П. Ершов, служивший тогда директором тобольской гимназии и губернских училищ: «Я, помнится, писал тебе, что дел у меня порядочная куча. Помощником, пока, один Бог да истинно достойный начальник наш, тобольский губернатор Виктор Антонович Арцимович. Поверь мне, если б Россия была так счастлива, что хотя б в половине своих губерний имела Арцимовича, то Щедрина пришлось бы голодать, не имея поживы для своих “Губернских очерков”. Когда-нибудь, на досуге, я расскажу тебе об этой замечательной личности, а теперь порекомендую только заглянуть в наши “Тобольские ведомости”. Тут

⁷⁴ *Ск-ев* [Скропышев Я.С.]. Указ. соч. № 12. С. 573.

⁷⁵ Там же. № 11. С. 40.

⁷⁶ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 122.

⁷⁷ *Гурьев Н.А.* Сибирские чиновники былого времени // Сибирский наблюдатель. 1901. № 6. С. 35; Из Сибири (Отрывки из писем к издателю Колокола в 1862 г.) // Сибирь и русское правительство. Несколько объяснительных заметок и документов из прошедшего времени. Лейпциг, 1878. С. 29.

⁷⁸ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 113.

⁷⁹ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / Под ред. В.В. Коновалова. Тюмень, 2000. С. 292–297.

⁸⁰ *Шевцов В.В.* «Тобольские губернские ведомости» (1857–1867) в период губернаторства В.А. Арцимовича, А.В. Виноградского и А.И. Деспот-Зеновича // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1. С. 5–14.

⁸¹ *Александрова Н.Н.* Общественная жизнь Западной Сибири в середине 50-х – начале 60-х гг. XIX века (по материалам «Тобольских губернских ведомостей»). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 77.

ты увидишь, что можно сделать, в самое короткое время, при умном, благонамеренном и деятельном начальнике»⁸². П.П. Семёнов, проезжавший через край в 1856 г., несколько идеализируя, конечно, ситуацию, вспоминал: «Однако и в то время в административном мире Западной Сибири пробивалась свежая струя светлых личностей. Не говоря уже о тобольском губернаторе (впоследствии сенаторе) Арцимовиче, сумевшем упорядочить всё тобольское губернское управление»⁸³.

Сам Арцимович оценивал свои достижения в крае гораздо скромнее. По его словам, «только начальник злоупотребитель нашёл бы здесь много помощников и был бы силён»⁸⁴. Выполнить намеченное ему не удалось. «Несмотря на всё стремление и заботливость Вашего превосходительства, — писал он Гасфорду, — строгие и подробные ревизии и мои посильные труды об устройстве окружных судов, места сии далеко не соответствуют видам правительства, полагаю даже... и невозможным достигнуть существенных улучшений по этой части управления, при условиях службы в судебных инстанциях первой степени и недостатке образованных юристов и во внутренних губерниях»⁸⁵.

Вместе с тем за четыре года, проведённые им в Сибири, В.А. Арцимович приобрёл бесценный опыт, весьма пригодившийся ему затем в эпоху Великих реформ⁸⁶. Но этот же опыт свидетельствовал о том, что на периферии империи ресурсы, находившиеся в распоряжении нового поколения чиновников — деятельных, квалифицированных и дальновидных специалистов со свежим и самостоятельным мышлением — были ещё недостаточны и не позволяли одержать верх над вековыми традициями.

⁸² Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конёк-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А.К. Ярославцова. СПб., 1872. С. 158.

⁸³ Семёнов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1947. С. 73.

⁸⁴ Из писем В.А. Арцимовича. I. Генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду. С. 800.

⁸⁵ ГА ОО, ф. 3, оп. 3, д.4400, л. 31—31 об.

⁸⁶ Кони А.Ф. К.К. Грот и В.А. Арцимович // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 5. М., 1911. С. 225.

Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в.

Гульбану Избасарова

Amanat in the traditional Kazakh society and the Russian policy in the 18th century

Gulbanu Izbassarova (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Обычай брать аманатов (заложников) из представителей аристократических родов, сыновей или братьев правителей уходит корнями в древность. После включения в состав России казахов Младшего жуза¹ важной задачей стало удержать их в составе империи. На осваиваемых ею территориях², в том числе казахских, аманатство стало составной частью политики российского правительства.

Как понимали этот социально-политический институт представители русской администрации и как к нему относились казахи в рамках своей национальной психологии; являлось аманатство средством удержания местных правителей в рамках послушания или инструментом принуждения и оказания давления – рассмотрению этих вопросов и посвящена данная статья.

В казахском обществе аманатство толковалось широко – в традиционной среде оно имело правовое и морально-этическое значение³. Кочевники (в том числе казахская верхушка) первоначально понимали его в качестве наказа и обязанности. В указе императрицы Елизаветы Петровны от 1759 г. отмечалось «введенное издавна обыкновение содержать в Оренбурге в аманатах киргиз-кайсацких ханов детей, которые для них всегда и немалым *обязательством* (курсив мой. – Г.И.) служили»⁴.

Изначально аманатство являлось условием сохранения мирных отношений между враждовавшими племенами или народами. Прежде всего его использовали арабы, персы, крымские татары, казахи, азербайджанцы и народы Северного Кавказа (аварцы, ингуши, кабардинцы и т.д.). В качестве заложничества аманатство применяли и представители российской администрации. В частности, начальник Оренбургской комиссии в 1737–1739 гг., тайный советник В.Н. Татищев, так объяснял данный термин: «На збережение, которые междо воюющими во время какого переговора для безопасности от одного другому люди знатные даются, доколе договорятся или оставят и оных паки разменяют. Другое, от ненадежных подданных берутся знатных людей дети и братья

© 2017 г. Г.Б. Избасарова

¹ Младший жуз занимал территорию современного Западного Казахстана.

² Гренёв А.В. Туземцы-аманаты в русской Америке // Клио. 2003. № 4(23). С. 129.

³ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Т. 1. Алматы, 2011. С. 168.

⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГА ОО), ф. 3, оп. 1, д.49, л. 45.

родные, как то у нас от многих степных народов, тако, яко от горских, татарских и других народов берутся и на довольном пропитании содержаться»⁵.

По мнению В.В. Трепавлова, русские заимствовали институт аманатства (заложничества) из ордынской политической практики, которая восходила к мусульманской традиции отношений с кочевниками⁶. Так, дети «собирателя Руси» Ивана Калиты были в Орде своего рода заложниками. Тверской князь Александр Михайлович в борьбе за великое княжение Владимирское осенью 1338 г. отправил сына Фёдора к хану Золотой Орды Узбеку (1312–1342), с одной стороны, как представителя князя в ханской ставке, с другой – как заложника⁷.

Так, самых близких и дорогих людей отдавали в заложники как гарант исполнения принимаемых на себя обязательств. Но за их неисполнение именно аманаты могли навсегда лишиться свободы, а иногда и жизни. Заложничество было характерно и для Османской Порты. Например, крымский хан Менгли-Герей по требованию султана Селима I (1512–1520) отправил к его двору своего любимого сына Сеадат-Герей (первый случай в истории крымско-турецких отношений)⁸. Крымские чингизиды были недовольны тем, что хан не желал «вступать в открытую вражду со свирепым султаном»: «Разве мы слуги османам, что ли?! Что же он равняет нас с гяурами, коли ставит заложничество основанием мира? Ни царевич пусть не едет к нему, ни из нас никто не считает этого приличным. Куда же девалась наша честь и достоинство, что падишах ведет подобные речи?! Он еще, видно, не знает хорошенько рода чингизова, что оскорбляет обычаи чингизские!»⁹.

Казахские ханы и султаны отправляли своих детей в аманаты к джунгарскому хунтайджи (титул правителя Джунгарского ханства. – *Г.И.*). В 1742 г. российскую Коллегию иностранных дел (далее – КИД) встревожил тот факт, что Средний казахский жуз во главе Абулмамбет-ханом, Барак-султаном и Аблай-султаном передавался в джунгарское подданство¹⁰: хунтайджи Галдан Церен потребовал уплаты дани от владельцев Среднего жуза и присылки аманатов, угрожая в случае отказа войной. В декабре того же года Абулмамбет отправил в Джунгарию своего сына Абулфеиза, а спустя полтора года его «сменил» Шигай – сын Барак-султана.

Институт аманатства широко применяли и в Цинской империи. По конфуцианским традициям залог людьми отрицался, поэтому в китайской дипломатической практике его называли «воспитанием при дворе чужеземца»¹¹. Знатный заложник придавал блеск императорскому двору, являлся живым свидетельством мощи Поднебесной. Отправлявшиеся в Пекин или его пограничные районы аманаты – дети и родственники правителей «соседних» территорий – выступали гарантами решения политических или экономических вопросов и политического равновесия. Для Китая, отмечает К.Ш. Хафизова, также было

⁵ *Татищев В.Н.* Лексикон Российский исторической, географической, политической и гражданской // *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 162.

⁶ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления подданства у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 140.

⁷ *Борисов Н.С.* Иван Калита. М., 1997. С. 245.

⁸ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 379, 395.

⁹ Там же. С. 383.

¹⁰ *Крафт И.И.* Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1782 г., относящихся к управлению киргизами. СПб., 1901. С. 9.

¹¹ *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии в XIV–XIX вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С. 31.

характерно держать захваченных во время военных действий или отвоёванных у джунгар аманатов, которые никогда не возвращались на родину¹².

Что касается России, подписание договора вкупе с присягой на верность, требованиями платежа ясака и дачи аманатов входило в обычную практику завызывания государством первоначальных отношений с нерусскими народами Поволжья и Сибири начиная ещё с XV в.¹³ Договоры, заключённые с туземной знатью этих регионов, считает М. Ходарковский, воспринимались Москвой (и тем более Петербургом) не в качестве взаимных, а лишь как «клятва верности нехристианских народов московскому сюзерену». Также договоры (и присяга на верность) изначально были нацелены на трансформацию статуса этих ранее независимых народов, их дальнейшую политическую интеграцию в состав Российского государства¹⁴. В XVIII в. в Астрахани, Терской и Кизлярской крепостях, Святом Кресте, Моздоке и Уфе содержались посланные чеченскими, калмыцкими, кабардинскими и ногайскими владельцами аманаты. Согласно данным Сотавова, в 1726–1727 гг. их как залог верности России отправляли десятки правителей и старшин Дагестана, Кабарды и Чечни¹⁵. Г.А. Кокоев уточняет, что «в Терках в начале XVIII века аманатов было 14 человек, в Святом Кресте в 1733 году – 18 человек, в Кизляре в 1760 году – 20 человек»¹⁶; возраст их составлял от 3 до 26 лет. В 1763 г. в Кизляре в аманатах находились дети кабардинских и калмыцких владельцев, а в Оренбурге – сын казахского хана Нурали.

Отправленное в 1730 г. казахским ханом Абулхайром¹⁷ посольство – с просьбой о принятии под протекцию России казахов Младшего жуза – достигло успеха. 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о новых подданных. Для принятия от хана присяги на российское подданство в Степь отправилось посольство во главе с переводчиком восточных языков КИД А.И. Тевкелевым. По требованию своего ведомства он не стал настаивать на выдаче аманата во время первой встречи с ханом, состоявшейся в октябре. Кроме того, Тевкелев получил указания: в случае отказа Абулхайра платить ясак и давать в Уфу аманатов, от него следовало добиться лишь подписания «пунктов» и выполнения обещания жить «в миру». Это сообщил и сам

¹² Там же. С. 30.

¹³ *Сухих О.Е.* Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 138–139.

¹⁴ *Khodarkovsky M.* Ignoble Savage and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917.* Indiana, 1997. P. 13–14; *idem.* *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800.* Bloomington, 2002. P. 51–56. В период покорения Кавказа (1817–1864) русские военные часто использовали детей горских князей и старшин в качестве заложников. При захвате дагестанского города Акуша генерал А.П. Ермолов взял 24 аманатов и оставил их в Дербенте (*Ермолов А.П.* Записки. 1818–1825 // *Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века.* СПб., 2000. С. 54).

¹⁵ *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. М., 1991. С. 75.

¹⁶ *Кокоев Г.А.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // *Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения (Сталинир).* 1933. Вып. 1. (Отдельный оттиск). С. 193.

¹⁷ Абулхайр Мухаммед Кажы Бахадур (1693–1748) – хан Младшего жуза казахов в 1710–1748 гг.; сторонник сильного государства, которое пытался создать, опираясь на помощь России; в 1731 г. инициировал вхождение Младшего жуза в состав Российской империи.

хан: «В начале, когда к нам, к казахскому журту, явился Тевкелев мурза, он не предъявлял требования детей и отдачи сына»¹⁸.

Почему же не делался упор на взятие аманатов? Видимо, такой метод сочли неэффективным. Правильность этого шага вскоре подтвердилась в ходе взаимоотношений российского правительства с башкирами. В инструкции, полученной 18 мая 1734 г. И.К. Кирилловым, направленным в Оренбургский край, был раскритикован данный институт: «От худых в том содержании порядков, худых людей и в аманаты давали, какие и ныне есть, что башкирцы дву дорог самые последние люди держаться, до которых, хотя б они век свой тут окончали, башкирцам нужды нет»¹⁹.

Взамен заложничества предлагалось от каждого народа учредить в главном пограничном городе особые суды во главе с представителями российской администрации. В деятельности этих органов должны были участвовать «тоlikое же число лучших людей, ханских детей, из солтанов и из старшин, и к тому при суде другие мелкие чины, по обстоятельству каждого народа»²⁰. Один—два года здесь находились бы и знатные казахи, которые — что очень важно — в соответствии с местным правом занимались бы делами новых подданных (однако такие суды ещё не скоро появятся в Оренбургском крае).

Заложниками от Младшего жуза казахов стали члены семьи хана Абулхаира и родившиеся от его старшей жены Бопай дети. Первым аманатом был их сын Ералы. В 1732 г. 11-летнего наследника в качестве посланника хана вместе с его 50-летним двоюродным братом Ниязом отправили в Санкт-Петербург. 10 февраля 1734 г. казахское посольство было на приёме у её императорского величества²¹ (о чём сообщили «Санкт-Петербургские ведомости»²²).

Через некоторое время в Степь вернулись старшины, сопровождавшие Ералы, а он остался в крепости. В связи с начавшимся голодом в городе сына хана на некоторое время отпустили домой²³. Но с августа 1735 г. по 1738 г. Ералы в качестве аманата оставался в Оренбурге (возник у слияния рек Ори и Яика)²⁴. Называя своего сына послом при российском дворе, Абулхаир не считал его заложником, но уже в 1740-х гг. вынужден был признать обратное.

10 июля 1738 г. к тайному советнику В.Н. Татищеву прибыл ранее отправленный к Абулхаиру башкирский старшина Таймас²⁵. Он доложил начальнику, что Бопай-ханым спрашивала его про Ералы и, сердясь, сказала: «Для чего у сына моего со шпагами караул поставили?»²⁶. Таймас заявил, что

¹⁸ Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751) / Отв. ред. М.П. Вяткин. Т. 2. Ч. 2. Алма-Ата, 1948. С. 73.

¹⁹ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 14.

²⁰ Там же, л. 14 об.

²¹ *Крафт И.И.* Тургайский областной архив... С. 3; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов / Под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата, 1961. С. 53—54; Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). Т. 2. Ч. 2. С. 73.

²² Санкт-Петербургские ведомости. 1734. № 13. С. 4.

²³ *Иснатов Р.* Киргизы Оренбургского ведомства // Оренбургский листок. 1880. № 27.

²⁴ *Матвиевский П.Е.* Очерки истории Оренбургского края XVIII—XIX веков. Оренбург, 2005. С. 19.

²⁵ Таймас Шаимов — башкирский тархан (титул; после присоединения Башкирии к Российскому государству его получали за особые дипломатические, военные и другие заслуги; тарханы освобождались от налогов и повинностей), батыр Сибирской дороги участвовал в посольской миссии Тевкелева в Младший казахский жуз в 1731—1732 гг.

²⁶ *Татищев В.Н.* Экстракт ис полученных известий о киргис-кайсацких и башкирских обращениях. 12 августа 1738 г. // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 24.

императрица не имела никакой выгоды от жития Ералы, а «вам прибыль есть, потому что он всегда получает жалованье», а «караул поставлен для его чести, ибо-де по указу нашей государыни и у генералов, и у полковников караул по их чести ставят»²⁷. Он объяснил казахским батырам и биям, что Ералы, как и дети многих владельцев, жил при государыне как их залог «правды и верности России».

Абулхаир не раз просил заменить Ералы Кожа Ахметом — третьим сыном хана от Бопай-ханым. Тем временем в российской столице ждали от оренбургского начальства следующих уточнений: «Ходжа Ахмет прямой его Абулхайров сын и от единой матери с Эрали салтаном рожден, и в таком ли равном люблений родители его содержат, как упомянутого Эрали Салтана?»²⁸. Такая тщательная проверка происхождения отпрыска хана объясняется тем, что некоторые народы заменяли аманатов бедными детьми или рабами, выдавая их за своих родных потомков.

Обида, вызванная запретом администрации Оренбурга на замену аманата, и нежелание Абулхайра выполнять её условия принятия российского подданства стали причинами участия хана в башкирских восстаниях 1735—1738 гг. Зимой 1737/38 г. он провёл среди восставших и женился на дочери одного из башкирских старшин Отнохорта²⁹. Затем Абулхаир попытался сделать Кожа Ахмета ханом Башкирии. Боязнь объединения казахов и башкир вынудила российское правительство разрешить замену аманата. Татищев «выбрал» Кожа Ахмета, и тот «сменил» своего старшего брата 27 августа 1738 г.³⁰ Заложникам «при отпуске» из Оренбурга выдавались денежные награды и сабли³¹ — Ералы получил пансарь, ружьё и саблю³². К обучению же султана Кожа Ахмета, содержавшегося за счёт Оренбургской губ., обещал приступить сам тайный советник.

Однако в 1743 г. Абулхаир просил администрацию заменить уже Кожа Ахмета: «Некоторые малоразсудные кайсаки его, хана, тем порицают, и от них он имеет зазрение»³³. В апреле следующего года Абулхайру, который первый «пришёл» в подданство Российской империи и заботился об удержании казахов от набегов на её территорию, сообщили «милостивое решение»: чтобы его дети «в надлежащем по состоянию их и с честью хана сходственным, обучении и сведении были, повелено детей ханских содержать в С.-Петербурге, а не на границе и тем уничтожить укоризны и непристойные толкования»³⁴.

Инициатива содержания Кожа Ахмета в столице исходила от оренбургского губернатора (1744—1758) тайного советника И.И. Неплюева. В совместном донесении Неплюева и генерал-майора Штокмана в КИД от 4 марта 1744 г. сообщалось: «Содержание его (Кожа Ахмета. — *Г.И.*) впредь в тамошних местах представляют крайне невозможным и требуют, чтоб оного султана содержать в резиденции Е.И.В.»³⁵. Это объяснялось тем, что в 1743 г. казахи не раз напали на волжских калмыков и русские селения. Находясь на чужбине, молодой

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 25.

²⁹ ГА ОО, ф. 2, оп. 1, д.3, л. 39 об.

³⁰ Более подробно см.: *Татищев В.Н.* Экстракт ис полученных известиев... С. 15—63.

³¹ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 113 об.

³² *Тевкелев А.* Журнал происходящим по комиссии брегадира Тевкелева киргиз-кайсацким делам 1748 года // История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. 3. Алматы, 2005. С. 252.

³³ *Крафт И.И.* Тургайский областной архив... С. 13.

³⁴ Там же. С. 13.

³⁵ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 30 об.

аманат начал «производить не порядки» и пытался бежать из Сорочинской крепости, после чего были усилены меры по её охране. Определив здесь иррегулярную команду в составе 200 человек³⁶, приняли решение о содержании Кожа Ахмета в Санкт-Петербурге.

В конце октября 1744 г. Абулхаир отправил императрице Елизавете письма, в которых просил позволения быть аманату на приёме при царском дворе, а потом весной отправить его (с награждением) на родину – в Орду. Хан даже согласился на строительство в Оренбурге дома для сына, «где б ему завсегда приезжать и выезжать было позволено». Так как смерти не минует никто, то молодому султану всё равно где жить, писал Абулхаир и приводил слова его братьев и детей: «Кто де туда ездит, тот назад не возвращается, ибо де, хотя кто к калмыкам ездит, те и от них скорее возвращаются»³⁷.

В январе 1745 г. Кожа Ахмет и находившиеся при нём трое старшин прибыли в Москву, а 30 марта – в Санкт-Петербург. Здесь султан находился более года³⁸. Это время тосковавший по родине Кожа Ахмет называл «весьма скучным» и беспрестанно просил отпустить его в Орду. По поводу целесообразности такого решения КИД обратилась к Неплюеву, опасаясь, чтобы от скуки султан не сделал какой-нибудь «непристойности». Инцидент всё же произошёл – 5 января 1746 г. между аманатом и одним из старшин – Казбеком произошла ссора, которая переросла в драку и чуть не закончилась убийством Кожа Ахмета. В итоге, по словам Тевкелева, Правительствующий Сенат принял решение о содержании султана в Татарской слободе, расположенной рядом с Казанью.

22 марта 1746 г. Кожа Ахмета отправили на новое место жительства. Однако вскоре он влюбился в дочь одного татарина и потребовал «её за себя в замужество»³⁹. Аманату разрешили жениться (после того, как предложение Неплюева об этом одобрила КИД), так как выбранная татарская девушка происходила из знатного рода и не должна была жить «по-степному», следовательно могла стать для других примером «к лучшему человеческому житью»⁴⁰. Но по указу Сената от 4 сентября 1746 г. казахам запрещалось жениться на башкирках, казанских и оренбургских татарках, а башкирам и татарам – на казашках (астраханский губернатор должен был следить за исполнением указа и в отношении кизлярских татар)⁴¹.

Тем временем приближённый Абулхаира Джанибек-тархан возбудил ходатайство о замене Кожа Ахмета другим сыном хана – Чингизом – и об отправке вместе с ним нескольких сыновей старшин Младшего и Среднего жуза. В КИД посчитали замену возможной, но окончательное решение вопроса предоставили Неплюеву. Оренбургская администрация отказалась принять Чингиза, так как он был рождён не Бопай, а младшей женой хана калмычкой-торгоуткой Баян⁴².

³⁶ Материалы по истории Казахской ССР (1741–1751). С. 90.

³⁷ Там же. С. 112.

³⁸ Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 15.

³⁹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 214; ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д.95, л. 193; Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 17.

⁴⁰ ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д.236, л. 3; л. 40 об.; Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 20.

⁴¹ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 40 об.

⁴² Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 1999. С. 292; Поколенная роспись династий казахских ханов и султанов и описание родоплеменного состава трёх жузов // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 3. С. 300.

Расширявшийся хан заявил явившимся от Неплюева переводчикам, что «я-де вас, яко собак, у себя заморю»⁴³. Вскоре казахи, призванные Абулхаиром к нападению на пограничные поселения, «около Оренбурга в плен забрали 96 русских и 4 иноверцев»⁴⁴. Но аманат не понёс наказания за поступки своих соотечественников — это не входило в практику дипломатических отношений Российской империи.

Отказ Неплюева принять султана Чингиза — побочного сына Абулхаира — стал продуманным шагом в подрыве его авторитета в Степи. Предоставление правителем своего отпрыска в аманаты иностранному государству не являлось частным делом этого лица, а представляло собой, по сути, международно-правовой акт. Он означал признание «дающим» определённых политических обязательств перед принимающей стороной и установление отношений взаимозависимости⁴⁵. Невозможность добиться смены аманата могла обернуться для хана внутривосточными осложнениями, стать показателем его бессилия и невысокого международного престижа. Этими соображениями и мотивировал Абулхаир своё требование о возвращении Кожа Ахмета в Степь. 7 ноября 1743 г. в прошении императрице Елизавете хан писал: «Здесь бии и лучшие люди киргиз-кайсаков (казахов. — *Г.И.*) и журт (население; народ. — *Г.И.*), говорят: эй, хан, журты равные нам, как-то: верхние калмыки — Галдан Чирин, шуршуты — китайцы, персияне — окружающие журты, стали народами (равноправными) не тем, что отдали сына своего хана». Казахи говорили ему: «Ты сам отдал своего сына, приготовив его как животное». Хотя Абулхаир просил: «Окажите нам милосердие, отпустите Хожа-Ахмета... Тогда наши слова были бы более вескими в глазах злоязычных и наших врагов»⁴⁶, но в Оренбурге не торопились решать вопрос о смене аманата.

Озлобленный хан говорил вахмистру Ивану Уракову⁴⁷, что до весны (1745 г. — *Г.И.*) подождёт известий из столицы, но даже нахождение собственного сына в России не удержит его, «если не будет в сердце верности». Кожа Ахмета он рассматривал как умершего человека — тот был «заперт в пустой крепости, где нет людей и торго». Хан напоминал, что сына его взяли не «из-под сабли», и был возмущён его положением. Он сравнивал Кожа Ахмета с сыном хана Среднего жуза Абулмамбета, взятого силой в аманаты джунгарами, который сообщал, что «и тут держат со сменою»⁴⁸. Абулхаир заявил: «Что или де хотят меня привести как башкирцов или калмык, токмо де так не приведут».

⁴³ *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань, 1897. С. 682—695; *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 14.

⁴⁴ ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д.24, л. 9; ОР РГБ, ф. 222/8, л. 43.

⁴⁵ *Ерофеева И.В.* Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731—1759) // История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. 3. С. 30.

⁴⁶ Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). С. 74.

⁴⁷ Иван Ураков — вахмистр Уфинского гарнизонного драгунского полка; в 1742 г. отправлен в ставку Абулхаира для наблюдения за событиями, происходившими в Младшем казахском жузе; 31 октября 1744 г. вернулся в Оренбург и в губернской канцелярии сообщил, что хан велел ему возвратиться, так как не может его содержать зимой. Главная же причина заключалась в том, что Кожа Ахмет попросил отца, чтобы «находящихся при нем русских офицеров он отослал обратно. Молодой султан передавал, пусть 1000 и больше человек будут содержаны при хане, но ему молодому султану здесь не будет никакой пользы от этого» (Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). С. 76).

⁴⁸ Там же. С. 114.

Таким образом, данный конфликт вышел за пределы личного столкновения хана и оренбургского губернатора.

В 1746 г. кризис во взаимоотношениях Неплюева и Абулхаира достиг «пика». В течение восьми лет хан не приезжал в Оренбург, а беспокойства на границе усилились. Губернатор предлагал «одними яицкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца, и тем их в страх привести». Но в КИД его не поддержали. По представлению канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина императрица Елизавета указом от 7 июля 1747 г. распорядилась направить из столицы в Оренбург бригадира Тевкелева, которому поручила разрешить конфликт между тайным советником и ханом⁴⁹. Последнему Петербург пошёл на уступки. В полученной бригадиром инструкции предусматривалось, что в случае упорного нежелания Абулхаира отдать в аманаты вместо Кожа Ахмета другого сына от ханши Бопай, нужно будет согласиться на принятие Чингиза⁵⁰.

Хану об этом решении императрицы Тевкелев не сообщил⁵¹. Он был настроен взять в аманаты брата Кожа Ахмета – Айшуака, который из-за малолетства ранее не рассматривался как кандидат, но был умён и обладал сильным характером. Так, когда на собрании казахских старшин (более 500 человек)⁵² решался вопрос об отправке Айшуака в аманаты, тот выдвинул ультиматум: поездка состоится, но только если вместе с ним окажутся дети знатных старшин – его будущие товарищи. Тевкелев отреагировал на это решение с удовольствием. Он возлагал на новых аманатов большие надежды: «Станут насматриваться российских добрых порядков и полезные учреждения примечать, то они будут уже и знать и рассуждать, что есть доброе основание, какое от того благополучие и польза, или от чего происходят худые следствия со вредом народа, и тогда, как они возвратятся в свою орду, не токмо они сами находиться будут с их ординскою пользою, но и многих неразумных людей и недоброежелателей спокойного жития наставлением и увещеванием в доброй и полезной порядок привести могут»⁵³.

2 июня 1748 г. в Орск прибыли Тевкелев и Кожа Ахмет для встречи с отцом, братьями и замены Айшуаком. В 20-х числах июля в городской крепости в присутствии Абулхаира аманатом стал Айшуак, при котором были ещё четверо (по другим источникам – пятеро) отпрысков знатных старшин⁵⁴. Содержание султана и детей старшин шло за счёт российской казны. Ежегодно на подарки ханам и старшинам выделялись 1 500 руб., из них 500 руб. – на содержание аманатов⁵⁵, которые могли взять провизию деньгами или натурой.

При «смене» Кожа Ахмета Абулхаир согласился менять аманатов каждый год⁵⁶, но в середине августа 1748 г. его убили. Этому предшествовало следующее событие. Зимой 1747/48 г. резко ухудшились отношения между ханом Младшего жуза и его давним соперником султаном Бараком. Тогда люди Абулхаира «перехватили» свадебное посольство, направлявшееся от хивинского хана Каипа к султану. Дары, предназначавшиеся в качестве выкупа за соватанную у Барака дочь, были расхищены. В ответ султан напал на подвластных хану

⁴⁹ Сначала какое высокое разсуждение было и с пользою признано киргиз-кайсацкие орды в потданство Российской империи о принятии способы искать // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 3. С. 321–322.

⁵⁰ Поколенная роспись династий казахских ханов... С. 32.

⁵¹ Тевкелев А. Указ. соч. С. 216.

⁵² Там же. С. 214.

⁵³ Там же. С. 199.

⁵⁴ ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 95, л. 94.

⁵⁵ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 269.

⁵⁶ ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 24, л. 9 об.

каракалпаков. Абулхаир выехал с небольшим числом людей для разбора дела, встретился с вражеским отрядом и в неравной схватке был убит.

10 июля 1749 г. ханом стал старший сын Абулхаира Нуралы. 9 августа Неплюев сообщил в Санкт-Петербург, что вместо Айшуака в аманаты приняли младшего брата Нуралы – султана Адиля, при котором оставили троих старшин и пятерых старшинских детей⁵⁷. Все эти люди, отмечал тайный советник, кроме провизии, получили ещё и казённую одежду⁵⁸.

Тевкелев полагал, что после смерти хана Абулхаира его дети, хотя и будут признаны в качестве аманатов своих братьев, рождённых от других жён их отца, но старшины откажутся выполнять данное распоряжение. Ещё в 1748 г. от Нуралы потребовали в аманаты его детей, но тот отказал, сославшись на их малолетство, хотя в данном случае речь могла идти и о младенцах. Например, в 1746 г. Абулхаиру сообщали, что есть возможность заменить Кожа Ахмета другим сыном, рождённым от ханши Бопай, или внуком⁵⁹.

В 1750–1769 гг. 12 малолетних сыновей Нуралы были аманатами. Однако, как отмечалось в указе КИД, ещё до них в таком положении находились их ровесники – дети черкесских правителей⁶⁰. Смерть двух аманатов от хана Нуралы (последнего – Урдугали в 1769 г.) и неэффективность заложничества в целом привели в дальнейшем к отмене этого социально-политического института.

Отношение к статусу и составу аманатов стало меняться в период правления оренбургского губернатора А.Р. Давыдова (1759–1763). Если ранее хан и его ближайшие сподвижники решали вопрос, кому быть аманатом, и в таком качестве рассматривались только дети хана и знатные султаны, то теперь ими могли стать представители новых родов. По мнению Давыдова, для безопасного следования купеческих караванов через казахскую степь необходимо было содержать в Оренбурге в качестве аманатов старшин и старшинских детей, в особенности от рода шекты, как самого сильного. Уже имелся опыт бухарских купцов, которые за высокую плату нанимали для сопровождения своих караванов представителей именно этого рода и проходили свой путь благополучно. Губернатор говорил о необходимости уговорить высоких представителей шекты дать старшин в аманаты, а в случае отказа взять силою тех из них, кто будет приезжать в Оренбург к меновому двору⁶¹. В КИД были против насилия, посчитав, что оно послужит поводом для грабежа тех самых караванов, о безопасном проезде которых и беспокоились. Поэтому предлагалось уговорить знатнейших из шекты, чтобы они дали аманатов или приняли на себя безопасное препровождение караванов. Для этой цели из казны даже обещали выдать деньги⁶².

Ещё в 1751 г. в крепостях и форпостах как залог спокойствия в период перехода на внутреннюю сторону Яика появились казахские аманаты от старшин родов⁶³, после 1770-х гг. – от старшин и «лучших» людей. С 1805 г. по предложению Оренбургской пограничной комиссии стали брать заложников от казахов, которых пускали со скотом за Урал, прибывших на зиму к Оренбургской линии⁶⁴. Высочайший указ от 17 июля 1808 г. повелевал оставлять аманатов от

⁵⁷ Там же, д. 95, л. 196.

⁵⁸ Там же, л. 196 об.

⁵⁹ Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 17.

⁶⁰ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 57 об.

⁶¹ Там же, л. 113–113 об.

⁶² Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 99.

⁶³ Там же. С. 57.

⁶⁴ ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 236, л. 6 об.

почётнейших казахов (преимущественно у родоначальников)⁶⁵, выступавших в качестве залога их ненападения на российские крепости — там заложники находились до окончания кочёвки.

В заключение отмечу: именно дистанция между казахскими культурными и русскими политическими представлениями в толковании понятия «аманатство» заставила казахскую элиту (дом Абулхаира после аманатства Кожа Ахмета) пересмотреть его значение. Понимание этого слова постепенно структурировалось и в кочевой среде — обычай приобрёл новое социально-политическое значение в казахско-русских отношениях.

Российская администрация использовала аманатство во внутренней политике. «Вертикальное» заложничество (с позиции власти) породило один из действенных правовых инструментов того времени — договор залога⁶⁶. Институт аманатства стал видом правовых правил для регулирования отношений между Российской империей и Младшим казахским жузом, а также средством удержания местных правителей в рамках послушания. Казахские аманаты не несли ответственности за действия своих соплеменников в Степи, были неприкосновенны, содержались за счёт казны (правда, выделяемые суммы иногда менялись), а российская администрация оказалась более терпимой, чем Джунгарское ханство и Цинская империя.

Ещё в середине XVIII в. русские администраторы поставили вопрос об исключении аманатства (заложничества) из практики взаимоотношений с подданными народами, в том числе с казахами (Рычков и Тевкелев выступали против данного института). Из-за складывавшихся в Младшем жузе нестабильных отношений российская сторона вынуждена была искать новые средства (невыплата хану жалованья или задержка знатных казахов, прибывших для торговых целей в Оренбург), чтобы заставить казахов выполнять принятые ими обязательства.

В 1735–1769 гг. аманатами были четыре сына хана Абулхаира и 12 детей Нуралы. С 1770-х гг. институт аманатства потерял элитарный характер и в приграничные крепости в качестве заложников стали отправлять уже представителей «чёрной кости».

К 1820-м гг. стало актуальным внедрение административных порядков Российской империи во внутреннее устройство казахского общества. Согласно «Утверждённому мнению Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» (1824) в Младшем казахском жузе была создана новая государственно-административная система управления. Аманатство потеряло своё значение с появлением линейного, степного и дистанчного (с 1831 г.) управления. На местное начальство в лице султанов-правителей, дистанточных и аульных начальников возлагались надзор за поведением казахов, «содержание их в верности и послушании», искоренение всякого самоуправления и т.д. Методы военно-полицейского нажима данной системы оказались результативными. В 1837 г. было введено налогообложение казахов Оренбургского ведомства и те перешли из формального подданства в фактическое. Инкорпорировав казахов в налоговую, административную и правовую структуры, Российская империя постепенно превратила свою бывшую окраину во внутреннюю губернию.

⁶⁵ Там же, л. 64 об.

⁶⁶ *Перевалов В.Д.* Истоки юридических знаний // *Материалы круглого стола «Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования».* Екатеринбург, 2013. С. 14.

Социально-экономическое положение киргизов и дунган Семиречья накануне восстания 1916 г.

Джамия Маджун

Social and economic situation among the Kirgiz and Dungan population of the Central Asia on the eve of the uprising of 1916

Djamiya Madzhun (Centre for Dungan and Chinese studies, National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyz Republic)

Присоединение Казахстана и Средней Азии к России способствовало развитию здесь новых капиталистических отношений, освоению земель, росту торговли, городов, селений, созданию экономической и транспортной инфраструктуры. Бурное экономическое развитие Туркестанского края стало возможным благодаря появлению необходимых предпосылок для мирной жизни как условия дальнейшего экономического роста. По мнению ряда исследователей, с годами Туркестанская колония превращалась в полноправную часть метрополии, поскольку царская администрация начала проводить политику слияния окраин с империей, в результате чего местное население (казахи и киргизы*) со временем получало равные права с переселенцами¹. Часть киргизского и казахского населения переходила к оседлому и полuosедлому образу жизни, что положительно сказывалось на их уровне жизни.

Согласно статистическим сведениям о Семиреченской обл., в 1883 г. имелось 6 «киргизских» уездов: Верненский, Токмакский, Иссык-Кульский, Копальский, Сергиопольский и Джаркентский, где насчитывалось 87 волостей. В них проживало 135 514 кибитковладельцев, а общая численность киргизского (имеются в виду киргизы и казахи) населения составляла 519 396 человек. Основным занятием коренного населения было кочевое скотоводство. Присоединение Туркестана позволило вывозить отсюда бесчисленные стада лошадей и крупного рогатого скота, которые поставлялись в Россию в виде мяса и кожи. По указанным данным, у киргизского населения имелось 669 173 лошади, 248 438 голов рогатого скота, 92 224 верблюда. Социальный состав кочевого населения был неоднороден. Бедняки, совсем не имевшие скота, составляли 5 302 хозяйства (менее 4% от их общего числа). Основная же масса населения была более-менее обеспеченной: семей, имевших от 1 до 10 голов скота, было 43 585 (32.1%), от 10 до 50 голов – 53 257 (39.3%), от 50 до 100 голов – 17 485 (13%). Более 11% киргизских и казахских семей являлись зажиточными: 8 905 хозяйств (6.6%) владели от 100 до 200 голов скота,

© 2017 г. Д.С. Маджун

* Следует иметь в виду, что в российских документах имперского периода «киргизами» зачастую именовались предки не только современных киргизов, но и казахов (*прим. ред.*)

¹ *Кененсариев Т.* Экономическая политика царского правительства в Кыргызстане. Бишкек, 2009; *Малабаев С.К.* Социальные изменения в Кыргызстане после вхождения в состав России // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. / Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского. Бишкек, 2014. С. 91.

а 6980 семейств (5.1%) — более 200 голов скота. В Токмакском уезде семей, совсем не имевших скота, не было².

В конце XIX в. в Туркестан переселилось многотысячное и многонациональное население из Европейской части России и соседних районов Китая. Проживание на одной территории и совместная экономическая деятельность с коренными народами края положили начало процессу формирования новой социальной общности. Первоначально, когда число русских переселенцев было незначительным, их взаимодействие с коренными народами Семиречья было мирным, хотя и тогда отношения этнических групп, безусловно, не были идиллическими. При этом, несмотря на периодическое сокращение пастбищных угодий местного населения, к 1916 г. у них наблюдался прирост численности скота. Если, как указывалось ранее, в 1883 г. население 6 киргизских волостей владело чуть более 1 млн голов скота, то в 1916 г. только в Пржевальском уезде насчитывалось 2 327 472, а в остальных уездах — свыше 6 млн голов³.

Генерал-губернатор Туркестана А.Н. Куропаткин отмечал, что «за период 40–50 лет владения Россией бывшими среднеазиатскими ханствами, туземное население под защитой русских штыков жило мирной жизнью, развивалось и богатело. Экономический рост завоёванных областей значительной частью был обязан жертвам коренного русского населения, на средства которого содержались войска, проводились железные дороги и проч.»⁴. Налоги, установленные российским правительством, для коренного населения Семиречья были в 2–2.5 раза ниже, чем при Кокандском ханстве, и традиционно фискальная нагрузка на инородцев была меньше, чем на русских крестьян⁵. Последние в 1910 г. платили в Семиречье налог, оброк и несли земские повинности. В год с крестьянского хозяйства взимали свыше 30–40 руб. Официальный налог с кибитки составлял 5 руб. 25 коп., а сумма общих налогов с семьи кочевника — 9 руб.⁶

Льготное налогообложение с беднейшей части кочевого населения, введённое российским законодательством на территории Туркестанского края, способствовало освоению коренным населением новых видов деятельности. У кочевого и земледельческого населения Семиречья появилась реальная возможность улучшения своего материального благосостояния и относительно быстрого обогащения за счёт своего труда. Первой воспользовалась новыми перспективами и возможностями национальная элита, которая сумела ещё больше укрепить своё экономическое положение и политическое влияние. Так, сыновья волостного управителя Шабдана Джантаева создали хозяйства предпринимательского типа. Старший сын организовал крупное земледельческое хозяйство на площади около 100 га, второй — высокотоварное коневодческое численностью 200 голов, третий — пасеку на 300 ульев, дававшую более десятка тонн мёда в год, а четвёртый открыл кожевенный завод с оборотным капиталом около 3 тыс. руб. Такие же крупные капиталисты и ростовщики

² Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК), ф. 21, оп. 1, д. 773, л. 108–111.

³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов / Под ред. П.Я. Пяковского. М., 1960. С. 416.

⁴ Центральный государственный архив Кыргызской Республики (далее — ЦГА КР), ф. И-54, оп. 3, д. 5, л. 1–2 об.; Восстание 1916 года в Кыргызстане. Бишкек, 2011. С. 36.

⁵ Галицкий В.Я. История города Пишпека. Фрунзе, 1980.

⁶ Семиреченские областные ведомости. 1910. 5 декабря. № 131.

появились в числе татар, узбеков, уйгуров и дунган Семиречья. Например, крупный скотопромышленник манап Узбек имел около 80 тыс. овец; Абдулла Мусин владел несколькими крупными магазинами; туркмен Сарпек разбогател на торговле скотом, мануфактурой и ростовщических операциях⁷.

Дунгане, переселившиеся на территорию Российской империи в 1870–1880-х гг. из Китая, прибыли сюда, находясь в очень бедственном положении, часто без средств к существованию. Но благодаря мирной жизни, помощи российского правительства и народов Семиречья, они быстро встали на ноги, обзавелись домами, занимаясь земледелием, ремёслами и торговлей. Пржевальский помещик К.А. Иванов отмечал, что дунгане – народ трудолюбивый, «богатели не по дням, а по часам, один кузнец-дунганин лет 6–7 назад перетягивал мне колёса, а весной 1916 г. продал собственных баранов на 40 тыс. руб., который лет 5–6 назад кормил кое-как 10 баранов, теперь кормит от 100 до 1 000 баранов. Засевали последние годы большие площади пшеницы, сурепы и мака. Землю арендовали у города и киргиз»⁸.

По оценкам ряда современников, отношения между массой киргизского населения, русскими переселенцами и представителями царских властей в крае в конце XIX – начале XX в. были сравнительно спокойными, даже хорошими. Переселяясь, русские крестьяне нередко приобретали у киргизов участки за крупные суммы, к тому же выращенный колонистами хлеб стоил сравнительно дёшево. Подобная стихийная колонизация даже поощрялась местными жителями. Об этом говорится в показаниях отставного генерала Я.И. Королькова: «Киргизы и раньше не очень гнались за землёй. У них было так много её. Они охотно отдавали свои земли в аренду всем просившим её у них. Последнему ясным подтверждением служат многие долгосрочные (на 30 лет) аренды, которыми пользуется у них не только русское население»⁹.

Между тем за 20 лет площади посевов у киргизов Семиреченской обл. увеличились почти в 4 раза. Так, если в 1882 г. они высеяли 65 459 четвертей, то в 1902 г. – 233 514. Некоторые казахи и киргизы вынуждены были арендовать свои собственные земли обратно у переселенцев¹⁰. Экстенсивный характер киргизского кочевого хозяйства в равнинных районах постепенно заменялся интенсивным земледелием, а безземельные кочевники пополняли ряды батраков, рабочих и ремесленников.

Происходило это благодаря удивительной способности кочевых народов приспособляться к внешней обстановке и перенимать «передовые технологии» у соседей. В 1907 г. депутат I Государственной думы Т. Седелников отмечал: «Научились же они (киргизы и казахи. – Д.М.) при помощи одной лопаты проводить сложнейшие ирригационные сети, коими покрыты все долины реки и речки, от своих соседей – китайцев и дунган. В других районах – масса профессиональных рабочих киргиз, которые работают артелями и чуть ли не самостоятельно додумались до забастовок: это пролетарии чистой воды, в ряде районов ведут земледельческое хозяйство по типу русских

⁷ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. С. 115–116.

⁸ ЦГА КР, ф. И-75, оп. 1, д. 8, л. 11.

⁹ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 16925, л. 212–218.

¹⁰ Шканский О.А. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. СПб., 1906. С. 54–55.

переселенцев-соседей. Среди киргизов много плотников, сапожников, кузнецов, извозчиков, чернорабочих, даже писарей и приказчиков. В Средней Азии немало киргиз, которые занимаются садоводством и поливным земледелием, целиком перенятыми у соседних сартов. Это является лучшим доказательством жизнеспособности и энергии киргизского народа и богатства его духовных сил, позволяющих ему быстро осваиваться с окружающими условиями и встать по отношению к ним в наиболее выгодное положение в каждом отдельном случае»¹¹.

Однако социально-экономическое положение киргизского народа вовсе не было безоблачным. Новая экономическая реальность резко ускорила процессы имущественного расслоения, а утрата киргизами значительной части земель стала дополнительным фактором пауперизации части населения. Потеряв земли, тысячи кочевников пополняли ряды безземельных безработных, вынужденных искать работу по найму. В архивном документе говорится, что «киргизы постепенно беднели. Уменьшение земельной площади уменьшало их скотоводческое хозяйство, и часть их пошла батраками к таранчинцам, дунганам и русским»¹².

Не только чиновники и торговцы, но и разбогатевшие здесь русские крестьяне заводили у себя прислугу и стали широко пользоваться киргизами как рабочей силой. Плата за их труд составляла 5–6 руб. в месяц. Во всех русских поселениях Семиречья руками работников-киргизов делалась вся тяжёлая работа: они работали на полях, ухаживали за скотом, добывали уголь и т.д. По оценке Б. Исакеева, от 50 до 90% переселенческих хозяйств имели 1–3 постоянных батраков и 3–15 временных сезонных рабочих¹³. Киргизские баи и манапы, как и дунганские семьи, также использовали наёмный труд киргизской бедноты.

Однако справедливости ради необходимо отметить, что к началу Первой мировой войны в переселенческой работе был наведён относительный порядок, а предвоенные годы выдались урожайными, что способствовало заметному улучшению благосостояния коренного населения. Согласно всеподданнейшему отчёту военного губернатора Семиреченской обл., урожай 1915 г. был самым большим за последнее десятилетие. Хорошо уродился хлеб: из 6 уездов области недобор был зарегистрирован только в Копальском и Джаркентском уездах. Свободные излишки хлеба исчислялись в 10 с лишним млн пудов по области, что составляло более 8 пудов на душу населения. Благодаря излишкам цена на пшеницу составляла 45–80 коп. за пуд. Попытка хлеботорговцев искусственно поднять цену была сразу пресечена установлением твёрдых цен на пшеницу, зерно и муку.

Для скотоводов 1915 г. оказался особенно благоприятным. По окончании полевых работ прирост поголовья скота составил по сравнению с предыдущим годом 32%. Благодаря повышенному спросу на семиреченский скот и продукты животноводства, в пределы Европейской России было вывезено в 4 раза больше скота, чем в 1914 г. Количество вывезенных продуктов животноводства (кожа, овчина, шерсть) увеличилось втрое и в денежном выражении составило более 20 млн руб. Цены на скот и продукты животноводства выросли в 2 раза.

¹¹ *Седельников Т.* Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. С. 7–10.

¹² ЦГА РК, ф. 314, оп. 1, д. 2, л. 2–2 об.

¹³ *Исакеев Б.* Киргизское восстание 1916 г. Фрунзе, 1932. С. 20.

Сумма вкладов в кредитных организациях в 1915 г. увеличилась на 82%, с 344 418 до 628 870 руб., число выданных ссуд – с 9 022 до 15 603, на сумму 1 050 245 руб. возросло поступление государственных и земских сборов и погашение недоимок прошлых лет, составив к январю 1916 г. 283 656 руб. Из других государственных доходов отмечался прогрессивный рост поступлений от эксплуатации госимущества и казённых оброчных статей. В 1915 г. они принесли около 109 тыс. руб., тогда как в 1913 г. – только 30 тыс. руб.¹⁴

Таким образом, накануне восстания 1916 г. в Семиречье наблюдался рост экономики за счёт развития земледелия, скотоводства, торговли, и как следствие, повышалось благосостояние части оседлого и полуоседлого населения. Жители Семиречья вносили значительный вклад в решение проблемы продовольственного снабжения воюющей армии и тыла.

Чем же было вызвано восстание? Пониманию природы трагических событий 1916 г. на азиатской окраине России помогает характеристика современников, которые с горечью писали: «Покорив киргизский край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения и первые завоеватели были совершенно не подготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым, и при всём при этом они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы, покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе, они не приложили усилия даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более лёгкий способ наживы – грабёж покорённого инородца и расхищение природных богатств»¹⁵.

Государство затрачивало огромные усилия для увеличения концентрации русского элемента в крае. Для обеспечения правительственных интересов было создано семиреченское казачество, которое сыграло важную роль в вытеснении туземного населения с их исконных земель. Казакам предоставлялись всевозможные льготы: выделялись огромные земельные наделы и беспрепятственный доступ к водным ресурсам. Нередко оставались безнаказанными незаконные действия, чинимые ими по отношению к местному населению¹⁶.

«Теневая» сторона, разумеется, была и у разрушения традиционного социально-экономического уклада. Как уже отмечалось, к началу второго десятилетия XX в. огромные площади общинной земли киргизов и казахов перешли в собственность русских крестьян и казаков. Кочевое хозяйство невозможно уже было вести по-старому, но для ведения оседлого земледельческого хозяйства нужны были земля и вода, у которых к тому времени появились новые хозяева. Установление русской власти в крае сопровождалось и болезненной для местных народов ломкой традиционной системы общественного самоуправления.

Слабое влияние центральной государственной власти в Семиречье, крайний недостаток честных и квалифицированных кадров, низкие заработки,

¹⁴ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 20053, л. 5–8.

¹⁵ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семёнова и В.И. Ламанского. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903. С. 170.

¹⁶ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз), ф. 11-с, оп. 14, д. 56, л. 22–25; оп. 16, д. 2257, л. 5.

бесправие и невежество местного населения явились благоприятными условиями для расцвета коррупции, беззакония и произвола представителей российской и туземной администрации. Жалование российского управленца среднего уровня было крайне невелико, а бесправное и безоружное туземное население являлось лёгкой добычей для всякого рода проходимцев и их покровителей, занимавших высокие должности в руководстве краевой, областной и уездной администрации.

Анализируя причины восстания 1916 г., представители российской администрации признавали, что главной из них являлась активная русская колонизация Семиречья, приведшая к потере киргизами прежнего обилия земли и воды. Начиная с 1906 г. Семиреченская переселенческая организация в течение трёх лет разместила до 40 тыс. самовольных переселенцев в пределах Пишпекского, Верненского и Пржевальского уездов. Прежние отдельные вспышки недружелюбных взаимоотношений между новосёлами и туземцами стали хроническими¹⁷.

Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман от лица русского государства признал за коренным населением Семиречья право на бессрочное пользование отдельными площадями земли, а также освобождение их от несения воинской повинности. Но уже с 1897 г. государство начало отбирать у киргизов и казахов землю. Так, один из начальников Семиреченского Переселенческого управления установил новый принцип аттестации подчинённых ему чиновников. Служебные качества чиновника определялись теперь по количеству земли, запланированной им к изъятию у киргизского населения. По признанию властей, основная масса рядовых работников и чиновников переселенческого ведомства в угоду начальству и не считаясь с чувством меры, прилагала все старания к наращиванию массива таких земель. Были случаи, когда ретивые работники планировали к изъятию, как позже выяснилось, даже части китайской территории. Полноценный переход кочевников к оседлому образу жизни встречал противодействие со стороны туземной администрации, а представители российской власти использовали процесс их оседания, чтобы отобрать у них как можно больше земли. Такая деятельность ряда недобросовестных чиновников Переселенческой организации, не раз подвергавшаяся критике за хищнический характер, приводила к деградации животноводческого хозяйства с последующим массовым обнищанием коренного населения¹⁸.

С началом Первой мировой войны были введены новые поборы и повинности, население Семиречья призывалось к жертвованиям в пользу воюющей армии. В первое время эта помощь имела добровольный характер. Современники отмечали, что после объявления войны среди кочевников наблюдался патриотический подъём, все они охотно и щедро жертвовали юртами, лошадьми, деньгами, не было недостатка и в добровольцах, готовых лично встать в ряды Действующей армии. В 1914–1915 гг. киргизские общества по собственному почину помогали в полевых работах семьям запасных ратников, взятых на войну, и безропотно вносили ежемесячный военный налог. В большом количестве поступали жертвования в различные общества. Киргизы предоставили войскам громадные партии юрт, многие совершенно безвозмездно. Проходящим

¹⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 401.

¹⁸ ЦГА РУз, ф. 11-с, оп. 27, д. 688, л. 3.

частям повсюду устраивались встречи и угощения за счёт киргизского населения. На байгах (скачках) и выборах устраивались сборы на нужды войны¹⁹.

По данным газеты «Семиреченские областные ведомости», через несколько дней после начала мобилизации, мусульманские народы Семиречья постановили пожертвовать на нужды войны добровольно по 50 коп. с каждой кибитки, что составило около 15 тыс. руб. Часть средств пошла Красному Кресту, часть — в пользу семей запасных, призванных по мобилизации²⁰.

Только по Пишпекскому уезду за ноябрь и декабрь 1914 г., по официальным отчётам Красного Креста, от киргизов поступило около 30 тыс. руб., около 1 тыс. шуб, около 10 тыс. пайпаков, конны, чулки и т.п. Затем киргизы «обложили себя» в пользу Красного Креста налогом в 1–3 руб. с юрты (в уезде насчитывалось до 40 тыс. кибиток-юрт). Позднее комиссией были установлены крупные недостатки собранных пожертвований, которые скрывались вице-губернатором²¹.

Однако вскоре пожертвования из добровольных превратились в принудительные. Воспользовавшись войной, местная русская и туземная администрация начала активно выколачивать их, причём значительная часть собранного оседала в карманах низших и высших должностных лиц. Представление о масштабе хищений при сборе пожертвований можно составить по такому факту: из показаний дунган Николаевской волости следует, что они пожертвовали на нужды войны 100 лошадей²². Однако, как показывает Г. Бройдо, до пункта назначения дошло только 90²³.

Следует отметить, что для Семиречья вообще было характерно большое количество незаконных поборов. Современник писал, что они тяжёлым бременем ложились на киргизскую бедноту. Приезды начальства, сопряжённые с приёмами и угощениями, поездки в город должностных лиц, которые не могли сделать там шага без того, чтобы дать кому-нибудь взятку, — всё это увеличивало бремя платежей в полтора–два раза. Бывали случаи, что волостные управители, желая женить сына, собирали калым за невесту в размере 4 тыс. руб. с волости. Малейшая задержка в уплате, не говоря о неповиновении, приводила к вмешательству джигитов, которые прямо-таки выколачивали требуемые взносы плетью. В этом же документе отмечается, что местные начальники, желая выслужиться и соревнуясь друг с другом, пытались собрать как можно больше пожертвований²⁴. Сбор добровольных и псевдодобровольных пожертвований по случаю войны ещё более усилил бремя платежей населения.

Из европейских воюющих стран только Россия имела прямой доступ к огромным количествам продовольствия, производившимся в её азиатской части. Но из-за слабо развитого транспорта, перегруженного воинскими перевозками, вывоз продукции отсюда был крайне затруднён. Поэтому скупка

¹⁹ Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан (далее — ФРРК НБ РК), инв. 66, л. 121; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 407.

²⁰ Семиреченские областные ведомости. 1914. 4 декабря.

²¹ Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 г. М., 1925. С. 16–17.

²² ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 19369, л. 15–16.

²³ Бройдо Г.И. Указ. соч. С. 19.

²⁴ Рукописный фонд Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики (далее — РФ ИЯЛИ НАН КР), инв. 54 (Лачко А.Ф. Копийные материалы по теме: «Аграрная политика царизма в годы столыпинской реакции». 1948), л. 278–279.

и реквизиция скота и продовольствия проводилась здесь в меньших размерах, чем в Европейской России, где остро ощущался недостаток хлеба и мяса²⁵.

Тем не менее из Туркестанского края на протяжении войны было отправлено для армии огромное количество грузов: около 41 млн пудов хлопка, 38 тыс. кв. аршин кошмы, более 3.1 млн пудов хлопкового масла, 300 тыс. пудов мяса, около 500 тыс. пудов рыбы. Помимо этого, было поставлено 70 тыс. лошадей, почти 13 тыс. верблюдов, 370 повозок и около 13.5 тыс. юрт. Население пожертвовало на нужды войны 2.4 млн руб.²⁶

Киргизы командировали из каждой волости рабочих для распашки, бороньбы, посева, уборки и обмолота урожая на полях русских солдаток. Кое-где рабочих не выставляли и платили каждой солдатке по 18–35 руб. на «вспомоществование». Обращение с «добровольными» рабочими было до того скверным, что администрации иногда приходилось убеждать солдаток, что они должны хотя бы кормить их²⁷.

Недовольство коренного населения, находившегося под двойным гнётом: с одной стороны, своей туземной администрации – баев и манапов, а с другой – русских властных структур, в ряде волостей принимало форму открытого вооружённого протеста. Один из вождей восстания Канат Абукин главной причиной мятежа называл поборы и вмешательство в выборы волостных начальников. Например, пристав загорных волостей Байгулов и заведующий Меньшиков каждой осенью объезжали волости и собирали по 1 руб. 50 коп. с 2500 кибиток. Законные сборы собирались отдельно. Абукин отмечал: «Меньшиков смотрел на свой участок как на свои владения и брал у киргизов всё, что хотел, и таким образом, разбогател. Поэтому убили его киргизы именно из той партии, которую он донимал. Если бы Байгулов попался в то время, его бы тоже убили. Лет 10 назад у нас было достаточно земли для нашего скотоводческого хозяйства, которое являлось главным источником существования киргизов. Молодёжь категорически отказывалась дать согласие идти на войну»²⁸.

К началу войны в Семиреченской обл. было более 4 тыс. дунган-мещан и около 16 тыс. крестьян²⁹. Дунгане мещанского сословия вместе с другими народами Семиречья, подлежащими мобилизации, были отправлены на фронт (по оценке Х. Юсурова, в боевых действиях участвовало около 1500 солдат из этой этнической группы³⁰), а сельские дунгане были мобилизованы для работы в тылу. По словам современника дунганам, «этим выходцам из Китая, жилось особенно привольно под покровительством русских властей; все они достигли значительного материального благосостояния, вели крупную торговлю и имели постоянное общение с русскими»³¹. На самом же деле проникновение капиталистических отношений в дунганскую общину способствовало её расслоению: огромные состояния и земли сосредоточивались в руках нескольких семей, а основная масса населения страдала от малоземелья, гнёта туземной

²⁵ Шигалин Г.И. Военная экономика в Первой мировой войне. М., 1956. С. 195.

²⁶ ФРРК НБ РК, инв. 69, л. 17.

²⁷ Бройдо Г.И. Указ. соч. С. 16, 18.

²⁸ РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 54, л. 280–288.

²⁹ ЦГА КР, ф. 44, оп. 1, д. 20, л. 5.

³⁰ РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 1063, 1951 (Юсуров Х. Переселение дунган в Семиречье, 1951), л. 35.

³¹ РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 54, л. 163.

и царской администрации. Количество разорившихся хозяйств росло, увеличивалась армия бедноты и батраков. В.А. Васильев писал, что в 41.6% из всех дунганских хозяйств Семиреченской обл. отсутствовали хозяева, а из остальных 29.7% были беспосевными. «Вообще, — отмечал он далее, — под давлением экономической необходимости, создавшейся вследствие малых наделов, дунгане стали самой подвижной и предприимчивой частью населения Семиреченской области»³².

Велико было у дунган и имущественное расслоение. В Джаркентском уезде три крупных кулака из рода Ба Да Цзяр захватили 350 десятин общинной земли — самые лучшие участки. Джаркентские дунгане подавали жалобы на них и просили разделить их земли между бедняками, но получили от Переселенческого управления Семиреченской обл. отказ³³. Обладая огромным богатством в виде земли, денег и скота, зажиточные дунганские семьи боролись за власть и влияние в волости. Взятки, которые они давали представителям русской администрации во время выборов волостных правителей, были самыми высокими в области и достигали нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч рублей. Современник писал: «Добившись таким путём должностей, они в течение службы исключительно заняты возмещением с лихвой затрат на выборы, всё это собирается, вернее сказать, сдирается с подведомственного населения»³⁴.

«Опираясь на волостные управления, богатые дунгане захватывали земли лучшего качества и в большом количестве, а бедняки пользуются только остатками, не захваченными богатыми», — писал другой современник³⁵. Факты подтверждают эти отзывы. Так, управитель Джаркентской дунганской волости Гулиз Ишмаилов, занимая эту должность более 20 лет, имел огромные площади земли, рисовые поля в Беш-Арале, до 2 тыс. голов скота, много золотых вещей и проч.³⁶ У управителя Мариинской волости Маджапа Маруфу во время восстания 1916 г. было похищено 22 тыс. руб., золотых изделий на 4 тыс. руб., 7 медалей, золотые часы, подаренные генерал-губернатором, шашка, пожалованная императором, вещей на 41 тыс. руб. и 3 тыс. баранов³⁷. Александровские дунгане неоднократно подавали Пишпекскому уездному начальнику жалобы на своего волостного управителя М. Хиахунова о том, что тот незаконно собирает деньги с населения, наложил на них тяжёлую подать и за её уплату не выдаёт им квитанций³⁸.

Городские дунгане занимались огородничеством, садоводством, бахчеводством, производством пищевой продукции — вермишели, макарон, крахмала, рисового мёда, растительного масла. Некоторые содержали караван-сарай, харчевни, занимались извозом и хлебопашеством на арендованной у киргизов земле³⁹. Именно дунгане завезли в Семиречье опийный мак, который стал здесь самой доходной культурой и широко распространился в Пишпекском,

³² Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. СПб., 1915. С. 98.

³³ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 1614, л. 23 об.

³⁴ Там же, д. 12371-а, л. 371.

³⁵ Там же, д. 256, л. 1.

³⁶ Там же, д. 7992, л. 3—10.

³⁷ Там же, д. 16330, л. 71.

³⁸ Там же, д. 16215, л. 5—6.

³⁹ ЦГА РУз, ф. 1, оп. 17, д. 88, л. 16.

Пржевальском и Джаркентском уездах. Производившийся в Семиречье опий благодаря низкой себестоимости и высокому качеству успешно конкурировал с зарубежными сортами. Для его переработки в 1916 г. в Москве на средства казны был построен первый в России алкалоидный завод с дорогостоящим оборудованием. И. Иванов, непосредственно наблюдавший весь процесс выращивания и сбора мака в дунганских селениях, отмечал: «Бесспорно, что выдвинутая войной добыча опия вольёт в наш край сотни тысяч рублей и даст количество лекарства, достаточное не только для нашей армии, но и для армий наших союзников»⁴⁰.

Впервые государственная монополия на закупку опия была объявлена в 1916 г. (впрочем, контролировать её соблюдение властям было непросто). На производство этой культуры выдавались ссуды, и были приняты все меры к тому, чтобы засеять маком возможно бóльшие площади. Если раньше китайцы скупали опий по цене в 4–5 руб. за фунт, то в казённом приёмном пункте его принимали по 11–15 руб. за фунт. Чтобы конкурировать с казной, китайцы-скупщики вынуждены были поднять цену до 16–18 руб.⁴¹ В Китае же опий нелегально сбывали по цене, несравнимо большей, – не менее 100 руб. за фунт.

Летом 1916 г. только Опийным комитетом было выплачено населению за опий 535 тыс. руб., что дало «значительный доход массе трудящихся киргизов». В 1916 г. почти все киргизы ушли от своих нанимателей, чтобы принять участие в этом выгодном предприятии. Современник отмечал, что киргизы к 1916 г. поняли, что не нужно брать кредиты, и стали выращивать пшеницу, сурепу и мак. Урожаи были хорошие, и денег у каждого было много⁴². Генерал Я.И. Корольков в показаниях о причинах восстания в Пржевальском уезде отмечал, что хотя цены на рабочие руки в то лето выросли почти в три раза, найти работника-киргиза даже за 15 руб. в месяц было невозможно. Химическая лаборатория, принимавшая опий от населения, осаждалась множеством приносивших его людей. Большинство в толпе составляли киргизы, меньше было дунган, ещё меньше – русских⁴³. Ко времени окончания сбора мака цена на рабочие руки поднялась в полтора раза. Техник Илийской изыскательской партии В.С. Кытманов, прибыв на лечение минеральными водами в Джетыюгуз, писал своему начальнику 1 августа 1916 г.: «По уезду производится сбор опиума. Мака засеяно прорва. Платят до 5 рублей в день. Сборщик опиума получает больше, чем техник изысканий на р. Или»⁴⁴.

Опийный комитет имел специальных агентов, которые нередко злоупотребляли своим положением. Под видом контрабанды они задерживали и конфисковали тот опий, который предназначался для сдачи в казну, за что получали вознаграждение. Иногда они таким образом попросту вымогали взятки. За недодачу опия в казну комитет конфисковывал имущество дунган, сажал в тюрьму. Многих людей доставляли в тюрьму даже без указания срока пребывания

⁴⁰ Иванов И. Добыча опия в Пишпекском уезде // Семиречье: ежемесячный сельскохозяйственный и мелиорационный журнал. 1916. № 11.

⁴¹ Сумароков Л.И. К истории распространения и производства наркотиков в Семиречье // Вестник Кыргызско-Русского славянского университета. 2008. Т. 8. № 7. С. 73.

⁴² РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 54, л. 278.

⁴³ ЦГА РК, ф. 44, отд.1, т. 2, д. 16925, 1916 г., л. 213.

⁴⁴ РГИА, ф. 432, оп. 1, д. 69, л. 106.

их в заключении, утверждал один из чиновников того времени⁴⁵. Все эти действия администрации вызвали недовольство и возмущение многотысячного населения Пржевальского уезда и китайских подданных, занимавшихся производством и скупкой опия, что и стало одной из главных причин восстания. Так, по словам пржевальского мещанина Иванова, накануне восстания знакомый дунганин говорил ему, что дунгане и китайцы агитируют устроить бунт, желая воспользоваться этим для вывоза опия в Китай⁴⁶.

В связи с тем, что срок вытязки опия ограничен несколькими днями, а площади посевов были огромны, требовалось привлечение многотысячной армии подённых работников. Ко времени начала восстания в Пржевальском уезде насчитывалось до 7 тыс. китайских подданных, привлечённых сюда опийным делом, в то время как русских подданных среди дунган в этом уезде насчитывалось менее 2 тыс. Весной 1916 г. «Семиреченские ведомости» опубликовали заметку из Пржевальского уезда, где говорилось, что «на посев мака у многих глаза и зубы разгорелись» в ожидании больших барышей. По данным журнала «Туркестанское сельское хозяйство», в 1916 г. в Семиречье маком было занято 8,5 тыс. десятин, из них в Пишпекском уезде – 200, в Джаркентском – 500 и в Пржевальском – 5 тыс.⁴⁷

Общие причины недовольства коренного населения Семиречья крылись в изъятии лучших киргизских земель для русских переселенцев, притеснениях со стороны русского населения при общении, всевозможных торговых сделках, найме рабочих. Благодаря новому устройству киргизского туземного управления, вся масса киргизской бедноты обиралась волостными управителями, биями и манапами, опиравшимися на русскую администрацию. В Семиречье в результате массовой потери земли и скота огромное количество киргизов оказалось безземельными батраками. Недовольство киргизов своим положением началось задолго до восстания и иногда принимало форму противодействия вновь прибывшим переселенцам, но чаще всего приводило лишь к уходу целых аулов в Китай. Это недовольство активно использовалось иностранными агентами, подстрекавшими киргизов и дунган к восстанию.

Непосредственным поводом к началу беспорядков в Семиречье, как известно, послужило Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе Действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г.

Накануне восстания в уездах, где выращивался мак, помимо многомиллионных стад киргизского скота были сконцентрированы огромные денежные средства и опий на миллионы рублей, представлявшие желанную добычу для любителей поживиться за чужой счёт. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что восстание туземцев в уездах, где выращивался опийный мак (Пржевальский, Пишпекский и Джаркентский), началось значительно позже, чем в других областях Туркестана, и приняло особенно жестокий и кровопролитный характер. Если массовые беспорядки при составлении списков мобилизуемых рабочих в ряде районов Туркестана начались уже в начале июля,

⁴⁵ РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 28, 1947 (Юсуров Х. История советских дунган), л. 28.

⁴⁶ Восстание 1916 года: документы и материалы / Под ред. К.И. Мамбеталиева. Бишкек, 2015. С. 198.

⁴⁷ Туркестанское сельское хозяйство. 1917. № 4–5. С. 256.

сразу после указа о мобилизации, то в отмеченных уездах — только в конце первой декады августа. В то время сбор урожая мака завершился и списки рабочих были составлены практически во всех волостях⁴⁸. Жандармы и сотрудники Опийного комитета охраняли тех, кто сеял мак, а также скупщиков, препятствуя вывозу опия в Китай. Многие дунгане отправили свои семьи в Китай заблаговременно, намереваясь присоединиться к ним после сбора мака; этого же момента ждали тысячи китайских подданных — дунган, китайцев, сартов, на руках у которых находились деньги и опий в общей сложности на сотни тысяч или даже миллионы рублей. Вывезти ценности из Семиречья в обычных условиях им было бы сложно. Для этой многотысячной массы людей были крайне выгодны беспорядки и волнения, чтобы, воспользовавшись ими, вывезти опий в Китай. Окончания сбора опия, видимо, ждала и уездная администрация, и военные. «Массовые беспорядки» коренного населения были для власти имущих удобным поводом для сокрытия собственных злоупотреблений и хищений из государственной казны — их можно было списать на «бунтовщиков».

Таким образом, рост экономики и повышение благосостояния коренного населения накануне восстания 1916 г. шли параллельно с усилением злоупотреблений и беззакония со стороны русской и туземной администрации, преследовавших цели личного обогащения. В государственную казну поступала лишь небольшая часть от собираемых налогов и многомиллионного урожая опиума. Война значительно ухудшила положение народных масс Семиречья: помимо изъятия лучших киргизских земель для русских переселенцев непрерывно шла мобилизация людей, скота, подвод для нужд фронта, увеличивались налоги, повинности, «добровольные» пожертвования на войну. Вывоз сельхозпродукции из края приводил к росту цен на продукты питания и промышленные изделия, которые подорожали на 50–300%⁴⁹. В результате массовой потери земли и скота в Семиречье появилось огромное количество нищих батраков. В целом же социальный взрыв 1916 г. был обусловлен не только событиями нескольких военных лет, но и долговременными социально-экономическими условиями развития региона.

⁴⁸ Бройдо Г.И. Указ. соч. С. 27.

⁴⁹ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 16913, л. 13.

Некоторые проблемы изучения истории восстания 1916 г. в Средней Азии

Дина Аманжолова

Some issues of studying the 1916 uprising in Central Asia

Dina Amanzholova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В связи со 100-летием восстания 1916 г. на территории современных государств Средней Азии активизировались общественные дискуссии и исторические исследования этой проблемы¹. Информационный фон вокруг трагических событий 1916 г. достаточно противоречив, что отражается как в социальных сетях, так и в большом количестве всевозможных публикаций в СМИ. Так, в Киргизской Республике акцент делается на масштабах жертв и потерь и «доказательствах исторической вины России». Ей предъявляют требования компенсаций за якобы «геноцид» киргизского народа вследствие жестокого подавления восстания, из-за голода, болезней и природно-климатических катаклизмов 1917–1918 гг. В то же время киргизские историки Ж. Жунушалиев, А. Джуманалиев, К. Кожомкулов и др. подчёркивают недопустимость искажения объективных данных о трагедии 1916 г.²

Публичные дебаты и попытки политизации образов прошлого, их интерпретации в интересах укрепления этнополитической идентичности на основе возрождения памяти общества о страданиях определённым образом стимулировали и академические исследования этой темы, которые продолжают независимо от политической конъюнктуры. Налицо рост числа научно-популярных и научных публикаций, которые дополняют и некоторым образом обновляют прежний комплекс знаний о тех собы-

© 2017 г. Д.А. Аманжолова

¹Импульс дискуссиям придали указ Президента Киргизской Республики А. Атамбаева «О 100-летию трагических событий 1916 года» от 27 мая 2015 г. В нём отмечается, что «массовые волнения в Кыргызстане приняли характер восстания, причём не против русского народа, а против царского колониализма. Выступления кыргызов были поддержаны представителями других этносов... В результате трагических событий, по оценкам отечественных историков, численность местного населения на этих территориях сократилась более чем на 40%». Одновременно сказано о неоспоримом прогрессе в развитии киргизского народа и республики в советский период и участии киргизов в борьбе против фашизма в 1941–1945 гг. См.: Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек) (далее – Вестник КРСУ). Т. 15. 2015. № 9. С. 202.

²Правда и мифы трагедии 1916 года. URL: http://so-l.ru/news/show/pravda_i_mifi_tragedii_1916_goda (дата обращения: 21.01.2016); О событиях, произошедших 100 лет назад. URL: <http://newdaynews.ru/asia/555330.html> (дата обращения: 23.01.2016); 1916 – причины восстания и миф о геноциде. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/4834-1916-prichiny-vosstaniya-i-mif-o-genotside.html> (дата обращения: 23.01.2016); Тревожный юбилей. 100-летие восстания 1916 года в Киргизии может привести к росту антирусских настроений. URL: http://ross-bel.ru/analitika/article_post/trevozhnyu-yubiley-100-letiyevosstaniya-1916-goda-v-kirgizii-mozhet-privesti-k-rostu-antirusskikh-nastroenyu (дата обращения: 23.01.2016).

тиях³. Показательны тематика и перечень предлагаемых к обсуждению вопросов. К примеру, в Худжандском государственном университете им. Б. Гафурова в центр внимания были поставлены «дружба и сотрудничество, испытанные временем» между Средней Азией и Россией. Организаторы совещания международных вузов и центров в Киргизии считают восстание наименее изученным эпизодом в истории региона, называя его фактором преобразования политического пространства метрополии и создания «полосы кризиса России»⁴.

Между тем анализ истории восстания 1916 г. продолжается уже почти 100 лет⁵. Ещё в 1926 г. появились хорошо известные сегодня работы; очередной всплеск интереса произошёл к 20-летию события⁶. Ценность данных изданий определяется тем, что в числе авторов состоял ряд участников и свидетелей восстания. Суть подхода того времени к оценке восстания выразил П.Г. Галузо: «Парадоксально, но это факт – борьба киргиза и туркмена против русского мужика-переселенца была в конце концов борьбой за те же революционные задачи, которые стояли перед русским мужиком в России»⁷.

Новая волна интереса к восстанию наблюдалась в конце 1950-х – начале 1960-х гг.⁸ Тогда была зафиксирована господствовавшая до конца советской истории трактовка: «Национально-освободительное восстание народов Средней Азии и Казахстана в 1916 г. носило в основном антиимпериалистический, антивоенный характер. Восстание было разрозненным, стихийным крестьянским движением, не имевшим пролетарского руководства. Охватило оно почти

³ Международные форумы состоялись в Москве (сентябрь 2015, май 2016 гг.), Худжанде (Таджикистан), Бишкеке (в апреле 2016 г. на базе Киргизско-Российского славянского университета; в мае объединились Киргизско-Турецкий университет «Манас», Американский университет в Центральной Азии, Университет Центральной Азии, Французский институт исследований Центральной Азии, Культурно-исследовательский центр Айгине, отдельно заседали в Академии государственного управления при Президенте Киргизской Республики). В июне 2016 г. прошли дискуссии в Оренбурге, Новосибирске и Бишкеке. В конце лета – сентябре состоялся ряд конференций и памятных мероприятий в Казахстане.

⁴ Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии» 20–21 мая 2016 года. Программа и тезисы статей. Бишкек, 2016.

⁵ Основные события и социально-политический контекст восстания реконструированы и периодически дополняются. См., к примеру, новейшие публикации: *Котокова Т.В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // *Обозреватель—Observer*. 2011. № 8. С. 98–126; *Брежнева С.Н.* Кризис власти в Российской империи на примере восстания 1916 года в Туркестане // *Грамота*. 2015. № 2(52). Ч. II. С. 47–51; Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сборник докладов Международной научно-практической конференции, Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016.

⁶ *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // *Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей*. М., 1926. С. 46–122; *Бройдо Г.И.* Восстание киргиз в 1916 году (моё показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3 сентября 1916 года). М., 1925; Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сборник документов. Ташкент, 1932; *Карпов Г.И.* Восстание тедженских туркмен в 1916 г. Ашхабад, 1935; *Асфендияров С.А.* Национально-освободительное восстание в Казахстане в 1916 году. Алма-Ата; М., 1936; *Кастельская З.Д.* Восстание 1916 г. в Узбекистане. Ташкент, 1937; и др.

⁷ *Галузо П.* Переселенческое движение и интерес русского помещика и русского капитала // *Коммунистическая мысль*. Кн. 2. М., 1926. С. 47.

⁸ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960; *Раджабов З.Ш.* Восстание 1916 г. в Ходжентском уезде. Душанбе, 1955; *Ковалёв П.А.* Тыловые работы Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957; *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; *Турсунбаев А.Б.* Казахский аул в трёх революциях. Алма-Ата, 1967; *Есмагамбетов К.Л.* Действительность и фальсификация. Алма-Ата, 1976; *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977.

всю Среднюю Азию и Казахстан, однако происходило одновременно в различных районах этой обширной территории и не имело единого, общего для всего края централизованного руководства. Почти всюду руководили отдельными выступлениями представители самих народных масс, выдвигавшиеся по отдельным районам, иногда даже по отдельным селениям в ходе восстания. Это была, по сути дела, крестьянская война, направленная своим остриём против царского самодержавия. Она начинала вместе с тем перерастать кое-где в антифеодальное движение, направленное одновременно против местной феодально-байской верхушки⁹.

Стоит напомнить, что события 1916 г. были прямо связаны с войной и её экономическими издержками, а также с кризисом системы управления окраинами. Восстание, безусловно, существенно повлияло на социально-политический контекст и трансформацию этнических сообществ региона, усилило взаимосвязь социального и национального в них. Поводом стало Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. о призыве на тыловые работы представителей коренного населения Астраханской губ. и всех губерний Сибири (кроме «бродячих инородцев»), Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской и Закаспийской областей, мусульман Терской, Кубанской областей, Закавказья (кроме осетин-мусульман, которые отбывали воинскую повинность, а также турок и курдов, которые к ней не привлекались), езидов, абхазов-христиан, калмыков и т.п.

В очагах стихийного сопротивления мобилизации вспыхнули ожесточённые межэтнические конфликты. Основными причинами масштабного насилия стали много лет копившиеся проблемы: массовое изъятие земель для переселенцев и ухудшение условий земле- и водопользования для коренного населения, возросшие с началом войны налоговые тяготы, неудовлетворительный уровень управления, мздоимство и корыстное поведение «туземной» администрации, отсутствие у коренного населения необходимых для организации набора метрических книг, принятие решения о мобилизации в дни мусульманского поста и пика сельскохозяйственных работ и др.¹⁰

Восстание охватило огромную территорию с населением около 10 млн человек. Уже в июле 1916 г. в Самаркандской обл. произошло 25 выступлений, в Сыр-Дарьинской и Ферганской – 20 и 86 соответственно. Крайне сложной была ситуация в Семиреченской обл. 18 июля 1916 г. Туркестан был объявлен на военном положении. В Степном крае наиболее крупным было восстание в Тургайском уезде, где его лидер А. Иманов создал около 20 вооружённых отрядов, объединивших 50 тыс. человек. В октябре 1916 г. они даже захватили на некоторое время г. Тургай. Мятеж был подавлен в феврале 1917 г.

Сопротивление мобилизации выражалось в разной форме: массовый уход с мест работы (в том числе работавших в хозяйствах русских семей фронтовиков), откочёвки в степи, горы и за границу, вооружённые столкновения с полицией и русским крестьянством, насильственный захват угодий, разгром крестьянских селений, государственных учреждений, занимавшихся мобилизацией, уничтожение списков призываемых, средств связи, источников воды, транспортной инфраструктуры, убийства должностных лиц и др. Насилие и агрессия стали основной формой выражения социального протеста,

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 5–6.

¹⁰ Подробнее см.: *Котокова Т.В.* Указ. соч.

канализированного в этническое русло, даже если в качестве частного предмета выступали давние и прежде разрешавшиеся мирно взаимные претензии по поводу землепользования, краж и т.п.

Масштабные жертвы среди коренного населения были во многом связаны с гибелью беженцев, направлявшихся в Китай. Из-за холодов и отсутствия корма они потеряли почти весь скот, вынуждены были отдавать или продавать за бесценок имущество, скот, жён и детей. До 53 тыс. семей (более 270 тыс. человек) вернулись, но сталкивались с ожесточением русских поселенцев и далеко не сразу получали социальную помощь. В брошенных аулах почти весь скот погиб, посевы сократились на 10–60%. Число погибших в ходе восстания, в результате бегства и эвакуации, голода и болезней из числа коренного населения точно не установлено. В Туркестане пострадали 3 709 русских: были убиты около 2 325 и пропало без вести 1 384. Погибли 7 русских должностных лиц, до 22 туземных администраторов, не считая мелких чинов и полиции. Для умирения беспорядков использовались 14,5 батальонов, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулемётов. Армия потеряла убитыми 97 человек, ранеными – 86, без вести пропали 76. По судебным решениям к 1 февраля 1917 г. были приговорены к каторжным работам 168 человек, к исправительным арестантским отделениям – 288 и тюремному заключению – 129. Из 347 смертных приговоров генерал-губернатор А.Н. Куропаткин утвердил 51¹¹.

Современная научная версия восстания складывается усилиями среднеазиатских, российских учёных и исследователей из дальнего зарубежья. В Казахстане и Киргизии были изданы новые сборники документов, повторяющие с некоторыми дополнениями советские¹². Вводятся в оборот и новые источники. Немногие российские историки, занимающиеся среднеазиатским регионом и историей российской революции, как правило, анализируют события 1916 г. в Степном крае и Туркестане в более тесной связи с общероссийским социально-политическим контекстом¹³. В частности, Росархив создал специальный интернет-проект «События в Семиречье 1916 года по документам

¹¹ Восстание 1916 г. в Средней Азии... С. 88–90, 145; История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. С. 556.

¹² Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1991; *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алматы, 1993; Грозный 1916-й год (Сборник документов и материалов). В 2 т. Алматы, 1998; Казак ұлт-азаттық қозғалысы. В 2 т. (сборник документов и материалов). Астана, 2007; Восстание 1916 года в Кыргызстане. Сборник документов. Бишкек, 2011; Восстание 1916 г. Документы и материалы. Бишкек, 2015.

¹³ См.: Дневник генерала А.Н. Куропаткина 1917 год / Публ. И.В. Карпеева, Е.Ю. Сергеева // Исторический архив. 1992. № 1. С. 159–172; Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной думы. Декабрь 1916 г. / Публ. Д.А. Аманжоловой // Там же. 1997. № 2. С. 4–22; Туркестан и Государственная Дума Российской империи. Документы ШГА Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. / Публ. Т.В. Котюковой // Там же. 2003. № 3. С. 126–136; «Совещание признало полезным...» Из журнала заседания межведомственного совещания об организации призыва инородцев на тыловые работы. 1916 г. / Публ. Д.А. Аманжоловой // Там же. 2004. № 3. С. 189–206; *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 5. М., 2008. С. 152–214; *Котюкова Т.В.* Указ. соч.; *Брежнева С.Н.* Кризис власти...; *она же.* Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2016. № 1(222). Т. 37. С. 113–117; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М., 2015; Цивилизационно-культурные аспекты...; *Исхаков С.М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии. URL: http://conjuncture.ru/ischakov_27-11-2000/ (дата обращения: 5.02.2015).

российских архивов», где представлены около 200 первоисточников (<http://semirechye.rusarchives.ru/>), вышел в свет ещё один сборник документов и материалов¹⁴. В целом в настоящее время имеется внушительный массив различных источников, что должно стимулировать их объективный анализ, способствовать углублённому изучению событий 1916 г.

Восстание выступает одним из значимых сюжетов в реконструкции судьбы и памяти народов Центральной Азии как национального страдания. Наряду с обязательным введением установочных оценок восстания в учебные пособия школ и вузов, в 1990 – начале 2000-х гг. появились работы, освещающие его ход в отдельных регионах Казахстана¹⁵. К примеру, в школьном учебнике 2005 г. восстание описывается так: «Вновь, как и в период джунгарского нашествия, возникла угроза физического истребления народа, поскольку в карательных экспедициях по уничтожению коренного населения участвовали регулярные армейские и казачьи части, вооружённые переселенцы. Карателями были уничтожены десятки казахских аулов, жестоким преследованиям подвергались мирные жители. Сотни тысяч степняков были убиты, умерли от голода и холода, загнанные царскими войсками в безводные степи и пустыни, горы, бежали за пределы Казахстана, спасаясь от карательных акций русской армии». Если в советских учебниках среднеазиатских республик акцент делался на классовом характере борьбы с царизмом и подчёркивался её интернациональный характер, то сейчас интерпретации стали этноцентристскими, а в роли жертвы выступает коренное население, страдавшее от беззаконий со стороны вооружённых русских переселенцев и русской армии¹⁶.

Составители сборника документов 1998 г. сформулировали доминирующую ныне в Казахстане и типичную для историографии других стран региона оценку событий 1916 г.: «Народное выступление в Казахстане носило общенациональный характер... Борьба против колониализма подняла национальное самосознание народа... Официальные власти намеревались использовать выступление народов восточных окраин как повод для присоединения к России восточной части Персии». Злоупотребления местной низовой администрации представителями колониальных властей, считают казахстанские авторы, сознательно преувеличены, «чтобы оправдать колонизаторскую политику

¹⁴ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии (сборник документов и материалов) / Сост. Т.В. Котюкова. М., 2016.

¹⁵ *Ермұқанов Е.Н.* 1916 жылғы көтеріліс тарихының кейбір мәселелері (Ақмола және Семей облыстарының материалдары бойынша). Алматы, 1993; *Касымбаев Ж.* Вопросы истории восстания 1916 года в Казахстане в представлениях депутатов IV-й Госдумы России // *Казахстан жоғары мектебі.* 1996. № 6; Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки // Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 1996; *Ибрагимов Ж.И.* 1916 ұлт-азаттық көтеріліс. Хандық биліктің жаңғыруы. (Сарыарқа өңірі материалдары бойынша). Қарағанды, 1999; *Бекмағанбетов Ө.Ж.* Жезказған – Ұлытау өңіріндегі 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс және оның тарихи сабағы. Астана, 2001; *Мухлынин Б.Ф.* Восстание 1916 г. в Чуйской долине. Ч. 1. URL: http://belovodskoemuh.ucoz.ru/publ/moi_ocherki/vosstanie_1916_goda_v_chujskoj_doline_chast_1_aja/2-1-0-208 (дата обращения: 27.01.2014); *Тілеубаев Ш.Б.* Жетісу облысындағы қазақ және қырғыз халықтарының 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісі. Алматы, 2010.

¹⁶ *Аяган Б.Б., Шаймерденова М.Д.* Новейшая история Казахстана: учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2005. С. 24.

и замолчать подлинные причины освободительной войны»¹⁷. Очевидными стали акцент на межэтнический характер социального конфликта и стремление доказать вину русских – представителей власти, крестьян и военных – в создании предпосылок восстания, размахе и жестокости его конкретных проявлений, а также в тяжёлых последствиях. Встречаются и достаточно радикальные выводы: например, С. Шодмонова пишет о «геноциде» казахов и киргизов, обвиняя «колониальную» власть в натравливании народов друг на друга¹⁸.

Публичное обсуждение прошлого часто оказывается привязанным к актуальным политическим интересам, что затрудняет анализ сложной и противоречивой проблемы, способный внести конструктивное и примиряющее начало в научные дебаты и общественное сознание. Казахстанский политолог Д.Р. Ашимбаев считает: «К сожалению, объективный подход к вопросам общей истории России и Центральной Азии, занимая относительно устойчивые позиции в исторической науке, находится на периферии базовых процессов, происходящих в информационном и политическом пространстве. Трендом является высказывание взаимных претензий: по пограничным вопросам, перегибам, репрессиям, языковым вопросам, проявлениям национализма и шовинизма, причём за весь период истории – от первого столкновения славян с кочевниками – печенегами и половцами до создания Евразийского экономического союза»¹⁹.

Традиционные системы социальных взаимосвязей в сообществах коренного населения в начале прошлого века оставались мало понятыми и плохо учитывались в деятельности региональной администрации. Аграрная и в целом экономическая политика, социально-культурные мероприятия и управленческие решения на протяжении многих лет после включения региона в состав империи не предусматривали как первоочередную задачу формирование культуры межэтнических отношений. Между тем культурные границы между русскоязычным и коренным населением сохранялись, прежде всего, из-за языкового барьера со стороны первого (двуязычие постепенно становилось необходимо для части «туземцев»): «Русские переселенцы, как правило, игнорировали языки коренных народов, не происходило размывания этнических границ и складывания промежуточных двухкультурных групп, которые связывали бы себя преимущественно с территорией, а не с этносом. Это практически закрыло один из главных путей становления гражданской нации, причём задолго до большевистских экспериментов в области национальной политики»²⁰.

Советские и современные исследователи показали, что после начала столыпинской реформы основным мотивом большинства самовольных переселенцев было стремление выйти из малоземелья, никак не связанное с этноконфессиональными предубеждениями. Столыпину докладывали: «Продавали

¹⁷ Грозный 1916-й год... С. 3, 6, 7. См. также: *Суюмбаев М.Н., Суюмбаев И.М., Курманов З.К., Узбеков Д.С.* Внешние и внутренние геополитические предпосылки восстания (бунта) 1916 года // Вестник КРСУ. Т. 15. 2015. № 11. С. 201–203; *Абдоллаев К.* Почему Средняя Азия восстала против России (К 100-летию восстания 1916 года: заметки историка). URL: // <http://www.fergananews.com/articles/8964> (дата обращения: 15.05.2016); и др.

¹⁸ *Шодмонова С.* Нарушение прав и свобод человека через призму истории: Семиреченская трагедия на страницах Туркестанской периодической печати // Отан тарихы (Алматы). 2007. № 3. С. 33–44.

¹⁹ *Ашимбаев Д.Р.* Восстание 1916 г.: вопросы трактовки в контексте современной политики // Цивилизационно-культурные аспекты... С. 17–21.

²⁰ *Празаускас А.* Слагаемые государственного единства // Pro et contra. Т. 2. 1997. № 2. С. 25.

и продают свои наделы не только “бросовые” люди деревни, пропойцы, туняццы или люди, давно отбившиеся от земли, но ещё и те крестьяне, которые мечтают о переселении за Урал, на Аму-Дарью и на какие-то фантастические “Белые воды”²¹. А.Б. Турсунбаев отмечал, что среди переселенцев преобладали общинники – середняки и бедняки из западных (украинских), центральных и южных российских губерний. Они повсеместно сталкивались с взяточничеством чиновников переселенческих управлений, задержкой или невыдачей ссуд, страдали от инфекционных заболеваний, трудностей природно-климатической адаптации. Самовольных переселенцев облагали налогами за пашню, выпас скота, рубку дров, за право проживания в посёлках, в итоге они долго ютились в хибарках и землянках по 2–3 семьи. Только в Акмолинской обл. в 1909 г. таковых было 106 864 человека²². Переселенцы оказывались в новых условиях, где утрачивались прежние механизмы социального взаимодействия. Власть запаздывала или невнимательно относилась к их конфессиональным потребностям²³.

Коренное население настораживало иждивенчество новосёллов, получавших помощь государства, а хищническое истребление леса, безответственное истощение земель, наряду с примерами безнаказанности за захват земли, скота и предвзятого отношения к себе не могли не породить протестных настроений. За собирательным образом колонизатора-хищника закрепилось прозвище «кустанаец»²⁴. Однако вряд ли правомерно объяснять логику самостоятельных переселенцев-одиночек, отправлявшихся в неизведанные края и постепенно обраставших хозяйством, присоединявшимися к ним родственниками и земляками, как некий тайный «стратегический умысел» по «захвату» исконных владений коренного населения²⁵. Такие действия вполне укладываются в традиционную модель поведения крестьянских «колонизаторов»: лишь после достижения определённой устойчивости они обращались в органы власти с ходатайствами о легализации административно-территориального статуса образованных ими поселений и о строительстве церквей.

Между тем социальные сдвиги происходили и у коренного населения²⁶. Говорить о русификации народов региона вряд ли уместно, потому что традиционная культура и родные языки оставались в их среде господствующими. Неубедительно выглядят и утверждения о духовной экспансии православия²⁷. На деле укоренение ислама среди казахов в начале XX в. происходило в качестве защитной реакции на колонизацию, в том числе на усилия православных

²¹ Цит. по: *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950. С. 32. См. также: Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Под ред. В.И. Дятлова. Иркутск, 2011.

²² *Турсунбаев А.Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. С. 39–47, 49–50. См. также: *Детко J.* The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington, 1969.

²³ См.: *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане...

²⁴ Восток России... С. 82–83, 75–76. Кустанай – город на северо-западе Казахстана, основан в 1879 г., до 1895 г. Николаевск, с 1880 г. разрешено селиться крестьянам из внутренних губерний России. В начале XX в. крупный торговый ярмарочный центр. С 1997 г. – Костанай.

²⁵ *Садвокасова З.Т.* Русские крестьяне-переселенцы и русская православная церковь в Казахстане (II половина XIX в.) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 2(57). С. 21–23.

²⁶ См.: Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М., 2003; Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: Сборник документов. Караганды, 2005; *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане...

²⁷ См.: *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане. Алматы, 2005.

миссионеров²⁸, в Туркестане же ислам и до начала колонизации играл исключительную роль в системе моральных и духовных ценностей, правовых норм и быта населявших его народов.

Восстание стало результатом многолетнего ухудшения социального положения масс, связанного в общественном сознании с ростом русского влияния в лице переселенцев и с непреодолимой преградой между населением и региональными русскими чиновниками, олицетворявшими власть «белого царя». Вывод современных авторов о том, что переселенческое дело заставило оппозиционную общественность переосмыслить свои воззрения на русского крестьянина, который неожиданно оказался не только «страдальцем», но и «хищником» по отношению к природе и коренным народам Азиатской России²⁹, важен также для более глубокого понимания природы и условий зарождения социально-психологической напряжённости в межэтническом взаимодействии. Крестьянское сознание оценивало самовольное переселение как участие в решении стратегической задачи монархии, что вселяло веру в обязательную помощь «казны» и выражалось в требованиях к местной бюрократии помочь в обустройстве на новых землях. Даже освобождение казахов и сибирских народов от воинской повинности («они Царю не служат») становилось основанием потеснить их в земельных правах. С точки зрения крестьянина-земледельца земли кочевников были «пустыми», права на них коренного населения рассматривались как «сомнительные», а дополнительным оправданием захватов мог стать и мотив социальной справедливости (местные богатеи-де «злоупотребляют» своим положением «ради эксплуатации большинства» своих соплеменников)³⁰.

Одновременно в местных сообществах проявился длительный и комплексный внутренний конфликт. С.Н. Абашин обращает внимание на «более сложный репертуар поведения колонизируемых и колонизаторов, нежели простая схема доминирования, подчинения и сопротивления... Пространство колониальной власти... не было гомогенным, в нём были точки сильного и слабого напряжения противоречий, в одних таких точках конфликт между колонизаторами и колонизованными был острее и предопределял динамику событий, в других колониальные диспропорции были менее заметными, чем диспропорции внутри самого местного общества»³¹.

Говоря о причинах восстания, большинство авторов справедливо указывает на рост социально-экономических противоречий и трудностей, связанных как с изъятием у коренных жителей земель для переселенцев, длительным

²⁸ См.: *Лысенко Ю.А.* Миссионеры Киргизской православной миссии о степени исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв. // Мир Большого Алтая. 2016. № 2(1.1). С. 53. З.Т. Садвокасова, убеждённая в крайней опасности и реальном ущербе от духовной экспансии царизма в прошлом, между тем признаёт, что на практике среди русских переселенцев второй половины XIX в. нередки были случаи перехода в ислам. См.: *Садвокасова З.Г.* Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // Отан тарихы. 2007. № 3; она же. Русские крестьяне-переселенцы... С. 21–23.

²⁹ Восток России... С. 34–35.

³⁰ *Дуров А.В.* Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. С. 54. Цит. по: Восток России... С. 64. См. также: *Марусин С. [Шевцов С.П.]*. В степях и предгорьях Алтая. «Шатуны» // Вестник Европы. 1895. Кн. 5. № 9. С. 323–341; *Кауфман А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905; *Комаров А.И.* Правда о переселенческом деле. СПб., 1913; *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. Вып. 2. СПб., 1913; и др.

³¹ *Абашин С.Н.* «Туземные» чиновники и восстание 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты... С. 89–90.

процессом вовлечения кочевого хозяйства казахов в новые производственные отношения, их влиянием на социальное развитие казахского этноса и на межэтнические отношения, так и с критическим воздействием военных тягот³². Всё это вызывало недовольство и создавало почву для волнений. Британский исследователь А. Моррисон подчёркивает, что восстание отчасти было обусловлено долговременными противоречиями в обществе и экономике, отчасти — непосредственными тяготами войны. Скорее всего, оно не было неожиданным — многие из противоречий, которые породили его, были заметны уже десятью годами ранее. Однако внутренние распри и самонадеянность бюрократии в сочетании с тяготами войны привели к тому, что эти противоречия не были приняты во внимание. Большое количество свидетельств этнического характера бунта имеется даже в опубликованных в ранние советские времена сборниках документов. Резне русских переселенцев киргизами и казахами Семиречья были вполне под стать столь же жестокие ответные меры со стороны переселенцев, называвших местное население «собаками». В годы войны и революции проходили кампании по захвату земель русскими переселенцами, что рассматривалось в качестве мести за бунт³³. Этот общий вывод, однако, он нуждается в более детальном обосновании.

В изучении Тургайского очага восстания кроме реконструкции событий стоит обратить внимание на их этносоциальную динамику, в частности, какое значение имели внутриэтнические противоречия между кипчаками и аргынами, вылившиеся, как считают некоторые казахстанские историки, в затянувшийся конфликт и взаимную месть между сторонниками А. Иманова и А. Жанбосынова, с одной стороны, и Оспана Шолака, — с другой. Конкуренция между претендентами на лидерские позиции в отдельных областях и волостях возникала не только на социальной основе (одни, как Т. Бокин, выступали против традиционной этносоциальной иерархии, другие опирались на межродовую стратификацию, третьи направляли свой гнев против переводчиков и других должностных лиц, сотрудничавших с официальными структурами). Почти повсеместное избрание ханов, в том числе в Тургайской обл., вряд ли можно расценивать как стремление к самоопределению, скорее, это был один из этапов организации в рамках традиционных представлений о системе управления.

К. Аллез сравнивает события в Тургае с восстанием Кенесары Касымова, с точки зрения непрерывности и трансформации форм борьбы, и указывает, что при различии политических требований родовая стратегия за почти 100 лет не изменилась. И. Оайон считает, что наследие 1916 г. послужило матрицей в вооружённых конфликтах в Тургае периода оседания и коллективизации 1929—1930 гг., и это выразилось в попытках возрождения института кипчакского ханства, военной организации и действиях харизматических лидеров.

³²Учитываются и внешнеполитические условия. Так, Д. Ашимбаев указывает: «Исключать фактор причастности немецкой и турецкой агентуры если не к самому восстанию, то хотя бы к обострению обстановки в регионе (антирусийская и протурецкая пропаганда) было бы абсурдным» // *Ашимбаев Д.* Указ. соч. С. 14. См. также: *Васильев А.Д.* К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. // *Цивилизационно-культурные аспекты...* С. 108—113.

³³См.: *Morrison A.* The 1916 Central Asian Revolt // *The Ninth ICCEES World Congress August 3—8, 2015 Makuhari Preliminary Program (September 18, 2014).* Makuhari, 2014. P. 71.

Обращается внимание и на использование традиционного военного словаря казахов в политическом языке участников сопротивления 1929–1930 гг.³⁴

В казахстанской историографии нет ясности по поводу оценки поведения национальной интеллигенции в связи с восстанием. До сих пор нет даже точных данных о её численности. М. Чокаев в 1920 г. писал, что во время восстания интеллигенция, получившая знания в русских учебных заведениях, нисколько не задумываясь, решила быть с народом, несла вместе с ним физические лишения и оказывала ему посильную помощь³⁵. Современные казахстанские авторы лишь констатируют факт поддержки интеллигенцией «колониаторской царской» власти, как бы не решаясь отказаться от советского наследия, клеймившего алашординцев за служение «антинародным» режимам царизма и Временного правительства и тем самым вступая в противоречие с утверждением о равнозначной колониальной сущности всех этапов казахской истории в составе Российского и Советского государств.

Т. Уяма считает, что позиция казахских интеллектуалов объясняется их надеждами получить от власти в последующем «бонус» в виде расширения политических и социальных прав³⁶. Это, конечно, имело место. Но уже опубликованные документы, в том числе свидетельства самих казахских интеллигентов³⁷, показывают, что внутри образованной части этносообщества возникли довольно острые противоречия. Кроме того, стоит подчеркнуть, что интеллектуалы, объединённые вокруг А.Н. Букейханова, считали исключительно важным заявить о солидарности казахов как граждан империи со своим государством и всеми его народами, и своими публикациями, заявлениями и действиями последовательно стремились формировать в обществе сознание совместной ответственности всех народов страны за её судьбу в условиях войны. Добиваясь равноправия, они тем самым утверждали своё единство со всем российским социумом. В этом контексте стоит привести слова Букейханова, назначенного комиссаром Временного правительства в Тургайскую обл., при закрытии Тургайского казахского и крестьянского съезда 28 апреля 1917 г., когда Первая мировая война была ещё далека от завершения: «Без мирного труда в тылу мы не укрепим завоёванную свободу. Это помните, крестьяне и киргизы. В тылу сохраните мир, на фронт дайте продовольствие. Киргизы, дайте скот. Русские, дайте хлеб». В мае 1917 г. в связи с земельным конфликтом в одной из волостей, имевшим межэтнический характер, он призывал казахов «не ссориться с русскими, жить в ладу»: «В настоящее переходное время в интересах государства и закрепления завоёванных свобод необходимо, чтобы все

³⁴ Аллез К. Непрерывность и трансформация форм восстания в казахской среде: сопоставление восстания 1916 года в Тургайском регионе с восстанием Кенесары Касымова // Международное научное совещание... С. 49; *Ohayon I.* From the 1916 Uprising to the Armed Protest during the Collectivization and Sedentarization (1929–1930): Legacy and Continuity in the Turgay Region among the Kazakh Society // Там же. С. 53.

³⁵ Шоқай М. Шығармаларының толық жинағы. 12-томдық. Т. 1. Алматы, 2012. С. 156.

³⁶ Уяма Т. A Rebellion Born in the War: The 1916 Revolt in Institutional, Social, and International Contexts // Международное научное совещание... С. 45. Узбекский автор приводит утверждение А. Халида: для джадидов было приоритетом сохранение своего места в обществе, руководимом Россией, чтобы на волне этого движения «въехать» в русское общество, а после победоносного для России окончания войны стать уважаемой и признанной частью российской элиты, лидерами нового Туркестана. См.: *Абдуллаев К.* К 100-летию восстания 1916 года: Заметки историка. URL: 2016.12 мая // <http://www.ferghananews.com/articles/8964> (дата обращения: 15.05.2016).

³⁷ Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы. Т. 2. Жетысу-Иссык-кульская трагедия: 1916–1920 гг. С. 37–40.

граждане России без различия партий, национальности и вероисповедания, жили между собой в ладу, помогая по мере возможности друг другу»³⁸.

Однако, за исключением немногочисленной группы казахов, в огромном регионе практически отсутствовала светски образованная и встроенная в общероссийскую социально-культурную систему интеллигенция, которая, как показывает опыт казахов, могла сыграть важную роль в налаживании обратной связи и компромисса с властью и в миротворческом влиянии на массы. Прецеденты полезного сотрудничества власти и национальной элиты имели место — это созыв межведомственного совещания в августе 1916 г. по проблемам организации призыва тыловиков, создание Инородческого отдела на Западном фронте, деятельность которого ещё не изучена, назначение комиссарами Временного правительства в Семиречье и Тургайскую обл. представителей и знатоков региона и национальной культуры М. Тынышпаева (а также О. Шкапского) и А. Букейханова соответственно. В 1916–1917 гг. лидеры казахской интеллигенции предпринимали разные попытки противостоять конфронтации на этносоциальной основе, искали способы укрепления гражданской солидарности на трудовой, соседской, экономической почве, но не смогли противостоять доминирующей силе всеобщего кризиса.

Актуальной проблемой является уточнение роли и характера системы управления в регионе, которая, несмотря на предложения ряда чиновников, оставалась военной вплоть до 1917 г., как и в Туркестане, причём сохранялись религиозное и традиционное право как регуляторы внутриэтнических отношений. Дж. Бербанк именно с военным управлением связывает невозможность интеграции местной элиты в высшие эшелоны государственной бюрократии³⁹. Центральная бюрократия считала среднеазиатские окраины самыми спокойными территориями империи. Насколько именно такой подход центральной власти и региональной администрации был оправдан, и как военная система управления повлияла на масштабы восстания и на крайние формы насилия его участников?

Показательно свидетельство начальника управления земледелия и государственных имуществ в Туркестане в 1912–1915 гг. А.А. Татищева о культурном водоразделе между русскими и «туземными» деятелями и жителями в Ташкенте: «Надо признать, что для нас туземный город как бы не существовал... Этот город жил своей замкнутой жизнью, хотя и поставлял, кажется, половину членов Городской думы, а в царские дни представители туземного города, седебородые сарты в национальных халатах... изъясляли генерал-губернатору чувство верноподданнической верности населения (неизменно по-сартовски — через переводчика, хотя думаю, что фактически эти сарты уже умели говорить по-русски)». Он же констатировал «фактическое всевластие волостной администрации, несомненно облагавшей жителей волости незаконными поборами. Но кажется, ни один сарт, ни киргиз не посмел бы жаловаться». Восстание 1916 г. Татищев считал вызванным «нашей административной ошибкой, совершенно непростительной»⁴⁰.

³⁸ Цит. по: *Аманжолова Д.А.* Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993. С. 112.

³⁹ *Burbank J.* The Rights of Difference: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Imperial Formations* / Ed. by A.L. Stoler et al. Oxford, 2007. P. 81, 93–94.

⁴⁰ Водораздел был не только культурным, но и физическим: русскую часть города отделял от туземной ров глубокого арыка. *Татищев А.А.* Земля и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 157, 176–178.

Альянс краевых и областных управленцев с так называемой туземной местной властью оказался неудовлетворительным, что обнаружилось, когда набор тыловиков был передоверен низовой администрации⁴¹. Не учитывалась роль мусульманских лидеров и их влияние среди населения, сохранялось автономное положение духовенства. Признание сложностей и недостатков управленческой системы, народных судов и других институтов социально-политической организации сопровождалось длительными обсуждениями, но дальше этого дело почти не шло. Между тем ещё в 1926 г. П.Г. Галузо справедливо указывал, что во время восстания «масса с одинаковым ожесточением бьёт и русского чиновника, и волостного бая»⁴². Традиционные практики контроля населения исчерпали себя, а угроза этнонационализма была недооценена. Управленческая культура на каждом этапе власти существенно влияла на развитие ситуации в регионе и оказалась явно неудовлетворительной для предотвращения межгрупповых, в том числе межэтнических, конфликтов⁴³.

Одной из проблем изучения событий начала XX в. стали попытки связать прошлое с современным нацистроительством. В Казахстане М.К. Козыбаев и А.К. Бисембаев в начале 1990-х гг. предложили рассматривать восстание в качестве одной из первых национально-освободительных революций в колониях России⁴⁴. При этом события 1916 г. расцениваются как пролог к подлинной истории, начавшейся после распада СССР. В то же время произошла своеобразная сегрегация исторического пространства, когда исследователи Казахстана и республик Центральной Азии пытаются рассматривать прошлое своих стран отдельно от прошлого Российской империи и СССР.

Более продуктивным представляется признание специфической этносоциальной, экономической, политической и культурной сложности ситуации в Казахстане и Средней Азии в период Первой мировой войны и революции в контексте общероссийских процессов. Так, А. Моррисон считает, что восстание не должно рассматриваться просто как пролог Февральской и Октябрьской революций. Напротив, жестокости революции 1917 г. в Центральной Азии были, скорее всего, обусловлены этим недавним травматическим опытом. И царское, и Временное правительства в ответ предлагали гораздо более радикальное разделение поселенцев и местного населения. Вернувшиеся же из Китая беженцы, как и другие участники восстания, лишь воспроизводили возникшие в 1916 г. образцы поведения после Октября 1917 г.⁴⁵

Действительно, за время восстания не произошло общенациональной мобилизации и консолидации, ни в одном его очаге не возникли сколько-нибудь значимые организационно-политические структуры, которые бы выдвигали

⁴¹ На международной научно-практической конференции «Восстания 1916 года в Азиатской России: неизвестное об известном» (Алматы, 28 июня 2016 г.) Т.Т. Далаева, пожалуй, впервые детально проанализировала позиции казахских волостных управителей в восстании в связи с разными этносоциальными, экономическими и другими факторами.

⁴² Галузо П. 16-й год в Туркестане и как не следует о нём думать // Коммунистическая мысль. Кн. 2. М., 1926. С. 170.

⁴³ А.А. Татищев заметил, что «старую» традицию края воплощал лишь ферганский губернатор А.И. Гилпиус, считавшийся идеалом уездного начальника, который разбирает дела населения «по совести и здравому смыслу». См.: Татищев А.А. Указ. соч. С. 174.

⁴⁴ Козыбаев М.К., Бисембаев А.К. Учебное пособие по истории Казахстана с древнейших времён до наших дней. Алма-Ата, 1992. С. 79.

⁴⁵ Morrison A. Refugees, Rehabilitation and Revolutionary Violence between the 1916 Revolt and the October Revolution // Международное научное совещание... С. 54.

требования национального самоопределения даже в форме автономии, объединяли бы этнические сообщества на какой-либо партийной платформе (исключением, как уже говорилось, можно считать лишь активную позицию казахской интеллигенции). Показательно свидетельство М. Чокаева: «В такой отсталой стране, как наш Туркестан, мог бы удержаться всякий режим, всякая форма государственного строя, ибо там, где нет ещё ясно выраженного расслоения населения по социальным плоскостям, не может быть успешной организованной борьбы за интересы народа»⁴⁶.

Газета «Туркестанский голос» 14 октября 1916 г. писала, что восстание кочевников Семиречья возникло «не под влиянием определённого плана отдельных лиц и не в результате продуманной программы действий, а в силу социально-экономических причин, сознательное определение которых было, конечно, не под силу слабой количественно и качественно киргизской общественности. Тем более повстанческое киргизское движение не преследовало определённых, заранее предугазанных себе населением целей. Возникшие стихийно, в результате долго накапливавшегося недовольства существующими экономическими отношениями и земельным “утеснением”, движение это стало искать конкретных, ближайших целей уже в самом “процессе делания”. Однако, будучи “безнадёжным” в силу неорганизованности населения и неоформленности его чаяний, не говоря уже о фактическом соотношении борющихся сил, киргизское движение “выдохлось” раньше, чем могло принять организованные формы»⁴⁷. Сложносоставной характер населения Степного края усилился к 1916–1917 гг., но этнокультурные, социальные, образовательные, конфессиональные и другие перегородки между его слоями были достаточно ощутимыми. Поскольку есть немало подтверждений нейтрального поведения коренного населения Центральной Азии в связи с революционными событиями 1917 г., вряд ли можно проводить прямую параллель между трагическими событиями 1916 г. и революцией 1917 г.

По-прежнему востребован дальнейший анализ сущности российского присутствия (колониализма) в регионе. Совсем недостаточно объяснять его с использованием классических марксистских штампов («пережиток империализма», «сырьевой придаток», «борьба за передел мира» и т.д.), которые лишь частично и с серьёзными оговорками могут быть применены к оценке политики России в степных областях⁴⁸. Моррисон считает, что Казахстан и Средняя Азия «просто обязаны быть в центре любого анализа российского империализма»⁴⁹ (до сих пор на эти регионы просто распространялись оценки, дававшиеся для других мусульманских регионов Российской империи). Здесь, по его мнению, империя сформулировала новую политику, направленную на отделение массы коренного населения от их традиционных правителей и введение институтов местного самоуправления⁵⁰. Дискутируя с ним, С.Н. Абашин уточняет, что следует учитывать динамику укрепления колониальной власти в регионе, а также её негомогенность и способность не только подавлять, но и предоставлять

⁴⁶ Цит. по: Шокай М. Указ. соч. Т. 1. С. 147.

⁴⁷ Казак ұлт-азаттық қозғалысы. Т. 2. С. 110.

⁴⁸ Безвиконная Е. Реконструкция национальной истории в современной Республике Казахстан (на примере российско-казахских отношений XVIII–XIX вв.) // *Ab imperio*. 2004. № 1.

⁴⁹ Моррисон А. «Мы не англичане...». К вопросу об исключительности российского империализма // *Восток Свыше* (Ташкент). 2015. № 3(XXXVIII). С. 70.

⁵⁰ Там же. С. 76.

невиданные до того возможности, порождать новые интересы в локальной жизни местных сообществ⁵¹.

Историографическая ситуация в большинстве постсоветских стран в целом схожая. Огромный массив западной литературы по проблемам национализма и антиколониальных движений, обрушившийся на ранее почти закрытое от внешних контактов профессиональное сообщество, породил очевидные проблемы с освоением нового понятийного аппарата, различных методологических подходов и терминологии. Это оборачивается искусственной «модернизацией» языка историописания, неоправданным усложнением стилистики, теоретико-методологической эклектикой. В результате теоретизирование оказывается мало удачным, а изучение конкретных вопросов запутывается или даже приостанавливается. Многие молодые исследователи едут «на Запад изучать Восток». А та часть, которая «осталась» в рамках своих старых (советских) академических практик и продолжает использовать русский язык, переживает академическую маргинализацию. Сужается пространство для апробации исследований, теряется социальный статус образования, полученного на русском языке, снижается цитируемость работ, написанных на русском и региональных языках⁵².

Одна из важных проблем – очевидное падение культуры и методики изучения нормативно-правовых документов, архивных и других источников как фундамента исторической науки в 1990-е гг. Это вызвано, в частности, трудностями становления системы подготовки архивистов после распада СССР, разрывом и/или ухудшением качества и интенсивности научных связей между российскими и казахстанскими учёными, переходом на Болонскую систему подготовки научных кадров. Получили распространение избирательное цитирование и широкие заимствования, больше похожие на плагиат, подмена понятий, терминологическая путаница и неадекватное использование англоязычного новояза. Русскоязычные тексты грешат обилием грамматических и стилистических ошибок, работы же на языках народов Средней Азии крайне редко используются российскими историками.

В то же время на примере динамики исследований событий 1916 г. очевиден не только прирост документальной базы. В ходе состоявшихся в год столетия восстания международных дискуссий стимулируется более предметное изучение роли отдельных администраторов, лидеров и разных групп коренного населения (к примеру, всё ещё мало изучено восстание иомудов), управленческой культуры всех уровней в эскалации и деэскалации социально-этнической напряжённости. Наряду с анализом характерных отличий восстания в разных регионах, перспективным представляется предложение учёных рассматривать события мятежного 1916 г. как комплекс сложных по составу, целям, формам проявлений и динамике протестных акций.

⁵¹ *Абашиш С.Н.* Указ. соч. С. 90–92.

⁵² *Бисенова А., Медеуова К.* Что такое региональные исследования в современной антропологии (на примере Центральной Азии) // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 38.

Государство и паломничества мусульман в Туркестане

Владимир Литвинов

Imperial authorities and the Muslim pilgrimage within Turkestan

Vladimir Litvinov (Bunin Yelets State University, Russia)

О Русском Туркестане сегодня пишут мало, в постсоветский период наметилась тенденция изучать историю Российского государства в рамках его нынешней территории. При этом совершенно игнорируется происходившее в Российской империи переплетение различных этноконфессиональных культур и перманентное межцивилизационное взаимодействие, в котором русский народ играл организующую и консолидирующую роль, формируя действительно многонациональную государственность и цивилизацию, ставшую затем основой и советской, и нынешней федерации. Поэтому изучение прошлого империи в её целостности принесёт пользу историографии всех стран, некогда входивших в её состав.

Термин «Русский Туркестан» использовался не только в дореволюционной, но отчасти и в советской, и в зарубежной¹ историографии, публицистике, обозначая те территории Средней Азии, которые управлялись непосредственно царской администрацией, поскольку здесь существовали также Бухарский эмират и Хивинское ханство, находившиеся под протекторатом Российской империи, но не входившие в её состав. Русский Туркестан существовал с момента учреждения 12 февраля 1865 г. Туркестанской обл. до Февральской революции 1917 г. В административно-территориальном отношении до 1898 г. (формально даже до лета 1899 г.) данный регион не был единым. В отдельные годы здесь существовало не только Туркестанское генерал-губернаторство, но и не подчинявшаяся ему Закаспийская обл., образованная в 1881 г., и Семиреченская область, являвшаяся частью Степного края (с центром в Омске). В 1898 г. все пять областей Русского Туркестана (Закаспийскую, Семиреченскую, Самаркандскую, Сырдарьинскую и Ферганскую) включили в Туркестанский край, находившийся в ведении Военного министерства.

Побывав в конце 1880-х гг. в Туркестане, будущий вице-король Индии и министр иностранных дел Великобритании Дж.Н. Кёрзон признал, что «русские дали местному мусульманскому населению столько свободы, сколько оно не имело ранее». «Русский режим в Средней Азии, — писал он, — не допускает никакой антиисламской пропаганды и запрещает обращение мусульман в христианство. Такая религиозная политика русских властей выгодно отличается от действий англиканской церкви в наших колониях, чья миссионерская активность является просто поразительной, поскольку она жаждет создавать христианских неопитов, даже там, где они пока ещё не стали британскими

© 2017 г. В.П. Литвинов

¹ См., например: *Meakin A.* In Russian Turkestan. A garden of Asia and its people. L., 1903; *Skrine F.G., Ross E.D.* The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. L., 1899; *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. In 2 vols. L., 1876; и др.

подданными»². При этом «царские власти в Туркестане оставили нетронутыми все принципы и учреждения в традиционном быте мусульман, не отменили вакуфы мечетей, медресе и “святых мест” — мазаров»³. Как отмечал Кёрзон, русское правительство мало вмешивалось в конфессиональную жизнь мусульман Средней Азии, тем более в их паломничество к «святым местам». Даже явный русофоб англичанин А. Краусс заявлял: «Нельзя отрицать, что русская система управления хорошо приспособлена к нуждам народов Средней Азии и именно ей они обязаны переходом от рабства и насилия к безопасности жизни и стабильности порядков»⁴. По мнению Э. Рональдшоу, «если брать за главный критерий — успех, то отношение России к туземным народам Туркестана показывает заметное превосходство над нашим в Индии»⁵.

Французский путешественник и разведчик Г. Бонвало указывал, что не только население Русского Туркестана, но и «все народы и племена, окружающие Британскую Индию, устремляют свои взоры на Россию и русских и ждут от них чего-то хорошего». «Завоевать доверие азиатов, — считал он, — дело очень трудное, но многие из недовольных англичанами гиндукушцев говорят: “Когда русские будут здесь — всё будет по-другому”»⁶. О свободном паломничестве мусульман к «святым местам» в Русском Туркестане сообщали также датчанин О. Олуфсен⁷ и швед С. Гедин⁸. Довольно взвешенно и объективно освещалось отношение царских властей Туркестана к «святым местам» и паломничеству к ним и в зарубежной историографии. Так, Ю. Бэкон констатировал, что в 1880-е гг. в регионе «произошло резкое снижение авторитета мусульманских святынь — могил святых (мазаров) и паломничества к ним местных мусульман... даже такие святыне места, как мавзолей Шах-и Зинде посещало мало паломников»⁹. Однако исследователь вовсе не связывал данный процесс с запретительными мерами туркестанской администрации, действовавшей, по его оценке, вполне толерантно. Лишь в постсоветский период, преимущественно среди историков Узбекистана и Туркмении, на волне критики «колониализма» стало распространяться представление о том, что «российский режим» (и царский, и советский) притеснял религиозные чувства мусульман Туркестана и, в частности, запрещал им зиярат — не признаваемое каноническим исламом, но популярное в Поволжье, на Кавказе и в Средней Азии паломничество к могилам местных «святых».

Не трудно установить, что законодательство империи не ставило никаких препятствий для паломничества мусульман Русского Туркестана к их *традиционным* «святым местам». Более того, ни в одном «Положении», регулировавшем управление Туркестанским и Степным краями и их областями, о мусульманских «святых местах» и паломничестве к ним даже не упоминалось¹⁰. Вместе с тем местными властями устанавливались специальные нормы, регулировавшие устройство новых мест поклонения (множество прошений об этом поступало в областные правления и краевую канцелярию). Поначалу открытие новых

² Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. L., 1889. P. 393.

³ Ibid.

⁴ Krausse A. Russia in Asia. A record and study. 1558—1899. L., 1900. P. 136.

⁵ Ronaldshaw E. On the outskirts of Empire in Asia. L., 1904. P. 4.

⁶ Bonvalot G. Through the Heart of Asia over the Pamirs to India. Vol. 1. L., 1889. P. 14—15.

⁷ Olufsen O. Through the unknown Pamirs. The second Danish expedition. 1898—1899. L., 1904. P. 47.

⁸ Hedim S. My life as explorer. N.Y., 1925. P. 121.

⁹ Bacon E.E. Central Asia under Russian Rule. A study of Cultural Change. N.Y., 1966. P. 113.

¹⁰ ПСЗ-II. Т. 40. Отд.1. СПб., 1867. № 42372; Т. 43. Отд.2. СПб., 1873. № 46380; ПСЗ-III. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 318—344; Т. 10. Отд.1. СПб., 1893. № 6576. С. 70—75; Т. 11. Отд.2. СПб., 1894. № 7574. С. 142. См. также: Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900. С. 265.

«святых мест» в Туркестане предполагалось предоставить генерал-губернатору, но известные исламоведы края Н.И. Гродеков, Н.П. Остроумов, В.П. Наливкин, Н.С. Лыкошин и др. резонно указали на то, что непосредственное участие в этом деле «главного начальника края», с одной стороны, придаст слишком большое значение данным объектам, а с другой — обратится в формальность, поскольку краевой канцелярии будет непросто определить, насколько тот или иной умерший мусульманский «праведник» заслуживает официального признания места его погребения «святым». В результате правом разрешать открытие новых «святых мест» были наделены военные губернаторы областей, лучше знавшие положение на местах. Именно им следовало подавать в установленном порядке соответствующие прошения с изложением обстоятельств, указывающих на «святость» покойного. Разумеется, военные губернаторы никогда не принимали решений по таким вопросам без предварительного рассмотрения их в областных правлениях. Непременно запрашивались перед этим и мнения начальников уездов и участков приставов, хорошо понимавших обстановку и нередко помнивших покойных «праведников» ещё живыми. К их мнению, как правило, и прислушивались. В случае удовлетворения ходатайства, лица, подавшие его, получали выписку из утверждённого военным губернатором журнала заседания областного правления о дозволении открыть «святое место». После этого «святое место» признавалось законным объектом паломничества.

Следует отметить, что мусульмане обращались к такой практике лишь в тех случаях, когда при «святом месте» учреждался вакуф — пожертвованное ему благочестивым верующим (по завещанию) недвижимое имущество. Без разрешения областного правления вакуфные дарения считались недействительными. Если же вакуф отсутствовал, то мусульмане никаких прошений не подавали, справедливо полагая, что могут почитать могилу (мазар) «святого» без разрешения русских властей, точно так же, как они делали это при посещении иных сакральных объектов. Ещё со времён первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, управлявшего краем в 1867–1882 гг., власти относились к подобным паломничествам мусульман без особого энтузиазма, но с пониманием. Никто не хотел из-за «пустяков» обострять отношения с местным населением, запрещая людям посещать дорогие им могилы. Между тем сакральные объекты легко становились центрами многолюдных сборищ паломников, на которых ишаны, матдахи, дервиши, ризалачи и др. часто провозглашали враждебные России лозунги и вели беседы «неблагонадёжного» характера.

Несмотря на это, паломничество мусульман к «святым местам» в Туркестане пресекалось администрацией края только во время эпидемий, почти ежегодно охватывавших те или иные его части. Тогда всякое передвижение и перемещение людей, в том числе и паломников, немедленно прекращалось. Так, как сообщала 11 марта 1897 г. в № 10 авторитетная и популярная среди мусульман газета «Терджиман» («Переводчик»), издававшаяся известным общественным деятелем И. Гаспринским, «туркестанский генерал-губернатор (А.Б. Вревский. — *В.Л.*), после переговоров с бухарским эмиром и хивинским ханом, запретил совершать паломничество к “святым местам”, расположенным на территории Русского Туркестана и ханств из-за распространения холеры в этих государствах»¹¹.

¹¹ *Абдирашидов З.* Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете «Таржуман» (1883–1917). Токио, 2011. С. 103.

Но издававшиеся во время эпидемий циркуляры генерал-губернаторов и военных губернаторов областей не были самостоятельным «творчеством» местного начальства, а следовали требованиям «Устава о карантинах», утверждённого ещё 21 августа 1818 г. и затем неоднократно дополнявшегося¹². Им устанавливались жёсткие наказания за нарушение карантинных правил. В Российской империи убийства, разбои, грабежи и даже восстания против власти карались каторгой, но за ложное заявление об отсутствии «заразительных болезней», подделку документов о прохождении карантинных правил, самовольную отлучку или попытку сбежать из карантина, передачу какой-либо вещи или тайный провоз товаров в портах и на сухопутных таможенных пунктах, а также за сопротивление «карантинным начальствам» полагалась смертная казнь (§ 230–237). На практике это спасало жизни тысяч людей.

Вместе с тем в Туркестане не только участковые приставы, но и генерал-губернаторы, и архиереи во время периодических служебных объездов часто и неожиданно навещали «святые места», а в некоторых случаях даже приветствовали их почитание. Так, летом 1892 г. в Ташкенте и других местах края вспыхнула эпидемия холеры. Русские власти сразу же запретили скопление людей на похоронах, засыпали могилы хлорной известью и т.п. Это нарушало традиции и ритуалы, но иначе эпидемия могла получить ещё большее распространение¹³. В результате пришлось усмирять ташкентский «холерный» бунт. При этом здравомыслящая часть мусульманского духовенства открыто поддержала распоряжения администрации и помогала успокаивать население. Одним из наиболее авторитетных сторонников таких противоэпидемических мер был «магистр» накшбендийского ордена, престарелый шейх Абул Касим-хан, ещё при жизни считавшийся праведником. Он мужественно заявил о своей позиции, лично разъяснял её в гуще верующих, отчего сам заразился и вскоре умер. Туркестанские власти решили придать его могиле статус официального «святого места». 7 апреля 1893 г., на третий день праздника рамазан-хаит, её посетил генерал-губернатор барон А.Б. Вревский. В присутствии множества собравшихся мусульман он заявил: «Я и все русские начальники любим и уважаем таких добродетельных людей, каким был Абуль Касым-хан. Вот почему я здесь»¹⁴. После этого главный начальник края призвал всех мусульман совершать паломничество к могиле «святого» и роздал немало серебряных монет собравшимся для его поминовения. Через пять дней на могиле Абул Касим-хана побывал и епископ Туркестанский и Ташкентский Григорий (Полетаев). Он также хвалил мусульманского подвижника, призывал его единоверцев чаще посещать гробницу и раздавал серебряные монеты собравшимся на кладбище¹⁵. После этого почитание умершего ещё более возросло, паломничество к могиле постоянно нарастало, причём многие приходили из весьма отдалённых от Ташкента местностей.

В образованной 6 мая 1881 г. Закаспийской обл., до февраля 1890 г. подчинявшейся кавказскому начальству¹⁶, военная администрация также не препятствовала мусульманам открывать новые «святые места», не желая из-за них конфликтовать с недавно «замирёнными» туркменами. Но с 1890 г. ситуация

¹² См.: ПСЗ-I. Т. 35. № 27490. С. 474–517.

¹³ Советские историки также иногда полагали, что санитарно-гигиенические меры «оскорбляли» религиозные чувства мусульман: *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 69.

¹⁴ Туркестанские ведомости. 1893. 11 апреля. № 26.

¹⁵ Там же. 14 апреля. № 28.

¹⁶ ПСЗ-III. Т. 1. СПб., 1885. № 142. С. 66.

изменилась. Новое «Закаспийское положение» передавало область в ведение Военного министерства¹⁷. Её начальником и командующим дислоцированными в ней войсками был назначен «старый туркестанец» генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин, с 1866 г. служивший в Средней Азии и являвшийся в 1881 г. «правой рукой» М.Д. Скобелева во время Ахалтекинской экспедиции (в том числе лично командовавший главной штурмовой колонной при взятии Геок-Тепе). По словам британских путешественников и разведчиков Ф. Скрайна и Э. Росса, «как гражданский правитель и командующий войсками Закаспийской области генерал Куропаткин показал редкое сочетание качеств, присущих гражданскому администратору и полководцу»: «Ринглер Томпсон, бывший посланник вице-короля Индии в персидском Хорасане, лично знавший генерала Куропаткина, писал о нём, что он – “холодный, терпеливый, расчётливо нейтрализующий любого, кто пытается встать на его пути, является не только великим администратором, но и – русским из русских”. Заняв пост военного министра, Куропаткин оставил после себя в Закаспийской области репутацию твёрдого, но справедливого руководителя»¹⁸.

В отличие от Туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского и его окружения, А.Н. Куропаткин хорошо понимал политический смысл паломничества мусульман к «святым местам» края и видел в нём существенный фактор роста исламистских настроений. Поэтому он изначально указал начальникам уездов и приставам области на недопустимость произвольного открытия новых объектов поклонения без разрешения властей. Поначалу мусульманское население не знало о таких распоряжениях, но вскоре почувствовало изменение обстановки. Так, в 1892 г. скончался «чудотворец» и мудрец Хасан-ишан, ещё при жизни почитавшийся «святым». Среди населения Закаспийской обл. и сопредельных с ней территорий его захоронение в ауле Кизил (в местности Сумбаре) быстро приобрело статус «святого места». В 1893 г. на могиле «святого» Хасан-ишана начали строить гробницу в виде мечети, делая это, как обычно, без разрешения начальника Красноводского уезда, потребовавшего свернуть работы. Сумбарцы пожаловались на него в канцелярию Куропаткина, который приказал узнать, станет ли это сооружение центром постоянного паломничества или мусульмане намерены собираться там только лишь в установленные памятные дни. 6 ноября начальник уезда сообщил, что «памятник», по заверениям жителей, будет служить для общественных «богомолений» в годовщину смерти «праведника». 15 декабря 1893 г. Куропаткин разрешил продолжать строительство при непременном условии строгого соблюдения данного обещания и под контролем начальника уезда¹⁹. Такой порядок сохранялся вплоть до 1898 г., когда Алексей Николаевич стал министром, а Закаспийская обл. вошла в состав Туркестанского края. После этого у мечети начали постоянно толпиться ишаны, дервиши, матдахи и проч., нередко использовавшиеся турецкими, английскими, а позже и немецкими агентами.

Деятельность зарубежных (прежде всего турецких) эмиссаров заметно активизировалась в Туркестане после смерти Кауфмана. Его преемник М.Г. Черняев, некогда взявший Ташкент, считался сторонником сближения с мусульманским духовенством. В конце 1883 г. в Турук-наукатской волости Ошского уезда у мазара «Ходжа-Калян», пользовавшегося большим уважением у паломников,

¹⁷ Там же. Т. 10. Отд. 1. № 6576.

¹⁸ Skrine F.G., Ross E.D. Op. cit. P. 324.

¹⁹ Центральный государственный архив Туркменистана, ф. 1, оп. 2, д. 2809, л. 1–3 об., 4 и др.

появился некий проповедник, объявлявший себя ишаном и «диваной» («блаженным»). В начале 1884 г. начальник Ошского уезда капитан Томич сообщил военному губернатору Ферганской области генерал-майору В.Ю. Медынскому, что ишан специально избрал место наибольшего скопления верующих для проповеди «газавата» («священной войны») против русских и распространения антиправительственных листовок. В одной из них, приложенной к рапорту, говорилось: «Я Хазрет (святой. — *В.Л.*)... Если кафиры будут вредить мусульманам, да увидят несчастье над своей головой и то же самое да будет с теми, которые будут верить кафирам»²⁰. Медынский доложил об этом Черняеву и тут же получил по телеграфу приказ немедленно задержать агитатора. Однако волостному управителю Хасан-беку сделать это не удалось, поскольку ему воспрепятствовали киргизы, которых ишан записал в свои «мюриды». Томич вынужден был привлечь к делу взвод из расквартированного в Оше «линейного» батальона. Завидев русских солдат, киргизы тут же «без боя» сдали «Хазрета». На допросе выяснилось, что ишан был уроженцем Горного Бадахшана (Западного Памира) муллой Сайид-хальфа, получившим образование в Турции и посланным в Туркестан для антирусской пропаганды среди мусульман. Через некоторое время его выдворили за пределы края без права возвращения. Одновременно штаб округа направил сведения о нём начальнику Закаспийской обл. А.В. Комарову и семиреченскому военному губернатору Г.А. Колпаковскому. На возможность появления Сайид-хальфа в Бухаре было указано непосредственно эмиру Музаффару и его кушбеги (первому министру), обещавшим, что в этом случае ишан будет незамедлительно брошен в зиндан или выдан русским властям, если они того пожелают²¹.

Похожие события происходили в то время и в Кокандском уезде Ферганской обл., где у «святых» мазаров появился ишан по прозвищу «Шаглык», занимавшийся знахарством и возбуждавший паломников к выступлению против России. Когда помощник начальника уезда капитан Глушановский арестовал проповедника, оказалось, что тот никогда не бывал в Турции, а с помощью антирусской пропаганды надеялся укрепить свою репутацию «целителя» и привлечь побольше клиентов. После соответствующего внушения его отправили по этапу на родину — в Кураминский (Ташкентский) уезд, отдав под гласный надзор полиции и запретив отлучаться оттуда без ведома местного начальства²².

Незадолго до оставления должности Черняев создал из представителей мусульманского духовенства специальную комиссию «по составлению правил об устройстве духовного управления и учебной части мусульман Туркестанского края». В «Инструкции», данной генерал-губернатором её членам, указывалось в том числе и на необходимость упорядочения сведений обо всех имевшихся в крае мазарах, мавзолеях, гробницах, могилах и т.п., их состоянии и паломничестве к ним²³. Комиссия довольно активно принялась за работу, но вскоре была распущена, поскольку в начале лета 1884 г. Черняев покинул свой пост.

Сменивший его Н.О. Розенбах мало интересовался непосредственно мусульманскими святынями (строительству православных церквей он уделял гораздо больше внимания). Образованная им в июле 1884 г. комиссия под

²⁰ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее — ЦГА РУз), ф. 1, оп. 22, д. 598, л. 12–12 об.

²¹ *Дитвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец, 2006. С. 325.

²² ЦГА РУз, ф. 1, оп. 22, д. 604, л. 7 об.

²³ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 20003, л. 3–3 об., 6–6 об. и др.

председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской обл. генерал-майора Н.И. Гродекова (признанного знатока «кочевых» адатов и шариата), разрабатывавшая способы противодействия исламизации Туркестана, не нашла ничего особо опасного в почитании номадами «святых мест»²⁴. Большинство туркестанских архиереев того времени также считало, что ограничение паломничества в регионе, где мусульманскую веру издавна называли «исламом гробниц», негуманно, вредно и способно вызвать лишь возмущение коренного населения. Поэтому во второй половине 1880-х гг. власти края (прежде всего — уездные начальники и участковые приставы) ограничивались пресечением деятельности политических авантюристов — «джетым-ханов» («лжеханов»), время от времени объявлявшихся у сельских «мазаров». Их отлавливали и выдворяли за границу, не стесняя основную массу паломников, число которых вплоть до 1890-х гг. снижалось.

Восстание в Андижане в мае 1898 г. заставило серьёзно задуматься о том, как паломничества использовались турецкими эмиссарами. Ведь ишан Мухаммед Али (Мадали), прозывавшийся в народе Дукчи-ишаном (ишаном-веретенщиком), приказавший вырезать спавших в казарме русских солдат, активно вербовал своих «мюридов» именно среди паломников, регулярно посещая «святые места» Ферганской обл. Для расследования причин бунта и выявления его зачинщиков была образована комиссия под председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской обл. генерал-лейтенанта Н.И. Королькова. Ей, в частности, удалось установить, что накануне восстания на территории Туркестана неожиданно «открылись» новые «святые места» на давно заброшенных могилах малоизвестных людей, объявленных вдруг «шахидами» — «борцами за веру», погибшими от рук русских «кафиров». Ишаны, дервиши, матдахи, ризалачи и др. призывали мусульман поклоняться этим захоронениям не только, как обычно, в сельской местности, но даже в областных городах. Так, летом 1898 г. начальник Верненского уезда сообщал семиреченскому военному губернатору о том, что на мусульманском кладбище города Верного одна из могил, десятки лет оставшаяся заброшенной, вдруг была объявлена «святой», «убрана цветами и обсажена деревьями». У неё появился «хранитель» — некий «таранчинец» (уйгур), который рассказывал всем, особенно кочевникам — казахам и кыргызам, что там якобы захоронен мужественный «гази — борец против неверных киргиз Раимбек»²⁵. «Таранчинец» призывал совершать массовое паломничество к могиле «борца» и щедро жертвовать на борьбу с «неверными», но, почувствовав внимание полиции, поспешил скрыться. После этого о «святой» могиле быстро забыли²⁶.

Генерал-лейтенант С.М. Духовской, назначенный туркестанским генерал-губернатором буквально перед началом андижанского бунта, потребовал, чтобы военные губернаторы областей представили свои соображения о причинах мятежа и необходимых изменениях в управлении духовными делами мусульман. С 21 сентября начали поступать соответствующие материалы, но о «святых местах» и паломниках в них практически ничего не говорилось²⁷.

7 января 1899 г. была сформирована специальная комиссия, которой предстояло обработать собранные отзывы и наметить конкретный план действий.

²⁴ В состав комиссии также входили Н.П. Остроумов, В.П. Наливкин, М.И. Бродовский, В. Абграм и др. Подробнее см.: *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (По архивным материалам). Елец, 1998. С. 158–161.

²⁵ Центральный государственный архив Республики Казахстан, ф. 41, оп. 1, д. 96, л. 27–28.

²⁶ РГИА, ф. 565, оп. 1, д. 3193.

²⁷ ЦГА РУз, ф. 1, оп. 11, д. 1724, л. 18–29.

Весной она уже представила на рассмотрение совета туркестанского генерал-губернатора ряд проектов, включая «Положение об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края». В первой же его статье указывалось: «Мусульманам Туркестанского края предоставляется свободно совершать общественные богомоления в мечетях, а также при мазарах... и других почитаемых ими местах»²⁸. В ст. 1 проекта «Инструкции по наблюдению за духовным управлением мусульман Туркестанского края» отмечалось, что «областная и уездная администрация обязаны иметь подробные списки всех мечетей, мазаров... и вообще почитаемых мусульманами мест»²⁹. В ст. 4 на областные и уездные власти возлагалась обязанность следить за тем, чтобы у мазаров и иных «святых мест» не осуществлялось антирусской агитации и незаконного сбора средств для зарубежных религиозных центров³⁰. Но о каком-либо ограничении зиярата речи не шло. В «приложении» к ст. 6 оговаривалось лишь, что всякая торговля «священными для мусульман предметами может быть производима не иначе, как с ведома администрации»³¹. Это объяснялось широким распространением в крае фальшивых реликвий. Как писал М.Э. Никольский, «из привезённых из Геджаса (Хиджаза. — *В.Л.*) волос Магомета можно сделать сотни тысяч париков, а из кусочков его плаща — сшить платья для целой армии»³². Предполагалось также вести постоянный учёт всех шейхов — хранителей при мазарах, ишанов, дервишей и других «неблагонадёжных» лиц, постоянно находившихся у «святых мест» с разными целями — от поиска пропитания до политической пропаганды³³.

На основе материалов комиссии был подготовлен обширный всеподданнейший доклад Духовского «Ислам в Туркестане», в котором, в частности, рекомендовалось «строжайше» запретить «устройство новых мазаров... и мубарак» (священных объектов. — *В.Л.*)³⁴. Этот текст Николай II, судя по резолюции, «прочитал с интересом», а 11 сентября разработанные комиссией проекты, ещё раз обсуждённые в совете, канцелярия генерал-губернатора направила на рассмотрение военного министра, который передал их для тщательного изучения в Азиатскую часть Главного штаба, где была составлена обстоятельная «докладная записка». Хорошо зная Туркестан, Куропаткин не одобрял благодушное намерение местных властей разрешить мусульманам проведение общественных богомолений не только в мечетях, но и при мазарах, гробницах, могилах и т.д. По его убеждению, это способствовало бы искусственному скоплению там мусульман и использовалось бы «неблагонадёжными» ишанами, дервишами, матдахами, а также зарубежными эмиссарами для разжигания антирусских настроений среди «туземного» населения³⁵.

4 мая 1900 г. Куропаткин сообщил о своих соображениях министру внутренних дел Д.С. Сипягину, переславшему поступившие документы в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, и С.М. Духовскому. 6 июля совет туркестанского генерал-губернатора, ознакомившись с замечаниями военного министра, решительно высказался против запрещения

²⁸ Там же, ф. 717, оп. 1, д. 16, л. 409.

²⁹ Там же, л. 409 об.—410.

³⁰ Там же, л. 410.

³¹ РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 182, л. 11.

³² *Никольский М.Э.* Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. Т. 32. 1911. № 4. С. 292.

³³ РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 182, л. 11 об.

³⁴ ЦГА РУз, ф. 1, оп. 11, д. 1725, л. 238.

³⁵ Там же.

общественных богомолений вне мечетей, поскольку это «могло бы вызвать серьёзное неудовольствие населения, которое, без сомнения, увидело бы в такой мере весьма значительное ограничение своих веками существующих религиозных обычаев»³⁶. Действительно, смысл паломничества состоял именно в том, чтобы совершать в почитаемом месте общие молитвы. Куропаткин не мог не понимать, какие затруднения и опасности возникнут в случае запрещения молиться у «святых мест». Но он заботился о том, как сдерживать рост панисламизма и пантюркизма в Средней Азии, тогда как в Туркестане стремились сохранить привычные отношения с мусульманами. 3 августа Духовской отправил постановление совета в Азиатскую часть Главного штаба³⁷.

Тем временем в МВД, безусловно зная об этих разногласиях, решили поддержать администрацию края. Выдержав паузу (свыше десяти месяцев!), 19 марта 1901 г. Сипягин подверг критике замечания военного министра и предложил, ссылаясь на успешный, как ему казалось, опыт Крыма, разрешить мусульманам молиться везде, где они пожелают, если это не мешает другим. Он также рекомендовал не трогать «бездокументные» (не имевшие ханских ярлыков на владение) вакуфные имущества «святых мест» Туркестана, но взять их под правительственный контроль для того, чтобы сохранить от сознательного разграбления мутевалиями (уполномоченными по завещанию дарителя надзирать за вакуфами) и мусульманским духовенством³⁸. В целом военная прямолинейность в решении конфессиональных проблем явно казалась чиновникам Департамента духовных дел иностранных исповеданий неприемлемой.

2 апреля 1902 г. Сипягин был убит эсером-террористом. Куропаткин сразу же вступил в переписку с новым министром внутренних дел, пытаясь убедить его в своей правоте, но смог добиться от В.К. Плеве только туманного заявления (сделанного 26 августа) о том, что «места общественного богомоления должны быть разграничены от других массовых проявлений мусульманского религиозного быта»³⁹. Более вопрос не обсуждался ни на краевом, ни на областном, ни на правительственном уровне. Проекты комиссии Духовского были отвергнуты. Вскоре началась Русско-японская война, а затем и революция. Мусульмане продолжали совершать паломничества к «святым местам» так, как они это делали всегда — свободно и беспрепятственно, хотя надзор со стороны власти не только сохранялся, но и усиливался. После андижанского бунта 1898 г. правительство сразу увеличило число участковых приставов более чем на 30 человек, а впоследствии их стало ещё больше. В начале XX в. в штабе Туркестанского военного округа было сформировано VI (контрразведывательное) отделение, которым руководили жандармские офицеры. Военная контрразведка сыграла немалую роль в борьбе со шпионажем в Средней Азии. Зарубежные агенты систематически отлавливались и изгонялись. С осени 1907 г. в крае действовало Туркестанское районное охранное отделение, подчинённое Департаменту полиции МВД. Со временем оно создало среди мусульман довольно обширную агентурную сеть.

Таким образом, администрация Русского Туркестана, мягко регулируя открытие новых «святых мест», рассматривала паломничества к ним как традиционное явление и не только не создавала препятствий для зиярата, но и последовательно выступала против любых его ограничений, за исключением случаев, связанных с распространением эпидемий.

³⁶ Там же, ф. 717, оп. 1, д. 16, л. 13 об.

³⁷ Там же, ф. 1, оп. 11, д. 1724, л. 157–157 об.

³⁸ Там же, л. 164 об., 165, 166 об.

³⁹ Там же, л. 215.

Имам Якуб Халеков и мусульманская община советского Петрограда—Ленинграда

Ренат Беккин

Imam Yaqub Khalekov and the Muslim community in Soviet Petrograd—Leningrad

Renat Bekkin

*(Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Södertörn University, Stockholm, Sweden)*

За последние два десятилетия появилось немало публикаций, посвящённых судьбам имамов магометанских приходов Санкт-Петербурга в XIX — начале XX в.: Габдулвахид Сулейманов¹, Атауллы Баязитова², Мухаммед-Шакира и Мухаммед-Зарифа Юнусовых³. Особый интерес у исследователей вызывает фигура первого имама-хатиба⁴ Соборной мечети Петрограда советского периода Мусы Джаруллы Бигеева⁵, что связано в основном с богатым интеллектуальным наследием этого учёного. К сожалению, некоторые работы по рассматриваемой тематике представляют собой скорее панегирики, чем научные исследования: вместо реальных людей, живших в данную эпоху в определённой среде, перед читателем предстают «картонные герои»⁶.

© 2017 г. Р.И. Беккин

Автор выражает признательность А.Я. Разумову и Г.А. Баутдинову за ценные сведения, без которых эта статья не была бы написана.

¹ *Сенюткина О.Н.* Габдулвахид б. Сулейман б. Салюк: [Габдулвахид Сулейманов к 220-летию со дня рождения]. Н. Новгород, 2006.

² *Гафурова А.Ш.* Татарская газета «Нур» в Санкт-Петербурге и её основатель Атаулла Баязитов. СПб., 2003; *Мухаметшин Р.* Гатаулла Баязитов (1847—1911) // Татарские интеллектуалы: исторические портреты / Сост. Р.М. Мухаметшин. Казань, 2005. С. 51—57; и др.

³ *Юнусов К.О.* Ислам в Санкт-Петербурге. Татары Санкт-Петербурга, мулла М.З. Юнусов и строительство соборной мечети... // Арабская вязь. Статьи, доклады, воспоминания. СПб., 2012. С. 252—262.

⁴ В обязанности имама-хатиба входило чтение проповеди (хутбы) во время пятничных и праздничных намазов.

⁵ *Хайрутдинов А.* Последний татарский богослов: (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигеева). Казань, 1999; *Тагирджанова А.Н.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010; и др.

⁶ Например, большинство авторов, пишущих об А. Баязитове, представляют его как единственного инициатора строительства Соборной мечети в Санкт-Петербурге (*Гафурова А.Ш.* Свет через столетие // Казань. 2000. № 12; URL: http://tatarica.narod.ru/archive/03_2004/81_30.03.04-5.htm. Дата обращения: 1.08.2016). Некоторые исследователи называют Баязитова, стоявшего на охранительных позициях, «едва ли не самым последовательным реформатором-модернистом» (*Гафаров А.А., Набиев Р.А.* Проблемы религиозной толерантности в трудах мусульманских модернистов во второй половине XIX — начале XX в. // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 128).

Тем не менее историки пока не изучали жизненные пути и духовное наследие других имамов советского Петрограда–Ленинграда⁷, один из которых – имам-хатиб Соборной мечети в 1920–1931 г. Якуб Кемалевич Халеков (Халиков)⁸. Данная статья, основанная главным образом на не исследованных ранее документах, – один из первых шагов на пути написания биографии этого выдающегося человека.

Халеков родился в декабре 1887 г. в деревне Ключиши (Суыксу) Сергачского уезда Нижегородской губ. в семье крестьянина, в 1909 г. окончил медресе в Казани, в конце 1909 г. или в начале 1910 г. вместе с женой Разией и братом Махмудом прибыл в Вологду. О жизни Якуба Кемалевича до 1910 г. известно крайне мало, а его деятельность как имама условно можно разделить на три периода: вологодский (1910–1917), петроградско-ленинградский (1920–1931) и орехово-зуюевский (1948–1950).

В январе 1910 г. собрание, состоявшее из 31 мусульманина Вологды, решило собрать денежные средства на устройство в городе молельни и пригласить муллу⁹; духовные требы тогда временно исполнял Гайнан Галиев¹⁰. 27 августа того же года¹¹ 28 вологодских мусульман (достигших 25-летнего возраста)¹² на общем собрании единогласно избрали крестьянина Якуба Халекова муллой на три года¹³. Он должен был проводить религиозные обряды среди гражданских лиц и расквартированных в городе военнотружущих, получая при этом 25 руб. (собирались с мусульман).

Однако 12 января 1911 г. Вологодское губернское правление отклонило ходатайство верующих об утверждении Халекова муллой, так как согласно ст. 1416 Устава Духовных дел иностранных исповеданий, мусульманские муллы и имамы могли состоять лишь при мечетях, а в Вологде таковой не имелось. Постройка же мечети не представлялась возможной, поскольку в городе проживало на тот момент всего 69 мусульман мужского пола, а согласно действовавшему законодательству (ст. 155 Устава строительного) для сооружения мечети требовалось постоянное проживание в населённом пункте не менее 200 мужчин (в том числе несовершеннолетних).

Но в ноябре 1911 г. по рекомендации, поступившей из Министерства внутренних дел¹⁴, Халекова всё же утвердили в должности муллы. Кроме того,

⁷ Исключение составляет лишь Г.Н. Исаев (1907–1983) – первый имам-хатиб мечети после её открытия для верующих в 1956 г. Подробнее о работе Исаева в Ленинграде см., например: *Тагирджанова А.Н.* Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины. СПб., 2014. С. 105–111.

⁸ В некоторых документах встречается фамилия Халиков. Поскольку Якуб Кемалевич подписывался в основном как Халеков, в данной статье этот вариант и используется.

⁹ *Загидуллин И.К.* История мусульманской общины Вологды // Ислам минбаре. 2011. № 188–189 (URL: www.idmedina.ru/minbare/?2418). Дата обращения: 1.08.2016).

¹⁰ Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 14, оп. 1, д.7105, л. 9.

¹¹ Здесь и далее все даты до 1918 г. указаны по старому стилю.

¹² По сведениям, представленным Халековым в 1915 г. губернскому начальству, большинство вологодских мусульман занималось разносной торговлей (ГА ВО, ф. 14, оп. 1, д.7105, л. 73–77 об.).

¹³ Там же, л. 9.

¹⁴ В июне 1911 г. товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский писал вологодскому губернатору, что «постановление губернского правления (от 12 января 1911 г. – Р.Б.) не находит в себе прямого основания в... статье закона. Равным образом оно не вытекает и из общего духа нашего вероисповедного законодательства» (Там же, л. 42). Чиновник рекомендовал губернатору обратиться в установленном законом порядке в Правительствующий Сенат с представлением об отмене указанного постановления. Кроме того, Крыжановский просил проинформировать его о тех мерах, которые будут приняты для «предоставления проживающим в Вологде мусульманам возможности удовлетворять их религиозные потребности» (Там же, л. 42 об.).

в июне 1911 г. губернское начальство в соответствии с той же рекомендацией обратилось в Правительствующий Сенат за разъяснением вопроса о возможности создания в городе мусульманского прихода.

Под руководством Халекова мусульмане собирались на пятничные и праздничные намазы, а имам вёл метрические книги¹⁵. В начале 1912 г. (по данным, приведённым Якубом-хазратом¹⁶, количество мусульман в Вологде, а также в Грязново, Череповце и Галиче достигало 224 лиц мужского пола¹⁷) вологодские мусульмане предприняли новую попытку зарегистрировать приход и начать сбор средств на строительство мечети, но безуспешно.

Переписка между ведомствами по этому делу затянулась. Представление об отмене постановления губернского правления от 12 января 1911 г. по причине возникших разногласий между сенаторами поступило в Государственный совет. 20 января 1915 г. его Первый департамент признал данное постановление «правильным и рапорт об отмене его подлежащим оставлению без последствий»¹⁸, что означало недопущение в Вологде мусульманского прихода. Но в том же месяце директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Е.В. Менкин направил вологодскому губернатору В.А. Лопухину письмо, в котором рекомендовал в виде исключения открыть приход, указав, что в противном случае возникнет «вполне справедливое недовольство среди бывших прихожан, особенно нежелательное в переживаемое нами военное время»¹⁹.

Дело сдвинулось с мёртвой точки, но официально зарегистрировать мусульманский приход удалось лишь в феврале 1916 г., после обращения к императору министра внутренних дел²⁰. Деятельность прихода прекратилась в связи с революционными событиями 1917 г.

В Петроград Халеков (с семьёй) переехал в 1918 г.²¹, как и многие тогда, спасаясь от бедствий Гражданской войны. В городе на Неве проживал его тесть – Ибрагим Ибрагимович Батырбаев, управляющий имением князей Касаткиных-Ростовских. Батырбаев, как человек, обладавший безупречной репутацией в среде столичных мусульман, долгие годы выполнял функции казначея Мусульманского благотворительного общества и казначея Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге (с 1920 г. о судьбе Батырбаева ничего неизвестно, однако в городе остались его сыновья – Сулейман и Хус(с)ейн, поддерживавшие с Халековым дружеские отношения).

Несколько месяцев Якуб Кемалевич был занят в качестве рабочего Восточного продовольственного магазина, затем десятника ассенизаторского обоза. Остальное время бывший имам оставался безработным, перебиваясь случайными заработками и получая поддержку от тестя.

В 1920 г. по приглашению Лутфуллы Исхакова (бывшего имама 4-го магометанского прихода Петербурга) и Мусы Бигеева Халеков начал выполнять

¹⁵ Там же, л. 86.

¹⁶ Хазрат – уважительное обращение к мусульманскому религиозному деятелю.

¹⁷ Загидуллин И.К. Указ. соч.

¹⁸ ГА ВО, ф. 14, оп. 1, д. 7105, л. 86 об.

¹⁹ Там же, л. 87.

²⁰ Монаршей волей министру внутренних дел было предоставлено право в особых случаях (например, при отдалённости населённого пункта от зарегистрированной приходской мечети) позволять сооружение мечети в обход действующих правил.

²¹ До этого он почти год учительствовал в Вологде (Архив Центра «Возвращённые имена» при РНБ. Анкета Халекова Я.К., л. 17).

обязанности имама в Соборной мечети. Несмотря на то, что значительное число верующих (прежде всего, мусульманской интеллигенции) покинуло город в годы Гражданской войны, в Петрограде ещё оставались яркие представители дореволюционной татаро-мусульманской общины. Часть их позднее эмигрировала, многие ушли из жизни. Так, в 1922 г. в Финляндию нелегально переехал Исхаков.

С Бигеевым Халеков был знаком ещё до революции, но подлинная дружба между Якубом-хазратом и Мусой-эфенди²² сложилась после 1920 г. «Я иногда к нему ходил как к человеку, пользующемуся известностью и уважением среди татар, — отмечал Халеков. — Я от него иногда получал разъяснения по религиозным вопросам. Бигеев ставит целью в своей повседневной деятельности поднять мир ислама, дать ему возможность пользоваться своими правами, учением ислама надо объединить мусульманский народ, создать какой-то центр мусульманского вероучения, направив его на познание народами других культур, и только тогда мусульманство может жить и развиваться во всех направлениях»²³. Отвечая на вопрос о собственных взглядах на ислам, Халеков говорил: «Я сторонник “ислама”, но смотрю на его ученье как на форму, призывающую к культуре мусульманский народ, т.е. ученье ислама не должно существовать абстрактно от культурного развития»²⁴.

В первой половине 1920-х гг. советская власть сдержанно относилась к мусульманам²⁵. Однако в городе Ленина и колыбели трёх революций любая ошибка или неверное действие со стороны верующих могло привести к неадекватно жёсткой реакции со стороны властей. Так, после Кронштадтского восстания 1921 г. из города были выселены многие подозрительные, с точки зрения советской власти, элементы. Среди таковых оказалось немало татар. В 1927 г. мусульманскую мечеть в Кронштадте, функционировавшую с 1870 г., закрыли. Этому предшествовал арест и высылка в 1926 г. имама и трёх членов «двадцатки» при молельне. Впоследствии по такому же сценарию закрыли и Соборную мечеть в Ленинграде — с той лишь разницей, что временной разрыв между арестом руководителей общины и самим закрытием мечети занял почти десять лет. Перед новым имамом стояла важная задача — сохранить единство мусульман города в условиях разворачивавшейся антирелигиозной борьбы.

Как видно из материалов «дела Бигеева», Халеков пользовался авторитетом у верующих Ленинграда. По данным ОГПУ, в дни праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам в Соборную мечеть приходило около 5–6 тыс. человек (около 20–25% татарского населения города)²⁶.

Знаковым событием для мусульманской общины стало посещение 11 мая 1928 г. Соборной мечети афганским падишахом Амануллой-ханом. Среди встречавших его на Московском вокзале были представители «татарской

²² Эфенди — вежливое обращение к мужчине.

²³ Архив Центра «Возвращённые имена»... Обвинительное заключение по следственному делу № 111999 по обвинению националистической контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубом (в оригинале опечатка: Якубой. — *Р.Б.*) и Басыровым Кемалем, в пр.пр.ст. 58–4 УК (далее — «Дело Бигеева»), л. 170.

²⁴ Там же. Протокол допроса Халекова Я.К. от 22 февр. 1931 г., л. 172.

²⁵ Подробнее о государственной политике в отношении мусульман в 1920-х гг. см.: *Арапов Д.Ю.* Ислам и мусульмане (По материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год). Вып. 1. М., 2010. С. 11–24.

²⁶ Архив Центра «Возвращённые имена»... Дело Бигеева, л. 369.

колонии» города на Неве²⁷: «Кавказские ребята, обучавшиеся в Ленинграде, обязательно имели в своём гардеробе черкеску. Однажды, узнав, что в Ленинград прибывает руководитель Афганистана Аманулла-хан, дагестанские студенты... надели свои черкески и вышли встречать гостя. Аманулла-хан пожелал непременно с ними сфотографироваться на фоне ленинградской мечети, и эта фотография большого формата долго висела в витрине ТАСС на Невском проспекте»²⁸. Следует отметить, что почти 30 лет спустя (1956) благодаря визитам гостей из стран мусульманского Востока Соборная мечеть была открыта для верующих²⁹. Это приводит к выводу, что власти города всегда были вынуждены учитывать международный фактор и потому не закрывали мечеть. Кроме того, они не могли проигнорировать и потребность татар Ленинграда в исполнении религиозных предписаний.

Большое значение для Соборной мечети и её служителей имела помощь со стороны татар-торговцев. В ноябре 1921 г. председатель Мусульманского общества при Соборной мечети М.-А. Максутов обратился в Петроградский совет с просьбой разрешить татарам, проживавшим в городе, вести торговлю в разнос, в том числе старьём. Власти дали согласие³⁰. В 1920-х гг. татаро-мусульманская община Петрограда–Ленинграда увеличилась за счёт прибывших из голодающего Поволжья и бежавших от раскулачивания. Бывшие кулаки из нижегородских деревень отправлялись к своим землякам в город на Неве и находили поддержку. Но к концу 1920-х гг. оставшиеся в городе предприниматели стали сворачивать деловую активность, некоторые эмигрировали в Финляндию, как, например, Гумер Сали, владевший несколькими мануфактурными магазинами в Ленинграде. В 1926 г. он нелегально пересёк советско-финляндскую границу и навсегда покинул Советский Союз. Поэтому нельзя исключать, что один из главных обвиняемых по делу Бигеева – мулла Басыров³¹ – вполне мог произнести приписываемые ему свидетелем К. Бедрятдиновым слова: «в Финляндии живётся лучше, здесь татар притесняют, а там свободно... наши татары приспособлены торговать, а советская власть это не разрешает. В Финляндии этого нет»³².

Татары, перебравшиеся в страну Суоми, продолжали оказывать материальную помощь своим землякам-ленинградцам (до 1930-х гг. советско-финляндская граница была «прозрачной»). Среди основных спонсоров татаро-мусульманской общины Петрограда–Ленинграда были Зинетулла Ахсан Бёре³³, Сали, а также Жемалетдинов и братья Аляутдиновы.

Татары Финляндии сыграли важную роль в деле освобождения Бигеева. В 1923 г. его арестовали в Москве после публикации им в Берлине книги

²⁷ Тагирджанова А.Н. В костёле мог бы звучать азан... // История Петербурга. 2008. № 2(42). С. 56.

²⁸ Первый строитель Дагестана // Дагестанская правда. 2009. № 46–47 (URL: <http://dagpravda.ru/gubriki/obshchestvo/5152/>). Дата обращения: 1.08.2016).

²⁹ Тагирджанова А.Н. В костеле мог бы звучать азан... С. 59.

³⁰ Данное заявление находится среди пока необработанных документов, поступивших в Государственный музей истории религии после закрытия Соборной мечети в 1940 г.

³¹ В 1920–1928 гг. Басыров возглавлял мусульманский приход на Большой Московской ул., д.1/3 и проводил религиозные обряды среди мусульман Детского Села (ныне г. Пушкин).

³² Архив Центра «Возвращённые имена»... Дело Бигеева, л. 373.

³³ Подробнее о Бёре см.: *Suikkanen M. Yksityinen Susi – Zinetullah Ahsen Bören (1886–1945) eletty ja koettu elämä, pro gradu – tutkielma. Tampere, 2012.*

«Азбука ислама»³⁴. Узнав о случившемся, финские татары обратились к турецкому правительству с просьбой вмешаться. Вскоре после вмешательства властей Турции Муса-эфенди был освобождён из-под ареста, но ему запретили покидать пределы Москвы в течение двух лет.

Турецкие дипломаты в Москве старались по возможности оказывать поддержку обращающимся к ним татарам. Не случайно имаму Басырову, окончившему медресе в Константинополе, вменялось в вину: «будучи реакционно-националистически настроенным, использовался турецким посольством как информатор, кроме этого получаемые книги им из посольства носили пантюркистский характер, как журнал “Тюрк Юрду”»³⁵.

Общине помогали также кашгарские купцы, приезжавшие по делам в Ленинград. Благодаря их помощи, в частности, купца Ахунбаева, в конце 1930 г. из Советского Союза бежал Бигеев. Так, Сали «прислал условное письмо, в котором просил оказать содействие в нелегальном переходе границы в Финляндию Бигееву Мусе и его (Сали. — *Р.Б.*) сестре Мариам Аляутдиновой, которая должна была прибыть к ним для этой цели из сел. Аткуково (Н.-Новг. Края). Обвиняемый Айнетдинов по этому вопросу показывает: “Мариам должна была дожидаться срока, когда придёт человек из Финляндии для перевода через гр-цу Бигеева, в это время она должна была пойти к Хазрятю-Бигееву и вместе с ним уйти в Финляндию”»³⁶.

Бегство Бигеева послужило поводом для разгрома руководства мусульманской общины Ленинграда. В ночь на 16 февраля 1931 г. были арестованы 27 человек, в том числе имам-хатиб мечети Халеков, имам Басыров, жена и дети Бигеева, шурины Халекова Сулейман и Хус(с)ейн Батырбаевы, члены «двадцатки» при Соборной мечети. Органы ОГПУ завели следственное дело № 111999 «По обвинению националистической контр-революционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубом и Басыровым Кемалем»³⁷.

В материалах следствия встречается фамилия одного известного человека, который, однако, не проходил по делу ни как обвиняемый, ни как свидетель. Один из фигурантов «дела Бигеева», Исмаил Саямов, помимо прочего, указывал: «Идеологию Бигеева разделяют муллы: Халиков, Басыров и Баязитов, они в своих проповедях осторожно, но проводят те же взгляды»³⁸. Бывший муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаммад-Сафа Баязитов действительно проживал тогда в Ленинграде, но вёл жизнь малоприметную, посещал мечеть. Интересно, что его не арестовали в феврале 1931 г., хотя вышеприведённого упоминания в материалах следствия было вполне достаточно для этого. Изученные мной источники не позволяют сделать однозначных выводов о роли бывшего муфтия в «деле Бигеева»³⁹, сошлюсь лишь на слова дочери Халекова Самии. Она вспоминала, как мать говорила ей: «Опасайся Баязитова, он нехороший человек, сделал зло твоему отцу»⁴⁰.

³⁴ Русский перевод книги см.: *Хайрутдинов А.Г.* Наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов. Ч. 1. Казань, 2000. С. 38–63.

³⁵ Архив Центра «Возвращённые имена»... Дело Бигеева, л. 380.

³⁶ Там же, л. 380–381.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 372.

³⁹ Баязитова арестовали в 1932 г. в Ленинграде и осудили на заключение в лагере на пять лет. После освобождения в 1936 г. он приехал в Казань, где вновь был арестован в 1937 г. и расстрелян.

⁴⁰ Интервью с С.Я. Халиковой. 10 января 2015 г. (личный архив автора).

Не выяснена роль и других лиц, проходивших по этому делу в качестве свидетелей — муэдзинов мечети Фатыха Юнусова и Самиуллы Ахтямова. Оба дали показания, недвусмысленно обвинив Халекова, Басырова и других фигурантов дела в антисоветской агитации. Так, Юнусов утверждал: «Мулла Халиков, в большинстве своём, посещал богатых татар, где бывают сборища по 10—15 чел. Халиков при этом говорит, что тюрок и татар угнетатели раньше и угнетают теперь. Нам, волго-уральским татарам, народам Средней Азии надо объединиться, иметь своё собственное государство, чтобы иметь свою национальную силу. Халиков очень красноречив, его всегда выслушивали с вниманием. Группа Халикова, как: Саямов, Еникеев, Тифитулин, Баймашев и друг., стоящие близь него, а также мулла Басыров, среди местных татар вели агитацию о недовольстве советской властью, говорили, что скоро будет война. Советской власти будет конец. Муллы Халиков и Басыров, когда посещали квартиры татар, занимались антисоветской агитацией: указывали, что советская власть преследует религию, давит население налогами, к татарам советская власть относится плохо, лишает их права голоса, не даёт работы»⁴¹.

Юнусову вторил Ахтямов (с 1935 г. имам-хатиб ленинградской Соборной мечети): «Бигеев нам известен как националист, он это высказывал во время проповедей. Муллы Халиков и Басыров являются его сторонниками, проповедовали т-же “бигеевские” взгляды... Все эти лица настроены враждебно к сов-власти, завоевали себе авторитет среди татар, благодаря популярности Бигеева и всячески старались привить массе в целом чуждую националистическую идеологию, прикрываясь обычаями религиозного характера»⁴².

«Среди татарской колонии Ленинграда, — указывалось в обвинительном заключении по следственному делу № 111999, — существовала националистическая контр-революционная группировка, организационно объединившаяся вокруг ленинградской мечети, возглавляемая мусульманским духовенством. Основная руководящая роль в этой группировке принадлежала бежавшему в ноябре месяце 1930 года за границу известному пантюркисту, мусульманскому богослову — Бигееву Муса Джарулла, идеологу басмачества в Средней Азии, за что неоднократно был судим органами ОГПУ. После его побега за границу, руководящая роль в националистической организации перешла в руки ближайших его сторонников мулл Халикова Якуба и Басырова Кемаля. Эти муллы, группируя вокруг себя единомышленников националистической к.-р. идеологии из активных прихожан мечети (членов 20-тки и торгашеский элемент, имевший связи с татарской эмиграцией в Финляндии), маскируясь отправлением религиозных обрядов, занимались антисоветской агитацией»⁴³. Кроме того, Халеков обвинялся в том, что «в своей антисоветской агитации проводил установки зарубежного к.-р. националистического центра Восточной эмиграции, покровительствовал побегу за границу Бигеева»⁴⁴.

Из 27 арестованных по «делу Бигеева» постановлением Коллегии ОГПУ от 23 июля 1931 г. 23 человека были приговорены к разным срокам заключения, Халеков и Басыров отправлены в концлагерь сроком на 10 лет (первый по ст. 58—4 и 17—84, второй — по ст. 58—4 и 58—6 УК РСФСР). Жену Бигеева

⁴¹ Архив Центра «Возвращённые имена»... Дело Бигеева, л. 373—374.

⁴² Там же, л. 374.

⁴³ Там же, л. 368—369.

⁴⁴ Там же, л. 384.

Асьму-ханум и детей — Ахмеда, Мариам и Хинд — на три года выслали из Ленинграда⁴⁵.

Не все проходившие по «делу Бигеева» в качестве обвиняемых или свидетелей вели себя достойно. Но тактику поведения Халекова на следствии можно назвать оптимальной: отвечая на вопросы следователя, он не называл конкретных имён: «Вопр[ос]: Назовите мне сторонников Бигеева, его ученья и взглядов, “группирующих около него”. Отв[ет]: Влияние Бигеева распространяется на всю татарскую массу, его речи всегда являются авторитетными, неоспоримыми и воспринимаются массой как долженствующая истина»⁴⁶.

Дав признательные показания, Халеков ограничился общими формулировками: «Работая вместе с Бигеевым в мечети и разделяя идеологию Бигеева, по сути дела, антисоветскую и националистическую, я совершал преступления перед соввластью, делал я это под влиянием научного авторитета Бигеева, его популярности среди татар»⁴⁷. При этом во время одного из допросов он указал, что слова и действия Бигеева не представляли угрозы для власти: «Но говорит он (Бигеев. — *Р.Б.*) очень туманно, так что культурно отсталый татарин вряд ли поймёт его речи. Всегда Бигеев проповедовал панисламизм, опираясь на плохое положение ислама в Индии, говорил ещё так, что религия падает по вине самого народа, надо самим держаться за религию»⁴⁸. Иными словами, Халеков подчёркивал, что слова бывшего имам-хатиба при всём его авторитете среди мусульман были недоступны большинству верующих, говоря же о тяжёлом положении мусульман, Бигеев имел в виду Британскую Индию.

Петербургский краевед А.Н. Тагирджанова, утверждает, что своим бегством Бигеев спас собственную семью⁴⁹. Не берусь предполагать, какой была бы судьба семьи Мусы-эфенди, останься он в СССР. Не вызывает сомнения, что сам он был бы рано или поздно уничтожен советской властью. Что касается ближайших друзей и коллег Бигеева — имамов Халекова, Басырова, члена «двадцатки» Баймашева и др., — следует выдвинуть гипотезу, что им вряд ли бы удалось избежать ареста. Органы ОГПУ воспользовались бегством Бигеева, чтобы разгромить мусульманскую общину Ленинграда. Это, в свою очередь, создало предпосылки для сворачивания в городе в 1930-х гг. религиозной активности.

В 1937 г. имам Халеков был досрочно освобождён из Беломорско-Балтийского комбината НКВД, где он работал на строительстве канала. В самом лагере Якуб-хазрат был осуждён по ст. 58—10 на два года содержания в штрафном изоляторе⁵⁰.

Нет точных данных, где поселился имам Халеков после освобождения из лагеря. Известно лишь, что после войны он уже проживал в Ташкенте⁵¹. Сюда к нему в 1946 г. приехали его дочери Асия и Самия, поступившие в Среднеазиатский государственный университет. Но отношения дочерей с отцом по-видимому не сложились⁵² — у Халекова уже была другая жена, имени которой пока не удалось установить.

⁴⁵ Там же, л. 392–393.

⁴⁶ Там же. Протокол допроса Халекова Я.К. от 22 февр. 1931 г., л. 142.

⁴⁷ Там же. Дело Бигеева, л. 375.

⁴⁸ Там же. Протокол допроса Халекова Я.К. от 22 февр. 1931 г., л. 142.

⁴⁹ Тагирджанова А.Н. Памяти выдающегося татарского философа-богослова Мусы Биги (1873–1949) (URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/tagirjan.htm>). Дата обращения: 1.08.2016).

⁵⁰ Справка об освобождении Я.К. Халикова от 22 июня 1937 г. (личный архив автора).

⁵¹ Там же. Интервью с С.Я. Халиковой, 10 января 2015 г.

⁵² Там же.

В 1947–1948 гг. по приглашению нижегородского татарина Якуба Ибрагимова, уроженца села Большое Рыбушкино, Халеков переехал из Ташкента в Орехово-Зуево⁵³. К тому времени в этом подмосковном городке существовала небольшая татарская община, возникшая ещё в конце XIX в. и состоявшая по преимуществу из выходцев из нижегородских сёл⁵⁴. В послевоенное время татары компактно проживали в районе Новая Стройка. Отец Ибрагимова, занимавшийся торговлей, был знаком с имамом Халековым по Ленинграду и жил с многочисленной семьёй на 8-й улице Новой Стройки, в большом деревянном доме, как и многие другие татары⁵⁵.

Вскоре к Халекову из Ташкента приехала жена, и они перебрались в дом к другому старожилу Орехово-Зуева – Азизу Аюпову⁵⁶. По воспоминаниям его внука Максуда (в те годы 6–7-летнему), Халеков «был среднего роста, нормального телосложения, имел скорее округлое лицо, без бороды и усов, которые он, кажется, сбрил, с залысинами на голове, носил длинное белое одеяние»⁵⁷. В 1949 г. татарская община собрала деньги и купила Якубу-хазрату и его жене у татарина Абдулхая часть одного из домов на 3-й улице Новой Стройки⁵⁸.

Мечети в Орехово-Зуеве тогда не было, и религиозные обряды осуществляли несколько старожилов, имевших начальное или среднее исламское образование. Одним из таких неофициальных мулл и стал Халеков. Он проводил пятничный намаз зимой и в ненастную погоду в доме одного из верующих, а летом – в чистом поле⁵⁹. По воспоминаниям внучки А. Аюпова Алии, «накануне праздников Рамадана и Курбан-байрама, за 2–3 дня до самого праздника, муллы ходили по домам членов татарской общины и читали молитву. Благо, у всех двери были открыты, люди продолжали жить и общаться, как в хорошо знакомой им деревне, и у нас не было даже телефонов (в случае крайней нужды шли звонить на почту “в город”, т.е. в городскую часть Орехово-Зуева). Якуб-хазрат обходил в основном дома, расположенные в районе 6–8 улиц, а, например, на 5-ю улицу приходил читать Казан-бабай – так называли другого “народного” муллу Шакирджана Рахматуллина»⁶⁰.

Скончался Халеков 2 марта 1950 г. и был похоронен на старом татарском кладбище. Его могила не сохранилась. Вскоре после смерти Якуба-хазрата его жена уехала в Среднюю Азию (её дальнейшая судьба неизвестна).

Заключением Военной прокуратуры Ленинградского военного округа от 29 сентября 1989 г. Халеков был посмертно реабилитирован⁶¹. После него не осталось богословских сочинений. Он был скорее практиком, чем теоретиком. Но время, в которое он жил, зачастую требовало именно таких людей. Так получилось, что куда бы ни забрасывала Халекова судьба, всюду он оказывался на своём месте.

⁵³ Там же. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г.

⁵⁴ Баутдинов Г. Ореховские татары (URL: <http://islam-ozuevo.ru/history/>). Дата обращения: 1.08.2016).

⁵⁵ Интервью с Г.А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г. (личный архив автора).

⁵⁶ Там же. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 3 ноября 2015 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г.

⁶⁰ Там же. Интервью с Г.А. Баутдиновым, 19 ноября 2015 г.

⁶¹ Архив Центра «Возвращённые имена»... Заключение по материалам архивного уголовного дела № П-74704 о признании подвергшихся политической репрессии и реабилитации. 28 марта 2006 г.

Столыпинская аграрная реформа и российская провинция (по материалам Калужской губернии)

Виктор Панасюк

Stolypin's land reform and Russian regions (the case of Kaluga province)

Viktor Panasiuk (Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy)

Аграрная реформа П.А. Столыпина имеет давнюю и обширную историографию, представленную несколькими поколениями отечественных и зарубежных исследователей, относящихся к различным научным школам и направлениям. В постсоветской историографии реформа, как известно, оказалась в центре острых дискуссий. Одни учёные отстаивают тезис о неприемлемости столыпинского курса для крестьян¹, другие полагают, что он был нацелен на масштабную модернизацию сельского хозяйства и обладал в этом смысле большим потенциалом². В зарубежной литературе мнения по этому поводу также разделились³. Скептические голоса раздаются и в новейшей российской историографии. Так, И.А. Христофоров обосновывает тезис о том, что многие положения столыпинской реформы были сформулированы ещё М.М. Сперанским и П.Д. Киселёвым до отмены крепостного права. Главным же препятствием для успешных преобразований в деревне в XIX – начале XX в. была институциональная слабость власти, не имевшей на местах опоры на современные технологии (землеустроительные, статистические, судебно-административные и т.п.)⁴.

© 2017 г. В.В. Панасюк

¹ См., например: *Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; *Данилов В.П.* Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. А.В. Гордона. М., 1992. С. 315–318; *Зырянов П.П.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.

² См., например: *Шагин Э.М.* Столыпинская аграрная реформа: её результаты и судьба // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 130–150; *Тюкавкин В.Г.* Восточноевропейское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2000; *Белянин Д.Н.* Переселение крестьян в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы // Российская история. 2011. № 1. С. 86–95; *Давыдов М.А.* Личное и групповое землеустройство в ходе столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) // Российская история. 2015. № 3. С. 116–141.

³ См., например: *Macey D.A.J.* Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb, 1987; *Weislo F.W.* Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914. Princeton, 1990; *Маузо К.* Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194–200; *Pallot J.* Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999; *Пэллот Дж.* Разрушила ли общину Столыпинская реформа? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 172–187.

⁴ *Христофоров И.А.* От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // Российская история. 2011. № 4. С. 27–43; *он же.* Момент истины? Первая российская революция и крестьянский вопрос // Российская история. 2016. № 4. С. 90–96.

На мой взгляд, споры вокруг столыпинской реформы могут быть разрешены именно обращением к региональному и местному уровням её реализации, которые до сих пор остаются малоизученными. Это относится и к Калужской губ., которой посвящена данная статья⁵. Её источниковой базой стали документальные материалы Государственного архива Калужской области – фонды канцелярии губернатора, губернского присутствия, Крестьянского поземельного банка, губернской и уездных землеустроительных комиссий и т.д. Кроме того, в работе были использованы опубликованные нормативные акты, справочные и статистические издания, делопроизводственная документация и периодическая печать.

Столыпинская аграрная реформа, как известно, стартовала после подписания Николаем II указа от 9 ноября 1906 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», который предусматривал право каждого домохозяина свободно выйти из общины и укрепить земельный надел в личную собственность в тех сельских обществах, где в течение 24 лет не было общих переделов⁶. Столыпин особо подчёркивал, что крестьяне могут выбирать, оставаться им в общине или выходить из неё⁷.

Первые официальные данные о количестве крестьян Калужской губ., вышедших из общины, относятся к 1 октября 1907 г. К этому времени лишь 199 домохозяев подали ходатайства о выходе, 143 из них укрепили наделы на общей площади 1 035 десятин⁸. Такой результат был сочтён в Петербурге совершенно неудовлетворительным. По оценке Столыпина, он свидетельствовал об отсутствии должного внимания губернских властей к реформе⁹. Калужскому губернатору А.А. Офросимову пришлось оправдываться. Он ссылаясь на «отсутствие на местах людей, которые могли бы в должной мере проникнуться идеей закона и проявить свою энергию в этом деле»¹⁰. В январе 1908 г. в телеграмме Столыпину Офросимов сетовал, что полагаться на земских начальников нельзя, поскольку у тех и без того весьма широкий круг обязанностей¹¹. В свою очередь, земские начальники объясняли медленный старт реформы целым комплексом причин: неосведомлённостью абсолютного большинства крестьян об указе 9 ноября 1906 г.; отсутствием у них опыта организации единоличных хозяйств; давлением на укрепленцев со стороны общинников; наконец, традиционной инертностью крестьян и их привычкой жить общиной¹².

В 1907–1909 гг. выход крестьян губернии из общины имел ярко выраженную географическую специфику. В южных земледельческих уездах (Жиздринском,

⁵ Столыпинская реформа в Калужской губ. освещалась лишь фрагментарно. См.: *Шербаков Д.А.* Столыпинская аграрная реформа в Калужской губернии. Сборник статей // Калужский краевед. Вып. 1. Калуга, 1958. С. 17–36; История крестьянства Западного региона России (1861–1917). Калуга, 2004; *Фомин А.А.* Землеустроительные аспекты сельского расселения Центральной России в первой трети XX века. Калуга, 1998.

⁶ Сборник законов и распоряжений по землеустройству (по 1 июня 1908 г.). СПб., 1908. С. 695.

⁷ *Зайцева Л.И.* Аграрная реформа П.А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX – начала XX века. М., 1995. С. 7.

⁸ Труды съезда непреходящих членов губернского присутствия 24 октября – 1 ноября 1907 г. СПб., 1908. С. 130.

⁹ *Фомин А.А.* Указ. соч. С. 12.

¹⁰ Государственный архив Калужской области (далее – ГА КО), ф. 32, оп. 2, д.1351, л. 5.

¹¹ Там же.

¹² Там же, ф. 266, оп. 1, д.9913, л. 9 об., 13, 21 об., 22, 23 об., 24 об.

Мещовском, Мосальском, Козельском и Лихвинском), а также в северном Медынском укреплении наделов шло наиболее успешно. В прочих уездах северной части губернии (Малоярославецком, Боровском и Тарусском), где было развито отходничество, показатели были низкими, центральные же уезды занимали промежуточное положение¹³.

В советской историографии, как известно, был выдвинут тезис о том, что выход крестьян из общины совершался преимущественно в административном порядке, по постановлениям земских начальников¹⁴. Однако обращение к материалам Калужской губернии рисует совершенно иную картину. В течение 1907–1909 гг. 21 730 выделявшихся домохозяев получили приговоры сельских сходов (74%) и лишь 7 025 (26%) укрепили землю на основании постановлений земских начальников. Для подавляющего большинства крестьян добровольные соглашения с односельчанами являлись основным правовым механизмом укрепления наделов. Такой порядок получил повсеместное распространение на большей части территории губернии. В то же время крестьяне Боровского, Жиздринского и Перемышльского уездов укрепляли наделы преимущественно по постановлениям земских начальников¹⁵, поскольку община здесь сохраняла определённую экономическую силу. К 1909 г. в Боровском уезде общие переделы осуществляли 87% сельских обществ, в Перемышльском – 54%¹⁶. В последующие годы тенденция к укреплению земли домохозяевами преимущественно по соглашению с сельскими обществами сохранилась. К 1 мая 1914 г. удельный вес укрепившихся таким образом дворов оставался в губернии на том же уровне – 74%.

Указ от 9 ноября 1906 г. после длительного обсуждения в Государственной думе и Государственном совете был заменён законом от 14 июня 1910 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», согласно которому выход домохозяев из общины решался на сельском сходе простым большинством голосов (вместо $\frac{2}{3}$). Сельские общества, не проводившие переделов после наделения землёй, признавались перешедшими к наследственному владению, а участки, состоявшие в постоянном пользовании домохозяев, объявлялись их собственностью¹⁷. Согласно новому закону, в Калужской губ. к числу беспередельных относились 4 154 сельских общества (88%), насчитывавших 143 117 домохозяев (83%) на площади 1 090 509 десятин (79%). Таким образом, в регионе сложилась ситуация, когда $\frac{2}{3}$ селений и подавляющее большинство домохозяев оказались на положении подворных владельцев. Резко выделялись в этом отношении Козельский, Лихвинский, Малоярославецкий, Медынский и Мосальский уезды, где подворными стали 97–99% домохозяйств¹⁸. По удельному весу беспередельных сельских обществ губерния занимала первое место в стране¹⁹.

В 1910–1914 гг. в Калужской губ. достаточно чётко прослеживалась общероссийская тенденция сокращения количества домохозяев, укрепивших

¹³ Там же, д.10323, л. 514; д.10909, л. 44.

¹⁴ См., например: *Дубровский С.М.* Указ. соч.

¹⁵ ГА КО, ф. 266, оп. 1, д.10323, л. 514.

¹⁶ Там же, д.11341, л. 188, 191.

¹⁷ *Александровский Ю.В.* Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. М., 1911. С. 73.

¹⁸ ГА КО, ф. 266, оп. 1, д.11967, л. 44.

¹⁹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. М., 1995. С. 67–68.

наделы. По сравнению с 1907–1909 гг. оно уменьшилось более чем в три раза²⁰, что вызывало озабоченность со стороны властей. В октябре 1913 г. калужский губернатор потребовал от земских начальников установить, «какими причинами вызывается малое количество заявлений об укреплении и удостоверении»²¹. В большинстве сообщений из Тарусского, Жиздринского и Медынского уездов в качестве основной причины указывалось отходничество крестьян. Кроме того, земские начальники прибегали и к другим стандартным объяснениям — низкое плодородие почвы, прочность коллективистской психологии жителей деревни и проч.²²

Тем не менее, по данным на 1 мая 1914 г., в Калужской губ. было самое высокое по сравнению с другими губерниями число домохозяев (40 822) и обществ (1 392), оказавшихся на положении подворных землевладельцев, и наибольшая площадь наделной земли, укрепленной по удостоверительным актам в собственность домохозяев и общин, — 333 204 десятины. Очевидно, что эти результаты находились в прямой связи с очень высоким удельным весом беспердельных общин в регионе накануне реформы²³.

К 1917 г. в губернии на основе указа 1906 г. из общины выделилось 40 567 домохозяев (24% дворов). Они укрепили в личную собственность 289 462 десятины земли, что составляло 21% общинного землевладения в регионе²⁴. Лидером по количеству укрепленцев являлся Лихвинский уезд — 8 455 домохозяев, за ним следовали Мещовский (5 005), Мосальский (4 792), Боровский (4 691), Козельский (4 442), Жиздринский (4 042), Медынский (3 787), Перемышльский (2 301), Калужский (1 442). Меньше всего укрепленцев было в Тарусском и Малоярославецком уездах (869 и 739 соответственно)²⁵. К этому же времени 51 159 калужских крестьян укрепили в личную собственность землю по удостоверительным актам, что составило 30% общего количества дворов губернии. Площадь всей удостоверенной земли насчитывала 359 388 десятин или 26% всего фонда наделного землевладения губернии²⁶. В итоге за 10 лет аграрной реформы на основании указа 9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г. из общины вышло в общей сложности 91 726 домохозяев (54% всех общинников), которые укрепили в личную собственность 648 850 десятин (47%) наделной земли²⁷.

Параллельно с выходом крестьян из общины в губернии шёл процесс внутринаделного и вненаделного межевания крестьянских земель, который лег в основу землеустройства — ещё одного важного направления аграрных преобразований. Для проведения реформы в соответствии с указом от 4 марта 1906 г. во всех уездах региона создавались землеустроительные комиссии. Однако этот процесс оказался растянутым во времени. Согласно предписанию Главного управления землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ), поначалу

²⁰ Подсчитано по: ГА КО, ф. 266, оп. 1, д.10323, л. 514; д.14177, л. 84–87.

²¹ Там же, д.13429, л. 9.

²² Там же, л. 27–29, 30 об.—31 об., 34 об., 35, 35 об., 37 об., 38 об.

²³ Сведения о выдаче удостоверительных актов по 1 мая 1914 г. // Известия земского отдела (далее — ИЗО). 1914. № 10. Октябрь. С. 362.

²⁴ ГА КО, ф. 266, оп. 1, д.15313, л. 12, 17, 18.

²⁵ Там же, д.14177, л. 84–87.

²⁶ Сведения о выдаче удостоверительных актов по 1 января 1915 г. // ИЗО. 1915. № 7. Июль. С. 244; Сведения о числе удостоверительных актов по 1 января 1916 г. // ИЗО. 1916. № 8. Август. С. 219; Дубровский С.М. Указ. соч. С. 204.

²⁷ ГА КО, ф. 266, оп. 1, д.15313, л. 12, 17, 18.

приоритет отдавался тем уездам, где было больше всего землевладельцев, намеревавшихся продать свои земли, и крестьян, готовых их приобрести²⁸. Первые землеустроительные комиссии были открыты в апреле–мае 1907 г. в Калужском, Перемышльском, Козельском, Мещовском и Мосальском уездах²⁹, затем, в 1909 г., были учреждены в Лихвинском, Малоярославецком и Медынском. Наконец, в 1911 г. стали функционировать комиссии в Боровском и Тарусском уездах³⁰.

Власти предпринимали определённые шаги по пропаганде землеустроительных комиссий. С этой целью в 1907 г. на страницах местной прессы публиковались разъяснительные статьи, а МВД выделило Калужской губ. для распространения среди жителей деревни 4075 экземпляров плаката «В чём помогают крестьянам землеустроительные комиссии»³¹. Члены комиссий, земские начальники устраивали на волостных и сельских сходах беседы и чтения с крестьянами, пропагандируя идеи единоличного землевладения³². Тем не менее далеко не везде создание комиссий вызывало энтузиазм. Так, в Мещовском уезде крестьяне заявили, что «все земельные вопросы должны быть разрешены созванной для этой Государственной думой»³³.

Землеустройство на надельных землях делилось на единоличное и групповое. Целью первого была индивидуализация крестьянского хозяйства в форме хуторов и отрубов, а проводить его после ликвидации внутринадельной или вненадельной чересполосицы можно было только в селениях, имеющих точные границы, т.е. отделённых от соседних владений. Целью группового землеустройства являлось улучшение порядков крестьянского землепользования и ликвидация его юридической неопределённости, вне зависимости от того, выходили домохозяева из общины или нет³⁴. В землеустроительном деле можно выделить два этапа: до и после принятия закона «Положение о землеустройстве» 29 мая 1911 г.³⁵

В 1907–1911 гг. землеустройство в губернии охватило 1 865 единоличных домохозяйств на общей площади 20 944 десятины (в среднем 11 десятин на хозяйство, что несколько больше среднего размера крестьянского надела (8,1 десятины) согласно земельной переписи 1905 г.). На этом этапе на выделы участковых хозяйств приходилось в губернии 67% землеустроительных действий, а на разверстания селений — лишь 33%³⁶. В масштабах же страны, напротив, лидировало разверстание сельских обществ (75% против 25%)³⁷. Эта специфика исследуемого региона была обусловлена господством здесь беспередельной общины, а также значительным оттоком мужского населения на отхожие промыслы, так что у заинтересованных домохозяев не всегда была возможность

²⁸ Там же, ф. 32, оп. 2, д. 1287, л. 5.

²⁹ Там же, ф. 430, оп. 1, д. 453, л. 4 об.

³⁰ Калужские губернские ведомости (далее — КГВ). 1909. № 66. 25 июня. С. 3; 1911. № 110. 29 октября. С. 3.

³¹ ГА КО, ф. 266, оп. 1, д. 9901, л. 119.

³² Там же, ф. 430, оп. 1, д. 453, л. 38–39.

³³ Там же, л. 12 об.

³⁴ *Першин П.Н.* Участковое землепользование в России. М., 1922. С. 10.

³⁵ *Ермолов Г.А.* Землеустройство в Калужском уезде. Калуга, 1915. С. 17; *Давыдов М.А.* Указ. соч. С. 59.

³⁶ Обзор деятельности землеустроительных комиссий 1907–1911. СПб., 1912. С. 34–37.

³⁷ Там же. С. 5–6.

собрать $\frac{2}{3}$ голосов, необходимых для составления приговора о разверстании целого селения.

Какие слои крестьянства выделялись на хутора и отруба? По данным губернской землеустроительной комиссии, «во всех уездах губернии, где только заводятся хутора, выселяются из общины большей частью самые состоятельные элементы, многосемейные и часто очень хорошо обеспеченные живым и мёртвым инвентарём»³⁸. Архивные данные показывают, что размер выделившихся домохозяев очень сильно варьировался. Так, в январе 1911 г. крестьянин дер. Голобокова Калужского уезда Иван Ватин выделился на хутор размером в 3 десятины. Насколько экономически выгодным было хозяйствование на столь незначительном участке, сказать сложно. Есть, конечно, и примеры другого рода. Правительственный инструктор отмечал: «Прежде всего, почти все хуторяне живут, так сказать, надеждами на будущее. Один предполагает заняться клеверосеянием, другой — разведением клубники, третий — скотоводством»³⁹.

Важным инструментом стимулирования роста единоличных хозяйств стало оказание материальной помощи выделившимся из общины (прежде всего на перенос жилых и хозяйственных построек на новые места). В 1907–1911 гг. государственная поддержка была оказана 2470 домохозяевам губернии — 82% в виде ссуд и 18% — безвозвратных пособий. Число получивших помощь оказалось, таким образом, больше количества выделившихся домохозяйств, поскольку некоторые крестьяне помимо основных ссуд получали ещё и дополнительные (на устройство колодцев, приобретение семян и т.д.)⁴⁰.

Обратимся к результатам группового землеустройства, решающее значение которого в ходе реформы лишь недавно было признано в историографии⁴¹. К числу распространённых групповых землеустроительных работ относились ликвидация однопланности разных селений, разверстание чересполосности и общности угодий и выдел земель под выселки⁴². Однопланность, являясь наследием реформы 1861 г., была связана как с внутринадельной, так и с внеадельной чересполосицей⁴³. Без размежевания и правового оформления границ каждого селения переход к единоличному хозяйству был невозможен. В конечном счёте это привело к преобладанию в Калужской губ. группового землеустройства (84 701 десятина) над единоличным (30 964 десятины), что было характерно и для многих других регионов Центральной России⁴⁴.

«Положение о землеустройстве» 29 мая 1911 г. разрабатывалось ГУЗиЗ на основании пятилетнего опыта аграрной реформы и значительно расширило права и обязанности землеустроительных комиссий. Были уточнены все виды единоличных и групповых землеустроительных действий, увеличены полномочия

³⁸ *Ермолаев И.Д.* Роль хуторских и отрубных хозяйств в деле улучшения местного хозяйства в Калужской губернии // КГВ. 1910. № 33. 25 марта. С. 3.

³⁹ *Ермолаев И.Д.* Как живут хуторяне // Калужский курьер. 1911. № 130. 26 ноября. С. 2.

⁴⁰ Обзор деятельности землеустроительных комиссий 1907–1911. С. 84.

⁴¹ *Тюкавкин В.Г.* Указ. соч.; *Ковалёв Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (на материалах Московской губернии). М., 2004; *Давыдов М.А.* Указ. соч.

⁴² Обзор деятельности землеустроительных комиссий 1907–1911. С. 5.

⁴³ Журналы Мосальского XLII очередного уездного земского собрания. Заседания 11, 12 и 13 ноября 1906 года с приложениями к ним. Мосальск, 1907. С. 206.

⁴⁴ Итоги землеустройства. СПб., 1912. С. VI.

губернских и уездных землеустроительных комиссий, расширился круг видов землевладения (надельные, купчие, земли товариществ и т.д.), на которые распространялось действие нового закона⁴⁵. На втором этапе реформы в губернии продолжился рост числа единоличных хозяйств. Так, в 1912 г. было образовано 766 участковых хозяйств, в 1913 г. — 2690, а в 1914 г. — 961⁴⁶. Пик землеустроительных работ в регионе пришёлся на 1913 г., когда возникло «почти столько же новых единоличных владений, сколько их было всего устроено со времени открытия комиссий»⁴⁷.

Начиная с 1912 г. в балансе видов единоличного землеустройства в Калужской губ. произошли существенные изменения. На смену выделам пришли развёрстания целых селений и обществ, охватившие часть многодворных селений в южной части региона. Всего на 1 января 1915 г. в Калужской губ. было развёрстано 112 земельных единиц на общей площади 24 521 десятины, насчитывавших 3 тыс. домохозяев, что составило 47% единолично землеустроенной площади и 49% крестьянских дворов, перешедших на индивидуальные участки⁴⁸. Таким образом, очень значительная часть домохозяев решила воспользоваться правом изменить условия землепользования.

Отвод земли в общее пользование (пастбища, лесные участки, дороги и проч.) допускался не только при групповых межевых работах, но и при единоличном землеустройстве⁴⁹. Так, в 1907–1915 гг. в Перемышльском уезде при развёрстании 28 сельских обществ в общем пользовании домохозяйств находилось 576 десятин, что составило 7% количества земли, отведённой в единоличную собственность⁵⁰. В балансе единоличного и группового землеустройства по-прежнему лидировало последнее, охватив в 1907–1914 гг. 78% землеустроенных дворов в губернии⁵¹. Групповое землеустройство могло предшествовать единоличному, так как, согласно закону 1911 г., для выдела теперь было достаточно заявления простого большинства домохозяев однопланых селений⁵². Сторонникам общины закон 1911 г. давал право требовать отвода при развёрстании причитающейся им части земли в самостоятельное надельное владение⁵³. К 1 января 1916 г. общинное владение было отведено для 731 земельной единицы, т.е. более 30 тыс. домохозяев на площади свыше 220 тыс. десятин⁵⁴.

К 1 января 1914 г. в Калужской губ. на надельных землях было образовано 5 245 хуторов и отрубов на общей площади 44 492 десятины, что составило всего 3% крестьянских дворов и 3.2% общинного земельного фонда региона. При этом средняя величина участкового хозяйства по сравнению с 1911 г.

⁴⁵ Закон о землеустройстве 29 мая 1911 года и изданный на основании сего закона Наказ землеустроительным комиссиям от 19 июня 1911 года. СПб., 1911. С. 8.

⁴⁶ Отчётные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1913 года. СПб., 1913. С. 64, 78–79; Отчётные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1914 года. Пг., 1914. С. 62–63; Отчётные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 года. Пг., 1915. С. 62–63.

⁴⁷ Обзор деятельности землеустроительных комиссий центрального района в 1913 г. // Известия канцелярии Комитета по землеустроительным делам. 1914. Вып. 10. Октябрь. С. 244.

⁴⁸ Отчётные сведения ... на 1 января 1915 года. С. 62–63.

⁴⁹ Отчётные сведения ... на 1 января 1913 года. С. 19.

⁵⁰ ГА КО, ф. 575, оп. 1, д.103, л. 11, 15.

⁵¹ Отчётные сведения ... на 1 января 1915 года. С. 29.

⁵² Ермолов Г.А. Указ. соч. С. 27.

⁵³ Закон о землеустройстве 29 мая 1911 года... С. 65.

⁵⁴ ГА КО, ф. 575, оп. 1, д.103, л. 19, 31, 35, 39.

сократилась до 8.4 десятины, что было связано, как уже отмечалось, с преобладанием на втором этапе реформы разверстаний сельских обществ. По числу единоличных хозяйств среди 47 губерний Европейской России исследуемый регион занимал 41 место⁵⁵.

Какие факторы определяли динамику единоличного землеустройства в губернии? Во-первых, чем выше была обеспеченность землёй, тем быстрее, при прочих равных условиях, происходил переход к единоличному землевладению. Не случайно малоземельная Калужская губ., где в начале XX в. был самый низкий в России средний надел на душу мужского пола (2.1 десятины), была одним из аутсайдеров по количеству единоличных владений. Во-вторых, сдерживал единоличное землеустройство массовый уход мужчин на промыслы (по этому показателю регион занимал одно из первых мест в России)⁵⁶. В-третьих, в результате отходничества в калужской деревне на сельских сходах весьма значительной была роль женщин, многие из которых негативно относились к хуторскому расселению, мотивируя это тем, что на хуторах можно «одичать»⁵⁷.

Важная роль в реформе отводилась Крестьянскому банку как финансовому инструменту её реализации. В 1906 г. активизировалась его деятельность в сфере покупки на свой баланс земель для последующей продажи их крестьянам. Уже в 1909 г. Калужская губ. занимала среди регионов Центрально-промышленного района первое место по размерам спроса на банковский кредит⁵⁸. С 1910 г. продажа под хуторские и отрубные участки в губернии составила более $\frac{2}{3}$ земельной площади от общего объёма посреднических сделок. Наибольшая её часть крестьянами была приобретена в 1911 и 1913 гг. (более чем по 11 тыс. десятин)⁵⁹. В 1911 г. по количеству хуторов, купленных при содействии банка (527 участков), губерния занимала первое место в России⁶⁰. В результате в 1911 г. спрос на частновладельческую землю здесь оказался одним из самых высоких по стране, приближаясь к показателям лидирующих в этом отношении юго-западных и восточных губерний⁶¹.

С 1907 г. разбивка и распродажа купленных банком имений была поручена особо приглашённым ликвидаторам. Для размежевания земель были командированы землемеры землеустроительных комиссий и межевые техники из состава штатных чиновников отделений банка. К этой деятельности также привлекались неперменные члены землеустроительных комиссий, податные инспекторы и земские начальники⁶². Львиная доля земель предназначалась под хуторские и отрубные участки, наименьшая – коллективным заёмщикам (сельским обществам и товариществам)⁶³.

⁵⁵ Отчётные сведения ... на 1 января 1914 года. С. 8–11.

⁵⁶ ГА КО, ф. 266, оп. 1, д. 13429, л. 28, 31.

⁵⁷ Ермолов Г.А. Указ. соч. С. 5.

⁵⁸ Отчёт Крестьянского поземельного банка за 1909 год. СПб., 1910. С. 27.

⁵⁹ Панасюк В.В. Землеустроительная деятельность Крестьянского поземельного банка в годы столыпинской аграрной реформы (по материалам Калужской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2012. № 4. С. 10.

⁶⁰ Отчёт Крестьянского поземельного банка за 1911 год. СПб., 1912. С. 158.

⁶¹ Там же. Таблица. С. 30–31.

⁶² О мерах по направлению деятельности временных отделений Крестьянского банка // Известия Главного управления землеустройства и земледелия (далее – Известия ГУЗиЗ). 1907. № 48. 2 декабря. С. 869.

⁶³ Панасюк В.В. Землеустроительная деятельность... С. 9.

Рост спроса на банковскую и частновладельческую землю был во многом обусловлен не столько стремлением местных домохозяев приобрести землю, сколько воздействием миграционного фактора. Парадоксально, но в малоземельную Калужскую губ. активно переселялись жители западных, юго-западных и малороссийских губерний, где проблема малоземелья стояла ещё более остро. Дело в том, что Калужское отделение банка обладало одним из самых крупных земельных фондов среди губерний Центральной России. В результате начиная с 1910 г. переселенцы стали основными клиентами банка⁶⁴. Всего, по официальным данным, в 1911–1913 гг. с целью приобретения земли в Калужскую губ. переселились 1057 домохозяев⁶⁵.

К началу 1914 г. в Калужской губ. на землях имений банка и при его посреднических операциях было образовано 3118 единоличных хозяйств, в том числе 2343 хуторских участков и 775 отрубов. Отвод под хуторские участки был одной из главных целей банка⁶⁶. Единоличное же землеустройство на общинных землях давало совершенно иную картину: крестьяне преимущественно сохраняли деревенский тип расселения, переходя к отрубному хозяйству.

Одной из составляющих реформы стало переселение крестьян за Урал. В Калужской деревне переселение не имело большого значения, поскольку, по словам губернатора, «малоземельным крестьянам возможно устроиться на землях, предлагаемых к продаже хуторскими участками Крестьянским банком и частными владельцами»⁶⁷. Сдерживала поток потенциальных переселенцев и развитость отхожих промыслов. В целом за Урал в 1906–1914 гг. отправились 20489 калужских переселенцев, причём треть из них – в 1907 г. Это напрямую было связано с предоставлением переселенцам различных льгот на местах выхода и нового водворения, с открытием для заселения новых районов Сибири (например, бывших кабинетских земель Алтайского округа). Основной контингент калужских мигрантов состоял из тех, кто уезжал за Урал на легальных основаниях, т.е. по проходным свидетельствам. Количество обратных переселенцев насчитывало не более $\frac{1}{3}$ от общего потока⁶⁸.

Отличительной чертой столыпинских преобразований в Калужской губернии был всплеск земской агрономической помощи крестьянским хозяйствам. Об этом свидетельствует рост земских расходов на улучшение сельского хозяйства: если в 1907 г. они составляли 45 тыс. руб., то в 1913 г. – более 150 тыс. руб.⁶⁹ Формирование губернской и уездной агрономической службы относится к началу XX в., но именно на исследуемый период приходится её расцвет, что особенно заметно проявилось при переходе от уездного типа организации службы

⁶⁴ Там же. С. 10.

⁶⁵ Отчёт Крестьянского ... за 1911 год. С. 199; Отчёт Крестьянского поземельного банка за 1912 год. СПб., 1913. С. 170; Отчёт Крестьянского поземельного банка за 1913 год. Пг., 1914. С. 167.

⁶⁶ Подсчитано по: ГА КО, ф. 61, оп. 1, д. 1521, л. 86–89, 93–98, 99–106, 107–112, 113–115, 117–119, 120–128, 130–134 об., 136–142, 144–147, 148–150 об.

⁶⁷ Статистический обзор Калужской губернии за 1910 год. Калуга, 1911. С. 24.

⁶⁸ *Панасюк В.В.* Переселение крестьян из Калужской губернии в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8. Ч. II. С. 157–158.

⁶⁹ Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1907 и 1908 годы). Вып. 10. СПб., 1909. Приложение. С. 2–3; Вып. 14. Пг., 1916. С. 3–4.

к более дробному участковому. К началу 1914 г. в губернии насчитывалось 26 агрономических участков⁷⁰.

Агрономическая помощь приобретала комплексный характер и была представлена различными формами: содействием травосеянию, многопольным севооборотам, применению минеральных удобрений и кормовых культур, устройством показательных участков, опытных полей, сортировально-прокатных пунктов и т.д. Земцы придерживались принципа оказания помощи в равной степени всем плательщикам земских сборов – и общинному крестьянству, и единоличникам. В то же время некоторые уездные земства (Калужское, Козельское, Медынское, Мосальское и Перемышльское), где складывались основные центры хуторского и отрубного расселения в регионе, откликнулись в 1909 г. на предложение П.А. Столыпина о приоритетной финансовой поддержке единоличных домохозяйств и выделении для этой цели отдельных сметных ассигнований⁷¹. Многие земские агрикультурные мероприятия в регионе осуществлялись через сельскохозяйственные кооперативы различного типа, численность которых в 1907–1914 гг. значительно увеличилась⁷².

Обучающие агрономические мероприятия реализовывались как земскими специалистами, так и сотрудниками правительственной агрономической службы. Популярностью у крестьян с конца XIX в. пользовались чтения и беседы. В годы столыпинской реформы в этой сфере появились и новые формы: курсы, экскурсии и передвижные выставки⁷³. Успехи земской агрономической службы в организации курсов контрастировали с более чем скромным опытом правительственной агрономии.

Ознакомительные экскурсии проводились главным образом в первые годы реформы на хуторские хозяйства западных и прибалтийских районов России, где они возникли ещё в XIX в.⁷⁴ А летом 1909 г. домохозяин Калужского уезда Хавричев вместе с группой крестьян из других губерний страны, посетив хозяйства Дании, Царства Польского и Финляндии, выступил с отчётом о своей поездке перед членами губернского сельскохозяйственного общества⁷⁵. В устройстве экскурсий принимали участие и представители местных сельскохозяйственных обществ⁷⁶.

Что касается передвижных выставок Калужского земства, то ежегодно в летний сезон по территории губернии перемещались два обоза, один из которых объезжал селения южных уездов, другой – северных. Демонстрировалась новая сельскохозяйственная техника (плуги, веялки, бороны, сепараторы

⁷⁰ Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г. Справочник. Пг., 1914. С. 117–122.

⁷¹ Подробнее см.: *Панасюк В.В.* Отношение земских учреждений Калужской губернии к столыпинской аграрной реформе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. Ч. 2. С. 131–137.

⁷² Обзор, доклады, отчёты по агрономическим мероприятиям в Калужской губернии за 1911 год. Ч. III. Калуга, 1913. С. 32, 82.

⁷³ *Фёдоров Г.И.* Материалы по внешкольному сельскохозяйственному образованию в Калужской губернии. Вып. 1. Калуга, 1918. С. 5, 34.

⁷⁴ Условия поездок ходоков для ознакомления с хуторскими хозяйствами // Известия ГУЗиЗ. 1908. № 21. 25 мая. С. 414–415.

⁷⁵ *Н-в А.* Заграничные впечатления крестьянина // Новое время. 1909. № 12000. 9 августа. С. 4.

⁷⁶ КГВ. 1912. № 27. 18 апреля. С. 2.

и т.д.), организовывались тематические чтения и беседы с использованием плакатов, наглядных пособий и раздачей популярной литературы. Если в течение 1910–1911 гг. выставки ежегодно посещало около 20 тыс. человек, то в 1912 г. – почти 32 тыс. человек⁷⁷. По свидетельству агронома Калужского губернского земства Г.И. Фёдорова, хуторяне проявляли к таким мероприятиям большой интерес⁷⁸. Выставки способствовали увеличению спроса на машины, орудия и семена на земских складах, возникновению кооперативов, росту числа ходатайств о переходе к травосеянию, устройстве прокатных и сортировальных пунктов и т.д.⁷⁹

Первая мировая война стала суровым испытанием для столыпинской аграрной реформы в калужской деревне. Постоянные мобилизации членов землеустроительных комиссий, земских специалистов и крестьян привели к резкому падению темпов реформы по всем направлениям. Однако и в начале 1917 г. в землеустроительные комиссии продолжали поступать ходатайства о проведении межевых работ⁸⁰.

Итак, аграрная реформа в Калужской губ. привела к тому, что свыше половины всех домохозяйств региона вышли из общины. Однако число крестьян, выделившихся на участковые хозяйства, оказалось весьма незначительным. Между тем в результате активной деятельности регионального отделения Крестьянского поземельного банка здесь сложился один из крупнейших в Европейской России ипотечных рынков, где покупателями являлись не только местные крестьяне, но и переселенцы. Характерными для региона особенностями проведения реформы можно считать высокий удельный вес беспредельных сельских обществ, что ускоряло укрепление домохозяевами земли в личную собственность; выход крестьян из общины и переход на индивидуальные участки преимущественно по добровольному соглашению с односельчанами; приоритет группового землеустройства над единоличным. В то же время отхожие неземледельческие промыслы населения, крестьянское малоземелье, прочность коллективистских представлений затрудняли аграрное переустройство.

⁷⁷ Фёдоров Г.И. Указ. соч. С. 49–51.

⁷⁸ Там же. С. 54, 62, 66, 71.

⁷⁹ Журналы XLVII очередного Боровского уездного земского собрания. Сессия 29-го сентября – 2 октября 1911 года. Боровск, 1912. С. 239; Обзор, доклады, отчёты по агрономическим мероприятиям... 1911 года. С. 11–12.

⁸⁰ ГА КО, ф. 266, оп. 2, д.923, л. 47, 54, 59; там же, ф. 578, оп. 1, д.18, л. 94.

Продажа товаров в рассрочку как вид потребительского кредитования в СССР (конец 1950-х – 1980-е гг.)

Елена Твердюкова

Payment for the goods by installments as a form of consumer credit in the USSR, the late 1950s–1980s

Elena Tverdyukova (Saint Petersburg State University, Russia)

Потребительское кредитование – один из инструментов социально-экономической политики государства. Предоставление гражданам целевых займов на строительство жилья, хозяйственное обзаведение или покупку товаров в розничной торговле расширяет платёжеспособный спрос населения, а также способствует формированию особого типа потребительского поведения. Исторический опыт регулирования в этой сфере, таким образом, важно рассматривать не только в связи с функционированием кредитных институтов, но и в контексте эволюции моделей потребления.

В СССР одним из самых распространённых видов кредитования текущих нужд населения являлась продажа товаров длительного пользования в рассрочку. В работах экономистов разъяснялась её сущность и анализировалась роль в социалистическом потреблении. Подчёркивалась важность такого вида торговли, который создаёт большие возможности для приобретения товаров длительного пользования, способствует внедрению в быт современных, технически сложных предметов культурно-бытового назначения, помогая обогащению культурной жизни народа¹.

Определённое внимание этим вопросам уделяли и правоведа². Согласно доктрине гражданского права, кредит предоставляется банковскими организациями со взиманием определённого процента и под конкретное обеспечение³. Однако в советские годы считалось, что продажа предметов потребления на условиях частичной отсрочки их оплаты представляет собой товарную форму кредитования населения и понятия «кредит», «продажа с рассрочкой платежа»

© 2017 г. Е.Д. Твердюкова

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00125.

¹ *Авдиянц Ю.П.* Кредит и повышение экономической эффективности производства. М., 1972; *Ни С.Н.* Потребительский кредит в СССР. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1972; *Зонов В.И.* Основные формы потребительского кредита в СССР // Потребительский кредит. М., 1983; *Саутенков В.М.* Потребительский кредит и благосостояние трудящихся. М., 1989.

² *Язев В.А.* Продажа товаров населению в кредит. М., 1960; *Львович Ю.Я.* Охрана интересов покупателей. М., 1966; *Кабалкин А.Ю.* Удовлетворение потребностей граждан и закон. М., 1980.

³ Так, И.В. Сарнаков полагает, что стороной, предоставляющей кредит, может быть только кредитная организация, поэтому торговые предприятия (магазины) не могут продать товар подобным способом без её посредничества. Если же подобное случается, то с гражданско-правовой точки зрения это не что иное, как купля-продажа в рассрочку. См.: *Сарнаков И.В.* Потребительское кредитование в России: теория, практика, законодательство. М., 2010.

применительно к реализации товаров длительного пользования определялись как равнозначные⁴.

Историки же заявленной тематике внимания почти не уделяли. Фактически единственным исследованием, рассматривающим практику продажи с рассрочкой платежа в СССР в ретроспективе (среди других видов потребительского кредита), является небольшая по объёму работа В.С. Захарова⁵.

В современной экономической литературе утверждается, что советский опыт кредитования складывался в псевдорыночных условиях и не может использоваться в современности⁶. Это, однако, не отменяет актуальности данного сюжета. Его изучение необходимо не только для прояснения правовой природы или экономической целесообразности кредитов, но и для выявления их социальной обусловленности, а также влияния на культуру современного российского общества.

Рассрочка платежа существовала в практике купли-продажи издревле, но специальные нормы её правового регулирования появились в Своде законов Российской империи только в 1904 г.⁷ Согласно им в кредит могли продаваться предметы домашней обстановки, а также машины, орудия, инструменты, предназначенные для личного использования.

Подобная форма торговли нашла своё место и в советском хозяйстве. В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1923 г. в целях стимулирования работников важнейших отраслей народного хозяйства разрешалась розничная продажа с рассрочкой платежа вещей, предназначенных для домашнего обихода⁸. До конца 1923 г. более 300 тыс. промышленных рабочих получили кредитов на сумму 15 млн золотых руб.⁹ Кредитование осуществлялось рабочими кооперативами (рабкоопами) в двух формах: мелколавочной и долгосрочной. В порядке мелколавочного кредита отпускались только пищевые продукты и товары первой необходимости – как правило, на срок в пределах двух недель (максимально на один месяц, фактически – от получки до получки). Сумма кредита утверждалась завкомом профсоюза и администрацией предприятия. Она не могла превышать 50% заработка. Платежи в погашение задолженности вычитались из зарплаты. Отпуск предметов роскоши и спиртных напитков не разрешался под строгую ответственность заведующих лавок¹⁰.

Долгосрочный кредит предоставлялся лишь пайщикам рабкоопов с целью приобретения ими товаров широкого потребления. Размер его не превышал полуторамесячного заработка заёмщика, а срок погашения составлял шесть месяцев. При пропуске покупателем трёх последовательных платежей продавец получал право требовать расторжения договора и возвращения переданного имущества. Кредит выдавался в одежде, обуви, мануфактуре и других товарах

⁴ В связи с указанным подходом я в своём исследовании придерживалась той же точки зрения.

⁵ Захаров В.С. Потребительский кредит в СССР. М., 1986.

⁶ Черненко В.А. Потребительский кредит в Российской Федерации. СПб., 2002. С. 4.

⁷ Подробнее см.: Данилов Ю.Б. Правовое регулирование купли-продажи в рассрочку по российскому законодательству начала XX в. // Вестник Томского университета. 2007. № 1. С. 144–147.

⁸ Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 79. Ст. 770.

⁹ Правда. 1924. 12 апреля.

¹⁰ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб), ф. 16, оп. 6, д.7040, л. 71.

на определённую сумму в товарных или червонных рублях по согласованию с профсоюзными организациями¹¹.

По сути, в 1920-е гг. эта форма торговли представляла собой беспроцентную рассрочку, использовавшуюся в первую очередь для поддержки малооплачиваемых категорий населения¹².

Дефицитность внутреннего рынка СССР и введение с 1928 г. карточной системы на основные продовольственные и промышленные товары обусловили падение значения потребительского кредитования. Его не смогло оживить даже возрождение в середине 1930-х гг. «свободной торговли» и отказ от господствовавших ранее идей бытового аскетизма. Причин тому было несколько. В условиях ограниченного производства продукции отраслей «группы Б», заинтересованности в максимальной мобилизации денежных средств населения государство не считало возможным расплыть средства на обслуживание потребительских кредитов. А у потребкооперации сначала не имелось достаточных средств на эти цели, а затем, согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 сентября 1935 г., она должна была сосредоточить внимание на снабжении сельского населения и все её городские магазины передавались Наркомату внутренней торговли¹³. Продажа гражданам товаров из розничной сети разрешалась только за наличный расчёт¹⁴. Отныне и до конца 1950-х гг. большинству обывателей покупка предметов домашнего обихода в рассрочку оказывалась недоступна. Потребительское кредитование ограничивалось ссудами на жилищное строительство и сельскохозяйственное обзаведение в районах новостроек.

На рубеже 1950–1960-х гг. в потребительских предпочтениях советских граждан произошли серьёзные изменения. Курс на повышение благосостояния населения в рамках построения коммунистического общества способствовал увеличению производства товаров широкого потребления, внедрению в быт советского человека достижений научно-технической революции. Объёмы продаж предметов культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода в государственной торговле и потребительской кооперации СССР последовательно росли: в 1960 г. они составили 4405 млн руб., 1961 г. – 4749 млн, 1962 г. – 5725 млн, 1964 г. – 5931 млн, 1965 г. – 6742 млн руб.¹⁵ В сопоставимых ценах продажа увеличилась более чем в полтора раза, причём более быстрыми темпами росла именно реализация товаров длительного пользования (на 9.2% при росте товарооборота в среднем на 6.7% в год).

В.М. Молотов в своих беседах с литератором Ф.И. Чуевым обвинял Н.С. Хрущёва в том, что он «мыслит по-буржуазному», а своей социальной политикой дал возможность «вырваться наружу тому зверю, который... наносит большой вред обществу» – мешанству¹⁶. Но, очевидно, это был объективный процесс. Повышение благосостояния граждан, улучшение качества жизни

¹¹ Рабочая кооперация в 1922/23 г. М., 1923. С. 45. Товарный рубль определялся как стоимость «бюджетного набора», состоявшего из 24 наименований продуктов.

¹² Малооплачиваемыми в период нэпа являлись большинство граждан СССР: средняя зарплата по народному хозяйству в 1926/27 г. составляла 624 руб. в год, а заработок служащих административных, хозяйственных и прочих учреждений – 818 руб. См.: *Ильюхов А.А.* Как платили большевики. М., 2010. С. 358.

¹³ Бюллетень Наркомвнуторга СССР. 1935. № 18.

¹⁴ Там же. № 16.

¹⁵ РГАЭ, ф. 375, оп. 2, д. 145, л. 3.

¹⁶ От оттепели до застоя: сборник воспоминаний. М., 1990. С. 62, 74.

способствовали появлению новых общественных потребностей. Так, согласно некоторым исследованиям, подавляющее большинство советских граждан (от 79,4% учителей до 89,1% низкооплачиваемых инженерно-технических работников) мечтали о новых предметах быта, прежде всего об автомобиле, холодильнике, мебели¹⁷. Государство по мере возможностей пыталось удовлетворить эти потребности. Развивалось предоставление покупателям таких видов услуг, как торговля по образцам, приём предварительных заказов, расширялась сеть магазинов самообслуживания¹⁸.

В 1958 г. в качестве эксперимента на Украине была развёрнута продажа потребителям товаров в рассрочку под невысокий процент. Эта форма розничной торговли была признана перспективной и постановлением Совета министров СССР от 12 августа 1959 г. «О продаже рабочим и служащим в кредит товаров длительного пользования» разрешена во всех городах¹⁹. Уже с 1 октября такую услугу предоставляли 36 магазинов Москвы, с 5 октября – 52 магазина Ленинграда. С августа 1960 г. право реализовать промтовары с рассрочкой платежа получила потребительская кооперация²⁰.

Товарами длительного пользования считались предметы культурного и бытового обихода, годные к употреблению в течение не менее шести месяцев (в том числе радиолы, радиоприемники, фотоаппараты, велосипеды, мотороллеры, мотоциклы, лодочные моторы, швейные машины, охотничьи ружья, наручные часы, одежда из шерстяных и шелковых тканей). Республиканские правительства могли изменять этот перечень по мере необходимости. Так, жители РСФСР в 1963 г. получили возможность купить в рассрочку телевизоры и любительские киноаппараты, после чего в крупнейшем магазине страны – ГУМе – в течение года их было приобретено на сумму 613.300 руб. (из общего оборота по кредиту 9 132 тыс. руб.)²¹.

Порядок продажи в кредит устанавливался законодательством союзных республик. В торговых предприятиях РСФСР требовалась справка с места работы потенциального покупателя с указанием среднемесячной (за последние три месяца) заработной платы. При этом она не являлась поручительством, обеспечивавшим исполнение обязательств по договору купли-продажи. С 1979 г. справки стали выдаваться рабочим и служащим через год работы на данном предприятии, а не через шесть месяцев, как раньше. Причём их наличие не всегда гарантировало потребителям желанную покупку. Так, В. Грицыко в декабре 1982 г. жаловалась в газету «Советская торговля» на свою неудавшуюся попытку приобрести в рассрочку цветной телевизор: «Взяла в совхозе Орошаемый, где я работаю дояркой, справку по установленной форме и поехала в г. Маркс, в райпо за разрешением. И лучше бы не ездила. Встретили меня там грубо, стали спрашивать, кто мне дал эту справку, почему я не привезла

¹⁷ Гурова О. Отношение к вещам в советском обществе. Был ли Homo consumens в СССР? // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск, 2005. С. 28. В своём исследовании автор опирается прежде всего на материалы социологических опросов, проведённых в середине 1960-х гг. Л.Н. Жилиной и Н.Т. Фроловой в Челябинске (1 740 семей) и Москве (469 учащихся 9–10-х классов, 346 их родителей и 50 учителей). См.: Жилина Л.Н., Фролова Н.Т. Проблемы потребления и воспитания личности. М., 1969.

¹⁸ См. об этом: Твердюкова Е.Д. Contradictio in adjecto: «буржуазные» ценности советской торговли 1950–1960-х гг. // Советский мегаполис: Ленинград в процессе модернизации. СПб., 2014.

¹⁹ Сборник постановлений Правительства СССР (далее – СП СССР). 1959. № 17. Ст. 130.

²⁰ Там же. 1960. № 14. Ст. 144.

²¹ РГАЭ, ф. 195, оп. 1, д.394, л. 2.

паевую книжку, почему не все дети записаны в паспорт и т.д. Мои ответы сопровождались репликами: “Не морочьте нам голову”. И наконец сделали заключение: “Эта женщина не внушает нам доверия”. Так и ушла я ни с чем»²². По этому письму проводилась проверка и виновные были наказаны. Но многие граждане, без сомнения, не пытались отстаивать свои права, махнув рукой на произвол местной бюрократии.

Не продавались товары в кредит рабочим и служащим, занятым на временной и сезонной работе, внештатным сотрудникам, студентам, учащимся средних специальных учебных заведений под тем предлогом, что они не могут гарантировать своевременную оплату. Зато «лимитчики», пополнявшие ряды неквалифицированных работников в городах, делали покупки в рассрочку весьма часто. Например, в Ленинграде с ноября 1984 г. по декабрь 1985 г. среди таких покупателей 11.6% имели лимитную прописку. Большая их часть (73.9%) приобрела одежду²³.

При заключении договора покупатель оплачивал 20–25% стоимости товара, остальные деньги вносил частями по два взноса в месяц (для пенсионеров, аспирантов и колхозников предусматривался один ежемесячный платёж). Следует отметить, что «закредитованность» заёмщика, при которой человек вынужден выплачивать проценты по нескольким договорам (одна из насущных проблем современности), в СССР была практически невозможна, ибо необходимые документы бухгалтерия предприятия оформляла только после уплаты по предыдущему кредиту.

Проценты, взимаемые в пользу торгующих организаций, зависели от срока предоставления кредита (от шести месяцев до одного года) и составляли 1–2% стоимости покупки. Согласно утвержденной Советом министров РСФСР в марте 1965 г. инструкции «О порядке продажи товаров в кредит рабочим, служащим и пенсионерам на предприятиях государственной торговли», по дорогостоящим товарам срок рассрочки мог достигать 24 месяцев, а процентная ставка повышалась до 2.5%²⁴.

Очередное удлинение периода рассрочки платежей (с двух до трёх лет, а для товаров дороже 3 тыс. руб. — до четырёх лет) последовало в 1985 г. При этом платежи в пользу торговых предприятий по товарам стоимостью свыше 3 тыс. руб. увеличивались до 3% от суммы предоставленного кредита²⁵.

В 1979 г. льготный порядок был установлен для инвалидов войны: рассрочка платежа независимо от стоимости товара допускалась на срок до 24 месяцев (максимальный в то время срок погашения кредита); с них взимался только 1% суммы покупки; товары передавались им без оплаты первоначального взноса. Последнее нововведение вызвало возражения представителей торговли, поскольку именно на торгующие организации ложился риск, связанный с финансовыми потерями вследствие возможных невыплат по кредиту. После нескольких лет переписки между заинтересованными ведомствами, с 28 октября 1986 г. в РСФСР при оформлении кредитных документов инвалиды войны могли получить товары (стоимостью до 1 тыс. руб.) без частичной оплаты их стоимости²⁶.

²² ГА РФ, ф. 5446, оп. 142, д.1103, л. 83–84.

²³ Черненко В.А. Указ. соч. С. 44.

²⁴ СП РСФСР. 1965. № 4. Ст. 19.

²⁵ СП СССР. 1985. № 21. Ст. 107.

²⁶ ГА РФ, ф. 5446, оп. 147, д.963, л. 4, 13.

Считалось, что ссудный процент «в условиях планового социалистического хозяйства ни в коей мере не может быть регулятором объёма и направления кредита... Он служит источником покрытия издержек кредитной системы»²⁷. Поэтому процентная ставка не являлась слишком обременительной для населения. Так, оператор машиносчётной станции из Херсонской области Е. Вахтёрова сообщала: «Я приобрела в кредит часы “Заря” и без всякого ущерба для нашего семейного бюджета вскоре полностью рассчиталась за эту покупку. Вскоре мы полностью рассчитаемся и за часы, купленные для мужа. Затем возьмём в кредит велосипеды для сыновей. Так приобретаем все новые ценные вещи»²⁸. По свидетельству ленинградки Т. Москвиной (чьё детство пришлось на 1960-е – начало 1970-х гг.), в её семье все «крупные покупки – холодильник, телевизор – делались в кредит, и кредит составлял 7–8 руб. в месяц», так что выплаты были не слишком заметны даже для скромного «инженерского» бюджета²⁹.

В большинстве случаев расчёты за покупки в рассрочку осуществлялись путём удержаний предприятиями из зарплаты рабочих и служащих (по их письменным заявлениям) сумм очередных платежей и перечисления их на счета торговых организаций. Такая процедура, несомненно, была удобна для покупателей. Однако она была сопряжена с определёнными трудностями для торговых предприятий, которые выступали необходимым посредником в отношениях между банками и потребителями. Именно на них ложилась вся тяжесть розыска покупателей в случае их увольнения или перемены места жительства.

Общим в республиканском законодательстве было отсутствие специальных норм защиты прав продавца, посему подобные вопросы решались в общеисковом порядке. Так, народный суд 5-го участка Рижского района Москвы по иску Мосторга установил, что 15 сентября 1959 г. ответчик приобрёл в универмаге № 20 в рассрочку на шесть месяцев швейные изделия на сумму 2305 руб. До середины марта 1960 г. задолженность в сумме 1474 руб. не была погашена. Руководствуясь ст. 107 Гражданского кодекса РСФСР, суд удовлетворил иск о её взыскании³⁰.

В дальнейшем этот порядок в целом сохранялся: при несвоевременном внесении очередных взносов с покупателя взимались пени в размере 0.1% от просроченной суммы за каждый день просрочки. Если своевременно не вносились два очередных взноса, то сумма задолженности и пени могли быть взысканы в принудительном порядке путём получения исполнительной надписи нотариальной конторы. Однако фактически у торгующих организаций не было возможностей заниматься несвойственными им функциями по контролю и взысканию платежей с покупателей. Очевидно, значительная часть неплательщиков оказывалась безнаказанной.

Весьма красноречивы следующие цифры. На 1 января 1976 г. задолженность за проданные в кредит товары в целом по стране составила 2009 млн руб., в том числе не оплаченная в срок, – 52.4 млн руб. (2.61% общей суммы задолженности), на 1 января 1980 г. – 2080 млн руб., в том числе не оплаченная

²⁷ Политическая экономия социализма. М., 1960. С. 562.

²⁸ В кредит. Обзор писем // Советская торговля. 1959. 21 ноября.

²⁹ Москвина Т.В. Жизнь советской девушки. Биороман. М., 2015. С. 139.

³⁰ Грибанов В.П., Кабалкин А.Ю. Правовое регулирование купли-продажи с рассрочкой платежа // Советское государство и право. 1960. № 7. С. 108.

в срок – 75.9 млн (3.65%). Особенно высоким был процент просрочки в Грузинской (18.9% общей суммы кредитной задолженности), Азербайджанской (10.4%), Латвийской (6.3%) и Таджикской ССР (5.6%). В Украинской и Литовской ССР просроченная задолженность достигала 4%. Только по государственным торговым организациям республик (без ОРСов и кооперации) на убытки было списано безнадежной задолженности в 1978 г. 1 499 тыс. руб. (в том числе в РСФСР – 412 тыс. руб., в УССР – 272 тыс.); 1979 г. – 1 106 тыс. руб. (в РСФСР – 475 тыс., УССР – 284 тыс. руб.)³¹.

На какие же товары чаще всего оформлялись кредитные договоры? Изначально граждане в основном покупали в рассрочку одежду и ткани, реализуя свои «отложенные ожидания» после долгих лет лишений и желая «красиво и со вкусом» одеваться. Но с появлением в широкой продаже предметов культурно-бытового и хозяйственного назначения акцент потребительских предпочтений советских обывателей заметно сместился (см. табл.). Так, доля тканей, одежды, обуви в общей сумме проданных с рассрочкой платежа товаров сократилась за 1963–1967 гг. с 54.3 до 34.8%³².

Жилищное строительство в городах стимулировало высокий спрос на мебель, а это, в свою очередь, послужило основанием для разрешения продажи её в рассрочку. В 1963 г. советские граждане брали кредит на покупку мебели в 20% случаев, в 1965 г. – в 35.7%³³.

Постепенно из примет роскошной жизни стали предметами повседневного пользования телевизоры, холодильники, стиральные машины. В 1960 г. из каждых 100 семей только 48 имели радиоприёмники, 39 – швейные машины, 9.5 – телевизоры, 4.7 – стиральные машины, 3.8 – мотоциклы и мотороллеры, 3.5 – холодильники. К 1967 г. радиоприёмные устройства имелись уже в 64 из каждых 100 семей, швейные машины – в 54, телевизоры – в 35, стиральные машины – в 30, холодильники – в 17, мотоциклы и мотороллеры – в 6.9³⁴. Цифры свидетельствуют о бурных темпах насыщения потребительского рынка бытовыми товарами. При этом, как свидетельствовала статистика, в середине 1960-х гг. в СССР в кредит продавалось 8.9% промтоваров, в том числе каждый второй телевизор и каждая вторая швейная машина, каждый третий радиоприёмник, каждый четвёртый велосипед³⁵. По мнению историка Н.Б. Лебиной, появление подобных новшеств в массовом обиходе свидетельствовало о распространении в советском обществе «западных бытовых стандартов»³⁶. Однако СССР заметно отставал от развитых капиталистических стран. В частности, в 1967 г. на 100 семей в США приходилось 99 холодильников и столько же радиоприёмников, 97 телевизоров, 81 стиральная и 44 швейные машины. В ФРГ – 75 холодильников, 56 стиральных машин, 90 радиоприёмников, 83 телевизора, 53 швейные машины. По наличию многих электробытовых приборов в пользовании у населения СССР уступал даже своим соратникам по социалистическому лагерю. Например, в ЧССР в 1967 г. на 100 семей насчитывалось 66 телевизоров, в ГДР – 70, в ПНР – 55³⁷.

³¹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 140, д.1150, л. 3.

³² РГАЭ, ф. 375, оп. 2, д.144, л. 6–7.

³³ Там же, д.145, л. 6, 45 об.

³⁴ Там же, л. 7.

³⁵ ЦГАИПД СПб, ф. 2307, оп. 5, д.23, л. 37.

³⁶ *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015. С. 222.

³⁷ РГАЭ, ф. 375, оп. 2, д.145, л. 7 об.

Продажа населению товаров в кредит в государственной и кооперативной торговле, млн руб.

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
Всего	633	3371.7	3122.1	4696	4907.3	5039.1	4994.3	4711.2
В том числе ткани, одежда, обувь:	363.5	1456.6	907	1499	1645.5	1653.8	1634.5	1569.7
ткани	—	205.8	44.2	74.9	89.4	81.5	80.8	76.9
одежда из шерстяных и шёлковых тканей	363.5	1152	825.8	1345.6	1468.9	1494.4	1478.8	1425.3
меха и меховые товары	—	38.6	—	—	—	—	—	—
кожаная обувь	—	60.2	37	78.5	87.2	77.9	74.9	67.5
Товары культурно-бытового и хозяйственного назначения:	223	1631.4	1864.7	2567.5	2566.3	2609.1	2553.2	2366.4
радиоприёмники и радиолы	64.7	140.5	108.8	135.7	148.8	153.4	141.7	131.2
телевизоры	—	550.1	1086.9	1152.7	1101.6	1118.9	1040.5	900.8
фотоаппараты	9.6	6.6	3.2	3.7	3.8	4	4.5	4.7
киносъёмочные аппараты	—	1.2	2.2	2.1	2.3	2.3	2.4	2.5
любительские велосипеды и мопеды	14.9	52.8	39.1	30.2	26.9	27.2	30.4	30.2
мотоциклы и мотороллеры	45.3	113.3	90.4	71.9	72.2	81.7	88	91.1
швейные машины	12.9	36.2	14.7	26.7	25.3	21.2	15	13
часы	36.1	29.3	5.2	8.1	8.1	8.8	11.2	12.2
стиральные машины	—	—	—	61.7	58.5	52.6	45.5	34.6
мебель	37.7	672.9	505.3	1074.7	1118.8	1139	1174	1146.1
ковры	1.8	28.5	8.9	—	—	—	—	—
Прочие	46.5	283.7	350.4	629.5	695.5	776.2	806.6	775.1

Составлено по: ГА РФ, ф. 5446, оп. 140, д. 1150, л. 4. Прочерк в графе означает, что в эти годы продажа в кредит указанных товаров не производилась.

Также неодинакова была обеспеченность предметами хозяйственного обихода семей городских и сельских жителей. По данным на 1 января 1966 г., на 100 семей рабочих приходилось 69 радиоприёмников, 55 телевизоров, 3 магнитофона, 16 холодильников, 35 стиральных машин, 7 пылесосов и полотёров, 16 фотоаппаратов, 22 велосипеда и мопеда, 5 мотоциклов и мотороллеров, 1 легковой автомобиль. В семьях колхозников эти показатели оказались значительно ниже: 31 радиоприёмник, 6 телевизоров, 0,2 магнитофона, 0,4 холодильника, 6 стиральных машин, 0,2 пылесоса, 3 фотоаппарата, 0,3 автомобиля. И только по наличию мотоциклов и мотороллеров (6 на 100 семей), а также велосипедов и мопедов (49) сельские жители превосходили горожан³⁸.

Впрочем, в середине 1960-х гг. наметилась тенденция к выравниванию спроса. К 1966 г. в СССР было электрифицировано 83% жилых домов рабочих совхозов, 74% дворов колхозников. Как следствие, расходы на приобретение электробытовых товаров с 1960 по 1967 г. выросли в три раза: с 7 до 21 руб. в год на семью. В потребкооперации, занятой обслуживанием преимущественно

³⁸ Там же, л. 14 об.

сельского населения, общий объём продажи товаров длительного пользования в кредит вырос с 17 млн руб. в 1960 г. до 420 млн в 1967 г.³⁹

Масштабы потребительского кредитования имели региональную специфику. Наиболее активно оно развивалось в УССР (в 1979 г. удельный вес кредита в общей реализации непродовольственных товаров по республике составлял 5.8%), РСФСР (4.1%), Молдавии (3.6%), республиках Прибалтики (около 3.5%). В Средней Азии продажа в кредит занимала около 1% к товарообороту по промтоварам⁴⁰. Одно из возможных объяснений такой разнице — национально-культурные особенности, обуславливавшие ограниченную потребительскую ёмкость этого рынка. Некоторую роль, вероятно, играли и консервативные вкусы населения. И.А. Андреева, работавшая во Всесоюзном институте ассортимента изделий лёгкой промышленности и культуры одежды, вспоминала, каким спросом пользовались в Средней Азии дешёвое штапельное вискозное полотно тёмных расцветок, а также «пожилые» жакеты (вышедшая из моды «униформа женщин-активисток»), которые сельские жительницы этих республик использовали вместо паранджи: «Накидывали одно плечо пиджака на голову, а пустым рукавом прикрывали нижнюю часть лица»⁴¹. Сказывалась, конечно, и нерасторопность торгующих организаций: в Туркмении ни в одном из магазинов, проверенных в ходе специального рейда, не были вывешены перечни реализуемых в кредит товаров, отсутствовала информация об условиях продажи.

Объёмы кредитования зависели также от покупательской способности граждан и ценовой политики государства. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в целом по народному хозяйству СССР составляла (в сравнимых ценах) в 1960 г. 80.6 руб., 1970 г. — 122, 1980 г. — 168.9 руб., 1985 г. — 190.1 руб.⁴² Стоимость промтоваров в течение всего советского периода сохранялась на относительно высоком уровне. Например, в 1966–1967 гг. средняя цена пылесоса составляла 37 руб., телевизора — 274 руб., мебельного гарнитура «жилая комната» (ГДР) — 1 158 руб. Холодильник «ЗИЛ» в 1976 г. стоил 300 руб.⁴³ Несоответствие между доходами и ценами на потребительском рынке обусловило потенциально широкие возможности для продаж с рассрочкой платежа.

Однако после некоторого насыщения потребительского рынка спрос (в том числе и на кредиты) стал всё больше зависеть от наличия на прилавках моделей, отвечавших желаниям покупателей. Так, в начале 1950-х гг. советские домохозяйки вынуждены были стирать бельё вручную либо сдавать его в прачечные, поскольку производство стиральных машин в СССР практически отсутствовало: в 1951 г. было изготовлено только 300 штук. За полтора десятилетия (к 1967 г.) удалось довести их выпуск до 4 324 тыс. единиц в год, удельный вес их реализации в группе электроприборов вырос с 19% в 1960 г. до 25% в 1967 г., а общий «парк» к началу 1968 г. насчитывал 21 млн штук. Однако ярко проявились и проблемы. Так, за 1959 г. экспертные советы при Павильоне лучших образцов товаров широкого потребления Всесоюзной торговой палаты

³⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 140, д. 1150, л. 6.

⁴⁰ Там же, л. 1.

⁴¹ Андреева И.А. Частная жизнь при социализме. Отчёт советского обывателя. М., 2009. С. 161.

⁴² Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 9.

⁴³ Куратов О.В. Хроники русского быта, 1950–1990: неофициальная фактография. М., 2004. С. 209.

утвердили к выпуску 3 239 образцов новых изделий. В их числе была и электрическая стиральная машина «Снежинка» с центрифугой, таймером и насосом. Коллектив завода «Коммунальщик», на котором разрабатывалась её проектная документация, получил премию в размере 30 тыс. руб. Но из девяти предприятий, которые должны были уже в 1959 г. произвести 43 тыс. «Снежинок», только два (в Омском и Челябинском совнархозах) начали освоение модели, да и то со значительным опозданием (к концу 1960 г.)⁴⁴. Поскольку магазины предлагали покупателям в основном устаревшие образцы, к 1968 г. на торговых складах страны скопилось около 330 тыс. единиц этой техники. В целях реализации запасов в начале 1970-х гг. была разрешена их продажа в рассрочку.

Более взыскательными становились домашние хозяйки и при выборе швейных машин: для одних важны были дополнительные функции (например, возможность делать строчку «зигзаг»), другие стремились приобрести изделие иностранного производства (импорт из Финляндии, ГДР, Польши за 1960–1967 гг. составил 1 570 тыс. штук, или 8.7% общего объёма ввоза)⁴⁵.

В 1967 г. граждане купили в кредит 2 293 тыс. радиоприёмников и телевизоров (46%). Постепенно начал расти спрос на аппараты с цветным изображением. Согласно статистике, спрос на замену телевизоров в 1965 г. составил 11% общего объёма их покупки, в 1970 г. — 25%, 1975 г. — 58%. По радиоприёмникам и радиолам соответствующие показатели оказались ещё внушительнее: 50, 68 и 70% соответственно⁴⁶. Таким образом, моральный износ радиоэлектроники и бытовых приборов служил важным стимулом для приобретения новых.

В силу дефицитности рынка не все покупатели имели возможность удовлетворить потребность в комфорте, тем более что льготный режим продажи устанавливался в первую очередь для так называемых достаточных товаров. Для стимулирования спроса на них в 1979 г. Министерство торговли СССР совместно с промышленными ведомствами установило порядок реализации в кредит теле- и радиоаппаратуры в обмен на сдаваемую старую без взимания наличными деньгами первоначального взноса и процентов. Но неверно было бы утверждать, что советские потребители могли купить в кредит только неходовые, не пользовавшиеся спросом изделия. Доля товаров, реализуемых с рассрочкой платежа, в обороте непродовольственной торговли в 1979 г. составила 3.9%, а по отдельным наименованиям — значительно выше. Из общей продажи в кредит на сумму 4.7 млрд руб. более чем на 2.15 млрд руб. (или около 45%) было продано мебели, телевизоров, мотоциклов, швейных машин, велосипедов наиболее востребованных моделей⁴⁷.

Вместе с тем в 1980 г. Министерство торговли РСФСР по согласованию с Министерством финансов и республиканской конторой Госбанка СССР пересмотрели перечень товаров, которые граждане могли приобрести в рассрочку, в сторону значительного сокращения — с 71 до 35 наименований. Из него

⁴⁴ РГАЭ, ф. 10, оп. 1, д. 203, л. 152.

⁴⁵ Там же, ф. 375, оп. 2, д. 145, л. 27 об., 40.

⁴⁶ Баранова Л.Я., Левин А.И. Влияние научно-технического прогресса на спрос населения // Обзорная информация. Сер. Изучение конъюнктуры торговли и спроса населения на товары народного потребления. 1977. Вып. 1. С. 8.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 5446, оп. 140, д. 1150, л. 1.

были исключены радиоприёмники, радиолы, телевизоры, магнитофоны, мотоциклы, стиральные и швейные машины, ружья, фарфоровые сервизы (столовые и чайные), люстры и торшеры, шёлковые, льняные ткани и ряд других товаров дефицитных марок. К 1980-м гг. практически все крупные магазины, занимавшиеся реализацией бытовой техники, радиотоваров, мебели, одежды и обуви, имели секции, где оформлялась продажа в кредит. Было принято решение оставить эти отделы только в крупных универмагах и специализированных торговых точках.

Ограничения сказались на объёмах кредитования. Они уменьшились по сравнению с 1978 г. в среднем на 6%, в том числе по швейным машинам — на 31%, по стиральным — на 22, по телевизорам — на 24, по радиоприёмникам и радиолам — на 14%⁴⁸.

Необходимо отметить, что в 1970-е гг. неоднократно повышались различные цены на ряд дорогостоящих товаров (в том числе на ковры, ткани из натурального шёлка, автомобили, мебель). Но закон охранял права покупателя в случае повышения цен — выплаты по кредитному договору производились по ценам, действовавшим на момент заключения сделки. Кроме того, на приобретённые в кредит товары распространялись гарантийные сроки пользования и порядок обмена, принятые для купленных за наличный расчёт⁴⁹.

В этих условиях потребительское кредитование сохраняло свою привлекательность для категорий населения со средним достатком. К 1980 г. обеспеченность теле- и радиоприёмными устройствами составила 85 на 100 семей, холодильниками — 86, стиральными машинами — 70, швейными машинами — 65, фотоаппаратами — 31, электропылесосами — 10⁵⁰. Тем не менее в 1981 г. население купило в рассрочку почти треть холодильников, около 14% мебели, десятую часть киноаппаратов, мотоциклов и радиоаппаратуры⁵¹.

Рассрочка платежей за товары в 1983 г. составила 5609 млн руб., в 1984 г. — 6383 млн руб. (под залог имущества в ломбардах граждане получили за те же годы 630 и 691 млн руб., из касс взаимопомощи — 1761 и 1777 млн руб. соответственно)⁵². Судя по материалам выборочного анализа 26756 поручений-обязательств покупателей в крупнейших универмагах Ленинграда (Нарвский, Московский, Кировский, Купчинский) за период с ноября 1984 г. по декабрь 1985 г., из общего числа заёмщиков на долю рабочих приходилось 49.7%, служащих — 47.8%, пенсионеров — 2.5%. Большинство их (56%) являлись среднеоплачиваемыми категориями населения (с зарплатой от 136 до 194 руб.). Они приобретали в кредит товары стоимостью от 100 до 300 руб. (более 50% товаров, купленных в рассрочку). Дорогостоящие покупки (от 800 до 2300 руб.) совершили всего около 5.5% заёмщиков.

При этом существенной разницы в ассортименте не было выявлено. Наибольшую долю в объёме покупок у всех категорий населения составляла одежда (около 46—47%). Телевизоры чаще всего покупали пенсионеры (23.7%), магнитофоны и радиотовары — рабочие (6.8 и 7.2%)⁵³. С 1985 г. у потребителей появи-

⁴⁸ Там же, л. 17—18.

⁴⁹ Кабалкин А.Ю. Законодательство о сфере обслуживания населения. М., 1988. С. 47.

⁵⁰ Зонов В.И. Указ. соч. С. 11.

⁵¹ Захаров В.С. Указ. соч. С. 67.

⁵² Там же. С. 6.

⁵³ Черненко В.А. Указ. соч. С. 38, 43.

лась возможность приобрести в рассрочку легковой автомобиль (в РСФСР – «Москвич» и ВАЗ 2121 «Нива»). Сумма кредита не могла превышать восьмимесячный заработок покупателя, остальные деньги необходимо было внести в качестве первоначального взноса⁵⁴.

Но к середине 1980-х гг. произошло заметное сокращение запасов в торговле. Степень дефицитности по различным товарным группам составляла 78–84%⁵⁵, а отложенный спрос населения в наличных деньгах и на вкладах к концу 1985 г. определялся в 70–75 млрд руб.⁵⁶ Неудивительно, что с 1985 по 1988 г. продажа в кредит снизилась (с 9 308.3 до 8 204.2 млн руб.). В условиях экономической нестабильности низкая платёжеспособность потребителей привела к росту долгов по кредитам. В 1990 г. по сравнению с 1981 г. темпы роста просроченной задолженности в 2.8 раза превышали темпы роста срочной, 89% должников зарабатывали до 220 руб. в месяц⁵⁷. Нарушение экономических связей, галопирующая инфляция, хроническая невыплата зарплаты вскоре привели к обвалу на рынке потребительского кредитования.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что востребованность кредита в СССР обусловило несоответствие между размерами текущих денежных доходов населения и относительно высокими ценами на товары длительного пользования. Даже с ростом уровня зарплат в 1970-е – начале 1980-х гг. граждане продолжали совершать покупки в рассрочку, потому что им это было удобно. Сдерживающим фактором при развитии потребительского кредитования служила дефицитность внутреннего рынка; далеко не для всех товаров предусматривался льготный порядок продажи. Соответствующие ассортиментные перечни менялись в соответствии с конъюнктурой торговли. Стимулирование спроса позволяло экономить на расходах по хранению товаров в торговой сети и их уценке. Для государства при устойчивости общего уровня цен оказывалось выгоднее разрешить рассрочку платежа, получив определённый процент за обслуживание кредита, чем допустить изъятие средств из оборота (в виде сбережений, находящихся на руках у населения).

Потребительский кредит предполагал возможность выравнивания уровня жизни людей с различными доходами, сокращение разрыва в структуре потребления городского и сельского населения, а также стимулирование стабильного спроса населения, что, в свою очередь, являлось предпосылкой для увеличения производства товаров промышленностью. В результате роль кредитования ничем не отличалась от той, которую оно играло в обществах Запада (за тем исключением, конечно, что в условиях огосударствления экономики оно не служило «средством обогащения» ни торгующих, ни банковских организаций).

Среди достоинств «социалистического кредита» можно отметить организационно-правовые принципы предоставления кредитов, которые имели подчёркнутую социальную направленность. Регулярный заработок, гарантированная занятость, низкие процентные ставки, простота оформления и отсутствие сколько-нибудь серьёзных санкций за невыполнение кредитных обязательств – всё это составляло практически идеальные условия для населения в период так называемого зрелого социализма. Кроме того, в отличие от Запада,

⁵⁴ Можно приобрести в кредит // Советская торговля. 1985. 11 апреля.

⁵⁵ Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М., 2011. С. 101.

⁵⁶ РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д.741, л. 22.

⁵⁷ Черненко В.А. Указ. соч. С. 86.

где право собственности на товар до момента выплаты последнего взноса оставалось за фирмой, в СССР человек становился собственником в момент передачи ему вещи. Эта доступность кредита («Насладись сейчас, плати позже») явилась фактором постепенного изменения потребительской стратегии граждан: они не просто становились более взыскательными при покупках – уровень их притязаний зачастую оказывался значительно выше возможностей плановой экономики.

Важно указать и на другой аспект проблемы. В советской действительности дефицитные и, как правило, дорогостоящие вещи служили важнейшим маркером социального статуса. Это отмечается и в наши дни: несмотря на невысокий в среднем уровень доходов российского населения, сохраняется стремление к показному потреблению; возможно, поэтому отечественный рынок является одним из наиболее ёмких для товаров класса «люкс».

Наконец, следует отметить, что в современных российских условиях опыт советской торговли в рассрочку в чистом виде использован быть не может. Вопросами кредитования ныне занимаются преимущественно банковские структуры, торгующие организации же фактически устранены из этой системы (оформляя соответствующий договор в магазине, покупатель в подавляющем большинстве случаев несёт ответственность перед банком). Однако может представлять практический интерес существовавший в СССР порядок взыскания денежных средств по кредитным договорам путём списания их со счёта организации-работодателя. Это обеспечит кредиторам своевременное поступление денег в уплату за товары, позволит снизить процент «проблемных» задолженностей, повысит кредитную культуру населения и качество его жизни.

Кооперативы в годы перестройки: сложности и противоречия становления частного бизнеса в СССР

Роман Кирсанов

Cooperatives in the years of perestroika: challenges and contradictions of the formation of private business in the USSR

Roman Kirsanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

К середине 1980-х гг. перед страной встала задача осуществления коренной реформы общественных отношений¹. Комплекс проблем экономического, политического и социального характера требовал выработки обоснованного и просчитанного курса реформ. Однако новое руководство страны такового не имело, что предопределило непоследовательность его действий². По мнению А.В. Шубина, на начальном этапе перестройки политика М.С. Горбачёва не носила оригинального характера и являлась лишь продолжением андроповской линии³. В дальнейшем, призывая к проведению рыночных реформ, он оттягивал их начало, что вело к потере управляемости в социально-экономической сфере и ограничивало возможности плавного перехода к новым отношениям⁴. В конечном счёте перестройка привела к таким результатам, которых реформаторы не ожидали, а кризис господствующей идеологии, резкое ухудшение социально-политической обстановки и, в итоге, развал социалистической системы заслонили все положительные инициативы и достижения.

Тем не менее именно перестройка сформировала основы рыночной экономики и политического плюрализма, актуализировала демократические ценности и многообразие форм общественной жизни, на основе которых происходило строительство новой России после 1991 г. Ставка делалась на то, чтобы разбудить в людях самостоятельность, рационализаторские начала, энтузиазм, т.е. инициировать «самодвижение» социума. Руководство страны предложило гражданам новые формы самореализации и приложения инициативы. В конце 1986 г. был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», в феврале 1987 г. — пакет постановлений правительства, направленных на возрождение кооперативного сектора, в середине 1988 г. вступил в силу закон «О кооперации в СССР». Эти решения вкупе с либерализацией общественно-политической жизни открыли дорогу для развития свободного предпринимательства и постепенного отказа от принципов плановой экономики.

© 2017 г. Р.Г. Кирсанов

¹ *Заславская Т.И.* Перестройка и социализм // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989. С. 224.

² См. подробнее: *Бутенко А.* Почему так идёт перестройка? // Через тернии. М., 1990. С. 379–401.

³ *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам: СССР в 1978–1985 гг. М., 2001. С. 297.

⁴ *Барсенков А.С.* Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 годах // Российская история. 2014. № 6. С. 86.

Корни отечественного кооперативного движения уходят в 1860-е гг., а в начале XX в. оно уже приняло широкие масштабы и распространилось по всей территории Российской империи. Придя к власти, большевики взяли курс на ликвидацию его независимости и к середине 1930-х гг. многообразные ранее формы кооперации оказались сведены к одной, усечённой и деформированной, полностью подконтрольной государству – колхозам. До конца 1950-х гг. в СССР также существовала промысловая кооперация, но затем и она была ликвидирована. Сохранились лишь организации потребительской кооперации, входившие в систему Центросоюза⁵, жилищно-строительные кооперативы⁶ и артельные народные промыслы. Производственные же кооперативы были возрождены как раз в годы перестройки, став основной организационно-правовой формой легальной предпринимательской деятельности в СССР⁷.

Изучению развития возрождённого кооперативного движения уделили внимание многие исследователи. Сложности и противоречия его начального этапа показаны в работах А.А. Блохина, Е.А. Ивановой и С.А. Шашнова⁸. Положительную оценку деятельности кооперативов дал А.А. Глушецкий⁹. С ним полемизировали Л.В. Никифоров и Т.Е. Кузнецова, отмечавшие, что количество производивших товары народного потребления кооперативов из года в год уменьшалось¹⁰. По мнению Р.Г. Пихои и А.К. Соколова, кооперативы «быстро сориентировались в ситуации» и «обосновались в торгово-спекулятивной сфере»¹¹. Процесс создания и функционирования кооперативов нашёл отражение в работах таких авторов, как Е.В. Злобина, А.Ю. Кабалкин, Н.И. Коняев, Л.И. Савенко, В.В. Трынков¹².

⁵ На рубеже 1970–1980-х гг. на долю потребительской кооперации приходилось свыше 30% всего розничного товарооборота страны.

⁶ Постановлением Совета министров СССР «О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации» от 20 марта 1958 г. было признано целесообразным более широкое развитие жилищной кооперации. Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве» от 1 июня 1962 г. предполагалось предоставлять жилищно-строительным кооперативам кредит на строительство жилых домов в размере до 60% сметной стоимости строительства на срок 10–15 лет. Жилищный кодекс РСФСР 1983 г. содержал специальную главу об обеспечении граждан жилыми помещениями в ЖСК и пользовании ими.

⁷ 25 декабря 1990 г. Верховным советом РСФСР был принят Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности», который не предусматривал такой организационно-правовой формы предприятий, как кооператив. Ранее созданные кооперативы преобразовывались в акционерные общества.

⁸ Блохин А.А., Иванова Е.А. Кооперативный сектор экономики. М., 1989; Иванова Е.А., Шашнов С.А. Кооперативный уклад в экономике. М., 1991.

⁹ Глушецкий А.А. Кооперация: роль в современной экономике. М., 1991.

¹⁰ Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. Проблемы кооперации в современной России // Кооперация. Страницы истории. Вып. V. М., 1996. С. 292–313.

¹¹ Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М., 2008. С. 192.

¹² Злобина Е.В. Индивидуальная трудовая деятельность. М., 1997; Кабалкин А.Ю., Савенко Л.И. Индивидуальная трудовая деятельность и закон. М., 1987; Коняев Н.И. Кооперативы и индивидуальная трудовая деятельность: Правовые вопросы. Куйбышев, 1989; Индивидуальная трудовая деятельность: сборник нормативных актов. М., 1989.

Причины легализации предпринимательской деятельности в СССР. Сложности начального периода становления кооперативного сектора

Изначально цели партийно-государственных функционеров были исключительно прикладными: кооперативы становились дополнением к действовавшей системе государственных предприятий, занимаясь мелкосерийным производством наиболее востребованных у населения товаров, своевременно и гибко реагируя на изменение потребительского спроса. Товарный дефицит к тому времени давно уже стал характерной чертой плановой экономики. Во многих районах страны регулярно наблюдался острый недостаток продовольствия, из продажи исчезали даже товары первой необходимости (стиральный порошок, мыло, зубная паста), вызывая стихийные всплески ажиотажного спроса и рост недовольства граждан.

Объяснялось это фактически игнорированием отраслей «группы Б», занятых производством потребительских товаров и услуг. За период 1971–1986 гг. производство в этой сфере выросло в 2.1 раза, а количество денег в обращении – в 3.1 раза. В результате на руках у граждан и на счетах в сберегательных кассах скопилась огромная масса свободных средств («горячих денег»). С начала 1980-х гг. их прирост всё сильнее давил на потребительский рынок и грозил серьёзными инфляционными последствиями¹³.

Ежегодные постановления партии и правительства о «повышении эффективности и увеличении производства товаров массового потребления» содействовали частичному сокращению дефицита, но в полной мере никогда не исполнялись. В такой ситуации решение о возрождении кооперативного движения представлялось действенной мерой по нормализации рынка и стабилизации денежного обращения. Отмечалось, что кооперативная деятельность должна обеспечить «здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе» и «насытить рынок разнообразными товарами и услугами»¹⁴.

Главным сторонником этого курса был глава партии М.С. Горбачёв. Так, на июньском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС он заявил: «Кое-кто усмотрел в кооперации и индивидуальной трудовой деятельности чуть ли не возрождение частнохозяйственной практики. Думаю, товарищи, и наш собственный опыт, и опыт других стран говорит о полезности и необходимости умелого использования в рамках социализма таких экономических форм. Они помогают наиболее полному удовлетворению насущных потребностей людей, вытеснению “теневого” экономики, всевозможных форм злоупотреблений, то есть реальному процессу оздоровления социально-экономических отношений»¹⁵. Год спустя генсек отметил, что «нам нужна кооперация высокоэффективная, хорошо технически оснащённая, способная производить продукцию и услуги высшего качества, конкурировать с отечественными и зарубежными предприятиями»¹⁶.

В пользу развития кооперации говорил опыт других социалистических стран, где её удельный вес в экономике был достаточно высок. В Болгарии, например, он составлял 60% всего объёма бытовых услуг, оказываемых

¹³ Григорьев Л.М. Экономика переходных процессов. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 59.

¹⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 40–47.

¹⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. С. 45.

¹⁶ Горбачёв М.С. Потенциал кооперации – делу перестройки: Выступление на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г. // Кооперация и аренда. Сборник документов и материалов. Кн. 1. М., 1989. С. 32.

населению, в Венгрии — 35%, кроме того, венгерские кооперативы давали 6% всей промышленной продукции страны. В ГДР кооперативные предприятия производили около 30% хлебобулочных и 25% мясных и колбасных изделий; в Чехословакии им принадлежало 15% общего количества гостиниц, отелей и туристических кемпингов¹⁷.

В феврале 1987 г. Совет министров СССР принял ряд постановлений, касающихся деятельности кооперативов: № 160 «О создании кооперативов общественного питания»¹⁸, № 161 «О создании кооперативов по бытовому обслуживанию»¹⁹ и № 162 «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления»²⁰. В результате уже к июлю в стране открылось 9 124 таких предприятия, в том числе 1 332 по производству потребительских товаров, 3 878 по бытовому обслуживанию населения, 2 016 общественного питания, 347 по сбору и переработке вторичного сырья²¹.

Как и планировалось, кооперативы в основном развивали виды деятельности, пользовавшиеся наибольшим спросом населения — производство швейных и трикотажных изделий, обуви, товаров кожевенной и текстильной галантереи, сувениров, простейших видов товаров хозяйственного обихода. Они также занимались переработкой вторсырья, отходов и выпуском из них товаров народного потребления. Наиболее распространёнными видами услуг были ремонт квартир, обустройство садово-огородных и приусадебных участков, техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, производство металлоизделий и мебели по индивидуальным заказам, установка и наладка купленных электроприборов, доставка товаров из магазинов и т.д. На первых порах пользовалось популярностью открытие видеотек (на основе договоров с Госкино СССР), однако в декабре 1988 г. постановлением Совмина СССР кооперативам было запрещено заниматься публичной демонстрацией кино- и видеопродукции. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 197 от 11 февраля 1988 г. «О мерах по ускорению развития индивидуального жилищного строительства» была разрешена организация проектных и строительных кооперативов для оказания помощи индивидуальным застройщикам²².

Однако объём реализации кооперативами товаров и услуг был незначительным и не сыграл заметной роли в удовлетворении имевшегося на них спроса. В РСФСР он составлял на середину 1987 г. примерно 0.4% в общем объёме бытовых услуг, в Казахской ССР — 0.08%. В Украинской ССР 19 кооперативами, созданными при предприятиях местной промышленности, было изготовлено товаров на сумму 496 тыс. руб., что составляло 0.04% от всего выпуска продукции отрасли. В Таджикской ССР кооперативами по производству товаров народного потребления при предприятиях Министерства местной промышленности в первом полугодии 1987 г. было выпущено продукции на сумму 335 тыс. руб., или 0.12% от реализованной продукции местной промышленности. В Киргизской ССР основная часть созданных кооперативов приходилась

¹⁷ См. подробнее: Кооперация в странах социализма. М., 1985. С. 43—168.

¹⁸ Сборник постановлений СССР. 1987. № 10. Ст. 41.

¹⁹ Там же. № 11. Ст. 43.

²⁰ Там же. № 10. Ст. 42.

²¹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 148, д. 1488, л. 13.

²² Сборник постановлений СССР. 1988. № 11. Ст. 28.

на её столицу, г. Фрунзе, и областные центры, в районах же было организовано в лучшем случае по одному кооперативу²³.

Медленными темпами развивалась сеть кооперативов в сфере общественного питания. Их деятельность на тот момент практически не оказывала влияния на улучшение обслуживания населения. Для многих из них главным стало производство сахарной ваты, бутербродов, полуфабрикаты для которых они приобретали в магазинах государственной торговли, а цены устанавливали в 5–6 раз выше государственных. Так, реализованная в III квартале 1987 г. подобными кооперативами продукция составила всего 0.16% в общем объёме товарооборота общественного питания. В Латвийской, Белорусской и Туркменской ССР эта доля была ещё ниже (0.04–0.07%). Мало уделялось внимания созданию кооперативных кафе, ресторанов и в тех регионах страны, где население было обеспечено сетью общепита хуже, чем в среднем по стране.

В определённой степени такое положение можно было объяснить сложностями периода становления: неразвитостью правовой базы, несовершенством кредитных отношений, психологической неготовностью молодых «предпринимателей» к ведению самостоятельной хозяйственной деятельности и их стремлением к быстрой наживе. Однако немалую долю вины несли и органы власти, которые либо сознательно создавали кооперативам административные барьеры, либо, наоборот, выпускали их за рамки правового поля.

Нередко случалось так, что зарегистрированные в установленном порядке кооперативы в течение некоторого времени не могли приступить к работе. В Белорусской ССР по состоянию на 1 августа 1987 г. к хозяйственной деятельности приступили 199 кооперативов, или 40.2% зарегистрированных. В Москве не могли начать работу 172 кооператива. Задерживалось открытие многих кооперативных кафе и ресторанов²⁴.

Главная причина этого заключалась в том, что местные исполкомы и предприятия, при которых создавались кооперативы, затягивали решение вопросов обеспечения их помещениями, оборудованием и сырьём²⁵. Те помещения, которые кооперативам всё же удавалось получить, в большинстве случаев требовали капитального ремонта, либо оказывались непригодными для производственной деятельности вообще. Порой кооперативы, лишённые поддержки хозяйствующих органов, вынуждены были работать в частных домовладениях или вовсе закрывались. Доходило до курьёзов: в Иваново кооператив по переработке вторсырья получил от местного исполкома помещение, которое полностью отремонтировал, а вскоре местный орган власти решил передать его другой организации²⁶.

Другой случай произошёл в Костроме, где в начале 1989 г. кооператив «Узбекистан» открыл в здании заброшенного общежития медицинского училища ресторан узбекской кухни. В планах была также организация подсобного сельскохозяйственного производства с откормочной и молочной фермами, в связи с чем кооператив обратился в ЦК компартии Узбекистана с просьбой прислать дополнительную рабочую силу. Кооператив хотел наладить производство сельхозпродуктов как для ресторана, так и для продажи населению. Костромское объединение общественного питания пообещало выделить для

²³ ГА РФ, ф. 5446, оп. 148, д.1488, л. 14.

²⁴ Там же, л. 6.

²⁵ Дихоя Р.Г., Соколов А.К. Указ. соч. С. 192.

²⁶ ГА РФ, ф. 5446, оп. 148, д.1488, л. 94.

этих целей 700 га земельных угодий вблизи города, но вскоре отказалось от сделки, решив самостоятельно осваивать территорию. В конечном итоге обл-исполком предложил кооперативу участок за 400 км от города, что было равносильно отказу²⁷.

Во многих случаях имели место несвоевременное оформление документации, связанной с учреждением кооперативов, проволочки в вопросах выделения средств на ремонт помещений и закупку оборудования, недостатки в транспортном обеспечении.

Как ни странно, но почти повсеместно серьёзной проблемой стало изготовление печатей для кооперативов. В некоторых регионах при приёме документов на регистрацию срок изготовления печатей устанавливался вплоть до одного года. Неудовлетворительно обстояло дело и с телефонизацией кооперативов. Между тем не подключённые к телефонным линиям предприятия не принимались на обслуживание вневедомственной охраной, а органы Госстраха СССР отказывали им в страховании имущества.

Некоторые исполкомы местных Советов и другие органы управления запрещали кооперативам вступать в договорные отношения с предприятиями и учреждениями, ссылаясь на то, что в примерных уставах кооперативов, утверждённых правительственными постановлениями, такая форма деятельности не была чётко оговорена. Иногда исполкомы даже отказывались регистрировать кооперативы, мотивируя это тем, что среди их членов есть лица, занятые в общественном производстве, хотя те намеревались работать в кооперативах только в качестве совместителей.

В тех же областях и районах, где власти шли навстречу просьбам кооператоров и помогали в приобретении помещений, материалов и оборудования, кооперативы оказывали всё более заметное влияние на удовлетворение спроса населения, освобождали государственные предприятия и организации от несвойственных им видов деятельности. Например, ленинградским кооперативом «Веталь» в 1988 г. было реализовано модной женской и детской обуви, тканей и трикотажных изделий на сумму 3,2 млн руб. Строительный кооператив «Неман» в Минске с октября 1988 г. по июль 1989 г. освоил более 350 тыс. руб., возведя в городе охлаждающие хранилища ёмкостью 3 тыс. т²⁸.

Предприятия и производственные объединения нередко сами оказывались инициаторами создания кооперативов, либо принимали непосредственное участие в их учреждении. Причём порой это шло во вред основной деятельности. Характерным примером является заводское ремонтно-строительное управление Минска, служащие которого создали кооператив «Строитель», в состав которого вошли директор РСУ, начальник производственно-технического отдела, главный механик, начальники участков, мастера и бухгалтер. Кооператив успешно работал, а РСУ проваливало планы по основным показателям, накопило просроченные платежи по счетам поставщиков на сумму 82 тыс. руб. и было снято с кредитования²⁹.

Что касается категорий граждан, пополнявших растущие ряды кооператоров, то действовавшим на тот момент законодательством было предусмотрено, что в кооперативы могут приниматься главным образом лица, не занятые в общественном производстве, — пенсионеры, домохозяйки, студенты и учащиеся.

²⁷ Там же, оп. 150, д.1409, л. 33–38.

²⁸ Там же, л. 73.

²⁹ Там же, оп. 148, д.1488, л. 17.

В них могли быть также задействованы на основании трудового соглашения работники предприятий, организаций и учреждений в свободное от основной работы время. К середине 1987 г. из 55 тыс. человек, занятых в кооперативном секторе, 65% работали по совместительству, 13% составляли пенсионеры, 8,2% – домохозяйки, 3,2% – студенты и учащиеся, 10% – граждане трудоспособного возраста, работавшие только в кооперативе³⁰.

Однако в дальнейшем численность лиц трудоспособного возраста, работавших в кооперативах на постоянной основе, начала расти. Участились случаи, когда граждане оставляли работу в государственном секторе и переходили в кооперативы. Так, в Свердловской обл. 50% сотрудников кооперативов нигде более не работали.

Одним из побочных следствий развития кооперативов стало усложнение контроля за соблюдением ими финансовой дисциплины. Во время проверки в кооперативе «Строитель», созданном при Днепропетровском ремонтно-строительном тресте, должность бухгалтера оказалась пустующей, приходно-расходная смета не составлялась, кассовая книга не была прошнурована. Кооперативы «Такси» и «Обивщик» при производственном объединении «Подольянка» Хмельницкого облбытуправления вообще не имели самостоятельного учёта и баланса, печати и расчётного счёта в учреждении Госбанка, а все расчёты осуществлялись бухгалтерией фирмы. В кооперативах, открытых при фирме «Маяк» Одесского облбытуправления, выручка не приходовалась, а оставалась у работников в виде зарплаты. В кооперативе «Поиск» (Брест) отсутствовали приходно-расходные книги учёта материальных ценностей и реализации бытовых услуг, не составлялись ведомости по начислению заработной платы³¹.

Многие кооперативы в своих уставах не предусматривали отчисления в фонд развития и в страховой фонд, а всю сумму чистого дохода, остававшуюся после уплаты в бюджет подоходного налога, направляли на оплату труда. Подобные факты выявлялись во многих союзных республиках.

Наблюдались и иные аномалии и нарушения финансового характера. Так, в кооперативе «Фиалка» по пошиву детской и женской одежды при объединении «Ташгоршвейбыт» Минбыта Узбекистана заработная плата председателя в середине 1987 г. составляла 2437 руб., у продавцов – от 676 до 1 тыс. руб., а у остальных работников, непосредственно занятых пошивом швейных изделий, – не более 400 руб. в месяц. В кооперативах «Ылхам» и «Хызмат», созданных при Минбыта Туркмении и занимавшихся продажей строительных материалов, зарплата работников составляла в среднем 722 руб. в месяц. При этом кооператив «Хызмат» в первый год своей деятельности был неправоммерно освобождён от уплаты подоходного налога, а кооператив «Ылхам» уплачивал его не от размера доходов (за вычетом материальных затрат), как требовало законодательство, а от суммы чистой прибыли.

Члены кооператива «Экспресс», учреждённого при производственном объединении гаражно-технического обслуживания Ташкентского горисполкома, за оказание автотранспортных услуг вносили в кассу своей фирмы только 20% выручки, а остальное оставляли у себя, в том числе 40% как заработную плату и 40% на покрытие расходов по приобретению бензина, запчастей и амортизацию автомобилей. В результате занижалась налогооблагаемая выручка, не удерживался подоходный налог и с заработной платы.

³⁰ Там же, л. 16.

³¹ Там же, л. 18.

Развитие кооперативного сектора

26 мая 1988 г. был принят закон «О кооперации в СССР», ставший реальным шагом к рынку и разгосударствлению экономики. Согласно его преамбуле, экономическая состязательность между государственным и кооперативным секторами экономики признавалась движущей силой социально-экономического развития страны. Положения закона закрепляли право кооператива заниматься «любыми видами деятельности, за исключением запрещённых законодательством Союза ССР и союзных республик».

С принятием закона создание кооперативов значительно активизировалось. К 1 января 1989 г. их численность выросла в 6 раз и составила 77.5 тыс., а объём реализации увеличился в 17 раз, превысив 6 млрд руб. За этот период в расчёте на одного жителя СССР кооперативами было реализовано товаров и услуг на 21.1 руб.: в РСФСР – на 22.5 руб., Латвийской ССР – на 70.9 руб., Эстонской – на 64.1 руб., Армянской – на 63.6 руб., Таджикской – на 6.9 руб., Азербайджанской – на 4.8 руб.³²

К апрелю 1989 г. в кооперативном секторе было задействовано 1.9 млн человек. Интересно, что за предшествующий год численность рабочих и служащих в народном хозяйстве сократилась на 0.7 млн, а в колхозах – на 0.2 млн человек, тогда как в прежние годы их численность ежегодно росла на 0.3–0.5 млн. По данным Госкомстата СССР, во втором полугодии 1989 г. сравнительно с первым произошло резкое увеличение практически всех показателей деятельности кооперативов (табл. 1).

Таблица 1

Деятельность кооперативов в 1989–1990 гг.

Показатель	На 1 июля 1989 г.	На 1 января 1990 г.	1 января 1990 г., % к 1 июля 1989 г.
Количество действующих кооперативов, тыс.	132.9	193.1	145.2
Выручка от реализации товаров, работ и услуг, млрд руб.	12.9	40.3	в 3.1 раза
Фонд оплаты труда (ФОТ), млрд руб.	4.98	16.84	в 3.2 раза
Доля ФОТ в выручке, %	38.6	41.4	107.3
Численность работников, млн человек	2.9	4.5	155.2

Составлено по: ГА РФ, ф. 5446, оп. 162, д.1921, л. 21.

Улучшению финансовых показателей деятельности кооперативов во многом способствовали значительные «привилегии» – низкое налогообложение (кооперативы платили 2–10% валового дохода, в то время как промышленные предприятия должны были уплачивать 39%) и низкие процентные ставки за пользование банковскими кредитами (0.75% по долгосрочным ссудам и 1% по краткосрочным).

К тому времени наметилась тенденция снижения удельного веса кооперативов, занятых производством товаров народного потребления и бытовым обслуживанием населения. Напротив, быстро увеличивалась доля фирм иного профиля, в первую очередь посреднических, что вряд ли можно отнести к положительным явлениям в развитии предпринимательской деятельности. Кооперативы всё больше ориентировались на выполнение заказов предприятий

³² Там же, оп. 150, д.1409, л. 72.

и организаций, используя для этих работ товарные ресурсы, предназначенные для населения. Так, в 1988 г. они реализовали внерыночным потребителям (предприятиям и прочим организациям) продукцию на сумму 941 млн руб., или 61% общего объёма. Такая деятельность приносила советским «бизнесменам» значительно больший доход при меньших трудозатратах.

Согласно статданным, к середине 1989 г. производством потребтоваров и бытовым обслуживанием было занято 45.5% кооперативов, иными видами деятельности — 46.6%. Из 40.3 млрд руб. полученной в 1989 г. общей выручки от реализации товаров, работ, услуг непосредственно населению кооперативами было реализовано продукции и услуг на 6.2 млрд руб., или всего 15.3%. Из этой цифры на долю фирм по производству товаров народного потребления приходилось 24.4%, по бытовому обслуживанию населения — 34.8%, по строительству — 3.9%, по другим видам услуг — 8.8%. Впрочем, в целом по стране в общем объёме розничного товарооборота и услуг деятельность кооперативов составляла менее 1%, в том числе в РСФСР — 0.72%.

Развитие кооперативного движения создало благоприятную почву для ряда негативных явлений. В отличие от государственных предприятий кооперативы в соответствии с предоставленным им правом осуществляли расчёты наличными деньгами без ограничения суммы платежей. Так, за 1988 г. банки выдали кооперативам 3.7 млрд руб., из которых на оплату труда кооператоров было направлено 2.2 млрд, в то время как поступления от них в кассы банков составили лишь 0.8 млрд руб. — почти в 5 раз меньше. В 1989 г. положение усугубилось: только за январь—март сумма выданных кооперативам наличных денег достигла 3 млрд руб. и превысила сумму поступлений в банковские кассы в 7.5 раза³³.

Массовое распространение получила практика, когда предприятия и учреждения в целях приобретения товаров рыночного фонда перечисляли безналичные денежные средства кооперативам и через них покупали бытовую технику (холодильники, телевизоры, видеоманитофоны и проч.), ковры, мебель и другие товары, пользовавшиеся повышенным спросом. Значительную часть этих денег составляли средства фондов развития производства, социального развития государственных предприятий и организаций, а также бюджетные ассигнования.

Трудности налогового администрирования

Более серьёзной проблемой оказалось отсутствие контроля за заработной платой в кооперативах. Высокие заработки кооператоров (во многих случаях от 70 до 90 коп. с каждого рубля) были обусловлены возможностью существенно завышать цены, низкими ставками налогообложения и относительно небольшими окладами лиц, работавших по трудовому соглашению³⁴.

Закон о кооперации предусматривал при открытии кооперативов определение соотношения числа членов кооперативов и лиц, привлекавшихся к работе в них по трудовому договору. Однако в большинстве регионов местные исполкомы, регистрировавшие уставы кооперативов, эту правовую норму игнорировали. Соответственно, резко различались доходы этих двух групп. Так, в кооперативе «Полимер» (Кишинёв) месячная зарплата одного члена кооператива

³³ Там же, л. 74.

³⁴ Лица, работавшие в кооперативах по трудовому соглашению, в распределении прибыли (в отличие от членов кооперативов) не участвовали, хотя фактически обеспечивали подавляющую часть доходов.

(всего 3 человека) составляла 1 500 руб., а работающего по трудовому договору (35 человек) — 400 руб. В кооперативе «Сигнал» (Челябинская обл.) месячный заработок члена кооператива в 1988 г. доходил до 3 тыс. руб., председателя — 3 600 руб., а 44 граждан, работавших на договорной основе, — не более 100 руб. Члены кишинёвского кооператива «Звёздочка» получали в месяц по 900 руб., а 650 школьников, участвовавших в изготовлении продукции кооператива, — всего по 10 руб.

В кооперативе «Пересвет», созданном на базе производственных цехов электромашиностроительного завода «Динамо» (Москва), среднемесячная заработная плата работника составляла 500 руб., члена кооператива — 857 руб. Кооператив осуществлял ремонт электродвигателей, а также пусконаладочные работы. Взаимоотношения между предприятием и кооперативом строились на основе договора по выполнению госзаказа. Кроме того, кооператив выполнял заказы сторонних организаций. В первой половине 1990 г. среднемесячная зарплата по заводу составляла 299 руб., в том числе в экспериментальном цехе — 360 руб., в цехе ТНП — 360 руб., в аппаратном цехе — 358 руб. Разница в оплате заводских рабочих и кооператоров послужила причиной проверки налоговыми службами финансовой деятельности кооператива. Однако доступ к его первичной бухгалтерской деятельности получить не удалось, а при обращении в налоговую инспекцию Перовского района с просьбой помочь в получении необходимым данных никакого содействия с её стороны оказано не было³⁵.

Таким образом, даже в Москве налоговые инспекции не могли наладить всесторонний контроль за деятельностью кооперативов. Численность столичных налоговых работников была крайне мала: к середине 1989 г. — всего 365 человек, или 11 человек на инспекцию, тогда как среднем в каждом районе Москвы было зарегистрировано более 300 кооперативов и около 1 тыс. граждан, занимавшихся индивидуальной трудовой деятельностью. Уровень заработной платы налогового инспектора не превышал 170 руб., что не позволяло укомплектовать инспекции высококвалифицированными специалистами³⁶. К тому же действовавшее на тот момент законодательство ограничивало финансовый контроль за кооперативами рамками деклараций о доходах.

Широкие права кооперативов в распоряжении выручкой приводили к перекачке средств из безналичного в налично-денежный оборот, что крайне отрицательно отражалось на состоянии денежного обращения в стране и создавало дополнительную напряжённость на потребительском рынке. Дело в том, что до того времени миллиарды безналичных рублей на счетах госпредприятий использовались только для взаиморасчётов; на них нельзя было ничего купить, но они не порождали инфляционных явлений. Безналичный денежный оборот обслуживал обращение почти всех средств производства, а также оптовую реализацию предметов потребления. Теперь же правительству пришлось прибегнуть к эмиссии, что заметно усилило давление на товарную массу и создало инфляционные риски.

Условия функционирования кооперативов, созданных при предприятиях и производственных объединениях, подробно рассматривались на заседании Президиума Совета министров СССР 10 октября 1990 г. В ходе обсуждения неоднократно указывалось на отсутствие чёткой регламентации деятельности кооперативов и должного контроля за ней. В результате кооперативы грубо нарушали финансовую дисциплину, необоснованно росла оплата труда

³⁵ ГА РФ, ф. 5446, оп. 162, д.1199, л. 23.

³⁶ Там же, д.1921, д.59.

кооператоров (около 40% всей выручки)³⁷. Помимо этого, Минфин СССР не располагал данными о платежах в бюджет по отдельным видам деятельности кооперативов. Отсутствовали сводные показатели налогообложения, регулировавшие фонд заработной платы в них. Более того, повсеместно выявлялись случаи занижения и сокрытия доходов от налогообложения.

В первом полугодии 1989 г. финансовыми органами Москвы в 421 кооперативе были установлены факты занижения доходов на сумму 651 тыс. руб., Ленинграда – на 499 тыс. руб., Киргизской ССР – на 114 тыс. руб. В 17 кооперативах Минска было зафиксировано умышленное сокрытие полученных доходов на сумму 65 тыс. руб., в семи кооперативах Норильска – на 26 тыс. руб. Одесскому кооперативу «Прессовщик» удалось вывести из-под налогообложения 178 тыс. руб.³⁸

Во многих фирмах бухгалтерский учет находился в крайне неудовлетворительном состоянии, что также способствовало сокрытию доходов, а порой и хищениям материальных ценностей и денежных средств. Так, в кооперативе «Пихта» (Лениногорск Казахской ССР) фактически не велся учёт готовой продукции и реализации, отсутствовали документы, подтверждающие приобретение материалов. В кооперативе «Новинка» (Одесская обл.) оказались уничтоженными документы на реализацию, что позволило его руководителям присвоить 23,5 тыс. руб. В московском кооперативе «Протон» путём составления фиктивных кассовых ордеров и платёжных ведомостей, подделки в них подписей и иных злоупотреблений председателем и другими должностными лицами были присвоены средства в размере 60 тыс. руб.³⁹ Председателем кооператива «Каменка» (Краснодарский край) с помощью недооприходования по кассе или банку денег, полученных авансом от садоводческих кооперативов в счёт предстоящих работ, было похищено 74,1 тыс. руб.⁴⁰

Проведённые рядом союзных отраслевых министерств обследования хозяйственной деятельности кооперативов, созданных при подведомственных им государственных предприятиях, выявили следующие отрицательные факторы: невозможность создания условий для отдельного и достоверного учёта расходования материалов, топливно-энергетических ресурсов, использования рабочего времени; износ оборудования из-за эксплуатации на повышенных режимах. В ряде случаев продукция для кооператива изготавливалась в основное время работы предприятия. Не исключалась возможность коррупции: привлекая к деятельности служащих предприятия (бухгалтеров, снабженцев, кладовщиков, учётчиков и других), можно было получить «льготы» в вопросах производственно-хозяйственной деятельности.

В тех случаях, когда для предприятия производилось незначительное количество продукции или не производилось вовсе, к перечисленному добавлялось также то обстоятельство, что из-за различных условий ценообразования и налогообложения кооперативы и госпредприятия направляли в фонд оплаты труда разные суммы. В результате при равных условиях работы рабочие одного, скажем, цеха, работая в кооперативе или же на госпредприятии, получали очень разную зарплату, что создавало в коллективе напряжённость, дестабилизировало организацию производства, приводило к оттоку квалифицированных кадров.

³⁷ Там же, оп. 150, д.288, л. 29.

³⁸ Там же, д.1409, л. 78.

³⁹ Там же, л. 79.

⁴⁰ Там же, д.64, л. 7–8.

Опросы советов трудовых коллективов показали, что большинство из них выступали за ликвидацию кооперативов, размещавшихся на территории их предприятий и не загруженных на 100% производством продукции для них. Отношение к кооператорам как к рвачам, шабашникам, гражданам «второго сорта» оставалось довольно устойчивым. Однако не следует забывать, что такое представление о людях, не занятых на государственных предприятиях, формировалось в массовом сознании десятилетиями.

Выявление правонарушений в деятельности кооперативов

Кооперативы в большинстве случаев игнорировали положения статьи 19 закона о кооперации, согласно которой цены и тарифы на их продукцию и услуги должны отражать общественно необходимые затраты на производство и реализацию продукции и учитывать потребительские свойства и качество товаров. Пользуясь дефицитом на потребительском рынке, многие из них устанавливали непомерно высокие цены на свои изделия. Так, одесский кооператив «Севан» реализовывал карамель и булочки с наценкой до 900%, а расположенный неподалеку кооператив «Бриз» применял наценку на леденцы в размере 1500%⁴¹.

Проверками были вскрыты многочисленные факты спекулятивной перепродажи товаров, приобретённых в государственной и кооперативной торговле. Отдельные кооперативы продавали за рубеж дефицитные товары и покупали за валюту оборудование и технику, которые затем продавали госпредприятиям по завышенным ценам.

Высокие зарплаты кооператоров вкупе с завышенными расценками на их продукцию и услуги вызывали недовольство и раздражение у населения. Кроме того, в руководстве кооперативов иногда оказывались люди, имевшие судимости либо иным способом скомпрометировавшие себя. Так, председатель торгово-закупочного кооператива «Телек» (г. Фрунзе) имел судимость за хищение госимущества и денежных средств, председатель кооператива «Алма» из того же города был ранее судим за хищения и служебный подлог⁴².

В деятельности кооперативов выявлялось немало правонарушений, влекущих уголовную ответственность. Некоторые кооперативы стали колоссальными «прачечными» для «отмывания» денег, а руководили ими, как правило, люди с криминальным прошлым⁴³. Можно сказать, что закон о кооперации легализовал теневой бизнес. В 1989 г. финансовыми и правоохранительными органами была пресечена афера московского кооператива «Альков» и эстонского совместного предприятия «Эсттек» по обмену рублей на доллары по курсу «чёрного рынка». В эту преступную схему оказались вовлечены 69 государственных организаций и кооперативов, которые в течение трёх дней перечислили в «Эсттек» и «Альков» 127 млн руб.

Председатель кооператива «Радуга» (Узбекская ССР) из полученных в Госбанке и торгово-заготовительной базе наличными 306.9 тыс. руб. присвоил себе 137.1 тыс. За кооперативом числилась задолженность по банковским ссудам в размере 157 тыс. руб. Ранее судимому за хищения и подлоги председателю удалось скрыться.

⁴¹ Там же, л. 76.

⁴² Там же, л. 77.

⁴³ Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. М., 2007. С. 447.

Статистика рассмотрения судами в 1989 г. дел, связанных с деятельностью кооперативов

Виды преступлений	Рассмотрено дел	Всего обвиняемых		Осуждено обвиняемых	
		осуждено	оправдано	в торговле и общественном питании	в сфере платных услуг
Хищения государственного и общественного имущества:	451	613	6	374	55
кражи	295	438	4	291	31
присвоение, растрата, злоупотребление служебным положением	116	126	2	58	20
Мошенничество	8	11	—	7	1
в особо крупных размерах	7	13	—	7	1
Вымогательство	22	49	—	13	3
Обман покупателей и заказчиков	105	106	1	100	1
Нарушение правил торговли	25	26	—	26	—
Должностные преступления: получение взятки	19	24	—	8	1
дача взятки, посредничество во взятке	4	5	—	—	—
Прочие преступления	2	3	—	1	1
	392	401	3	90	44

Составлено по: ГА РФ, ф. 9492, оп. 8, д. 2652, л. 1.

Процветали подкуп служащих предприятий и баз снабжения, работников торговли с целью незаконного получения сырья, материалов и товаров с чёрного хода, а также другие негативные явления, разлагавшие кооператоров и расширявшие криминогенную среду.

В начале 1990 г. народный депутат СССР В.А. Шаповаленко направил в Министерство внутренних дел Союза запрос о проверке работы Оренбургского горпромторга. В её ходе была выявлена весьма любопытная схема организации незаконных поставок электробытовой техники. Директор промторга отправил в Польшу холодильники, пылесосы, телевизоры и утюги на общую сумму 1,5 млн руб. без оформления лицензий в Министерстве внешнеэкономической деятельности (в сопроводительной документации были указаны детские игрушки). После этого по распоряжению руководства промторга поступающая в порядке обмена из Польши компьютерная техника за взятки сбывалась работникам оренбургских кооперативов «Монитор» и «Адаптор» и затем реализовывалась по спекулятивным ценам. 21 марта 1990 г. УВД Оренбургского облисполкома по фактам контрабанды, взяточничества, спекуляции, злоупотребления служебным положением и нарушений правил торговли возбудило уголовное дело, а сами махинаторы были арестованы. Во время обысков было изъято неучтённых материальных ценностей на сумму 863 тыс. руб., а также советских денег и иностранной валюты на сумму около 150 тыс. руб.⁴⁴

В начале 1990-х гг. получила распространение практика, когда кооператоры брали в банках кредиты, затем ликвидировали кооперативы и исчезали. Аферистов редко удавалось находить, а банки терпели убытки.

Множество злоупотреблений отмечалось в строительной и ремонтной кооперации. Немалое число клиентов пострадало от жуликов, собравших заказы на строительство дач, садовых домиков, ремонт автомобилей, и не выполнивших свои обязательства (табл. 2).

⁴⁴ГА РФ, ф. 5446, оп. 162, д. 1452, л. 13.

В 1990 г. положение на потребительском рынке заметно обострилось, нарастал ажиотажный спрос на продукты питания и потребительские товары длительного пользования. Излишек денег в обращении оценивался в размере около 110 млрд руб.⁴⁵ Прилавки магазинов стремительно пустели, с осени наблюдался полный развал потребительского рынка и тотальный дефицит практически всех видов товаров – как продовольственных, так и промышленных. Люди были вынуждены тратить многие часы на стояние в очередях, отоваривание карточек и талонов. Кооперативный сектор, в котором было занято почти 7 млн граждан, не мог кардинально повлиять на ситуацию: доля продукции, реализованной им населению за 1990 г., равнялась 15%. На тот момент в стране действовало 33,7 тыс. кооперативов по производству товаров массового потребления, что составляло лишь 17,4% от их общей численности⁴⁶.

Как и в предшествующие два года, многие кооперативы предпочитали выполнять заказы предприятий в ущерб насыщению потребительского рынка. Кроме того, предоставленная кооперативам свобода в установлении цен не вписывалась в специфику финансовой системы страны. В обороте появилось слишком много наличных денег, что резко изменило их соотношение с безналичными и спровоцировало всплеск инфляции. Таким образом, можно констатировать, что надежды на преодоление возрастающей диспропорции между денежными доходами и товарным покрытием, связанные с возрождением кооперативного движения, не оправдались. Да и в целом экономическая система страны не была готова к восприятию нового субъекта хозяйствования. Кооперативная деятельность позволила многим кооператорам накопить стартовый капитал для создания в 1990-е гг. частного бизнеса, однако вплоть до распада СССР она так и не смогла превратиться в крупный сектор народного хозяйства.

⁴⁵ РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 55.

⁴⁶ ГА РФ, ф. 5446, оп. 162, д. 1921, л. 3.

В.В. Шелохаеву 75 лет: историографические заметки

Кирилл Соловьёв

V.V. Shelokhaev's 75th jubilee: some historiographic notes

Kirill Soloviev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В декабре 2016 г. исполнилось 75 лет историку Валентину Валентиновичу Шелохаеву. Юбилей – хороший повод для того, чтобы перечислить труды автора, круг тем, которых он касался в своих сочинениях, наконец, многочисленные регалии исследователя. Однако научный вклад не измеряется длинной библиографического списка. Прежде всего он заключается в идеях, формирующих новую интеллектуальную среду, открывающих путь для будущих исследований и способствующих изменению самого общества. К сожалению, современная гуманитарная наука в России страдает от неспособности выстроить с ним диалог, в полной мере отвечать на его запросы, а главное – формировать их у широкого круга читателя. Запершись в «башне из слоновой кости», гуманитаристика неизбежно утрачивает общественную значимость и, соответственно, востребованность в социуме¹.

Решению этой проблемы должны способствовать особые институты, специально предназначенные для поддержания столь важных контактов. Их деятельность одновременно меняла бы и науку, и общество. Представляется, что удачный пример такого учреждения – Collège de France (Коллеж де Франс) в Париже, учебное заведение, совсем не похожее на обычный университет. Его посещают исключительно вольнослушатели, не сдающие ни вступительных, ни выпускных экзаменов. Профессора (а их имена составляют славу французской и мировой науки) вынуждены готовить курсы лекций, которые, с одной стороны, соответствуют критериям научности, а с другой, – представляют общественный интерес. Им приходится предельно актуализировать исследуемые проблемы, заставляя науку работать на современное общество. Именно благодаря этому учебному заведению появились многие книги М. Фуко, П. Розанваллона, П. Бурдьё и др. Кроме того, в соответствии с его уставом в курсе лекций должны излагаться научные достижения профессора за последний год. Иными словами, преподаватель должен быть активно практикующим учёным, способным предлагать слушателям принципиально новое знание². Наконец, как вспоминал физик А. Абрагам, «главное различие курсов в университете и в Коллеже заключается в том, что в университете слушатели меняются каждый год, а предмет, если и изменяется, как у лучших профессоров, то весьма

© 2017 г. К.А. Соловьёв

¹ Шелохаев В.В. Институт общественной мысли как новая форма организации научных исследований // Шелохаев В.В. На разные темы. М., 2016. С. 437–444.

² Эрибон Д. Мишель Фуко. М., 2008. С. 243–244.

мало, в то время как в Коллеже наоборот — публика мало меняется, а значит, *должен* меняться курс»³.

К сожалению, в современной России таких авторитетных институтов, решающих схожие проблемы, практически нет. Исследователи преимущественно предоставлены сами себе, об их достижениях знают лишь немногочисленные коллеги, а в обществе есть лишь весьма отдалённые представления о том, что делается в науке, которая в итоге социальной роли практически не играет. В такой ситуации немалое значение приобретают историки, признающие за наукой особую общественную миссию. Именно к таким исследователям относится и В.В. Шелохаев. Все его работы, посвящённые истории России конца XIX — начала XX в., так или иначе отвечают на вызовы настоящего времени, удивительным образом напоминая проблемы столетней давности.

Сказанное относится и к ключевой проблеме его исследований — истории русского либерализма, характерные особенности которого до сих пор остаются не замеченными многими гуманитариями. Их заслоняют стереотипные представления, восходящие либо к современным политическим практикам, либо к классическому английскому либерализму начала XIX в. В действительности это ложные «ключи» к пониманию изучаемого явления. Пользуясь ими, историк либо, к удивлению своему, обнаруживает, что русский либерал — вовсе не либерал, либо приписывает ему те свойства и черты, которые совсем не были характерны для русского либерализма⁴.

В.В. Шелохаеву удалось показать, что русский либерализм — совершенно особенное интеллектуальное явление. Отечественным либералам на рубеже XIX—XX вв. удалось предложить не только многочисленные партийные программы, во многом отвечавшие на динамично меняющуюся конъюнктуру, но и целостный проект будущего страны. Это обуславливалось прежде всего тем, что русские либералы в основном были не столько политиками, сколько интеллектуалами, способными генерировать новаторские идеи, порой опережавшие собственное время, в чём состояла их сила и слабость. Их политические требования были концептуально выстроены и теоретически обоснованы. Вместе с тем либералы нередко являлись догматиками, не способными к диалогу с политическим оппонентом. «Ахиллесовой пятой» либеральных партий было также отсутствие очевидной социальной базы, а потому и ясного

³ *Абрагам А.* Время вспять. М., 1991. С. 125.

⁴ Яркий пример тому — работа В.В. Леонтовича «История либерализма в России», чьей популярности не мешает тот факт, что многие её положения давно опровергнуты в историографии. Интерпретируя понятие «либерализм», Леонтович исходил из идеологических и мировоззренческих установок европейских мыслителей XVIII — начала XIX в. и связывал его исключительно с высшими представителями власти и их ближайшими сотрудниками — Екатериной II, Александром I, Александром II, М.М. Сперанским, Н.С. Мордвиновым и др. По оценке Леонтовича, их политические идеалы так или иначе соотносились с принципами Просвещения и, естественно, исключали возможность революционных потрясений. Общественная мысль оказалась практически вне сферы его научных интересов. Общественное движение начала XX в. характеризуется автором как радикальное, лишь препятствовавшее реализации либерального проекта. Это утверждение прежде всего относится к «Союзу Освобождения» и Конституционно-демократической партии, ориентировавшимся на альянс с социалистическим движением. Отсутствие интереса к либерализму как явлению в интеллектуальной жизни России, в первую очередь, объясняется пониманием Леонтовичем этой идеологии как политического учения, остающегося принципиально неизменным на протяжении последних двух столетий. См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России, 1762—1914. М., 1995. С. 21—22, 47, 225, 301.

понимания, какая тактическая линия наиболее эффективна в тех или иных обстоятельствах⁵.

Теоретические построения либералов начала XX в. действительно очень непохожи на то, что ждут от них современные читатели. Либералы того периода — безусловные этатисты. Они верили в созидательную силу государства, отвечавшего и за экономическое процветание, и за социальное благополучие. Их не смущала национализация частной собственности (прежде всего, земли). Они полагали, что «священным правом» частной собственности можно пожертвовать, коль скоро в реальной жизни нередко ставилось под сомнение право крестьянина на жизнь. Кроме того, русский либерализм отказывал этническим группам, проживавшим на территории Российской империи, в праве на политическое самоопределение (кадеты делали исключение для Польши и Финляндии). Он настаивал на необходимости сохранения унитарного государства — пускай и с существенным расширением полномочий органов местного самоуправления. В противном случае, как считалось, открылся бы «ящик Пандоры»: федерализация не погасила бы остроту национальных конфликтов в России, а породила бы новые⁶. Наконец, либералы в период Первой русской революции не боялись самых решительных средств борьбы с действовавшим правительством, иными словами, полагались на революцию и далеко не всегда были готовы уступать власти⁷.

Однако при этом они не переставали быть либералами. Во всех их теоретических построениях так или иначе проявлялось «инвариантное ядро» либерализма, при всех обстоятельствах отстаивавшего человеческую личность как высшую и безусловную ценность для государства и общества. Причём своеобразие русского либерализма будет не столь бросаться в глаза, если иметь в виду особенности всех идеологических течений в России и их организационного оформления. Русский либерализм был далёк от классических образцов, равно как социализм и консерватизм. Все идеологические построения имели российскую специфику. То же относится и к проблеме партийного строительства. Политические партии, вырабатывая собственную программу и тактику, пытались (правда, далеко не всегда с успехом) соответствовать сложившейся конъюнктуре, а не оторванным от жизни эталонам. Они рассчитывали понравиться российским избирателям, а, соответственно, старались учитывать их многочисленные особенности.

И в этой связи возникает проблема функционирования партийной системы начала XX в. — предмет особого внимания В.В. Шелохаева. В данном случае важна не только концептуальная основа его работ, посвящённых многопартийности, но и их архитектоника⁸. Валентин Валентинович предложил чёткий план изучения партии, впоследствии используемый многими авторами. Сперва рассматривается история её создания, затем идеологические установки, организационная структура, тактика. Выделение последних трёх компонентов партийного строительства позволяет аналитически «препарировать» объект исследования, выявить его характерные черты и одновременно уйти от

⁵ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 88–107, 849–853.

⁶ Там же. С. 26–41.

⁷ Там же. С. 131–150.

⁸ Шелохаев В.В. Многопартийность, висевшая в воздухе // Шелохаев В.В. На разные темы. С. 149–159.

традиционного хронологического изложения событий. Ведь партия – живой организм, формирующий особую коммуникативную среду, которую нельзя свести к совокупности решений съезда и постановлений центрального комитета, выстроенных в хронологическом порядке. Подход Шелохаева подразумевает изучение партии как политического механизма, выявление его социальной и интеллектуальной природы.

Такой исследовательский приём позволяет подчеркнуть особенности российской многопартийности начала XX в., заметно отличавшейся от западноевропейской. Классик европейской «партологии» М. Дюверже писал, что партия – ситуативное объединение, складывающееся для решения текущих задач. Оно отвечает на сиюминутные вызовы времени. Политическая конъюнктура с неизбежностью заслоняет собой любые идеологические пристрастия. Соответственно, партия преимущественно формируется по случайному признаку – может объединять земляков, коллег, представителей одной корпорации, национальной или конфессиональной группы и т.д. По мнению Дюверже, особое внимание к программе партии, её идеологическому обоснованию – дань условности, которая на практике немного значит⁹. Однако подобные суждения, проверенные французским опытом середины XX в., лишь в малой степени соответствовали российским реалиям начала 1900-х гг. Партии этого времени были преимущественно идеологичны и полагали своей целью реализацию большого проекта преобразования страны. Это сильно затрудняло их диалог между собой, что ставило под вопрос существование многопартийной системы как таковой.

Шелохаев инициировал хорошо известную историкам серию публикаций документального наследия политических партий конца XIX – начала XX в. В рамках этого проекта был введён в научный оборот огромный корпус источников¹⁰. В значительной мере благодаря ему партии стали одним из любимых объектов исследования отечественных историков. Его привлекательность для исследователей объясняется очевидностью структуры и формализованностью позиции партий. Но они были не самостоятельным явлением, а производным от политической культуры изучаемой эпохи. В России начала XX в. партии – лишь «верхушка айсберга» такого явления, как общественная мысль, которой Шелохаев посвятил немало работ¹¹.

Общественная мысль – уникальное российское явление. Само понятие, в сущности, не переводимо на иностранные языки. Его нельзя свести ни к публицистике того или иного периода, ни к партийным дискуссиям, ни к научным работам по социальным и гуманитарным наукам. Валентин Валентинович интерпретирует общественную мысль как непрерывный интеллектуальный процесс, а не совокупность высказываний выдающихся мыслителей прошлого. Этот процесс не мог начаться неожиданно в начале XVIII в. вместе с петровскими преобразованиями. Он коренился в средневековом прошлом

⁹ Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 22–25.

¹⁰ К настоящему моменту издано 50 томов серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Документальное наследие».

¹¹ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004; Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. Помимо этого, В.В. Шелохаев был инициатором и ответственным редактором 119-томной «Библиотеки отечественной общественной мысли» (М., 2010).

Руси. По мнению Шелохаева, изучаемый процесс разворачивается как непрерывное переосмысление одних и тех же проблем и понятий. Он заключается в саморефлексии общества (применительно к событиям XIX – начала XX в. – образованного меньшинства), которое в большинстве случаев не может рассчитывать на реализацию собственных проектов, однако обладает известной свободой интеллектуального поиска. При таких обстоятельствах идеи быстро «возгоняются» и приобретают уникальные свойства, определяющие самобытное лицо русской общественной мысли¹².

Этот подход близок к методологическим установкам приверженцев истории понятий, когда за изменениями в понимании тех или иных категорий усматривается эволюция общества и культуры¹³. Есть основания рассчитывать, что популяризация этих идей в отечественной гуманитаристике в итоге способствует появлению столь необходимого словаря понятий из общественно-политического лексикона России, по крайней мере Нового времени. Отрадно, что первые шаги в данном направлении уже делаются¹⁴.

Впрочем, общественная мысль – это не только язык, особая «повестка», но и система коммуникаций, специфические правила игры. Для истории общественной мысли России характерны особые черты, столетиями сказывавшиеся на состоянии общества и государства, в частности уже упомянутая непримиримость, неспособность услышать другого, несмотря на близость и иногда полное тождество идей. Причём линии водораздела оказываются до такой степени устойчивыми, что социалистов прошлого изучают современные социалисты, консерваторов – консерваторы, либералов – либералы. Иными словами, изучение партийных группировок столетней давности по умолчанию чаще всего подразумевает неформальное «членство» в ней. Шелохаев далёк от такой «партийности». При всей симпатии к кадетам, он отнюдь не отождествляет себя со своими героями. Свидетельство тому – значимое место столыпинской тематики в его работах.

Конституционные демократы в большинстве нещадно критиковали П.А. Столыпина – обвиняли его в лживости, лицемерии, самоуправстве, властолюбии, непонимании русской деревни и России в целом¹⁵. Их аргументы и выводы во многом легли в основу последующей историографии. Исследования же Шелохаева в значительной мере построены на переоценке этой традиции. Он предложил более широкий ракурс рассмотрения столыпинских преобразований как части большого проекта системных реформ, задуманных премьер-министром, но лишь отчасти реализованных. В рамках такого подхода вызывающие живой интерес историков аграрные реформы – лишь важный элемент программы, которая ещё в годы жизни Столыпина силой обстоятельств рассыпалась на части, что не

¹² Шелохаев В.В. Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы её изучения // Шелохаев В.В. На разные темы. С. 58–80.

¹³ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 21–33; Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. Т. 1. М., 2014. С. 23–44.

¹⁴ «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012; Вымятина Ю.В. Деньги, или Золотая антилопа. СПб., 2016; Магун А.В. Демократия, или Демон и гегемон. СПб., 2016; Миллер А.И. Нация, или Могушество мифа. СПб., 2016.

¹⁵ Изгоев А.С. П.А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912. С. 116, 128–131; П.А. Столыпин: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 237, 336.

отменяет констатируемого Шелохаевым факта: в те годы явственно ощущались положительные результаты правительственной деятельности¹⁶.

Представление о системности программы столыпинских реформ к настоящему моменту прочно завоевало «право гражданства» в науке. В ходе многочисленных форумов и конференций, проводившихся в юбилейный год Столыпина (2012), такая точка зрения многими подавалась как аксиоматичная, не нуждающаяся в каких-либо доказательствах¹⁷. Видимо, это и есть высшая форма признания историка, когда однажды высказанные им идеи, поначалу далеко не всеми принятые, на новом витке развития историографии кажутся уже очевидными. Но ещё важнее, пожалуй, то, что В.В. Шелохаев не ставит точку в изучении столь значимых для историографии тем, а задаёт читателю новые вопросы, тем самым пролагая дорогу будущим исследователям.

¹⁶ *Пожигаило П.А., Шелохаев В.В.* Пётр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля. М., 2005; *Шелохаев В.В.* Столыпинский тип модернизации России // На разные темы. С. 378–406.

¹⁷ См.: *Кабытов П.С.* П.А. Столыпин и программа реформирования России // Власть и общество в России. Жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина. Самара, 2011. С. 8–16.

Вера Ченцова

Рец. на: Nicolae Milescu Spătarul. Dicționarul greco-slavo-româno-latin (secolul al XVII-lea) / Греческо-славянско-румынско-латинский словарь (XVII век) / Greek-Slavonic-Romanian-Latin dictionary (17th century) / A. Nichitici (ed.). Chișinău: Editura ARC, 2015. 1552 p.

Vera Tchentsova

(Unité Mixte de Recherche 8167 Orient et Méditerranée, Paris, France)

Rec. ad op.: Nicolae Milescu Spătarul. Dicționarul greco-slavo-româno-latin (secolul al XVII-lea) / Греческо-славянско-румынско-латинский словарь (XVII век) / Greek-Slavonic-Romanian-Latin dictionary (17th century) / A. Nichitici (ed.). Chișinău: Editura ARC, 2015. 1552 p.

Новое издание греко-славяно-румыно-латинского словаря, подготовленное А.Н. Никитичем, по праву займёт важнейшее место среди источников по истории языкознания в Восточной и Юго-Восточной Европе. А.Н. Никитич – виднейший молдавский палеограф, специалист по рукописному наследию румынских княжеств и истории культуры, обнаружил рукопись словаря в Киеве, в фонде V «Одесское общество истории и древностей» Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, где она хранится под № 3691¹. Объём манускрипта значителен – 411 листов.

В словарь, работа над которым осталась незавершённой, включены, по подсчётам издателя, около 17 тыс. греческих, 6 тыс. славянских, 24 тыс. румынских и незначительное количество дополняющих их латинских слов. Текст размещён в четырёх колонках: первая из них представляет собой греческий словник, вторая – славянский, третья – румынский, четвёртая, оставшаяся практически незаполненной – латинский. Наиболее разработанные части словаря – греческая и румынская. Кроме того, в конце рукописи имеется указатель румынских слов в алфавитном порядке с отсылками к страницам (к первоначальной их буквенной нумерации), что позволяло легко найти то или иное румынское слово и его перевод на греческий язык (а если бы работа над словарём была

завершена, то, соответственно, также на церковнославянский и латинский языки). В издании воспроизведена полностью вся рукопись и приведена её транскрипция. Введение к словарю и постраничные комментарии опубликованы на румынском, русском и английском языках. В них сделано много ценных наблюдений, касающихся самой рукописи и её палеографических особенностей, принципов расположения материала, отбора и расположения лексики.

Никитич предположил, что составителем словаря был Николай Милеску Спафарий, румынский боярин греческого происхождения, полиглот, в течение долгих лет служивший переводчиком и дипломатом в московском Посольском приказе. Литературное наследие Спафария состоит из большого количества разножанровых сочинений и переводов с разных языков. По мнению исследователя, Спафарий приступил к работе над словарём в 1672–1675 гг., после приезда в русскую столицу. Более того, он посчитал рукопись автографом, написанным двумя разными писцами (р. 12, 14), одним из которых был сам Николай Спафарий, а вторым, предположительно – его постоянный помощник в работе над переводами, служащий Посольского приказа подьячий Пётр Долгово (предполагать вслед за Никитичем молдавское происхождение подьячего нет оснований)².

Нет сомнения, впрочем, в том, что рукопись не является автографом Спафария, почерк которого хорошо известен. Никитич публикует фотовоспроизведения двух листов из небольшого автографа Николая Спафария, записавшего для англиканского пастора Томаса Смита тексты молитв на греческом, церковнославянском и румынском языках. Листы, представляющие собой один из самых известных автографов Спафария, оказались вплетены в принадлежавший некогда Смиту кодекс, в настоящее время хранящийся в Бодлеянской библиотеке (Bodleu. Or. 481, fol. 112rv-109rv). Эти образцы почерка (на с. 20–21 приведены л. 112v и 111v, а не л. 113v, как указано автором), известные издателю словаря, ясно свидетельствуют о том, что текст рукописи написан не рукой Николая Спафария³.

В документах, относящихся к подготовке отъезда из Москвы газского митрополита Паисия Лигарида в мае 1672 г., где говорится о передаче появившемуся в русской столице годом ранее Николаю Спафарию московского двора Лигарида, указано, что тот должен там работать над переводом книг и над «лексиконом»: «А на Симоновом подворье, где он, митрополит, жил, хоромы и сад и погреб и всякое строение, по его, великого государя, указу, приказано беречь Посолского приказу переводчику Николаю Спотариюсу, а жить ему, Николаю, в его митрополичьих хоромех и переводить греческие и латинские книги и писать греческий и словенский и латинский лексикон» (память из Посольского приказа в Монастырский приказ от 30 мая 1672 г.)⁴. Это распоряжение, по мнению Никитича, подтверждает его гипотезу о том, что обнаруженная рукопись является трудом Николая Спафария, который, приехав в Москву, начал работу над составлением необходимого ему для работы словаря.

Нельзя, однако, не заметить, что речь в этом и других документах идёт не о греко-славяно-румыно-латинском словаре, а лишь о «греческом и словенском и латинском лексиконе». И это не случайно, ведь, подготовив в Москве латинский словарь («Лексикон словено-латинский»), киевские учёные старцы Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский в 1664–1676 гг. были заняты работой над «Книгой Лек-

сикон греко-славено-латинский»⁵. Таким образом, составление этого нового лексикона шло как раз тогда, когда в «хоромах» Лигарида поселился Николай Спафарий, которого подключают и к переводу книг, и к написанию греко-славяно-латинского лексикона, занимавшего в тот момент все «филологические кадры» русской столицы. В отличие от греческо-румынского словаря, такой словарь действительно был очень нужен в Москве для работы переводчиков и книжных справщиков. Видимо, важные наблюдения относительно назначения киевского «словаря Николая Спафария» можно будет сделать при дальнейшем исследовании вошедшей в него лексики, попытавшись ответить на вопросы о том, что могло послужить моделью для его составителя, и для кого такой словарь предназначался. Исследовавший рукопись Е.К. Чернухин в каталоге киевских греческих рукописей и документов датировал словарь первой половиной XVIII в., отметив, что переплёт должен быть отнесён к более позднему времени – после 1789 г. (поскольку для изготовления форзаца была использована бумага с этой датой).

Попытку выяснить датировку и предназначение словаря сделала Валентина Пелин, приведя ряд аргументов в пользу более поздней датировки киевской рукописи⁶. В её пользу, с точки зрения кишинёвской исследовательницы, свидетельствуют прежде всего филигранные бумаги манускрипта, которые она отнесла к 1790-м гг.⁷ Прочитанное Пелин на одном из листов имя Enachi Buzilă позволило сблизить словарь с рукописью перевода «Истории» Геродота, хранящейся в Библиотеке Академии Румынии (BAR, ms rom. 3499). В этом манускрипте, датированном 1816 г., названо имя логофета Ianachi Buzilă, который мог быть заказчиком перевода, выполненного ранее (1746 г.)⁸.

Сделанные наблюдения позволили Пелин, во-первых, предположить, что словарь следует датировать, скорее всего, концом XVIII в., а во-вторых, высказать гипотезу о его возможной связи с переводческой деятельностью в Нямецком монастыре. Отметим: как предполагали исследователи, из этого монастыря про-

исходит датируемый 1796 г. греко-румынский лексикон из Библиотеки Академии Румынии, содержащий около 9 тыс. слов⁹. Гипотезы Пелин о возможной связи киевской рукописи с таким важным центром переводческой деятельности, как Няц, а также о более позднем составлении рукописного словаря (в том числе и исходя из особенностей почерка) представляются весьма основательными. Не исключено, что составители словаря могли также быть продолжателями дела сучавского митрополита Досифея (1624(?)–1694), занимавшегося переводами с греческого, в том числе и богослужебной литературы¹⁰.

Не вполне убедительной кажется и предложенная Никитичем реконструкция судьбы самой рукописи, которую, по его мнению, после смерти Николая Спафария вывезли из России его родственники. О пребывании манускрипта в Молдавии свидетельствуют имеющиеся в нём поздние румынские пометы. Из записи же на одном из защитных листов, сделанной на русском языке, известно, что в 1823 г. словарь находился у Георгия Александровича Гурцова. Гурцов (1778–1858), серб по происхождению, в Российской империи стал организатором учебных заведений для глухих. В Санкт-Петербург он приехал из Бухареста и уже в 1822 г. начал преподавательскую деятельность¹¹. Не исключено, что именно в Валахии этот интересовавшийся филологией и методами обучения языкам человек мог приобрести словарь, на котором, уже находясь в Санкт-Петербурге, сделал свою владельческую надпись.

Скорее всего, именно от Гурцова, приглашённого в Одессу кн. Е.К. Воронцовой (супругой генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии кн. М.С. Воронцова) для руководства открывшейся там в 1843 г. школой для глухих, рукопись и поступила в Одесское общество истории и древностей. Этот путь представляется куда более вероятным, чем предложенный Никитичем – обнаружение рукописи в Бессарабии в процессе собирания информации об исторических памятниках по указанию губернатора Бессарабии через ассессора Управления полиции Одессы П.М. Шумского и его пасынка, бессарабского археолога и историка Иона Кассиана Суручану (1851–

1897)¹². Никитич предположил, что словарь мог поступить в фонд Одесского общества истории и древностей после кончины Суручану, поскольку из организованного этим известным историком кишинёвского музея экспонаты разошлись по разным коллекциям, попав в том числе и в Одессу¹³. Однако ничто не позволяет связать судьбу рукописи словаря именно с Суручану, а тем более объяснить, каким образом она могла перейти к нему от Гурцова после 1823 г.

Значение памятника, обнаруженного Никитичем, для истории лексикографии невозможно переоценить. Первые немногочисленные греко-румынские глоссарии были очень невелики по объёму, и лишь в XIX столетии появляются настоящие греческо-румынские словари¹⁴. Таким образом, киевская рукопись, изданная А.Н. Никитичем, предоставляет филологам и лингвистам для исследования и сопоставления обширнейший материал, позволяющий проследить эволюцию разных аспектов работы румынских лексикографов раннего Нового времени. К сожалению, сделанная транскрипция греческого текста словаря страдает многочисленными ошибками и опечатками, количество которых просто не позволяет предложить их поправки в рецензии: изданный текст нуждается в существенном исправлении, а также в дальнейшем исследовании для выявления источников словника. Нет сомнения, однако, в том, что введённый А.Н. Никитичем в научный оборот важнейший памятник станет основой для дальнейшего изучения языковой ситуации в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Примечания

¹ Фонд поступил на сохранение в библиотеку после того, как был вывезен во время Второй мировой войны в Румынию, а впоследствии возвращён уже не в Одессу, а в Киев: *Березин С.Е., Избаиш-Гоцкан Т.А.* Фонды Одесского общества истории и древностей в архивных собраниях: к вопросу о перспективах дальнейшей разработки материала // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник материалов и исследований в память В.Н. Станко. Вып. 2. Одесса, 2012. С. 584. Подробное описание рукописи: *Чернухін Є.К.* Грець-

кі рукописи у зібраннях Києва. Каталог. Київ; Вашингтон, 2000. С. 116–117.

² *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 155; *Белоброва О.А.* Долгов (Долгово) Пётр Васильевич // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. СПб., 1992. С. 276.

³ См., например, публикации автографов Николая Спафария: *Mihail Z. Nicolae le Spathaire Milesco à travers ses manuscrits*. București, 2009. P. 32–39, 158; *Фонкич Б.Л.* Новый автограф Николая Спафария // *Россия и Христианский Восток*. Вып. IV–V. М., 2015. С. 290–300.

⁴ РГАДА, ф. 52, оп. 1, д.1 (1673 г.), л. 21; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1857. № 54. С. 216–217; *Тимошина Л.А.* Газский митрополит Паисий Лигарид: о некоторых датах и событиях // *Каптеревские чтения*. Вып. 10. М., 2012. С. 126–127.

⁵ *Панченко А.М.* Епифаний Славинецкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. Ч. 1. С. 312.

⁶ *Pelin V.* Aprecieri despre doua manuscrite de la Kiev. Fictiune și realitate // *Cugetul. Revistă de istorie și cultură*. 2005. № 1(25). P. 6–14.

⁷ Филигрань отождествлена В. Пелин по альбому: *Eineder G.* The ancient paper-mills of the former Austro-Hungarian Empire and their watermarks. Hilversum, 1960. № 1864. P. 42, 145. См.: *Pelin V.* Op. cit. P. 7. За указание на эту важную работу по истории рукописи сердечно благодарю Влада Мискевка (Кишинёв). Нельзя не отметить, что указанную А.Н. Никитичем филигрань киевской рукописи «три шляпы» (tre sarpelli) с контрамаркой «трилистник с литерами PL» (к сожалению, в публикации нет фотопроизведения филиграней) практически невозможно встретить среди рукописных ма-

териалов того времени московского происхождения. Более подробно филигранные рукописи описаны в каталоге Е.К. Чернухина. Исследователем приведены сходные водяные знаки по различным альбомам, в том числе для тех водяных знаков киевской рукописи, которые не указаны в исследованиях В. Пелин и А.Н. Никитича. См.: *Чернухин Е.К.* Указ. соч. С. 117. Стоит обратить внимание также на то, что датировка Пелин очень близка ко времени, когда, в соответствии с указанием Чернухина, был изготовлен переплёт рукописи.

⁸ *Pelin V.* Op. cit. P. 15, not. 2. Относительно времени создания этого перевода и его авторства в современной историографии существуют разные мнения. Высказывались и предположения, что переводчиком Геродота мог быть Николай Спафарий. О рукописи см.: *Mihail Z.* L'œuvre manuscrite de Nicolae le Spathaire Milesco transmise sans l'autographe de l'auteur // *Impact de l'imprimerie et rayonnement intellectuel des Pays Roumains*. București, 2009. P. 106–107.

⁹ *Seche M.* Schița de istorie a lexicografiei române. Vol. 1: De origini pînă la 1880. București, 1966. P. 20.

¹⁰ *Белоброва О.В.* Досифей (Дософтей) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. Ч. 1. С. 279–280.

¹¹ См.: *Басова А.Г., Егоров С.Ф.* История сурдопедагогики. М., 1984. С. 117–118, 122–124.

¹² *Colesnic I.* Basarabia necunoscută. Chișinău, 1993. Vol. 1. P. 126–128.

¹³ Предположение о возможной передаче рукописи словаря Одесскому обществу истории и древностей из библиотеки семьи Суручану было сделано и В. Пелин: *Pelin V.* Op. cit. P. 15.

¹⁴ *Seche M.* Op. cit. Vol. 1. P. 11, 15–16, 20, 58–61.

Рец. на: А.В. Беляков. Писцовая книга мордовских сёл Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2013. С. 154–210; Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. Сост. М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань, 2015. 220 с.

Veronika Beliaeva, Aleksey Morokhin
(both – Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Belyakov. Pistoivaia kniga mordovskikh sei 138-go (1629/30) goda // Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva. Vol. 5. Kazan', 2013. P. 154–210; Pripravochnyi spisok s dozornoj knigi goroda Temnikova i Temnikovskogo uezda 1613/14 g. Kazan', 2015

Писцовые материалы Мещерского края XVII в. нечасто обращают на себя внимание исследователей, в связи с чем публикации приправочного списка с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда за 1613/14 г. и писцовой книги мордовских сёл Кадомского уезда 1629/30 г., хранящихся в фонде Поместного приказа РГАДА, приобретают особую ценность. Один из составителей публикаций, А.В. Беляков, справедливо отметил необходимость издания этих материалов в связи с возникновением «определённых сложностей с восстановлением исторических реалий этого (XVII в. – *В.Б., А.М.*) и предшествующего периодов. Что приводит подчас к серьёзным историческим заблуждениям, основанным почти исключительно на предположениях или неоправданных экстраполяциях»¹.

«Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г.» уже обращал на себя внимание исследователей², однако так и не был опубликован полностью. Восполнить этот пробел позволяет публикация М.М. Акчурина и А.В. Белякова. Текст источника предваряется вводной статьёй, где авторы дают подробную историю заселения региона в XIV–XVII вв. Источник даёт в распоряжение учёных сведения о неоднородном этническом составе Темниковского уезда, где проживали служилые татары, мордва и православное население. Публикаторы выделяют также «некое не православное

зависимое население, проживавшее за служилыми татарами», «пленных немцев (холопов), живших за служилыми татарами и мордвой» (с. 13). Во введении уделяется внимание процессу формирования административно-территориального деления обширной территории – Мещеры. Авторы показывают взаимосвязь её частей; особое внимание уделено территории Темниковского уезда. Однако читателю, незнакомому с географией региона, сложно оценить масштаб описываемых процессов. Восприятие информации значительно бы облегчилось наличие карты.

При подготовке издания авторами проработан значительный пласт как научных исследований, так и публикаций источников более раннего времени. Поэтому работа представляет интерес и как историографический обзор. Авторы позиционируют её как часть начатого в конце XIX в. и ещё не завершённого коллективного научного труда по публикации комплекса писцовых материалов Мещерской земли (с. 13). Достоинством публикации является наличие именного и географического указателей. Именной указатель содержит информацию о принадлежности того или иного лица к социальной группе (князь, мурза, служилый татарин, крестьян, бобыль и т.д.), профессиональных занятиях (площадной дьяк, пушкарь); указываются и отдельные факты биографий, выявленные авторами публикации.

Подробная источниковедческая характеристика источника представляется весьма уместной, ведь специфика публикуемого текста в том, что подлинник дозорной книги не выявлен. Вероятнее всего, он погиб во время московского пожара 1626 г. Публикуемый же текст представляет собой приправочный список середины XVII в., изготовленный при проведении Василием Шетневым писцового описания региона. Приправочные списки зачастую являли собой сокращённое изложение текста подлинника; информация, утратившая актуальность, в них не переносилась. Возможно, в приправочный список не включили сведения о пустых дворах (указано лишь их общее количество). Нет также информации, традиционно присутствующей в дозорных книгах, — имён владельцев и причин запустения земель. В списке отсутствует и описание Пушкарской слободы, существовавшей и описанной в момент дозора 1613/14 г.

Текст писцовой книги мордовских сёл Кадомского уезда ранее не публиковался. В действительности в одном переплёте собрано четыре источника: Дозорная книга мордовских сёл Кадомского уезда 1614 г.; Книга оброчная бортничья Кадомского уезда 1614 г.; Книга мордовским оброчным вотчинам, бортным ужожеям 1614 г.; Книга новоприбылым мордовским дворам Кадомского уезда 1629 г.

В вводной части публикации присутствует обстоятельный анализ каждой части текста. Ценность публикуемого источника заключается в возможности комплексного рассмотрения социально-экономических процессов на протяжении 15 лет. Изданные материалы содержат сведения об участии местных жителей в событиях Смуты, в частности, о запустении земель в связи с истреблением населения в ходе гражданской войны: «В Кадомском же уезде мордовские пустые деревни по выпросу татар и мордвы... запустели в лихолетье. А мордва тех деревень померли и в межусобье побиты, а иные розошлись безвестно» (с. 179, 181, 183, 185). Приводятся и имена погибших в годы Смуты. Например, Богдашко Кочеев, Савка Мукчаев, Нороватко Бражник, Лапша Вачаев, Куашко Соксеватов «побиты все в Смутное вре-

мя под Нижним и под Шатцким»; Москай Четаев «убит на Алатаре», Калдян Мышутин погиб «на службе под Болховым», Булат Тотаралин «убит под Колугою» (с. 169, 174, 175, 176). Ярко показано воздействие на Кадомский уезд трагических событий начала XVII в. Писцовая книга отмечает не только полностью сожжённые в ходе Смуты населённые пункты, отстраивающиеся заново (с. 164, 165), но и полностью заброшенные деревни. Присутствуют данные и об общем сокращении населения и пашни. Безусловный интерес содержат сведения об участии кадомской мордвы в вооружённых конфликтах XVI в., информация о христианизации финно-угров — явлении, которое в начале XVII в. не носило ещё массового характера (с. 198).

Публикация источника сопровождается именованным указателем и таблицами, которые облегчают восприятие общей информации о численности населения, описанной территории, объёме земельных владений и размерах налогообложения. Можно порекомендовать раскрыть отдельные термины, неоднократно встречающиеся в тексте, например, «липяга», «слившики», а также снабдить публикацию картой.

В целом представленные публикации можно считать удачными изданиями, позволяющими восполнить пробелы в картине развития региона Мешеры конца XVI — начала XVII в. Опубликованные источники содержат ценные сведения по истории Кадомского и Темниковского уездов начала XVII в., позволяющие расширить представления исследователей не только об этническом и конфессиональном составе населения, но и о формировании земле-владения в этих регионах.

Примечания

¹ *Беляков А.В.* Писцовая книга мордовских сёл Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 154.

² *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Материалы для истории, статистики и археологии Темникова и его уезда XVII и XVIII столетий (Темниковская десятина). Тамбов, 1890; *Тейро Э.* Дозорная книга Темниковского уезда 1613/1614 года: Опыт изучения // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 78–97.

Рец. на: Т.В. Юденкова. Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. М.: Буксмарт, 2015. 527 с.

Galina Ulianova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: T.V. Yudenkova. Tretyakovy: mirovozzrencheskie aspekty kollektсионирования во второй половине XIX века. Moscow, 2015

В последнее двадцатилетие увидело свет немало книг, посвящённых вкладу отечественных предпринимателей в развитие общественной художественной жизни России, и прежде всего в коллекционирование¹. Был проведён ряд содержательных научных форумов по этой проблеме, в том числе конференция «Павел Третьяков. Предшественники и последователи»². Обобщение целого этапа в историографии нашло отражение в очерке М.Л. Гавлина «Меценатство и благотворительность» в «Очерках русской культуры. Конец XIX – начало XX в.», изданных МГУ в 2011 г.³

Однако связанные с данной проблемой книги очень различаются по представленным в них концепциям и содержанию. На мой взгляд, лучшим среди таких сочинений является недавно опубликованная монография видного историка русского искусства, доктора искусствоведения Татьяны Витальевны Юденковой. Ей удалось соединить в повествовании широкую фактографическую канву, сотканную на основе скрупулёзного изучения архивных материалов, прежде всего личных фондов семьи Третьяковых, и теоретическое осмысление самого явления русского собирательства, его обусловленности развитием идеи национально-государственного самосознания в пореформенной России.

Книга предназначена для широкого круга читателей, поскольку автор не только оперирует фактами в сфере искусствоведческого анализа, но и решает задачу описания и анализа жизни и деятельности крупнейших русских коллекционеров Третьяковых. Всё это ставит работу Юденковой в разряд исследований, написанных в «жанре» социальной и культурной истории.

Труд Татьяны Витальевны посвящён академически важной и общественно актуальной теме – зарождению и развитию коллек-

ционирования произведений русского национального искусства, наивысшим проявлением которого стало создание в Москве во второй половине XIX в. общедоступной Третьяковской галереи. Если созданию собственноручно коллекции истории искусства уделяли пристальное внимание в предыдущие сто лет академических штудий, то вопрос о том, как, почему и зачем богатейшие фабриканты-льнопромышленники Третьяковы потратили колоссальные средства на коллекцию, ограничивался общими рассуждениями, не подкреплёнными обращением к эпистолярному наследию и осмыслением биографий коллекционеров в контексте общественного развития страны.

Юденкова убедительно обосновала свой выбор – изучить именно мировоззренческие аспекты коллекционирования, позволяющие понять идейную и эстетическую мотивацию формирования собрания на протяжении длительного 40-летнего периода. Следует особо отметить, что научному осмыслению Юденковой эволюции воззрений героев исследования – братьев Третьяковых – предшествовала её 30-летняя практическая деятельность в Третьяковской галерее. Досконально изучив коллекцию, используя микроисторические подходы, автор сумела реконструировать ход приобретения и период бытования коллекции, опубликовала по этой проблематике десятки научных статей и высоко оценённую специалистами книгу о С.М. Третьякове⁴.

В конечном счёте, автор стремилась дать ответ на вопрос, как одержимость при создании музея национального искусства, призванного «осуществлять эстетическое воспитание публики», сопрягалась с комплексом идей, который лежал в основе общепольной деятельности братьев Третьяковых, и шире – в устремлениях времени в целом.

Рецензируемое издание основано на материалах более чем 15 архивов и музейных рукописных собраний (включая ОПИ ГИМ, РГАЛИ, ЦГА г. Москвы и др.). Обращение к первоисточнику помогло Юденковой проанализировать поэтапное становление коллекций Третьяковых, изучить взаимосвязь данного процесса и событийной канвы предпринимательской, благотворительной, общественной деятельности и эволюции взглядов этих выдающихся людей. Надо отдать должное научному и литературному мастерству Татьяны Витальевны – выявленный ею массив источников практически полностью систематизирован.

Структура книги логична и сбалансирована: введение, три части (в составе девяти глав) и заключение. Первая и вторая части посвящены братьям Третьяковым – соответственно Павлу Михайловичу (1832–1898) и Сергею Михайловичу (1834–1892). Часть третья озаглавлена «Славянофильский взгляд: между консерватизмом и либерализмом. К вопросу о мировоззрении братьев П.М. и С.М. Третьяковых».

Первая часть «История художественного коллекционирования П.М. Третьякова: от частного закрытого художественного собрания к общедоступному национальному музею» включает пять глав, где подробно проанализирован жизненный путь Павла Михайловича. Пожалуй, впервые в историографии фигура коллекционера представлена в гражданском измерении его деятельности, учтены столь важные компоненты формирования его личности, как включённость в круг просвещённого купечества в юности, экономическая и юридическая продуманность тактики пополнения коллекции в зрелости, возобладание профессиональных качеств эксперта в сфере искусства в поздние годы.

В трёх первых главах Юденкова выделила следующие этапы деятельности Павла Михайловича: начальный (вторая половина 1950-х – начало 1860-х гг.), становление коллекции (середина 1860-х – 1870-е гг.), её «зрелость», характеризующаяся осмыслением национального начала и выверенной собирательской политикой коллекционера (конец 1870-х – 1892 гг.). В отдельной главе рассказано об участии П.М. Третьякова в художественной жизни России в 1890-х гг., о пополнении галереи и концепциях её экспозиции. При

этом автор доказала, что эволюция роли коллекционера и статуса его собрания в художественной жизни Москвы была внутренне обусловлена, поскольку на каждом этапе происходили изменения, во-первых, «в сознании собирателя», во-вторых, «в восприятии общест­венности».

Новаторский характер имеет глава, повествующая о роли П.М. Третьякова на художественном рынке. Автор отмечает, что «собиратель был в курсе всего происходящего на художественном небосклоне Петербурга, Москвы, знал, что творится в мастерских живописцев русской колонии в Европе. Он имел огромную сеть корреспондентов, являлся членом всех ведущих художественных обществ, устраивавших выставки, конкурсы, лотереи как с целью поддержки художников, так и ради воспитания эстетического вкуса публики... Павел Михайлович состоял в деловых и приятельских отношениях с чиновниками от искусства» (с. 213). Юденкова о­вещает не только эстетические, но и экономические аспекты коллекционирования, в том числе ценообразование на художественном рынке. В связи с этим весьма важным является её замечание о том, что «Третьяков реагировал болезненно, остро и категорично, когда его называли богатым кушом», считая, что «цены на полотна определяются не стихией рынка и не случайными обстоятельствами, а взаимным согласием художника и собирателя» (с. 216, 218).

Особое значение приобретает вывод автора: «Практика превращения произведений искусства в коммерческий товар отечественным предпринимателям казалась чем-то диким и чуждым самой природе коллекционирования, цель которого они видели в осуществлении благотворительных задач внутри страны: в просвещении публики, создании музеев, художественных школ... Путь коммерциализации искусства не вызывал уважения у русского человека, для которого искусство было возведено в ранг “святыни”. Художники, жившие в России, требовали от себя и своих товарищей, близких по духу, честного отношения к делу и, конечно, мастерства, в их среде не поощрялось “рвачество”, “срывание кушей”, “ловкачество”. С великим огорчением наиболее преданные искусству констатировали превращение денег “в идеал для всех и вся»» (с. 212).

Большой заслугой исследовательницы является уточнение количественных и качественных параметров коллекции на разных этапах её существования. В книге показано, как в процессе создания музея личные связи Павла Михайловича (пример старших коллекционеров, прежде всего В.П. Боткина и К.Т. Солдатёнка) и его литературный вкус (увлечение творчеством Ф.М. Достоевского) влияли на принципы, художественные предпочтения и жанровые пристрастия при создании музея.

Юденковой, мастерски владеющей пером и обладающей чувством точности дефиниций, с помощью собранных в течение многих лет фактов удалось доказать, что поведение Третьякова определялось глубиной его христианского чувства и «духовно-нравственной доминантой» (с. 182).

Реконструируя его биографию, автор показала, насколько велик был общественный резонанс деятельности этой личности: «Реализованная Третьяковым идея преобразования частной коллекции в общедоступный музей стала активно овладевать сознанием русского общества. Его пример оказал влияние на художественную жизнь многих городов России, где купечество играло видную роль в общественной жизни. Так, в 1890-е годы открылись музеи в Казани (1895), Нижнем Новгороде (1896), Самаре (1897), Пензе (1898) и т.д. Не одно поколение коллекционеров России имело в виду Павла Третьякова в качестве высокого и неременного образца для подражания» (с. 265).

Вторая часть книги «История художественного коллекционирования С.М. Третьякова» — о роли, которую сыграл младший из основателей Третьяковской галереи. В изучении личности Сергея Михайловича Юденкова является общепризнанным специалистом, фактически возвратившим истории имя этого выдающегося общественного и культурного деятеля. Две главы посвящены процессу коллекционирования С.М. Третьяковым произведений западноевропейских художников и мастеров русской живописи и скульптуры. Этот раздел, реконструирующий биографию С.М. Третьякова-коллекционера, представляет значительный интерес. Сергей Михайлович — крупный предприниматель и общественный деятель, московский городской голова в 1877–1881 гг. — был выдающимся московским коллекционером

западной живописи. Но в отличие от коллекции старшего брата, сразу приобретшей музейное значение, его коллекция, как отмечает Т.В. Юденкова, была скорее закрытым частным собранием, впрочем доступным для осмотра знатокам, художникам, ученикам-живописцам.

Увлечённость С.М. Третьякова западной, прежде всего французской, живописью была обусловлена тем, что в начале 1860-х гг. с коммерческими целями он регулярно ездил в Париж, где, с радостью погружаясь в художественную жизнь, полюбил французское искусство, интерес к которому в России «особенно возрос после Всемирной выставки 1867 года» (с. 309). Представляется важным наблюдение исследовательницы: «Общаясь с русскими художниками, жившими в Париже, С.М. Третьяков не мог не знать, что во французском обществе в течение нескольких десятилетий критики и историки искусства вели большую работу, внедряя в общественное сознание идею спасительной роли пейзажа» (с. 311).

Поэтому для Сергея Михайловича важной мотивацией для создания коллекции стали забота о будущем российской живописи и желание «привлечь внимание отечественных живописцев к новому направлению бытописательства, которое сочетало интерес к этнографии с романтическими фантазиями» (с. 333). Замечу, что новаторским для историографов является раздел книги «Лаборатория коллекционера». Здесь, основываясь на анализе переписки и счетов от парижских маршанов, автор раскрывает «практику» художественного рынка XIX столетия и показывает, что выбор картин С.М. Третьяковым свидетельствовал о его исключительной разборчивости и тонком художественном вкусе, а «тезис о непрофессиональном и коммерческом характере коллекции не выдерживает критики» (с. 369). В монографии всесторонне обрисовано, как «оба брата в своей деятельности следовали высоким гражданским и патриотическим устремлениям с молодых лет, создавая музей национального искусства, который мыслили завещать Москве», а «коммерческие цели были исключены сразу и навсегда» (с. 411).

Третья часть книги «Славянофильский взгляд: между консерватизмом и либерализмом. К вопросу о мировоззрении братьев П.М. и С.М. Третьяковых» заслуживает

особого внимания. Пожалуй, редко встретишь в научной литературе столь глубокий, покоящийся на фактах разбор «русскости» братьев Третьяковых в воззрениях, образе жизни, эстетических предпочтениях, включая выбор их архитектурного стиля, манеры одеваться, круга чтения и общения. Хотя о московском купечестве в последние 25 лет писали немало, но объяснений идейного тяготения представителей московского образованного купечества к славянофилам в научной литературе мы практически не найдём. Татьяна Витальевна доказывает, что общими целями её героев и славянофилов аксаковско-го типа было стремление к просвещению общества, экономическому росту страны, в конечном счёте, к процветанию Отечества.

Весьма интересным для читателя станет написанный с большим чувством и тактом раздел «Православная составляющая мировоззрения семьи П.М. и С.М. Третьяковых» (с. 424–434). Здесь подробно представлены генеалогия династии, характеры родителей братьев-коллекционеров, условия их воспитания (обучение наукам, музыке и иностранным языкам), показано влияние религиозных принципов на формирование в них трудолюбия, верности слову, чувства ответственности перед семьёй и деловыми партнёрами. Юденкова отмечает, что братья Третьяковы были москвичами в четвёртом поколении (в 1774 г. их дед Елисей переселился в Москву из города Малоярославца Калужской губ.).

Как историк купечества я бы подчеркнул и трагическое жизненное обстоятельство – скоропостижную смерть отца, на момент которой Павлу было 17 лет, а Сергею 16, – которое сформировало ценимые современниками черты личностей братьев: образованность, привычку к труду и систематичность в достижении поставленных ими целей. Например, приведённая автором фраза из письма П.М. Третьякова, написанного дочери Александре в 1893 г., ярко характеризует как самого коллекционера, так и его взгляды на свою миссию: «Нажитое от общества должно вернуться обществу» (с. 429).

Выдвигая ряд аргументированных тезисов, Юденкова справедливо полагает, что на личностное формирование Третьяковых влияли: культурно-эстетический контекст Москвы; тяготение к славянофильской доктрине (при абсолютном отсутствии нацио-

налистических настроений); «житейский» консерватизм и стремление к «устроению общественного блага». Автор подчёркивает, что «дисциплинированные, законопослушные, религиозные, занимаясь благотворительностью, они [Третьяковы] демонстрировали гражданственность позиций, возникающие трудности с властями, касающиеся, прежде всего, их торгового дела, решали путём переговоров, прибегая к протекции высших чиновников» (с. 451). Представляется важнейшим её вывод о том, что для братьев Третьяковых «приобретение картин не было... ни способом вложения капитала, ни средством преодоления “статусной второсортности”, как порой воспринимают купеческую благотворительность, ни тем более способом удовлетворения личных амбиций или коллекционерской страсти, но осмысливалось как дело жизни, необходимое русскому обществу» (с. 421).

Отличительной чертой труда Т.В. Юденковой является соблюдение баланса между презентацией основных теоретических положений и представлением наиболее интересных фактов. Обилие ранее не исследованных архивных документов и сотни хорошо подобранных цветных и чёрно-белых иллюстраций делают чтение книги познавательным и увлекательным как для искушённых специалистов, так и для впервые обращающихся к данной теме.

Примечания

¹ *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992; *Земская А., Семёнова Н. У* Шукина на Знаменке... М., 1993; *Гавлин М.Л.* Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996; *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы. М., 1997; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Морозова Т.П., Поткина И.В.* Савва Морозов. М., 1998; и др.

² Павел Третьяков. Предшественники и последователи: частное и музейное коллекционирование XVIII – начала XX века. Сборник материалов международной научной конференции, приуроченной к 180-летию со дня рождения П.М. Третьякова. М., 2014.

³ *Гавлин М.Л.* Меценатство и благотворительность // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. М., 2011. С. 605–708.

⁴ *Юденкова Т.М.* Другой Третьяков: судьба коллекции одного из основателей Третьяковской галереи. М., 2012.

Сергей Кондратьев

Рец. на: P. Dukes. A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era. London: Bloomsbury Academic, 2015. 249 p.*

*Sergey Kondratiev
(Tyumen State University, Russia)*

Rec. ad op.: P. Dukes. A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era. London: Bloomsbury Academic, 2015. 249 p.

Как известно, англоязычная руссика практически необъятна. Русские и славянские центры, созданные в США, Великобритании и других странах, ежегодно издают десятки исследований о России на английском языке. Уже написано немало книг по отдельным регионам, в частности по Сибири и Дальнему Востоку¹. Но и в этой обширной литературе существуют лакуны.

Долгое время англоязычные русисты обходили стороной Урал, пока шотландский профессор Пол Дьюкс, преподающий в университете Абердина, не взялся исправить эту несправедливость. Сравнение Урала с тиглем использовано им не случайно. Выбранная метафора призвана, с одной стороны, акцентировать внимание на взаимосвязанном соучастии различных народов и носителей инаковых конфессий и культур, которые взаимодействовали и «сплавлялись» в ходе освоения огромных пространств, а с другой – отразить значение природных ресурсов и промышленности края в ходе общероссийского и регионального модернизационного проекта. При работе над монографией, охватывающей 500-летнюю историю Урала, автор опирался на материалы источников и многочисленные работы местных исследователей, с которыми он имеет длительные и устойчивые связи. Дьюкс трижды (в 2007, 2009, 2011 гг.) принимал участие в проходивших в Екатеринбурге конференциях, где обсуждалась судьба Урала в контексте российской модернизации.

Урал, по Дьюксу, не ограничивается пределами сегодняшнего Уральского федерального округа или Уральским хребтом,

разделяющим Европу и Азию. Пространственно монография охватывает территорию в 3 тыс. кв. км (от оренбургских и башкирских степей, расположенных на западе, до Западной Сибири и Зауралья – на востоке и от Обской губы – на севере до Казахстана – на юге), обеспеченную разнообразными природными ресурсами – пушниной, лесом, железом, медью, золотом, платиной, нефтью, газом и др. Богатства края, всегда привлекавшие переселенцев, обеспечили хорошие стартовые условия для его развития.

Автор стремится показать ключевое значение Урала в истории России и обозначить причины его отставания от аналогичных индустриальных регионов Британии и США. Дьюкс рисует сложное полотно, где нашлось место экономике, социальным изменениям, миграциям, демографии, административному устройству, управлению, конфессиям и тектоническим культурным сдвигам.

Монография состоит из восьми глав, каждая из которых характеризует определённый период в истории Урала. Автор полагает, что между серединой XVI в. и началом XVIII в., когда Россия переживала опричнину, Смуту, воевала с Польшей и Литвой, переселение на Урал носило характер «неофициального проникновения», в ходе которого «фронтирная» линия с помощью привлечённых казаков (Ермак и др.) отодвигалась на восток. Учреждение в 1637 г. Сибирского приказа, появление уездов, воевод не могли значительно усилить контроль государства над новыми территориями. Именно расположенные в городах отряды казаков

* История Урала: российский тигель от начала империи до постсоветского времени. Лондон: Блумзбери Академик, 2015. 249 с.

и стрельцов долгое время обеспечивали контроль и «сбор 10% поступлений в государственный бюджет с этой дикой периферии». И хотя население Урала и Сибири росло, а территория покрывалась городами и монастырями, «вплоть до конца XVII в. преобладало осознание, что Западная Сибирь остаётся отдалённым регионом, который отделён от центра Московии Уральскими горами» (р. 20). Европейские свидетельства для этих первых 100 лет освоения Западной Сибири и Урала являются наиболее репрезентативными, поэтому автор подробно характеризует первые западные описания Урала и Сибири, в частности знаменитую карту голландца Николаса Витсена (1687) и его книгу «Северная и Восточная Татария» (1692).

Кардинальные перемены в истории Урала наступили в эпоху Петра I, стремившегося преодолеть технологическое и научное отставание от Европы и сделать Россию важным участником европейских процессов. В 1696 г. в Москве получили образцы выплавленного на Урале высококачественного железа, и судьба региона, «важнейшего с точки зрения индустриализации», была решена. Демидовы начали строить заводы, а в 1716 г. Россия уже впервые экспортировала железо в Британию. На Урал, ставший базисной точкой железнорудного производства, выплавки меди и бронзы, из центра отправили значительное число мастеровых. Там был основан город Екатеринбург и появилось светское образование. По поручению государя немецкий естествоиспытатель Даниель Мессершмидт описал регион и сделал его картографирование. По мнению Дьюкса, в XVIII в. Британская (морская) и Российская (материковая) империи находились на подъёме, который для последней обеспечивал именно Урал.

Наступил золотой век в истории Урала: перестав быть российским захолустьем, он полностью интегрировался в состав империи. Благодаря этому краю Россия производила и экспортировала больше, чем любая другая страна мира. В середине XVIII в. на 17 государственных и 116 частных предприятиях региона производилось 1,5 млн т железа и 50 тыс. пудов меди. Ресурсы от продажи металлов, пополнявшие казну, позволили империи проводить эффективную внешнюю политику, выйти к южным

тёплым морям, расширить границы державы и развить территории Урала – в результате улучшилось хозяйство его городов и местная культура. Автор, правда, не стремится преувеличивать успехи, подчёркивая, что только 1% уральских крестьян в начале XIX в. знал грамоту. В монографии особо отмечены преобразовательная деятельность В.И. Геннина и В.Н. Татищева, оценены исследования Г.Е. Миллера, Ж.Г. Гмелина, Ж.Н. Лисли, Т. Конигфельса, П.С. Палласа, описаны волнения среди автохтонного населения, восстание Е. Пугачёва и трагическая судьба старообрядцев (р. 24–43).

Однако в XVIII в. началась промышленная революция в Британии, позволившая ей отказаться от российского и шведского металла. Урал же, не реагируя на вызовы, продолжал использовать традиционную технологию выплавки металлов, основанную на древесном угле, что предопределило его отставание и затем длившуюся весь XIX в. стагнацию. Препятствием послужило сохранившееся крепостничество и отсутствие свободного рынка труда в крае. Вместе с Уралом позади своих «имперских соперников» осталась и Россия. Не суждено было сбыться надеждам как посещавшего Урал в 1827 и 1829 гг. Александра Гумбольдта, считавшего, что регион может стать русским Эльдorado, так и анонимного обозревателя, который сравнил в 1850 г. этот российский край с американской Калифорнией.

Отмена крепостного права и другие реформы 1860–1870-х гг., хотя и связали Урал железной дорогой с центром, но гораздо продуктивнее сказались в других регионах страны. Начался индустриальный и экономический подъём Кузбасса, Новороссии, Северного Кавказа, Прибалтики, черноморских территорий, которые в последней четверти XIX – начале XX в. опережали Урал по темпам роста (включая металлургию) в несколько раз. Дьюкс отмечает, что сознание необходимости интенсифицировать рост присутствовало у посещавших Урал экспортеров. В частности, в 1899 г. о важности возрождения в регионе железнорудной индустрии писал Д.И. Менделеев. Он обратил внимание на необходимость строительства транспортных путей, призванных облегчить выход империи на новые рынки, а также на более тесную интеграцию Урала и Тобольской губ., на создание свободных

институтов, привлечение частного капитала в области разработки природных ресурсов, на учреждение специализированного горно-го высшего учебного заведения и т.п. (р. 79).

Однако кризис 1901–1903 гг., затем катаклизмы Русско-японской войны, Первой русской революции и сопровождавшая их экономическая депрессия не позволили даже задуматься о реализации этой программы. Урал продолжал отставать от бурно развивавшегося юга Европейской России. Зато на Урале стала бурлить политическая жизнь: возникли отделения политических партий, профсоюзы, прокатилась волна забастовок и стачек; туда переселились более 250 тыс. крестьян из центральных областей империи.

Новая волна модернизации пришла на Урал, когда победившие после Октябрьской революции большевики приступили к реализации проекта ускоренного развития отсталой страны. Уралу было отведено в нём особое место – именно здесь начали активно строить промышленные гиганты, призванные обеспечить индустриальный прорыв. Одновременно в уральские и сибирские лагеря отправляли и ссылали массы людей, принудительно используемых на различных ударных стройках. В регионе только спецпереселенцев трудилось более полумиллиона.

По замыслу И.В. Сталина Уралу предназначалось стать вторым после Украины промышленным центром, где, кроме добычи руд и выплавки металлов, должны были появиться машиностроение, химическая индустрия и электроэнергетика. Действительно, в предвоенное десятилетие построили 400 предприятий, оборудование для которых покупали за рубежом.

Особое место в монографии уделено строительству Магнитогорска и расположенного на его территории металлургического комбината. Именно тогда на Урале приступили к созданию военно-промышленного комплекса и возникли первые экологические проблемы в связи с загрязнением окружающей среды. Автор отмечает вклад тысяч западных специалистов в сталинскую индустриализацию – они проектировали предприятия, монтировали оборудование, обучали инженеров и рабочих. В результате ускоренной модернизации произошла быстрая урбанизация региона

и значительно ухудшились условия жизни горожан, многие из которых ютились в бараках. Дьюкс не забывает о цене индустриализации, касается тяжёлых последствий коллективизации и затронувших Урал репрессий. Свообразной жертвой ускоренных сталинских преобразований в крае стало сельское хозяйство, утратившее способность обеспечивать в полной мере промышленный центр продовольствием (р. 121–131).

В послевоенный период индустриальное развитие Урала продолжилось. Автор отмечает существенный (иногда многократный) рост по всем основным отраслям, включая энергетику, добычу нефти и газа. Именно в послевоенное время в регионе окончательно сформировался военно-промышленный комплекс, возникли ядерная индустрия, ракетная промышленность и закрытые города. В 1970-х гг. многие предприятия реконструировали и Урал стал производить в зависимости от номенклатуры от одной трети до половины продукции всего Советского Союза. В крае существенно выросли зарплаты и стандарты жизни, хотя они и отставали от среднероссийских. Здесь наблюдались самая высокая смертность и самая низкая рождаемость.

Шок и подлинный коллапс экономика Урала пережила во время перестройки и в 1990-х гг.: промышленная продукция сократилась на 30%, рост цен в отдельные годы достигал 2000%. Период экономического восстановления и социальной стабильности в крае пришёлся на первую декаду XXI в. Размышляя над судьбой Урала в XXI в., автор сделал следующий вывод: сегодня для Президента РФ В.В. Путина имеется два приоритета – расширенная эксплуатация природных богатств граничащей с Уралом Западной Сибири и их защита от внешних угроз. А ракетно-ядерный щит России, отмечает автор, по-прежнему «куют» на Урале, что обеспечивает его особое для страны значение (р. 196).

В заключение, сравнивая индустриальную историю американского «дикого Запада» и Урала, Дьюкс отмечает значительное отставание последнего, его более слабую заселённость, неразвитую инфраструктуру и преобладание на его территории производств, считающихся «грязными металлургическими», и тех, что связаны

с получением минерального и других видов сырья. Он, следуя Стивену Коткину², обращается к судьбе города Гэри, бывшего центра американского сталепроката, и уральской Магнитки. Первый пережил депопуляцию и деградирует, став жертвой технологий будущего, тогда как второй, по мнению Дьюкса, остаётся в России центром «грязной индустрии из прошлого» (р. 200).

Рассматривая царский и советский проекты модернизации Урала, автор отмечает их заданность и искусственность. Их запускали по инициативе власти и реализовывали принудительным трудом сначала приписанных к предприятиям крепостных, а потом спецпереселенцев и заключённых, либо,

эксплуатируя веру и наивный энтузиазм масс. Достоинством книги, несомненно, является частое обращение П. Дьюкса к редко используемым отечественными историками официальным и неофициальным записям об Урале, принадлежащим иностранным учёным и специалистам.

Примечания

¹ Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990. Cambridge, 1992; Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and The Russian Far East 1581–1991. L., 2011.

² Kotkin S. Magnetic Mountam: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

Сергей Войтиков

Рец. на: Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 791 с.

Serguey Voitikov (Central state archive of Moscow city, Russia)

Rec. ad op.: Kratkij kurs istorii VKP(b). Tekst i ego istorija. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2014

«История ВКП(б). Краткий курс» — бесспорно, одна из самых известных книг советского времени. Её создание подробно раскрывается в сборнике документов, составленном д.и.н. М.В. Зеленовым и доктором истории Д. Бранденбергером. В первую его часть вошли материалы, отражающие работу над изданием, начиная с 1931 г., а во вторую предполагается включить сам текст учебника (со всеми вариантами, которые удалось выявить¹). По мнению составителей, это позволяет точнее определить и лучше понять характер как самого «Краткого курса», так и участия в его написании секретаря и члена Политбюро ЦК ВКП(б) И.В. Сталина, с 1937 г. лично руководившего авторским коллективом. В книге восстановлены все этапы работы Сталина с текстом: от принятого по его инициативе постановления Политбюро до непосредственной правки (вставок, исправлений, подчёркиваний).

Подготовка сборника заняла около 15 лет. За эти годы Зеленов и Бранденбергер тщательно изучили обширный круг опубликованных исследований и источников, внимательно просмотрели фонды РГАСПИ (именно их дела легли в основу публикации), РГАНИ, ГА РФ, РГВА, ЦГА Москвы и Центрального архива Нижегородской области. Так, в ЦГА Москвы сохранились протоколы партийных собраний сотрудников Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ), демонстрирующие отношение историков партии к «Краткому курсу» после смерти Сталина, степень их зависимости от официальной концепции и диапазон существовавших между ними разногласий. В ЦАНО, как и в ряде других региональных архивохранилищ, в фонде областного управления по охране государственных тайн в печати (облита) находятся приказы и циркуляры начальников Главного управления по делам литературы и издательства СССР за

1930-е гг., отсутствующие в ГА РФ, где собрано делопроизводство Главлита с 1938 г. (ф. Р-9425). Между тем распоряжения о запрещении и уничтожении тех или иных книг и статей помогают проследить процесс утверждения «единственно верной» интерпретации истории партии.

«Краткий курс» впервые был опубликован на страницах «Правды», печатавшей его с 9 сентября 1938 г. Вскоре появилось и отдельное издание, а через год оно уже было переведено на языки союзных и автономных республик и ещё на 18 языков народов мира. В итоге этот текст, ставший важнейшим историческим и идеологическим произведением своего времени, если не всей советской историографии, издавался 301 раз на 67 языках, общий тираж доходил до 42 млн 816 тыс. экземпляров (с. 3). Но о том, кто является его автором, читатели могли только догадываться, поскольку на обложке указывалось лишь: «Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б)». В 1946 г. было официально объявлено, что «Краткий курс» войдёт в XV том Собрания сочинений Сталина. Тем самым авторство приписывалось именно ему (с. 3). О его авторах стали писать гораздо позднее.

Характерно, что от работы над официальной историей ВКП(б) в 1920–1930-е гг. был отстранён наиболее компетентный и осведомлённый, в силу своей давней революционной деятельности, партийный историк – Д.Б. Рязанов, первый директор ИМЭЛ, своей принципиальностью и прямолинейностью вызывавший у Сталина раздражение². История партии на какое-то время оказалась в руках Е.М. Ярославского, склонного к графомании, но занимавшего ответственные посты в Центральной контрольной комиссии (в том числе секретаря её партколлегии) и неизменно поддерживавшего Сталина в борьбе с оппозиционерами. Свои труды Ярославский считал исключительно важными и недооценёнными руководством. 4 декабря 1935 г. он писал своему старому другу Г.К. Орджоникидзе: «Когда перед отпуском ты позвонил мне, что хочешь прочесть написанную мною “Историю ВКП(б)”, я очень обрадовался. Её читают и изучают сотни тысяч, если не миллионы людей, у меня есть прекрасные отзывы о ней, огромная переписка. Но никто из

членов П[олит]б[юро] не удосужился прочесть работу от начала до конца. Когда ты сказал мне, что прочёл работу и можешь подписаться подо всем, что в ней написано, кроме одного места (о грузинских уклони-стах, что легко исправимо), я получил только ещё одно, очень авторитетное для меня, подтверждение, что мною сделана полезная работа. Я знаю, что в ней ещё есть недочёты. Трудно написать такую историю партии, которая была бы во всех отношениях (форма, содержание, стиль, объём, популярность, научность, документальность и т.п.) совершенной»³. Ярославский явно старался на пределе своих сил, но его многословный и неудобочитаемый труд совершенно не устраивал Сталина, потому как вовсе не годился для ускоренной идеологической подготовки нового поколения партийных и государственных деятелей. Вождю народов пришлось самому заняться созданием учебника и привлечь к обсуждению его глав своих ближайших помощников.

В переписке, в пометах на документах и в стенограммах, занимающих значительную часть сборника, отчётливо видны образы партийного руководства 1930-х гг.: Сталин с его склонностью к обобщениям, беспощадно исключаящий детали, по его мнению, несущественные для основной массы читателей «Краткого курса»; ответственный сотрудник агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) П.Н. Поспелов, стремящийся максимально сократить изложение фактов; Ярославский, наклеивающий ярлыки и сводящий разногласия в партии к мелочной склоке лидеров; члены Политбюро А.И. Микоян, делающий осторожные замечания по отдельным сюжетам и деталям, и Л.М. Каганович, воспринимающий любое сталинское высказывание как бесспорную истину, принимающий все тезисы, независимо от их точности, рассматривающий всякую рекомендацию как приказ, и др.

Составленный Зеленовым и Бранденбергером сборник убедительно опровергает часто встречающиеся в исторической публицистике рубежа XX–XXI вв. представления о слабой теоретической подготовке Сталина, о его поверхностном владении марксистско-ленинским учением. Конечно, будучи большевиком-«практиком», находившимся

на нелегальном положении и не вылезавшим из тюрем и ссылок, он попросту не имел возможности осваивать социал-демократическую литературу в том же объёме, как это делали Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев и другие эмигранты – профессиональные партийные «литераторы». В марксизме он, как, впрочем, почти все видные российские социал-демократы (и меньшевики, и большевики), видел скорее совокупность философских подходов, экономических и исторических законов, а не конкретные рецепты, не применимые ни в царской, ни в советской России. И в «Кратком курсе», и в своей практической деятельности Сталин пытался, как мог, реализовать марксистские идеи. При этом о цене подобного эксперимента ни он, ни его товарищи и противники, так же веровавшие в учение К. Маркса, не задумывались.

Анализируя взгляды трёх основных соавторов «Краткого курса», Зеленов и Бранденбергер отмечают: «Для Ярославского “кирпичиком” исторического процесса был факт, для Поспелова и Сталина – событие (как связь неких фактов). Исторический факт для Ярославского – это, прежде всего, факт реконструкции прошлого. И мнение историка должно соответствовать историческим реконструктивным фактам (так в тексте. – С.В.). ... Для Сталина и Поспелова факт сам по себе ничего не значит, поскольку находится в ряду других фактов, вилетён в цепочку причин и следствий и иерархии отношений. И мнение историка должно опираться на другие авторитетные мнения» (с. 34). Таким образом, «Ярославский создавал реконструкцию живой ткани истории партии, Поспелов – схематичное отражение взаимосвязей, а Сталин хотел поднять описание истории партии на теоретическую высоту. *Из истории партии Сталин хотел сделать теорию партии* (выделено мной. – С.В.). 16 августа 1938 г. Сталин отправил членом Политбюро, а также Ярославскому и Поспелову записку, в которой следующим образом обосновал собственные исправления текста книги: “Я исходил при этом из целесообразности подчеркнуть и выпятить теоретические моменты истории партии ввиду слабости наших кадров в области теории и ввиду настоятельной необходимости начать ликвидацию этой слабости”» (с. 37).

Очевидно, что профессиональное научное исследование для этого не подходило, требовалось нечто иное. «Обычно, – разъяснял Сталин, – история партии, как и всякая другая история, состоит в том, что излагаются факты, излагаются связно, даются некоторые намётки по части связи этих явлений между собой, затем идут хронологические даты, годы и т.д. Вот вам и история! Краткий курс истории представляет собой совершенно другой *тип истории* (выделено мной. – С.В.) партии. Собственно, история партии тут взята как иллюстрационный материал для изложения в связном виде основных идей марксизма-ленинизма... Это курс истории не обычный. Это курс истории с уклоном в сторону теоретических вопросов, в сторону изучения законов исторического развития» (с. 37). Именно поэтому поиск в «Кратком курсе» различных фактических неточностей и искажений, весьма популярный в 1990-е гг., практически не имеет смысла. Его авторы занимались не изучением или, напротив, фальсификацией истории, а применением марксистско-ленинской теории к историческому опыту большевиков. Это была изначально мифологическая «история» революционно-го «чуда».

343 текста, включённые Зеленовым и Бранденбергером в сборник, прекрасно отобраны и снабжены солидными комментариями. Нельзя не обратить внимание на археографическую подготовку издания. Единая, нормативно закреплённая, методика публикации историко-партийных документов до сих пор не выработана. Действующие «Правила издания исторических документов в СССР» вышли в 1990 г. и с тех пор не переиздавались. Между тем только в 1993 г. появился Архивный фонд РФ, объединивший с государственными бывшие партийные хранилища. Тогда же исследователям стал доступен новый пласт источников, включая протоколы заседаний и материалы «особых папок» Политбюро. И вскоре выяснилось, что «Правила» 1990 г. не всегда подходят для точной передачи партийного делопроизводства, нормы которого складывались на основании директив ЦК РКП(б) и его рабочих коллегий в 1919–1920-е гг., и в первую очередь должны были обеспечить секретность⁴.

В этих условиях историкам-архивистам приходится делать выбор: рассматривать археографию как набор *прикладных* требований и, соответственно, строго соблюдать существующие «Правила» или же видеть в ней *научную (развивающуюся) вспомогательную историческую дисциплину* и не ограничивать себя жёстко прецедентами, зафиксированными в 1990 г. Зеленов и Бранденбергер выбрали второй путь и сразу оговорили, что публиковать документы они будут «в соответствии с научно-критическими приёмами, выработанными российской (точнее было бы написать – советской. – С.В.) археографической школой (Валк, Ирошников) и по правилам современной орфографии и пунктуации» (с. 59). В предисловии они дают подробные рекомендации тем, кто занимается подготовкой к публикации материалов Политбюро ЦК ВКП(б) и «особых папок» (с. 41–49, 59–60). По сути, это тема для специальной статьи, которая, несомненно, заинтересовала бы читателей «Вестника архивиста» и «Отечественных архивов», тем более, что, судя по указанию на обороте титула, данные предложения были одобрены Научным советом РГАСПИ. В целом приёмы Зеленова и Бранденбергера вполне могут найти последователей и, вероятно, будут учитываться в дальнейшем как при подготовке документальных сборников, так и при составлении новой редакции «Правил».

Однако в ряде случаев составителям лучше было бы придерживаться сложившейся практики. Так, едва ли есть необходимость указывать копияность под датой (с. 657), а не выносить её, как полагается, в легенду. Графическое выделение авторских подчёркиваний Сталина неоправданно, а его резолюции вполне могли быть приведены без набранного вразрядку заголовка по общим правилам: к документу в целом – под основным текстом, а к отдельным частям – в подстрочных примечаниях (с. 59, 573 и др.).

Оформление контрольно-справочных сведений далеко не всегда удачно. В легендах встречаются малопонятные записи: «Опубл.: 1) ВИ. 2003. № 4. С. 16–22 (стенограмма речи Сталина); 2) Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) 1923–1938 гг. В 3 т. Т. 3: 1928–1938 гг. / под ред. Л.П. Кошелевой, Л.А. Роговой, О.В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2007. С. 677–755 (вся стенограмма с небольшими

расхождениями)» (с. 495). Как тут уяснить, что имели в виду составители – расхождения публикации сталинского выступления в «Вопросах истории» и в стенограммах заседаний Политбюро или текста сборника и отложившихся в архивах документов? Не проще ли было дать привычное пояснение: «Печатается по тексту...»?

К сожалению, есть в книге и небольшие неточности, разумеется, не снижающие значимости этого фундаментального труда. Так, в предисловии говорится о «центральной органе ЦК ВКП(б) газете “Правда”» (с. 3). Однако по сложившейся традиции, несмотря на ликвидацию «двоецентриа», ещё в РСДРП было принято говорить и писать о Центральном органе *партии*, а не *ЦК партии*⁵. Публикаторам, вероятно, следовало просто привести подзаголовок газеты: «Орган Центрального комитета и МК ВКП(б)».

Сборник содержит солидный научно-справочный аппарат, включающий обширное предисловие, перечень использованных архивных материалов, библиографию, аннотированный указатель имён, примечания по тексту и его содержанию. Каждую главу сборника открывает краткая вводная статья, очерчивающая исторический и историографический контекст публикуемых документов.

В ходе подготовки сборника составителями был выявлен корпус источников, вполне достаточный для многотомного издания. Тем не менее для того, чтобы обеспечить цельность публикации, они вполне оправданно включили в неё и некоторые ранее публиковавшиеся документы, «пожертвовав» частью впервые выявленного архивного материала. Так, в книге приводится напечатанная 20 лет назад Н.Н. Масловым стенограмма совещания пропагандистов, посвящённого выпуску «Краткого курса» (с. 421). Логичным продолжением предложенной М.В. Зеленовым и Д. Бранденбергером работы станет появление не только второй части задуманного ими двухтомника, но и специального источниковедческого исследования, в котором детально анализировалась бы судьба «Краткого курса» – от возникновения и осуществления замысла до влияния на историографию и общественную мысль советского времени и современности.

Примечания

¹ Некоторые промежуточные варианты, к сожалению, пока ещё не обнаружены исследователями (с. 13).

² Результатом стала опала: трёхлетняя ссылка по делу мифического «Меньшевистского центра» и последующие репрессии. Подробнее см.: *Рокитянский Я. Г.* Политическая деятельность академика Д. Б. Рязанова // *Известный и неизвестный Д. Б. Рязанов (1870–1938)*. М., 2011. С. 61;

Васина Л. Л. Д. Б. Рязанов и издание наследия Маркса и Энгельса // Там же. С. 191.

³ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 320–321.

⁴ См.: *Куренков Г. А.* От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП(б)–ВКП(б). 1918–1941 гг. М., 2015.

⁵ См.: *Войтиков С. С.* «Железная когорта ленинской гвардии». К вопросу о вождях большевистской фракции и партии в 1903–1930-е гг. // *Военно-исторический архив*. 2015. № 4. С. 65–66.

Наши авторы

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Базаров Борис Ванданович, доктор исторических наук, профессор, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, академик РАН (Улан-Удэ)

Беккин Ренат Ирикович, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, профессор РАН; научный сотрудник Университета Седерторн (Швеция)

Беляева Вероника Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Войтиков Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, главный специалист Центрального государственного архива города Москвы

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Избасарова Гульбану Болатовна, кандидат исторических наук, доцент, докторант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кирсанов Роман Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Козляков Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина

Кондратьев Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета

Литвинов Владимир Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Магарамов Шарафетдин Арифович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала)

Маджун Джамиля Сулеймановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Республики Кыргызстан (Бишкек)

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Панасюк Виктор Вячеславович, старший преподаватель Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Твердюкова Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Тот Юрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ульянова Галина Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Хормач Ирина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Ченцова Вера Георгиевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Объединённого научного центра UMR 8167 «Восток и Средиземноморье» (Париж, Франция)

СОДЕРЖАНИЕ

Факты и преломления

К.Ю. Ерусалимский

Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики 3

В.Н. Козляков

«За царскую честь война весть»: время и причины принятия решения о начале войны с Речью Посполитой в середине XVII в. 32

Страны и границы

Б.В. Базаров

Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв. 49

Ш.А. Магарамов

Российско-дагестанские дипломатические отношения накануне Каспийского похода Петра I 56

И.А. Хормач

«Международный терроризм», Лига Наций и позиция СССР в 1934–1938 гг. 62

Автор и документ

Ю.В. Том

Сенатор Ф.П. Ключарёв и его записка «О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления» 80

Лица и взгляды

Е.А. Крестьянников

В.А. Арцимович в Сибири 91

Институты и общности

Г.Б. Избасарова

Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. 103

Д.С. Маджун

Социально-экономическое положение киргизов и дунган Семиречья накануне восстания 1916 г. 113

Д.А. Аманжолова

Некоторые проблемы изучения истории восстания 1916 г. в Средней Азии 125

В.П. Литвинов

Государство и паломничества мусульман в Туркестане 139

Р.И. Беккин

Имам Якуб Халеков и мусульманская община советского Петрограда–Ленинграда 148

Сюжеты и эпизоды

В.В. Панасюк

Столыпинская аграрная реформа и российская провинция (по материалам Калужской губернии)..... 157

Е.Д. Твердюкова

Продажа товаров в рассрочку как вид потребительского кредитования в СССР (конец 1950-х – 1980-е гг.)..... 168

Р.Г. Кирсанов

Кооперативы в годы перестройки: сложности и противоречия становления частного бизнеса в СССР..... 181

Профессия и сообщество

К.А. Соловьёв

В.В. Шелухаеву 75 лет: историографические заметки..... 195

Обзоры и рецензии

В.Г. Ченцова – Nicolae Milescu Spătarul. Dicţionarul greco-slavo-românolatin (secolul al XVII-lea) / Греческо-славянско-румынско-латинский словарь (XVII век) / Greek-Slavonic-Romanian-Latin dictionary (17th century)..... 201

В.Н. Беляева, А.В. Морохин – А.В. Беляков. Писцовая книга мордовских сёл Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5; Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. 205

Г.Н. Ульянова – Т.В. Юденкова. Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX в. 207

С.В. Кондратьев – P. Dukes. A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era..... 211

С.С. Войтиков – Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. Ч. 1... 214

Наши авторы 219

CONTENTS

Facts and reflections

K.Yu. Erusalimskiy (Russian State University for the Humanities, Moscow)

Moscow-Lithuanian War of 1562–1566 and the establishment of *oprichnina*: problems of demography and land policy 3

V.N. Kozliakov (Esenin Ryazan State University, Russia)

«To make war for the Tsar's honor»: time and reason of decision to start the war with Polish-Lithuanian Commonwealth in the mid 17th century 32

Countries and borders

- B.V. Bazarov (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude)*
Annexation of the Northern Mongolia to Russia: geopolitical partition of the Mongolian world in the XVII–XVIII centuries 49
- Sh.A. Magaramov (Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala)*
Russian-Dagestani diplomatic relations on the eve of the Caspian campaign of Peter I ... 56
- I.A. Khormach (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«International terrorism», the League of Nations, and the position of the USSR in 1934–1938 62

Document and its author

- Ju.V. Tot (Saint-Petersburg State University, Russia)*
Senator F.P. Kljuchariov and his report «Concerning the better order of civil government in the provinces» 80

Persons and views

- E.A. Krestyannikov (Tyumen State University, Russia)*
V.A. Artsimovich in Siberia 91

Institutes and communities

- G.B. Izbassarova (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
Amanat in the traditional Kazakh society and the Russian policy in the 18th century 103
- D.S. Madzhun (Centre for Dungan and Chinese studies, National Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyz Republic)*
Social and economic situation among the Kirgiz and Dungan population of the Central Asia on the eve of the uprising of 1916 113
- D.A. Amanzholova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Some issues of studying the 1916 uprising in Central Asia 125
- V.P. Litvinov (Buntn Yelets State University, Russia)*
Imperial authorities and the Muslim pilgrimage within Turkestan 139
- R.I. Bekkin (Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Södertörn University, Stockholm, Sweden)*
Imam Yaqub Khialekov and the Muslim community in Soviet Petrograd–Leningrad 148

Scenarios and episodes

- V.V. Panasiuk (Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy)*
Stolypin's land reform and Russian regions (the case of Kaluga province) 157
- E.D. Tverdyukova (Saint Petersburg State University, Russia)*
Payment for the goods by installments as a form of consumer credit in the USSR, the late 1950s–1980s 168

<i>R.G. Kirсанov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Cooperatives in the years of perestroika: challenges and contradictions of the formation of private business in the USSR	181
---	-----

Professional community

<i>K.A. Soloviev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> V.V. Shelokhaev's 75th jubilee: some historiographic notes.....	195
---	-----

Reviews

<i>V.G. Tchentsova (Unité Mixte de Recherche 8167 Orient et Méditerranée, Paris, France)</i> Rec. ad op.: Nicolae Milescu Spătarul. Dicționarul greco-slavo-romăno-latin (secolul al XVII-lea) / Греческо-славянско-румынско-латинский словарь (XVII век) / Greek-Slavonic-Romanian-Latin dictionary (17th century).....	201
<i>V.N. Beliaeva, A.V. Morokhin (both – Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia)</i> Rec. ad op.: A.V. Beliakov. Pistsovaia kniga mordovskikh sel 138-go (1629/30) goda // Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva. Vol. 5; Pripravochnyi spisok s dozornoj knigi goroda Temnikova i Temnikovskogo uezda 1613/14 g.	205
<i>G.N. Ulianova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: T.V. Yudenkova. Tretyakovy: mirovozzrencheskie aspekty kollektcionirovani- ya vo vtoroi polovine XIX v.	207
<i>S.V. Kondratiev (Tyumen State University, Russia)</i> Rec. ad op.: P. Dukes. A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era.....	211
<i>S.S. Voitkov (Central state archive of Moscow city, Russia)</i> Rec. ad op.: Kratkiy kurs istorii VKP(b). Tekst i ego istoriia. In 2 vols. Vol. 1.....	214
Contributors to this issue.....	219

Сдано в набор 04.10.2016 Подписано в печать 06.12.2016 Дата выхода в свет 23.01.2017 Формат 70 × 100^{1/16}
Печать офсетная Усл.печ.л. 18,2 Усл.кр.-отт. 15,0 тыс. Уч.-изд.л. 25,2 Бум.л. 7,0
Тираж 804 экз. Зак. 957 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: ФГУП Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 8-499-723-69-10

Оригинал-макет подготовлен ФГУП Издательство «Наука»

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099 Москва, Шубинский пер., 6